АКАДЕМИЯ НАУК СССР

МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ и ПРОБЛЕМА КЛАССИФИКАЦИИ ЯЗЫКОВ

ГМ6
М80

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ И ПРОБЛЕМА КЛАССИФИКАЦИИ ЯЗЫКОВ

71768

УНИВЕРСИТЕТ
ДРУЖБЫ НАРОДОВ
Научная библиотека

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА — 1965 — ЛЕНИНГРАД

АННОТАЦИЯ

Работа представляет собой коллективный труд, содержащий в подготовленном для печати виде доклады и сообщения, сделанные представителями различных языковедческих учреждений Москвы и Ленинграда на дискуссии, посвященной морфологической структуре слова, преимущественно в языках агглютинативного типа (Ленинград, 1961 г.). Основное внимание в труде уделяется общим теоретическим вопросам морфологической типологии языков и проблеме их классификации. В качестве материала привлекаются различные языки тюркской, монгольской, тунгусо-маньчжурской, финно-угорской, иберийско-кавказской и палеоазиатской групп в сопоставлении с языками индоевропейскими и некоторыми дальневосточными.

Сборник представляет большой интерес для специалистов по агглютинативным языкам, а также для всех лингвистов, работающих над проблемами общей теоретической грамматики.

Ответственные редакторы

Б. А. СЕРЕБРЕННИКОВ и О. П. СУНИК

93

100 72 D

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРОВ

Вопросы морфологической структуры слова давно уже находятся в центре внимания не только описательной грамматики, но и грамматики исторической. Результаты изучения морфологического строя различных языков или языковых групп служили и продолжают служить базой для многих типологических обобщений, тесно связанных прежде всего с известными опытами морфологической классификации, излагаемыми обычно в учебных пособиях по общему языкознанию.

Сфера применения типологических исследований не может быть, конечно, ограничена только рамками морфологического строя, а цели и задачи лингвистической типологии нельзя сводить к опытам морфологической классификации. Но роль и значение морфолого-типологических исследований трудно пока переоценить. Они нужны для создания полноценных научных грамматик отдельных языков и сравнительных грамматик групп родственных языков, а также для разработки проблем общей теоретической грамматики. Они необходимы как для решения проблем лингвистической типологии, охватывающей все стороны языковой структуры, так и для создания полноценной типологической классификации языков, отвечающей требованиям современной науки.

Исходя из этих соображений, Институт языкознания Академии наук СССР вслед за общей дискуссией, посвященной вопросам морфологической структуры слова, получившей уже достаточно полное освещение в печати, провел специальную дискуссию, на которой были обсуждены вопросы структуры слова в языках, называемых агглютинативными (или агглютинирующими), в сопоставлении их с языками других типологических подразделений.

К языкам агглютинативного типа (иначе строя) принято относить (иногда с оговорками, а чаще безоговорочно) великое множество языков Азии и Африки, Америки и Европы, языков различных племен и народов, письменных и бесписьменных, живых и мертвых, языков, на которых говорит несколько десятков человек, и языков, на которых говорят миллионы.

Широкоизвестные, кажущиеся на первый взгляд очень простыми и вполне ясными определения понятий «агглютинация», «агглютинативный тип языка» (они содержатся в любом учебнике по курсу «Введение в языкознание») при более внимательном рассмотрении и учете конкретных данных соответствующих языков оказываются во многих отношениях сомнительными.

К числу проблем, непосредственно связанных с изучением агглютинативных языков, относятся: вопрос о морфологическом составе слова и особенностях его структурных компонентов, вопрос о различных типах агглютинации и о соотношении их с иными, неагглютинативного типа, явлениями.

Так, известно, что в языках, именуемых агглютинативными, сплошь и рядом встречаются явления, свойственные, например, языкам, называемым флективными, а в этих последних, как и в некоторых иных, отмечаются явления, присущие языкам агглютинативным. Все эти и многие другие вопросы типологии подчинены более широкому, но еще менее ясному вопросу: что такое морфологический тип языка?

Удовлетворительного ответа на этот естественный вопрос ни сторонники известной морфологической классификации, признающие ее полезной и необходимой, ни те, кто находит ее безнадежно устаревшей, пока не дали, хотя некоторые общие рекомендации для решения этого вопроса на упомянутой дискуссии были намечены.

В целях объективного освещения особенностей структуры слова агглютинативных языков, а также для определения понятия «агглютинация» весьма полезными оказались типологические сравнения агглютинативных языков с языками других типов, прежде всего тех, в которых отмечаются явления, свойственные главным образом агглютинативным языкам. Именно таким путем — путем специальных сравнительно-типологических исследований — могут быть раскрыты характерные черты как языков, именуемых агглютинативными, так и языков всех иных типов. Только углубленные типологические исследования могут дать необходимые основания для строго научного решения вопроса о типе языка и, следовательно, о типологической классификации, отвечающей требованиям современной лингвистики.

Предлагаемый коллективный труд представляет собой второй выпуск в серии трудов Института языкознания, посвященных очерченным выше типологическим проблемам. Он является прямым продолжением и, как нам представляется, развитием теоретических идей, получивших свое предварительное освещение в изданном уже Институтом языкознания первом выпуске — «Морфологическая структура слова в языках различных типов» (Издательство АН СССР, М.—Л., 1963).

Будучи, таким образом, еще одним шагом на пути реализации той программы коллективных исследований, которая объявлена в редакционном предисловии к первой, выше названной книге, настоящий сборник в основном также состоит из переработанных для печати докладов и сообщений, прочитанных в декабре 1961 г. в Ленинграде на специальной конференции, о которой уже упоминалось и в работе которой участвовали языковеды ряда лингвистических учреждений Москвы, Ленинграда и некоторых других городов страны.

СОКРАЩЕНИЯ

АН — Академия наук.
букв. — буквально.
ВЯ — журнал «Вопросы языкознания». Москва.
ГПИ — Государственный педагогический институт.
Докл. — Доклады.
досл. — дословно.
Изв. — Известия.
ИЯ — Институт языкознания (Академии наук СССР).
Кр. — Краткие (сообщения).
ЛГУ — Ленинградский государственный университет.
МГУ — Московский государственный университет.
МСС — Сборник «Морфологическая структура слова в языках различных типов». М.—Л., 1963.
ОЛЯ — Отделение литературы и языка.
Сообщ. — Сообщения.
СЯ — Э. Сепир. Язык. (Русск. перевод). М.—Л., 1934.
ТД 1 — Тезисы докладов на открытом расширенном заседании ученого совета Института языкознания АН СССР, посвященном дискуссии о морфологической структуре слова в языках различных типов. Л., 1960.
ТД 2 — Тезисы докладов на открытом расширенном заседании ученого совета Института языкознания АН СССР, посвященном дискуссии о понятии агглютинации и агглютинативного типа языков. Л., 1961.
Тр. — Труды.
Уч. зап. — Ученые записки.

Б. А. Серебренников

ПРИЧИНЫ УСТОЙЧИВОСТИ АГГЛЮТИНАТИВНОГО СТРОЯ И ВОПРОС О МОРФОЛОГИЧЕСКОМ ТИПЕ ЯЗЫКА

Возникновение агглютинативного способа соединения морфем само по себе не является проблемой. Элементы агглютинации имеются в языках самого различного строя — в семитских, индоевропейских, китайском и мн. др. Степень распространения элементов агглютинации в разных языках весьма различна. Типы агглютинации многообразны, и историческое развитие агглютинативного способа соединения морфем во многом зависит от того, с какими другими способами соединения морфем он сочетается в данном языке. Поэтому китайская агглютинация отнюдь не тождественна турецкой, и неверной является неизменно повторяющаяся во всех учебниках по курсу «Введение в языкознание» мысль о существовании в языках чистой агглютинации турецкого типа.

Агглютинативный способ соединения морфем не связан с какой-либо определенной эпохой: он может возникнуть в любую эпоху, в языках древних и языках новых. В образовании морфологического строя языков наблюдается известная последовательность: первоначально самостоятельное слово превращается в служебное; служебное слово может превратиться в суффикс с более или менее четкими границами (агглютинация); в дальнейшем такой суффикс может превратиться в более прочно спаянный со словом форматив, образуя тем самым соединение типа флексии индоевропейских языков. Различные внутренние противоречия флективного строя приводят к его распаду и образованию аналитического строя. Новые служебные слова могут снова превращаться в морфемы, возникает новый агглютинативный строй. Отмеченные в самых различных языках, эти процессы ввиду их абсолютной очевидности и всеобщей известности не рассматриваются специально в настоящей статье. Проблемным может быть другой вопрос: почему агглютинативный строй, раз возникнув, сохраняется иногда на протяжении многих столетий и даже тысяч лет?

Само собой разумеется, что эту проблему правомерно ставить только по отношению к языкам такого типа, где распростране-

ние агглютинативного способа соединения морфем достигло почти полной абсолютизации. В нашей статье речь будет идти об агглютинации тюркского и восточноугро-финского типа, поскольку в этих языках агглютинативный строй представлен, по нашему мнению, в его наиболее чистом виде.

Может показаться, что причина длительной устойчивости агглютинативного строя языков таится в каких-то совершенно особых процессах исторического изменения слов и их формы в агглютинативных языках, совершенно не свойственных языкам другого морфологического строя, например флективным. Однако такое предположение было бы ошибочным. Агглютинативным языкам свойственны те же процессы исторического изменения слов и форм, которые обычно наблюдаются и в других языках. Эти процессы следующие:

1) возникновение чередования конечных согласных основ, например: чуваш. *jat* 'имя' — *jaž-ə* 'его имя'; турецк. *birlik* 'союз' — *birlij-i* 'его союз (объединение)'; ненецк. *tubka* 'топор' — вин. падеж мн. числа *tubci*; фин. *terveys* 'здоровье' — род. падеж ед. числа *terveyd-en*;

2) возникновение чередования гласных, например: новоуйг. *at* 'лошадь' — *etler* 'лошади'; ненецк. *jaha* 'река'—вин. падеж мн. числа *jesi*; *ja* 'земля'—вин. падеж мн. числа *jo*; норв.-саам. *gi* 'который'—*goen* 'которого'; норв.-саам. *doalam* 'я прихожу' — *dollim* 'я пришел'; кольско-саам. *varr* 'путь' — дат.-напр. падеж *vorrə* 'в путь' и т. д.;

3) возникновение внутреннего и внешнего сандхи, например: марийск. *jolgorno* 'пешеходная тропинка' (из *jol* 'нога' и *korno* 'дорога'); *ruž ulam* 'я русский' (из *ruš ulam*); чуваш. *Jelena duxrĕ* 'Елена вышла' (из *Jelena tuxrĕ*); эрзя-мордов. *od dikše* 'молодая трава' (из *od tikše*) и т. д.;

4) разрушение конца слова, например: татар. *su* 'вода', исторически из *suγ*, *suv* (ср. глагол *suγar-* 'оросить'), крымско-татар. *suv*, башк. *hyw*; коми-зырян. *kos* 'поясница' (из *kosk*); удм. *šyr* 'мышь'; фин. *hiiri* и т. д.;

5) случаи переразложения основ, например: коми-зырян. *mi* 'мы', но дат. падеж мн. числа *mijan-ly*, где была использована в качестве основы форма род. падежа мн. числа *mijan*; татар. *qyzny* 'девушку' (исторически из *qyzy*), где *n* перенесено от основ личных местоимений (ср.: *min* 'я', *sin* 'ты' и т. д.);

6) многочисленные случаи ассимиляции согласных, например: татар. *qazan* 'котел' — мн. число *qazannar* 'котлы' (вместо *qazanlar*); башк. *at* 'лошадь' — мн. число *attar* 'лошади' (вместо *atlar*) и т. д.

Основное отличие агглютинативных языков рассматриваемого нами типа от индоевропейских состоит лишь в том, что некоторые из этих процессов, например возникновение аблаута, для

них не типичны и встречаются в довольно редких случаях. Причины устойчивости агглютинативного строя языков, очевидно, заключаются в чем-то другом. Предварительные изыскания в этой области показали, что при выявлении причин устойчивости агглютинативного строя языков необходимо рассмотреть прежде всего два фактора: 1) отсутствие в агглютинативных языках классного деления имен существительных и 2) наличие твердого порядка слов: определение + определяемое. Эти два основных фактора имеют в агглютинативных языках далеко идущие следствия, которые мы ниже постараемся рассмотреть более подробно.

* * *

Отсутствие классного деления имен существительных в агглютинативных языках способствует возникновению в них в основном стандартной и единой парадигмы склонения с аксиальной, или осевой, структурой.

Как известно, в древних, а также в значительной степени в новых индоевропейских языках корень слова почти никогда в именительном падеже не выступает в чистом виде. Имя существительное в индоевропейских языках в именительном падеже выступает как комплекс морфем, в котором корневая морфема осложнена другими морфемами, представленными классными показателями. В качестве наглядного примера может быть приведено греч. λόγος ‘речь, слово’. Здесь корень *log″*, чередующийся с *leg″*, осложнен основообразующим гласным основы *-o* и показателем мужского рода *-s*. Эти классные показатели отражают по крайней мере два исторических периода — период возникновения первичных классных показателей и период возникновения вторичных классных показателей. Первичные классные показатели оставили следы в конечных гласных основ и некоторых согласных. В древних индоевропейских языках различались основы на *-ā*, *-o*, *-u*, *-i* и т. д. Вторичные классные показатели были представлены родовыми формантами. Частично в роли формантов рода были использованы первичные показатели.

Склонение имен в индоевропейских языках древнейшей поры их существования, по всей видимости, напоминало склонение имен существительных в тюркских языках, где каждый падеж имел одно стандартное окончание. С точки зрения формальной логики такое положение вещей является вполне нормальным и нисколько не препятствует языку быть средством общения. Если в языках возникает многообразие типов склонения, то причиной этого могли быть различные осложняющие обстоятельства. Различные изменения конца слов в индоевропейских языках, а также случаи слияния основообразующих гласных с глас-

ными падежных окончаний привели к довольно большому числу различных типов склонения. Почти каждая основа имела свой тип изменения по падежам. В результате действия аналогии происходило перемешивание падежных окончаний разных типов склонения. История падежных окончаний в индоевропейских языках отличается большой сложностью. Возьмем для примера новогреческую форму множественного числа от основ на древнее *-ā* типа χώρα 'страна', χῶρες 'стра́ны'. Наиболее древним окончанием мн. числа существительных на *-ā* было *-ās*. Следовательно, форма мн. числа от *χ̣ōrā* некогда звучала как *χōrās*. Позднее под влиянием местоименных форм мн. числа типа *tai* эти основы на *-ā* получили местоименное окончание *-ai*, откуда в древнегреческом *χōrai* 'стра́ны'. В новогреческом языке под влиянием мн. числа существительных типа πατέρες существительные типа χώρα получили новый формант мн. числа *-es*. Таким образом, новогреческое окончание -ες у существительных типа χώρα представляет собой результат трех коренных преобразований.

В индоевропейских языках необычайно увеличилось количество вариантов основы в пределах одной парадигмы. Ср. в латинском *genus* 'род' — род. падеж ед. числа *gener-is*; в древнегреческом им. падеж ед. числа γιγας, род. падеж ед. числа γιγάντ-ος. Вариантность в значительной степени усиливалась вторжением падежных окончаний других типов склонений под влиянием аналогии; ср. гот. *broþar* 'брат' — вин. падеж мн. числа *broþru-ns* (результат влияния основ на *-u*). В ряде случаев имела место фузия конечного гласного основы и падежного окончания или окончания мн. числа. Ср. греч. λόγος 'слово' — род. падеж ед. числа λόγου, причем древняя форма, возможно, была **logoso*; лат. *populus* 'народ' — дат. падеж мн. числа *populīs* из *populois* > *populeis*, где в *ī* оказались слиты конечный гласный основы *o* и гласный падежного окончания *-ois* (более древняя форма *-ōis*).

Процесс умножения вариантов основ одновременно сопровождался утратой некоторых падежных окончаний и так называемым падежным синкретизмом. Так, в истории латинского языка дат. падеж ед. числа основ на *-o* имел окончание *-oi*, например: *populōi* 'народу'. Отложительный падеж ед. числа от тех же основ имел окончание *-ōd*: *populōd* 'от народа'. Вследствие отпадения конечного *i* в первом случае и конечного *d* во втором две ранее различные формы *populōi* и *populōd* слились в одной — *populō*. Необходимо заметить, что полисемантизм морфем в индоевропейских языках во многом объясняется синкретизмом. Все эти процессы обусловлены пятью основными причинами.

1) Конкретные значения древних классных показателей (показателей основ) в связи с возникновением нового классного

деления имен существительных по родам постепенно утратились и превратились в десемантизованные морфемы, выступающие в роли чисто структурных, технизованных компонентов словоформ. Это обстоятельство в значительной мере ослабляло их сопротивляемость процессам слияния и выпадения звуков.

2) Некоторые окончания падежей в индоевропейских языках начинались с гласного, который мог подвергнуться слиянию с гласным показателем основы.

3) Возникновение разноместного силового ударения на определенном этапе развития индоевропейских языков облегчало процессы выпадения и слияния гласных, что также способствовало увеличению вариантности словоформ.

4) Возникновение вариаций падежных окончаний при сохранении их значений облегчало возможности переноса падежных окончаний по аналогии, что в еще большей степени способствовало умножению типов склонения.

5) Увеличению вариантности словоформ способствовало также довольно широкое использование в индоевропейских языках аблаута.

Все эти пертурбации привели к тому, что уже древние индоевропейские языки утратили, по-видимому, некогда им присущее аксиальное строение парадигмы, когда все падежные окончания присоединялись к одной основе. Для индоевропейских языков типичным стал атомизм форм. Отдельная форма стала самодовлеющей. Четкое различение границ между морфемами часто оказывалось ненужным, утрачивало свою первоначальную значимость. Вместе с увеличением полисемантичности морфем усиливалась роль контекста. Примерно те же процессы осуществлялись и в сфере глагола, хотя они и обладали своей спецификой.

Совершенно по-иному обстояло дело в агглютинативных языках. В этих языках не было классного деления имен существительных. Корень слова, не будучи отягощен классными показателями, в именительном падеже мог выступать в чистом виде. Благодаря наличию этой особенности он стал организующим центром всей парадигмы склонения. Парадигма склонения в агглютинативных языках имеет ярко выраженную аксиальную структуру: все падежные окончания ряда ед. числа присоединяются к основе им. падежа ед. числа и все падежные окончания ряда мн. числа присоединяются к основе им. падежа мн. числа. Этим обеспечивается стандартность парадигмы склонения, типичная для агглютинативных языков. Аксиальная структура парадигмы и отсутствие классных показателей не создавали почвы для возникновения множества типов склонения. Тем самым устранялась возможность смешения падежей различных типов склонения.

В тесной зависимости от аксиальной структуры парадигмы находятся также некоторые характерные для агглютинативных языков особенности ударения. В отличие от флективных языков ударение в агглютинативных языках стремится занять строго фиксированное и вполне определенное место. Обычно оно падает или на первый слог слова или на последний слог. Это явление легко объясняется тем, что при наличии в агглютинативных языках четкой структуры форм совершенно отпадает необходимость использования разноместного ударения как средства различения форм. Конечно, из этого общего правила могут быть исключения, но они не являются для агглютинативных языков типичными.

Интересно отметить, что аксиальная структура парадигмы в агглютинативных языках оказала довольно сильное влияние на характер фонетических процессов, происходивших в этих языках. Аксиальная структура парадигмы неразрывно связана с тенденцией к сохранению ясных границ между морфемами; эта тенденция одновременно играла роль тормоза, препятствующего возникновению значительных звуковых изменений на стыках морфем. Этим объясняется тот факт, что звуковые изменения на стыках морфем в агглютинативных языках не обладают, по сравнению с индоевропейскими языками, той степенью интенсивности, которая могла бы привести к серьезной деформации самой оси парадигмы, к деформации основы слова. Для агглютинативных языков характерно отсутствие [1] (или минимальное количество) групп согласных в начале и конце слова. Сочетание согласных в агглютинативных языках обычно наблюдается в месте морфемного раздела; ср. турецк. *bulutlar* 'облака' (*-lar* — окончание мн. числа), татар. *bardy* 'он ходил' (*-dy* — показатель прошедшего времени). Свойство агглютинативных языков избегать стечения не разделенных морфемным разделом двух, а особенно трех согласных в конце слова, равно как и стечения трех (а иногда и двух) согласных на стыках морфем, в свою очередь предохраняет падежные и другие суффиксы от деформации, устраняет возможность возникновения их большой вариантности. Конечно, нельзя сказать, что появление вариантов морфем вообще исключено. Так, например, действие закона гармонии гласных может привести к образованию вариантов падежных окончаний, тем не менее объективно тенденция к сохранению морфемного раздела в сочетании согласных и гармония гласных служат одной и той же цели — сохранению оси парадигмы.

---

[1] Типичное для чистых агглютинативных языков отсутствие сочетаний согласных в начале слова объясняется не только тем, что префиксальные морфемы в силу известных причин в агглютинативных языках не образуются (см. об этом ниже, стр. 18—19). Подобное скопление согласных, не разграниченных морфемным разделом, было бы совершенно не типично.

Стремление избежать стечения нескольких согласных на стыках морфем с очевидностью обусловливает и другую характерную особенность чистых агглютинативных языков. Известно, что чистые агглютинативные языки сравнительно бедны дифтонгами типа *ai*, *ua*, *oi*, *uo*, *ei* и т. д. Если такие дифтонги и появляются, то исторически они оказываются вторичными, возникшими из более древних сочетаний «гласный+согласный»; ср. фин. *naura* 'смех', но карельск. *nagra*. Образование большого количества дифтонгов в чистых агглютинативных языках могло бы привести к нарушению существующих границ морфемного раздела. Стечения двух гетерогенных гласных в чистых агглютинативных языках обычно оказываются на месте морфемного раздела; ср. коми-зырян. *kerka* 'дом', *kerkaō* 'в доме' (*-ō* — окончание направительного падежа), *kerkays* 'из дома' (*-ys* — окончание исходного падежа).

Наличие морфемного раздела, несомненно, препятствует образованию дифтонгов. Интересно при этом отметить, что в индоевропейских языках, которые из некогда флективных языков превратились в агглютинативные, количество дифтонгов также сильно уменьшилось; ср., например, такой язык, как армянский, обладающий необычайной скудностью дифтонгов.

Частым спутником агглютинации является гармония гласных, связанная с сохранением определенного режима, постоянного качества гласных, а иногда и согласных. Гармония гласных является, несомненно, результатом стремления агглютинативных языков к сохранению аксиальной структуры парадигмы и к ограничению возможности увеличения вариантности однозначных аффиксов (не считая тех вариантов, которые обусловлены действием самой гармонии гласных и которые не вызывают изменения оси парадигмы).

Гармония гласных создает большие препятствия для возникновения многообразия форм падежных и словообразовательных аффиксов. Так, например, при наличии в татарском языке окончания дательно-направительного падежа *-gä* при мягких основах, например: *külgä* 'в озеро', *öjgä* 'в дом' и т. д., вытеснение формантива *-gä* в этом случае такими формантами, как *-γa*, *-γy*, *γo*, *-γu* и т. д., не представляется возможным,

Самый факт подчинения закону гармонии гласных сигнализирует в агглютинативных языках превращение самостоятельного слова в форматив. Показательной в этом отношении является история происхождения окончаний современного венгерского инессива *-ban*, *-ben*, которые развились из послелога *benn*, по своей форме представляющего инессив от слова *bél* 'внутренность'. Интересно, что в древнейшем письменном памятнике венгерского языка, датируемом XIII в., когда этот послелог находился на полдороге к превращению в падежное окончание, он употреблялся

только в форме *benn*. Когда он тесно примкнул к основе слова, образовался его заднерядный вариант *-ban*; ср. *városban* ‘в городе’.

Наличие гармонии гласных и нередко сопровождающих ее явлений так называемого губного сингармонизма, противопоставление гласных по признаку ряда (гласные заднего ряда и гласные переднего ряда), связанное с гармонией гласных противопоставление согласных переднеязычных согласным заднеязычным, невозможность или ограниченность сочетаний нескольких согласных в начале слова, на стыках морфем или в абсолютном исходе слова и связанная с этими явлениями особая типология слогов являются причиной относительно большей простоты дистрибутивных отношений фонем в агглютинативных языках по сравнению с индоевропейскими языками. Эти дистрибутивные отношения, по всей видимости, являются исторически более устойчивыми, что опять-таки не может не способствовать длительному сохранению агглютинативного строя языков. Аксиальная структура парадигмы является также причиной, препятствующей возникновению в агглютинативных языках такого явления, как аблаут, который в чистых агглютинативных языках вообще не встречается. При наличии аксиальной структуры парадигмы и хорошо сохранившейся системы падежных форм в аблауте нет никакой необходимости. Глагол в агллютинативных языках также не нуждается в аблауте, поскольку все глагольные формы дифференцированы очень четко.

Как уже говорилось выше, второй основной причиной, обусловливающей устойчивость агглютинативного строя языков, является наличие твердого порядка слов в словосочетаниях типа «определение+определяемое». Соблюдение строго определенного порядка слов создает весьма благоприятные условия для развития способа примыкания как средства синтаксической связи слов, находящихся в позиции определяемого и определения.

Одной из наиболее характерных особенностей агглютинативных языков является способность имен существительных выступать в роли определения, что способствует созданию в языке словосочетаний типа манс. *nor kol* ‘бревенчатый дом’ (букв.: ‘бревно дом’) и коми-зырян. *võv jaj* ‘конина’ (букв.: ‘лошадь мясо’). Такие словосочетания отличаются гораздо большей внутренней спаянностью по сравнению с равными по значению словосочетаниями индоевропейских языков, где один из его членов имеет оформление родительного падежа или склоняемого прилагательного (типы: *дом отца* или *зеленый луг*), поскольку они приближаются к сложным словам.

Финноугроведы иногда ведут между собой спор, относится ли родительный падеж в уральских языках к древнейшему слою

падежей. Учитывая охарактеризованную выше особенность агглютинативных языков, можно почти априорно утверждать, что родительный падеж в уральских языках не мог относиться к древнему падежному слою.

В древних уральских языках отношение принадлежности выражалось путем простого соединения двух имен существительных по способу примыкания. Обско-угорские языки дают очень наглядные примеры таких соединений, ср. манс. *jā wat* 'берег реки', хант. *johan хопəŋ* (букв.: 'река берег').

Суффикс винительного падежа в преобладающем большинстве агглютинативных языков имеет артиклевое значение. Он обычно указывает на объект действия, уже известный говорящему. Это довольно загадочное явление объясняется тем, что в агглютинативных языках древнейшей поры был распространен именной строй предложения, типичной особенностью которого является замена личных глагольных форм отглагольными именами существительными, снабженными притяжательными суффиксами. Современное предложение *он рубит дерево* имело структуру типа *его дереворубка*. Можно предполагать, что соединение существительного, выражающего субъект действия, и отглагольного существительного, выражающего объект действия, также осуществлялось по способу простого примыкания. Современные формы неопределенного винительного падежа, не имеющего специального падежного суффикса, являются, по всей видимости, реликтами этого древнего состояния. Суффикс винительного падежа, выступивший первоначально в роли своеобразного постпозитивного артикля, нарушил тесную спаянность такого сочетания.

Развитие способа примыкания делает ненужным в агглютинативных языках склонение прилагательных. Действием закона «определение+определяемое» объясняется также типичная для агглютинативных языков препозиция родительного падежа; ср. коми-зырян. *voklōn piys* 'сын брата' (букв.: 'брата сын'), фин. *kansan elämä* 'жизнь народа' (букв.: 'народа жизнь').[2]

Причастия, способные выступать в роли определений, согласно господствующему в агглютинативных языках закону «определение+определяемое», естественно, стремятся предшествовать своему определяемому. Поэтому личная глагольная форма, не способная выступать в роли определения, оттесняется на самый конец предложения. Конечное положение глагола отмечается в агглютинативных языках, принадлежащих совершенно различным семьям, например в монгольских, самодийских, тунгусо-маньчжурских, тюркских, некоторых финно-угорских, японском и

[2] Действием этого же закона объясняется выдвижение на передний план различных обстоятельств, ср. турецк. *Amerikada grevler* 'забастовки в Америке'.

т. д. Закон «определение+определяемое» распространяется не только на простейшие словосочетания типа «прилагательное+существительное». В определение превращаются конструкции, рассматриваемые как развернутые определения; ср., например, татар. *Ul miŋa balyq tota torγan külnə kürsättə* ‘Он показал мне озеро, в котором ловится рыба’ (букв.: ‘Он мне рыба ловящее озеро показал’). В этом примере словосочетание с причастием *balyq tota torγan* представляет развернутое определение. Это свойство агглютинативных языков ведет к значительному уменьшению в языке роли verbum finitum и количественному увеличению отглагольных имен и причастий.

Наличие развернутых причастных определений препятствует возникновению в чистых агглютинативных языках придаточных предложений, а тезис ряда тюркологов о существовании в тюркских языках придаточных предложений особого типа, по нашему мнению, основан на чистом недоразумении. Придаточные предложения чужды агглютинативным языкам, так как сам строй этих языков не создает никакой необходимости в их возникновении, поскольку развернутые причастные конструкции являются их заменителями. Правда, в современных агглютинативных языках встречаются придаточные предложения европейского типа, но они возникли в результате влияния индоевропейских языков. Некоторые агглютинативные языки, как например западные финно-угорские, отчасти восточные финно-угорские, почти целиком восприняли европейский строй предложения. Деепричастный оборот можно также в известной мере считать развернутым наречным определением глагольного действия. Поэтому все деепричастные конструкции, подчиняясь закону «определение+определяемое», располагаются в агглютинативных языках перед главным предложением, а не после него; ср. татар. *Aqča alyp, öjgä qajttym* ‘Получив деньги, я вернулся домой’. Этим объясняется обилие в чистых агглютинативных языках деепричастных конструкций, позволяющих агглютинативным языкам обходиться без придаточных предложений европейского типа.

Все эти явления, представляющие следствие строгого соблюдения порядка слов в словосочетаниях типа «определение+определяемое», обусловливают целый ряд специфических особенностей синтаксического строя агглютинативных языков. Различные причастные и деепричастные конструкции, а также предложение с конечным положением сказуемого создают довольно строго организованные замкнутые единства. Эти замкнутые единства обладают большой устойчивостью. Косвенно они несомненно способствуют сохранению ряда других особенностей агглютинативных языков, что в конечном счете не может не способствовать длительному сохранению агглютинативного строя языков.

При наличии большого количества отглагольных имен и причастий необычайно расширяются возможности использования отглагольных имен и причастий для построения форм verbum finitum.

Отглагольное имя или причастие очень удобно для создания форм перфекта, выражающего результат действия. В древности, в эпоху господства именного строя, оно могло выражать действие вообще. Оставалось только соотнести это действие с определенным лицом или субъектом действия. Эта необходимость вызвала к жизни один из мощных факторов, способствующих сохранению агглютинативного строя,— притяжательные суффиксы. Генетически связанные с личными местоимениями и возникшие первоначально в сфере глагола, они были позднее перенесены в сферу имени; ср. фин. *talo-ni* ‘мой дом’, татар. *ata-m* ‘мой отец’, *kyz-ym* ‘моя дочь’ и т. д. Это явление на первый взгляд, казалось бы, противоречит закону «определение+определяемое», но если учесть, что притяжательные суффиксы возникли в сфере глагола, противоречие устраняется.

Возникновение притяжательных суффиксов необычайно расширило возможности образования послелогов. Первоначальным ядром послеложной конструкции было, по всей видимости, сочетание, построенное по схеме «определение+определяемое». Татар. *urman janynda* ‘около леса’ могло первоначально означать ‘в стороне леса’ или ‘в лесной стороне’ (*urman janda*). Наличие в языке притяжательных суффиксов давало возможность присоединения притяжательного суффикса ко второму члену этого сочетания, в результате чего получалась конструкция: ‘в стороне, относящейся к лесу или принадлежащей лесу’.

Послелоги способствуют сохранению агглютинативного строя языков во многих отношениях. Во-первых, они намного увеличивают возможность выражения различных нюансов значений, связанных с выражением разных пространственных отношений. Сфера значений индоевропейских предлогов не так широка. Возможность выражения пространственных отношений предохраняет в свою очередь существующие местные падежи от различных смешений, взаимовлияния, исчезновения и т. д. Во-вторых, послелоги с течением времени могут превратиться в падежные суффиксы, обеспечивая тем самым постоянное воспроизводство агглютинативных прилеп, чего, например, не наблюдалось в истории индоевропейских языков, где предлоги иногда способствовали не укреплению флективного строя языков, а разрушению его и превращению в строй аналитический.

Примеров превращения послелогов в падежные суффиксы можно было бы привести довольно много; ср. например, такие падежи иньвенского диалекта коми-пермяцкого языка, как внеш-

71768

УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ Научная библиотека

ний направительный — *pyzanvõ* ‘на стол’, внешний местный — *pyzanvyn* ‘на столе’, где окончания *-võ* и *-vyn* произошли из послелогов *vylõ*, ‘на что-либо’ и *vylyn* ‘на чем-либо’. Окончание чувашского творительного падежа *-pa*, *-pe* (например: *kamba* ‘кем’ или ‘с кем’) этимологически родственно татарскому послелогу *bəlän* (например: *kəm bəlän* ‘с кем’); эстонский суффикс комитатива *-ka*, *-ga* (например: *rahaga* ‘с деньгами’, *pojaga* ‘с парнем’) восходит к послелогу *kas* ‘с’; ср. фин. *kanssa*.

По сравнению с агглютинативными языками индоевропейские языки, почти не имея послелогов, обладали очень незначительными возможностями для создания новых падежных окончаний. Утрата падежных флексий иногда компенсировалась изменением коренного гласного основы; ср. склонение древнеирландского слова *fer* ‘муж’ (лат. *vir*, литов. *vyras*): им. падеж ед. числа *fer*, род. падеж *fir*, дат. падеж *fiur* и т. д.

Падежные суффиксы в агглютинативных языках очень часто образуются из так называемых послелогов. Изменяемый послелог, превращаясь в падежные суффиксы, часто заключает в себе и падежный показатель, что, конечно, не ведет к коренному изменению существующей падежной системы; ср., например, окончание современного венгерского инессива *-ban/-ben*, возникшее из послелога *benn* < *beln* — формы инессива существительного *bél* ‘внутренность’; ср. также окончание коми-пермяцкого суперэссива *vyn* < *vylyn* — формы местного падежа существительного *vyl* ‘поверхность’. Превращение послелогов в падежные суффиксы не вело к стиранию границ между формативами, таккак подобные суффиксы несли полную смысловую нагрузку. Нельзя обнаружить в агглютинативных языках ни одного случая фузии в местах соединения послелогов с корнем слова.

Постоянное воспроизводство агглютинативных прилеп из такого неиссякаемого резерва, каким являются послелоги, явилось одним из наиболее мощных факторов сохранения агглютинативного строя языков на протяжении многих столетий. Постоянное воспроизводство прилеп ведет к тому, что по аналогии и в силу своеобразий исторической инерции в агглютинативных языках создаются только прилепы и отсутствует префиксация; это в свою очередь оказывает громадное влияние на характер глагольного и именного словообразования, характеризующегося в агглютинативных языках обилием суффиксов.

Большое количество суффиксов также является известным следствием действия закона порядка слов «определение+определяемое». Корень и суффикс могут быть возведены к древнему словосочетанию, состоящему из двух слов, находящихся в отношении определения и определяемого; ср. коми-зырян. *pemydlun* ‘темнота’ (исторически: ‘темный день’). Совершенно естественно,

что такая возможность переосмысления словосочетаний подобного рода, которые в изобилии имеются в агглютинативных языках, создавала самые благоприятные условия для массового производства суффиксов.

Отсутствие префиксов в чистых агглютинативных языках объясняется действием двух основных факторов: 1) широкое использование суффиксов создавало известную силу инерции, в результате которой по аналогии использовался только суффиксальный способ словообразования; 2) для образования префиксов не было особых условий. В индоевропейских языках префикс обычно присоединяется или к глаголам или к глагольным именам существительным. В агглютинативных языках материалом для префиксов могли служить только три категории слов: наречия, послелоги и деепричастия. Категория наречий в агглютинативных языках вообще развита довольно слабо. Послелоги не могли быть использованы в качестве префиксов, поскольку препозиция послелогов в языках агглютинативного строя была бы вовсе неестественной, противореча самой их природе. Вспомогательные глаголы используются иногда в роли префиксов при отглагольных именах существительных (например, в татарском, башкирском, казахском и некоторых тюркских языках), но вообще агглютинативные языки прибегают довольно редко к такого рода способу и предпочитают передавать нюансы значений, выражаемые обычно префиксами, специальными значениями глагольных основ. В тесной связи с отсутствием префиксов находится в некоторых агглютинативных языках так называемое глухое начало слова. В таких языках, как прибалтийско-финские, обско-угорские, марийский, ненецкий, чувашский, хакасский, слова не могут начинаться со звонких согласных типа *b*, *d*, *g*, *z*, *ž* и т. д. На первый взгляд это явление может показаться загадочным. Между тем оно является прямым следствием агглютинативного строя языков. Это доказывается прежде всего тем, что глухое начало слова может встречаться только в языках агглютинативного строя. В языках иного строя оно не наблюдается.

Как указывалось выше, типичной особенностью агглютинативных языков является отсутствие префиксов. Это означает, что начало слова в агглютинативных языках в морфологическом отношении совершенно пассивно. Если в агглютинативных языках в начале слова нет значимых морфем, то, следовательно, нет в начале слова и стечения согласных, поскольку в этих языках граница раздела морфем обычно проходит между двумя согласными, если таковые в слове имеются. При наличии морфологической пассивности начала слова заметно снижается необходимость смыслоразличения в плане чисто фонологическом. Предпочтение отдается глухим согласным как фонологически менее выразительным.

Основной фокус фонемной вариативности в языках этого типа переносится в середину слова, на стыки морфем.

С абсолютно глухим началом слова тесно связана и другая особенность. В языках, имеющих абсолютно глухое начало слова, особое развитие получают сонанты, иными словами — плавные и носовые. Частотность таких слогов, как *-tet-*, *-kek-*, *-pep-*, *-ses-*, очень невелика, но частотность слогов типа *-ter-*, *-tel-*, *-ten-*, *-tem-*, *-ker-*, *-kel-*, *-ken*,- *-kem-*, *-per-*, *-pel-*, *-pen-*, *-pem-*, *-ser-*, *-sel-*, *-sen-*, *-sem-* достигает очень высокой степени. Высокой степени частотности также достигают сочетания сонантов со звонкими согласными типа *rd*, *ld*, *nd*, *rg*, *nž* и т. д. Эта закономерность может быть эмпирически проверена. Наличие абсолютно глухого начала слова очень часто связывается с ударением на первом слоге и с наличием долгих гласных, которые в известной степени компенсируют фонологическую пассивность начала слова. Интересные следствия абсолютно глухого начала слова наблюдаются в финском языке. Одной из отличительных особенностей финского языка является то, что долгие согласные в нем могут быть фонемами. Ср.: *mutta* ‘но’ и *muta* ‘грязь’, *lautta* ‘плот’ и *lauta* ‘доска’, *kisa* ‘игра’ и *kissa* ‘кошка’, *kukka* ‘цветок’ и *kuka* ‘кто’, *lume* ‘наваждение’ и *lumme* ‘кувшинчик’, *seppä* ‘кузнец’ и *sepä* ‘это’. Это свойство финского языка объясняется тем, что в начале слова в финском языке могут быть только глухие согласные.

Использование звонкости согласных как смыслоразличительного средства в абсолютном начале слова в финском языке практически исключено. Поэтому финский язык вынужден был использовать в качестве смыслоразличительного средства долготу согласных. Вместе с тем финский язык в роли смыслоразличительных средств также широко использует долготу гласных, ср. фин. *käry* ‘гарь, чад’ и *kääry* ‘сверток’, *hara* ‘борона’ и *haara* ‘ветвь’, ‘сук’, *kulo* ‘лесной пожар’ и *kuulo* ‘слух’, *tuli* ‘огонь’ и *tuuli* ‘ветер’.

Широкие возможности образования суффиксов в агглютинативных языках являются до некоторой степени причиной тенденции к однозначности суффиксов. Для того чтобы придать какому-либо суффиксу другое значение, агглютинативные языки широко используют способ уточнения значения одного суффикса путем прибавления к нему другого суффикса, в результате чего получаются целые гирлянды суффиксов.

Субъектно-объектные падежи в чистых агглютинативных языках развиты относительно слабо. Сфера родительного падежа сужена по сравнению со сферой родительного падежа в индоевропейских языках. Так называемый дательный падеж одновременно является местным и направительным падежом; винительный падеж, если он обозначает неопределенный объект действия, чаще

всего не получает никакого оформления. Значительно сильнее, чем в индоевропейских языках, развита сфера местных падежей и локативных послеложных конструкций. Наиболее типичные для агглютинативных языков локативные падежи меньше подвергнуты процессам смешения и возникновения полисемантизма, поскольку развитая система послелогов позволяет передавать самые различные нюансы локативных значений.

Выше уже говорилось о том, что чистые агглютинативные языки изобилуют причастиями, которые могут быть использованы как строительный материал для образования глагольных времен. Путем соединения причастий со вспомогательными глаголами могут образовываться формы различных времен глагола, что является также одной из причин сохранения агглютинативного строя языков. Аналитические глагольные времена обладают большей устойчивостью. Случаи контаминации форм двух аналитических глагольных времен наблюдаются довольно редко. Наоборот, неаналитические формы глагольных времен, как показывает, например, история индоевропейских языков, постоянно контаминируются.

* * *

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать вывод, что основными факторами сохранения агглютинативного строя на протяжении многих веков являются, во-первых, отсутствие классных показателей и, во-вторых, порядок слов «определение+определяемое». Эти две причины порождают различные следствия, которые в общей совокупности способствуют очень длительному сохранению агглютинативного строя языков на протяжении многих столетий и даже тысячелетий.

Отсутствие классных показателей является лишь благоприятным условием для существования агглютинативного способа соединения морфем. В связи с этим может возникнуть законный вопрос: что в данном случае является определяющим — или агглютинация определяет закон порядка слов «определение+определяемое», или, наоборот, закон порядка слов «определение+определяемое» определяет агглютинацию? Закон порядка слов «определение+определяемое» несомненно является наиболее существенным условием агглютинации, поскольку исторически каждое сочетание корня с суффиксом может быть сведено к простейшему сочетанию двух слов, находящихся в отношении определения и определяемого. Однако порядок слов, создающий необходимое условие для возникновения агглютинативных прилеп, сам в свою очередь активно поддерживается теми многочисленными следствиями, которые вытекают из природы агглютинативного строя.

Поэтому указанные два фактора самым тесным образом между собой связаны, они взаимно поддерживают друг друга.

Было бы, конечно, неправомерно думать, что в любом языке агглютинативного типа должны обязательно наличествовать все перечисленные выше особенности. Так, например, в японском языке нет притяжательных суффиксов; имена прилагательные в финском языке могут склоняться; в венгерском и мансийском языках существуют глагольные префиксы; глагол в финском, саамском, венгерском, мордовском и коми-зырянском языках не занимает конечного положения и т. д. Однако эти отдельные исключения не опровергают того факта, что большинство из охарактеризованных в данной статье особенностей все же является для языков агглютинативного строя наиболее типичным.

Особенности агглютинативных языков во многом облегчают работы историков языка, поскольку они позволяют широко применять метод девинации. Если задача создания исторического синтаксиса индоевропейских языков является очень трудным делом, то задача создания исторического синтаксиса для группы родственных агглютинативных языков облегчается во много раз. Так, например, синтаксис мордовского языка испытал очень сильное влияние русского языка, но наличие в мордовском языке ряда черт, характерных для агглютинативных языков, позволяет со значительной долей вероятности научно воссоздать некоторые особенности синтаксического строя древнемордовского языка.

Так, например, можно утверждать, что в мордовском языке древнейшей поры не было придаточных предложений и глагол занимал конечное положение в предложении. В качестве косвенных доказательств этого положения могут быть приведены следующие аргументы: 1) морфологический строй мордовского языка является в основном агглютинативным, 2) закон порядка слов «определение+определяемое» хотя и нарушается иногда под влиянием русского языка, все же прослеживается довольно четко, 3) в языке существует большое количество послелогов, 4) в полной мере развиты притяжательные суффиксы, 5) конструкции, играющие роль различных обстоятельств, располагаются перед определяемым или именем существительным (ср. эрзя-мордов. *народной хозяйстванть икеле аштиця задачат* ‘задачи, стоящие перед народным хозяйством’). Все эти косвенные данные говорят о том, что факторы, способствовавшие оттеснению глагола на конец предложения, в древнемордовском языке несомненно существовали.

Как мы видели выше, с конечным положением глагола связано развитие причастий и деепричастий, что давало языку возможность обходиться без придаточных предложений европейского типа. Надо сказать, что причастия и деепричастия в современном мордовском языке не особенно развиты, мордовские же союзы и

относительные местоимения создавались явно под сильным влиянием русского языка. Однако все эти доводы принадлежат пока к категории косвенных доказательств. Их необходимо дополнить прямыми свидетельствами. Прямым свидетельством того, что в древнемордовском языке глагол занимал конечное положение, могут служить формы типа эрзя-мордов. *невтезель* 'был показан', *аравтозель*, 'был поставлен' и т. д. Элемент *-ель* в вышеприведенных формах представляет древнюю форму 3-го лица ед. числа первого прошедшего времени от вспомогательного глагола *улемс* 'быть', соединенную с причастием прошедшего времени на *-зь*. Об этом же свидетельствуют и формы так называемого продленно-прошедшего времени в эрзя-мордовском языке типа *молилинь* 'я ходил' из *моли улинь* 'я ходящий был'. Если бы в древнемордовском языке глагол не занимал конечного положения, формы типа *невтезель*, *аравтозель*, *молилинь* и т. д. были бы невозможны. Возможность применения приемов подобного рода во много раз увеличивается в тех языках, где черты агглютинативного строя выражены особенно ярко, например в тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских и т. д.

* * *

В связи с другими поставленными на настоящей конференции проблемами мне хотелось бы высказать несколько общих соображений относительно задач типологического изучения языков и их типологической классификации.

Нетрудно заметить, что некоторым языковедам известная морфологическая классификация языков представляется не только полезной для изучения морфологии какого-либо одного языка, но и совершенно необходимой для того, что принято называть типологическим изучением языков. Типологические исследования без признания деления языков на аморфные, агглютинативные, флективные и т. п., по мнению этих товарищей, были бы, по-видимому, невозможны.

Другая часть языковедов, как об этом можно судить по их выступлениям, не склонна так миролюбиво относиться к традиционным типологическим штудиям и упомянутой выше классификации. Некоторые из них считают, что типологическим изучением языков можно заниматься не только для иллюстрации тех или иных рубрик известной типологической схемы, но и для критического преодоления недостатков этой схемы, для уяснения морфологической природы слова в каждом и во всех языках независимо от их традиционных типологических наименований.

Каковы же недостатки типологических исследований и известных типологических классификаций языков?

Я не могу не согласиться с некоторыми положениями доклада О. П. Суника. По-моему, он правильно, хотя слишком нигилистично поставил вопрос о том, что у нас пока нет цельного и исчерпывающего представления о морфологическом типе языка и что отсутствие ясного представления о морфологическом типе является источником многих ошибок и недоразумений.

В существующих учебниках по курсу «Введение в языкознание» дается чрезвычайно тощее и, я бы сказал, весьма поверхностное представление о морфологическом типе. Так, например, в отношении агглютинативных языков обращается внимание на способ соединения морфем и говорится о двух-трех сопутствующих признаках — о ясности границ между морфемами, об однозначности служебных морфем — и тем дело кончается.

Мне кажется, что дать ясное представление о морфологическом типе языка может не выбор каких-то внешних признаков и отдельных случайных черт, а только цельное описание морфологического строя языка, которое должно последовательно раскрывать существо языковой структуры.

Теоретически можно представить себе, что каждый способ соединения морфем есть свободный процесс, который в языке любой структуры (если рассматривать ее абстрагированно) может возникнуть стихийно и свободно развиваться. Но реальная действительность гораздо сложнее, потому что конкретная структура языка, очевидно, не относится безразлично к способу соединения морфем. Если сочетаемость различных способов соединения морфем в одном языке может объясняться способностью к свободному развитию этих способов, то наличие в языке одного определяющего способа всецело зависит от данной языковой структуры.

Таким образом, первая задача, которую необходимо решить для выяснения морфологического типа языка, это определение ведущего способа соединения морфем в том или ином языке. Поскольку мы утверждаем, что ведущий способ всегда определяется данной структурой языка (в противном случае он не был бы ведущим), то нашей задачей должно быть скрупулезное изучение тех характерных черт этой структуры, которые определяют ведущий способ.

Следующей задачей должно быть изучение сопутствующих способов. И эта задача может быть расчленена на несколько.

Сопутствующий способ может быть результатом свободного развития (например, элементы агглютинативности в русском языке), но может как-то определяться ведущим способом. Можно говорить об агглютинации вообще и об агглютинации в рамках изолирующего строя, что хорошо показал В. М. Солнцев. Можно говорить об инкорпорации вообще и об инкорпорации в условиях агглютинативного строя, что пытался показать М. А. Кумахов.

Может существовать фузия во флективных языках и какая-то особая фузия в рамках агглютинации, на что обратила внимание Н. В. Охотина и другие.

Возникает новая интересная проблема, связанная с выяснением понятий: «агглютинация вообще» и «агглютинация в рамках флексий», «флексия вообще» и «флексия в рамках агглютинации» и т. п.

Существенным представляется и такой вопрос: не являются ли сопутствующие способы реликтами прежнего состояния? Может быть, все особенности агглютинации в индонезийских языках или каком-нибудь другом языке являются исключением из агглютинативного способа; может быть, они представляют реликты прежних языковых состояний?

Очень важной проблемой представляется мне определение специфики ведущего способа.

Одним из наиболее положительных итогов нашей дискуссии является демонстрация того, что абстрактно понимаемый способ есть вариативный. Нет агглютинации вообще с какими-то признаками, а есть варьирующая агглютинация в разных языках. Определение специфики будет зависеть от учета соотношения ведущего способа с другими способами, а это соотношение может быть в каждом языке своеобразным.

Типологическое изучение должно включать и изучение элементов перехода в другое качество, если такие элементы имеются (ср., например, процесс эволюции некоторых индоевропейских языков в агглютинативные).

Только последовательное типологическое изучение, последовательное раскрытие ряда связанных друг с другом проблем может дать более или менее полное представление о том, что такое морфологический тип.

Когда такое описание будет дано, то и некоторые вопросы, поставленные в докладе О. П. Суника, отпадут. Он прав, отмечая, что и в одних и в других языках наличествует как агглютинативный, так и фузионный способы. Да, они имеются, но место их в каждом языке, по-видимому, различно.

О. П. Суник показывает, что и в агглютинативных и во флективных языках имеются аффиксы однозначные и многозначные. Да, и в тех и в других языках есть аффиксы и однозначные и многозначные, но особенности однозначности и многозначности могут быть в разных языках различными.

О. П. Суник говорит, что различие между морфологической структурой сопоставляемых им языков носит во всех исследованных случаях количественный, а не качественный характер. Если мы докажем, что ведущий способ определяется структурой языка, то

за внешними количественными различиями могут быть обнаружены и различия качественные.

Таким образом, после того как мы получим полное типологическое описание известных морфологических типов языков, многие ныне спорные вопросы разъяснятся, а понятие морфологического типа получит необходимую определенность.

О. П. Суник

ВОПРОСЫ ТИПОЛОГИИ АГГЛЮТИНАТИВНЫХ ЯЗЫКОВ

(К проблеме соотношения агглютинации и флексии)

1

Понятие «агглютинация» (а также «агглютинативный язык») чаще всего сопоставляется с понятием «флексия» (и соответственно — «флективный язык»). Традиционным результатом этого сопоставления оказывается резкое противоположение указанных понятий как понятий хотя в общем и однородных, но отражающих принципиально разные виды явлений. Вместе с тем оба они — и понятие «агглютинация», и понятие «флексия» — входят в более широкий круг понятий одного и того же, как принято думать, рода: «аморфность», «агглютинативность», «флективность», или «изоляция» («аморфность») «инкорпорация» («полисинтетизм»), «агглютинация», «флексия».

На метафизическом противопоставлении этих категорий, во многих отношениях не вполне выясненных и в действительности далеко не однородных (т. е. выделенных на разных основаниях), построена широкоизвестная морфологическая (типоморфологическая) классификация языков, сложившаяся в середине прошлого века и пропагандируемая в нескольких вариантах прежде всего на лекциях и в учебниках по курсу «Введение в языкознание», а затем и во многих грамматических работах, посвященных морфологии конкретных языков — изолирующего, инкорпорирующего, агглютинативного, флективного строя (или типа).

Пороки этой «ходячей», как называл ее уже полвека тому назад И. А. Бодуэн-де-Куртенэ, учебной по преимуществу классификации проявляются прежде всего в том, что общее понятие, понятие морфологического типа языка, положенное в основу частных морфологических типов (или классов) языков, не поддается сколько-нибудь удовлетворительному научному определе-

нию, логически непротиворечивому и адекватному природе классифицируемых объектов.

Неизбежным следствием этого оказывается также отсутствие сколько-нибудь удовлетворительных, научных определений, во-первых, частных морфологических типов («аморфного», «агглютинативного», «флективного» и т. д.), а во-вторых, крайне разноречивые определения таких узловых понятий, как «агглютинация», «флексия» (не говоря уже об «инкорпорации» и «аморфности»), по которым осуществлена классификация конкретных языков и установлена номенклатура соответствующих классов.

По своей теоретической шаткости, но удивительной практической устойчивости традиционная морфологическая классификация (даже после сокрушительной критики Э. Сепира) уступает, быть может, только известной каждому со школьной скамьи классификации слов по частям речи. Ведь и теоретические недостатки последней, по крайней мере со времен Г. Пауля, хорошо известны, хотя она все еще живет и действует, поскольку практическим учебным потребностям в общем удовлетворяет.[1]

Напомню здесь наиболее часто встречающиеся доводы, направленные не только на моральную поддержку доброй старой морфологической классификации («полезной и необходимой», нуждающейся лишь в «уточнении»), но и на теоретическую защиту ее давно уже расшатанных основ.

«Какая-нибудь классификация языков помимо генеалогической нужна?» — спрашивают защитники рассматриваемой классификации. «Да, нужна!» — «Что ж, пока нет совершенной новой,— говорят они,— будем пользоваться имеющейся старой»,— тем более, что, по мнению отдельных сторонников этой классификации, «деление языков на флективные, агглютинативные, аморфные до сих пор полностью сохраняет научную ценность».[2]

Едва ли такой утилитарно-декларативный подход к теоретической проблеме может содействовать преодолению недостатков старой классификации и созданию новой, совершенной. О том, какова подлинная научная (именно научная, а не учебно-методическая) ценность существующей морфологической классификации, будет видно из дальнейшего. Пока же можно заметить, что следование канонам и предрассудкам, тесно связанным с традиционной номенклатурой морфологических типов, давно уже

---

[1] См.: Г. П а у л ь. Принципы истории языка. (Русск. перевод). М., 1960, стр. 415 и сл.; ср.: Л. В. Щ е р б а. О частях речи в русском языке, в кн.: Избранные работы по русскому языку. М., 1957, стр. 63 и сл.

[2] С. Е. Я х о н т о в. О морфологической классификации языков (здесь, стр. 93); см. также: П. Я. С к о р и к. О соотношении агглютинации и инкорпорации (здесь, стр. 226), где эта классификация именуется «полезной и необходимой» в учебно-методических целях.

ничего полезного для научного исследования многих языков не дает.

Попытки теоретической реабилитации традиционного деления языков на аморфные, инкорпорирующие, агглютинирующие и т. д. нередко связаны с концепцией нечистых, смешанных или переходных типов.

Вынужденные как-то считаться с широко известными фактами сосуществования в одном языке или группе однотипных языков явлений, свойственных языкам различных традиционных типов (например, агглютинации в языках аморфных, инкорпорирующих, флективных и т. п.), сторонники традиционной схемы заявляют: «Да, в мире нет языков чисто флективных, чисто агглютинативных, чисто инкорпорирующих и т. д.».

В действительности мы, следовательно, сталкиваемся с какими-то иными типами, пока еще не определенными, представляющими собой ту или иную комбинацию из элементов различных морфологических типов, провозглашенных языковедами прошлого века. И если, тем не менее, сторонники известной классификации продолжают считать, например, тунгусо-маньчжурские языки языками агглютинативными, а чукотско-камчатские — инкорпорирующими, то это, по их словам, означает, что либо они основываются «исключительно на признании какого-либо одного типа морфем и связанного с этим способа их соединения преобладающим, ведущим», либо принимают во внимание «не все технические средства данного языка, а лишь то из них, которое является определяющим».[3]

Как и чем оправдывается такой явно односторонний подход к определению морфологического типа языка, почему именно данным, одним, но далеко не единственным «техническим средствам» придается исключительное значение, почему только они признаются «определяющими», «ведущими», «специфическими» и т. п., — сторонники концепции нечистых типов не объясняют. Нужды в таком объяснении у них не возникает, по-видимому, потому, что все ведь остается по-прежнему: старые типологические ярлыки, равно как и связанные с ними устаревшие взгляды на морфологическую структуру слова, сохраняются без каких-либо существенных изменений. Морфологический тип (или модель) слова определяется традиционным морфологическим типом языка, а этот последний иллюстрируется специально отобранными и специфически истолкованными примерами. Все другое либо игнорируется, либо упоминается только для того, чтобы затем объ-

---

[3] В. А. Аврорин. Об основных различиях между агглютинативной и флективной аффиксацией. МСС, стр. 208. П. Я. Скорик. О соотношении агглютинации и инкорпорации. ТД 2, стр. 9.

явить его нетипичным, не существенным для типологии соответствующего языка, поскольку он отнесен уже к одному из типов традиционной классификации.

Почему, например, инкорпорация, занимающая весьма скромное место в ряду других «технических средств» отдельных чукотско-камчатских языков,[4] признается «специфической чертой» структуры этих языков, «четко отграничивающей» их от языков других типов? Не потому ли, что само явление, именуемое чукотской «инкорпорацией» (вид словосложения), в плане типоморфологическом не рассмотрено, а лишь многократно названо «специфическим явлением», не сводимым, якобы, ни к типам словообразования, ни к типам словосочетания.[5]

Итак, в отличие от некоторых моих коллег, я продолжаю считать, что коренной вопрос — вопрос о том, что такое «тип языка» вообще, морфологический тип языка в частности, остается пока, как это отмечал, между прочим, и А. А. Реформатский,[6] нерешенным даже после специальных исследований в этой области, принадлежащих Э. Сепиру.[7] Теория «нечистых типов», если ее можно назвать теорией, представляется мне явно неудачной попыткой выйти из того теоретического тупика, к которому привела традиционная морфологическая классификация. Признавать языки аморфно-агглютинативными, агглютинативно-инкор-

---

[4] См. статью А. Н. Жуковой в настоящем сборнике, стр. 243.

[5] П. Я. Скорик. Грамматика чукотского языка, ч. 1. М.—Л., 1961, стр. 93, 97 и др.; ср.: В. З. Панфилов. Об определении понятия слова. МСС, стр. 138 и сл., где специфика «инкорпорирования» освещена совсем по-другому. Специфические явления, особенно если специфика их не объяснена, наблюдаются в любом недостаточно глубоко изученном языке любого типа. Построить поэтому сколько-нибудь последовательную классификацию по «специфическим явлениям» практически нельзя, даже признав возможность установления нечистых, смешанных типов. Пользуясь традиционной номенклатурой, чукотско-камчатские языки ни к какому иному типу, кроме агглютинативного, отнести невозможно, на что давно уже указывал Э. Сепир, признавший так называемые инкорпорирующие языки одним из подклассов («арьергардом») в классе агглютинативных (по технике) языков. Если верно, что слово в чукотском языке имеет, как утверждают специалисты, «агглютинативную структуру», а так называемый «инкорпоративный комплекс» этого языка в морфологическом отношении (по составу аффиксов, их значениям и по способам их соединения) ничем не отличается от простого или терминологизированного сложного слова, то именовать чукотский язык «инкорпорирующим» можно, только не считаясь с «полезной и необходимой» морфологической классификацией. То же следует сказать и о попытке назвать чукотский язык «в строгом соответствии с его структурой» не «инкорпорирующим», а «агглютинативно-инкорпорирующим», чему якобы мешает традиция да все то же «специфическое языковое явление», именуемое инкорпорацией (см.: П. Я. Скорик. Грамматика чукотского языка, стр. 81).

[6] А. А. Реформатский. Введение в языкознание. М., 1960, стр. 360.

[7] СЯ, стр. 94 и сл.

порирующими, агглютинативно-флективными и т. п.— это в сущности не только не считаться с якобы полезной классификацией, но и пренебрегать основами логики, подменять диалектику софистикой и эклектикой. Отстаивать же тот или иной вариант старой типоморфологической схемы только потому, что иначе, как утверждают отдельные языковеды, невозможно типологическое изучение языков, может, на мой взгляд, только тот, кто никогда не интересовался лингвистической типологией.

Но существуют и другие способы поддержать дряхлую морфологическую классификацию, модернизировав ее, в частности, с помощью новой терминологии. Сравнительно недавно Б. А. Успенский использовал для этого термины математики и математической логики.[8]

Поскольку языков, характеризуемых посредством рубрик и понятий традиционной морфологической классификации, в действительности либо нет совсем («аморфные» языки), либо характеристика их весьма сомнительна, их целесообразно, по мнению Б. А. Успенского, заменить «метаязыками»: априорный аморфный язык — метаязык для всех иных языков традиционных типов, инкорпорирующий язык (по Б. А. Успенскому, чукотский, немецкий, английский) — метаязык для языков агглютинативного типа и типа флективного, агглютинативный язык — метаязык для флективного языка.

В результате — довольно стройная, на первый взгляд, классификация, совпадающая только внешне с основательно раскритикованной Б. А. Успенским традиционной классификацией, причем совпадающая с одним из наиболее сомнительных ее вариантов: аморфные языки, инкорпорирующие языки, агглютинативные языки, флективные языки.

Нетрудно заметить, что даже в таком, очищенном от реальных противоречий языкового материала виде («априорные метаязыки»), эта новая классификация сохраняет все логические недостатки старой, поскольку выделение «метатипов» производится по разным принципам и различным критериям.

Ведь если априорный и практически невозможный, как отмечает и Б. А. Успенский, «аморфный метаязык» все же выделять, то его, по-видимому, следует выделить в особый класс, противопоставленный всем другим. Инкорпорирующий метатип, если бы даже основание для его выделения было, пришлось бы выделить не на тех основаниях, что два последующих метатипа — агглютинативный и флективный.

---

[8] Б. А. Успенский. Типологическая классификация языков как основа языковых соответствий. ВЯ, 1961, № 6, стр. 51—64.

Сказанным я не намерен отрицать принципиальную возможность создания логически непротиворечивой типологической классификации языков, особенно если эти языки предварительно опустить (посредством ряда логических операций) на уровень конструктов, заменив реальные разновидности строя человеческой речи некими абстрактными системами. Может быть, для новых отраслей современного прикладного языкознания такая классификация могла бы быть полезной. Возможно, что она была бы полезной и для теоретического языкознания, поскольку как-то отражала бы реальные особенности естественной человеческой речи. Но лингвистов интересует прежде всего собственно лингвистическая, апостериорная классификация и, следовательно, вопрос о классификации языков по их, увы, пока еще не установленным структурным типам.

Едва ли такую классификацию можно предложить до или без выяснения вопроса о том, что такое тип языка вообще. И если отдельные участники нашей дискуссии заявляли прямо, что понятие типа языка остается для них нерешенной проблемой, но все же классифицировали и классифицируют языки по рубрикам традиционной типологической схемы, то можно лишь позавидовать смелости таких классификаторов.

Оставаясь на почве реальных фактов человеческой речи, можно было бы (такие попытки делались), положив в основу определенные морфологические признаки, выделить, например, класс языков безаффиксальных, противопоставив его другому классу — языков аффиксальных с несколькими подклассами (префиксальные, суффиксальные, префиксально-суффиксальные и т. п.).

Но ведь давно известно, что абсолютно безаффиксальных языков практически нет, а умозрительное воссоздание их сопряжено со многими теоретическими трудностями и сомнениями. Практически получается так, что по признаку аффиксации все реальные языки (живые и мертвые) принадлежат к одному общему классу, внутри которого можно, конечно, выделить несколько подклассов, но таких, что границы между ними окажутся весьма зыбкими, а познавательная, научная ценность такой классификации окажется очень скромной.

Разумеется, аффиксация, как бы она ни была броска и привлекательна, не единственное средство для характеристики морфологической структуры языков и их классификации. И здесь прежде всего вспоминается флексия как средство слово- и формообразования. Но «разбитие» конкретных языков на классы по признаку флексии представляется еще более трудным, чем по признаку аффиксации. Классов а) собственно флективного и б) совсем нефлективного установить не удается. А без схемы, без каких-то прочных классификационных рубрик некоторым

лингвистам приходится очень трудно. Вот они и защищают тот или иной вариант известной схемы, ссылаясь то на В.Гумбольдта, то на А. Шлейхера, то на Э. Сепира, то просто на широкую распространенность, общепризнанность или бесспорность своих утверждений.

Говорят, критиковать старое, отживающее легко, а создать новую, последовательную, непротиворечивую схему очень трудно. Ничего не получается. Но почему нужна п р е ж д е в с е г о схема? Неужели для того, чтобы, не мудрствуя лукаво, загонять факты языка в железные клетки этой схемы?

Думается, что всякая строго научная классификация — это не отправной пункт в исследовании, а, напротив, итог, вывод значительной работы, результат создания и применения предварительных, рабочих схем и гипотез, теорий, учений и т. п. Ведь не секрет, что и старая морфологическая классификация, ставшая со временем учебно-методическим подспорьем, не просто раз и навсегда установленная схема, а результат определенных и оправданных для своего времени типологических штудий, плод известных глоттогонических гипотез. Получилось так, что старые теории и глоттогонические гипотезы считаются пройденным этапом научного языкознания,— никто не говорит сейчас о допотопном примитивизме «аморфных языков», или о «стадии» инкорпорации, или об отсталости агглютинативных языков и исключительной развитости флективных,— но схема старая осталась и защищается иногда как нужная и полезная.

Почему, собственно, полезная? Уж не потому ли, что, кроме рубрик этой схемы и некоторых связанных с ними лингвистических представлений, никаких убедительных доводов в пользу класса, например, инкорпорирующих языков, по-видимому, нет или они, эти доводы, зашифрованы посредством таких неопределенных выражений, как «специфическое явление»?

Бояться слов, конечно, не следует. Можно при желании называть один язык инкорпорирующим, а такой же по структуре другой язык — агглютинативным или, назвав один раз язык инкорпорирующим, в другой раз тот же самый язык называть агглютинирующим, а в третий — агглютинативно-инкорпорирующим.

Может быть, это для кого-нибудь и полезно, хотя, как кажется, не необходимо, потому что противоречиво и непоследовательно. Такого рода «полезность» легко переходит в свою противоположность, когда за традиционным ярлыком следует не объективное типологическое изучение фактов речи, а вольная или невольная подгонка их под принятую схему, со всеми связанными с ней представлениями — и верными и неверными.

После этих общих замечаний относительно типоморфологического изучения языков и опытов их морфологической классификации можно более подробно остановиться на вопросах типологического изучения языков, именуемых агглютинативными, а также на проблеме соотношения агглютинации и флексии.

2

О реальном соотношении тех или иных сопоставляемых явлений, а также и об отражающих их понятиях можно, по-видимому, судить только тогда, когда каждое из них имеет достаточно четкую характеристику, содействующую познанию сущности сопоставляемых явлений, установлению их связей и взаимоотношений. К сожалению, ни понятие «агглютинация», ни понятие «флексия» не получили в науке о языке ясных и непротиворечивых определений, а каждый из названных терминов, несмотря на его этимологическую ясность, не отличается необходимой для научного термина однозначностью.

Так, под «агглютинацией» обычно понимают не только широко распространенный во всех языках способ соединения («склеивание») различных компонентов одного цельнооформленного слова (простого или сложного, в том числе «инкорпорированного»), но и некоторые особенности (иногда мнимые) так называемых агглютинирующих морфем (аффиксов): их непременный моносемантизм, исключительную регулярность образуемых с их помощью форм словообразования и словоизменения, сингармонизм и т. п.

Под «флексией» понимают не только нечто принципиально отличное от аффиксации — звуковые чередования в корне или основе слова, являющиеся средством изменения его грамматических форм и значений («внутренняя флексия»),— но и некоторые особенности аффиксальных морфем: их непременный полисемантизм, нерегулярность (многотипность) образуемых посредством флективных аффиксов словоформ и т. п. («внешняя флексия»). Иногда понятие «флексия» связывают и со способом соединения морфем («флективный способ»), хотя чаще (после работ Э. Сепира) в этих случаях говорят о «фузии». Кроме того, «флективными» называют синтетические формы слова, противопоставляя в этом последнем случае флексию анализу (ср., например, деление индоевропейских языков на флективные, иначе — синтетические, и аналитические).

Из сказанного может быть видно, что традиционные понятия «агглютинация» и «флексия» соотносительны и противопоставлены попарно только в двух неодинаковых отношениях:

а) как разновидности соединения морфологических компонентов слова («склеивание» — «спаивание»);

б) как разновидности аффиксальных морфем по числу заключенных в каждой из них грамматических значений (моносемия — полисемия аффиксов).

Во всем же прочем указанные понятия либо разнородны и потому несоотносительны (аффиксация и чередование фонем), либо хотя и соотносительны (синтетические и аналитические формы слова), но прямого отношения к проблеме соотношения «агглютинация — флексия» не имеют. (И «агглютинативные» и «флективные» слова могут иметь как синтетические, так и аналитические формы, различаясь только по степени «синтетизма»).

Затронутый здесь вопрос на первый взгляд кажется скорее терминологическим, а не собственно понятийным: что называть «агглютинацией» и что называть «флексией». Но суть не в отборе терминов, не в упорядочении их употребления, а в определении понятий, выражаемых теми или иными терминами. Возможно, правда, что определение понятия агглютинации стало проблемой не только потому, что со времени введения данного термина Ф. Боппом [9] содержание понятия и значения термина «агглютинация» изменились, а еще и потому, что термин этот разными авторами употребляется по-разному в нескольких разнородных значениях. Но это лишь одна из причин, породившая проблему, а не существо самой проблемы. Содержание понятия и значение термина — вещи разные, хотя определение понятия вместе с тем явится и определением значения термина, ставшего в силу ряда обстоятельств многозначным — и потому утратившим свои терминологические качества.

На мой взгляд, ничего иного, кроме способа, или вида, соединения каких бы то ни было морфологических компонентов цельнооформленного слова — простого или сложного, в частности «инкорпорированного», — под агглютинацией понимать не следовало бы. Способ этот, именуемый иначе «соположением» или «склеиванием», достаточно четко противопоставлен другому способу, именуемому «фузией», иначе — «сплавлением» или «спайкой». (Называть его «флексией» или «флективным способом» нет, как кажется, никакой необходимости).

Аффиксы или аффиксация вообще — это одно, а способы или виды их соединения в слове друг с другом — это совсем другое. Причем это «другое» не имеет никаких принципиальных отличий от способов соединения аффикса с корнем, или одного корня

---

[9] Имею в виду терминологическое, а не фигурально-полемическое употребление слова «агглютинация». Т е р м и н «агглютинация», как правильно указывал во всех изданиях своего известного учебника А. А. Реформатский, «введен Фр. Боппом».

с другим корнем, или основы с окончанием, нескольких основ, или даже одного слова с другим (различного вида сложного слова).

Такое толкование понятия и соответствующее ему употребление данного термина избавило бы от часто встречающегося смешения разнородных понятий — «агглютинация» и «аффиксация». (Ср., например, выражения «агглютинация как способ выражения грамматических значений в тюркских языках», «своеобразие агглютинации чукотского языка заключается в том, что она префиксально-суффиксальная», «агглютинативная структура слова», «агглютинативный строй языка» и т. п.).

Говорят, правда, что «агглютинация» — это не всякая аффиксация, а только аффиксация в агглютинативных языках, где все аффиксы всегда моносемичны в отличие от аффиксации во флективных языках, где каждый аффикс якобы всегда полисемичен. Но это явное заблуждение. Аффиксы, как бы ни различались они по количеству и качеству свойственных им значений, всегда остаются аффиксами, т. е. морфемами, соотносительными и противопоставляемыми другому виду морфем — корням или корневым морфемам, но не способам соединения различных компонентов морфологически членимого слова.[10]

Количество значений аффиксов (моносемия и полисемия) так же мало зависит от способов их соединения (агглютинации и фузии), как и самое качество этих значений. Способы соединения и особенности значения соединяемых элементов (до тех пор, разумеется, пока они соединяются и разъединяются, а не сливаются воедино в каком-то новом элементе, членимом только этимологически) всегда независимы и автономны в любом языке, которому эти процессы свойственны, к какому бы морфологическому типу этот язык ни относила традиция. Факты эти давно уже и достаточно хорошо известны. Трезвый их учет как раз и привел Э. Сепира, во-первых, к признанию логической противоречивости и фактической несостоятельности классификаций прошлого века, а во-вторых, дал ему все необходимые основания для выделения «техники» (изоляция, агглютинация, фузия, символизация) и «синтезирования» (аналитичность, полисинтетичность, синтетичность)

---

[10] В этой связи следует заметить, что различные определения понятия «морфема», равно как и произвольное употребление данного термина, являются значительной помехой на пути объективного и непротиворечивого описания морфологической структуры языка. Стремление подвести под одно общее понятие «морфема» (минимальная морфологическая часть одного цельнооформленного слова — корень или аффикс) еще и такие разнородные явления, как любая часть слова (например, его основа) или служебное слово, чередование фонем (внутренняя флексия), тон и ударение, порядок слов, супплетивы и повторы, т. е. весь широко известный перечень «грамматических способов», не содействует типологическому изучению морфологии и определению морфологического типа языка.

в качестве дополнительных, второстепенных («внешних») признаков, характеризующих в той или иной мере каждый из предложенных им, Сепиром, четырех «основных типов» его «концептуальной» классификации.

Излагая классификацию Э. Сепира в своих учебниках по курсу «Введение в языкознание» и в статье, написанной для данного сборника, А. А. Реформатский признает концептуальный (типы понятий) критерий Сепира лишь одним из аспектов, стоящим первым в одном ряду с двумя другими — «техника выражения» и «степень синтеза». Истолковав таким образом классификацию Сепира, он затем с помощью тяжеловесных структуралистических выражений критикует ее за «принцип независимости диспаратных аспектов» и журит автора концептуальной классификации за то, что тот «не дал руку тем, кто хочет понять тип языка по ведущей грамматической тенденции».

Да, Э. Сепиру, как и его предшественникам (а также популяризаторам и критикам), не удалось установить и определить, что такое морфологический тип языка, и распределить языки по типам.

Но заслуги Э. Сепира имеют не только негативный характер (критика ходячей морфологической классификации). Позитивный вклад его также нельзя упускать из виду. А это, на мой взгляд, прежде всего убедительная, наглядная демонстрация того, что ни по «технике» (способы соединения морфем), ни по «степени синтеза», ни по их совокупности построить сколько-нибудь последовательную классификацию не удается.

Что же касается предложенной Сепиром концептуальной классификации, то ведь и сам он, как известно, находил ее слишком общей и слишком широкой, требующей дальнейшей разработки и т. п., придавая лишь существенное значение развиваемому им методу классификации языков, который, по словам Сепира, имеет то преимущество, что его можно уточнить или упростить в соответствии с теми или иными потребностями. Он полагал при этом, что «степенью синтезирования можно всецело пренебречь; „фузию“ и „символизацию“ часто бывает полезно объединить под общим наименованием „фузии“; даже различие между агглютинацией и фузией можно, если угодно, оставить в стороне либо как сопряженное с трудностями для своего установления, либо как не относящееся к данному случаю».[11]

Э. Сепир отдавал себе отчет в том, что «языки. . . представляют собой чрезвычайно сложные исторические структуры», что «не столь важно расставить все языки по своим полочкам, сколь разработать гибкий метод, позволяющий нам каждый язык рассма-

---

[11] СЯ, стр. 108—112.

тривать с двух или трех самостоятельных точек зрения по его отношению к другому языку». «Мы пока, — писал Сепир,— еще слишком плохо осведомлены о структурной природе великого множества языков, чтобы иметь право на построение классификации, которая была бы больше чем только гибкой и экспериментальной».[12]

Думаю, что в вопросе этом прав Сепир, а не его критики и интерпретаторы, особенно те, кто, ухватившись за руку Сепира, хотел бы путем агглютинации различных классификаций, а не путем типологического изучения языков, построить новую классификацию, или «уточнить» старую.

Так было, так будет — вот, в сущности, вывод, к которому пришел и А. А. Реформатский, резюмирующий свою статью известными с середины прошлого века, но терминологически слегка обновленными типами: агглютинирующий тип, фузионный (resp. флективный) тип, флективно-агглютинативный тип, изолирующие (аналитические) языки, инкорпорирующие (особый подкласс аналитических языков).

Итак, агглютинация (соположение, склеивание) есть способ, или вид, соединения различных морфологических компонентов одного цельнооформленного слова, противопоставляемый другому способу их соединения — фузии (спайке, сплаву).

Различия между двумя названными разновидностями способа соединения весьма относительны, далеко не всегда можно провести между ними четкую границу, оба способа в той или иной мере свойственны и агглютинативным и флективным языкам, они могут сосуществовать и в одном из этих языков, в разных его словах или даже в одном и том же слове при различных его грамматических изменениях. Агглютинативный способ через так называемые внутренние сандхи и другие фонетические процессы, происходящие на стыках морфем, легко переходит в способ фузионный, а оба они нередко перерастают в явления, называемые флексией или символизацией,— морфологизованные чередования фонем в корне или основе слова. Ни характером соединяемых элементов — их общим числом, количеством и качеством их значений, ни тем более традиционным делением языков на известные морфологические типы интересующие нас способы соединения не обусловлены и непосредственно с ними не связаны,

---

[12] Там же, стр. 112. Именно в этом «основной пафос» и существо положительной программы в области структурно-типологических исследований Э. Сепира, а не в одном только разъяснении «логической несоразмерности» деления языков на изолирующие, агглютинативные и флективные (ср. в статье А. А. Реформатского, здесь, на стр. 70). Э. Сепир призывает к типологическим исследованиям, а не к классификации ради классификации.

а если и связаны, то связь эта имеет внешний («технический») характер.

Могут сказать, что такое толкование «агглютинации» не ново. Согласен. В конечном счете оно восходит к Ф. Боппу, принявшему данный термин и выдвинувшему известную «теорию агглютинации» как основной аспект истории образования индоевропейской флексии (путем, например, сложения именных корней с местоименными, ставшими впоследствии окончаниями).[13]

Сходным образом рассматривал «агглютинацию» и Ф. де Соссюр, противопоставлявший ее (не метафизически) «аналогии» и подчеркивавший, что провести различие между ними не всегда возможно. «Агглютинация,— по Ф. де Соссюру,— состоит в том, что два или несколько элементов, первоначально различаемые, . . спаиваются в абсолютное или с трудом различимое целое». Примеры: франц. *tous jours* → *toujours*, русск. *сей час* → *сейчас* и т. п.[14]

Определение «агглютинации» как одного из способов соединения различных компонентов слова развито и обосновано Э. Сепиром и рядом других языковедов.[15] Оно в общем не чуждо, как мне кажется, и А. А. Реформатскому, выделявшему в ряду других вопросов, касающихся объединения морфем в лексемы, особо вопрос о «характере соединения» морфем — «тенденция агглютинации и тенденция фузии», но затем растворившему этот пункт в других и склонившемуся отому к обычному (со времен Шлейхера) толкованию агглютинации как особого свойства моносе-

---

[13] С. К. Б у л и ч. Очерк истории языкознания в России, т. I. С приложением «Введения в изучение языка» Б. Дельбрюка. СПб., 1904, стр. 3—16, 78—116. — Теория агглютинации, развитая Ф. Боппом и многими его последователями, не есть просто «теория ограничения Шлегелевской теории внутренней флексии», как утверждает А. А. Реформатский (см. здесь, стр. 69). Она имела и имеет много сторонников как особая, самостоятельная и универсальная теория происхождения аффиксов в самых различных по строю языках, особенно в языках агглютинативных.

[14] Ф. д е С о с с ю р. Курс общей лингвистики. (Русск. перевод). М., 1933, стр. 163 и сл. Характерно, между прочим, следующее примечание Р. О. Шор в русском переводе «Курса» Ф. де Соссюра, стр. 248: «Термин „агглютинация“ применяется де Соссюром не в обычном для новейшей лингвистики значении (агглютинация как способ образования форм слова путем присоединения ряда аффиксов, из которых каждый является носителем лишь одного определенного грамматического значения), но в том значении, которое он имел у лингвистов первой половины XIX в. — Боппа, Лассена, позднее Людвига (агглютинация как принцип образования слов языка путем „склеивания“ в одно слово нескольких ранее самостоятельных слов)».

[15] Об основных этапах эволюции взглядов на агглютинацию и агглютинативный тип языков см.: О. П. С у н и к. Проблема агглютинации в алтайских языках. М., 1960.

мичных, стандартных аффиксов, сополагаемых с неизменным корнем.[16]

В самом деле, чем отличаются по способу соединения такие, например, «чистые» (по А. А. Реформатскому) флексии современного русского языка, как моносемичный суффикс («постфикс = флексия», по А. А. Реформатскому) *-и* — окончание глагола в форме прош. времени мн. числа любого лица и немоносемичный суфф. *-у* — окончание глагола в формах наст. и буд. времени 1-го лица ед. числа; с одной стороны, и соответствующие им суффиксы одного из типичных агглютинативных языков, например, нанайского, с другой?

Сопоставим для выяснения этого вопроса указанные окончания русского глагола между собой и сравним их с их нанайскими эквивалентами:

(мы, вы, они) писа-л'-и — (нёанчи) ниру-кэ-(л)
(я) пиш-у — (ми) ниру-эм-би

По четкости границ между окончаниями и предшествующими им морфемами глагольных основ моносемичный суфф. *-и* мало чем отличается от немоносемичного *-у*; оба они не уступают в рассматриваемом отношении нанайским окончаниям — факультативному показателю 3-го лица мн. числа *-л*, обязательному только при противопоставлении его нулевому показателю, свойственному той же глагольной форме при ед. числе субъекта (ср. русск. *писа-л-О*, нан. *ниру-кэ-О*, *писа-л-и*, *ниру-кэ-л*), а также чередующемуся в некоторых случаях с *-чи* — окончанием 3-го лица мн. числа предикативной формы нанайского причастия *ниру-кэ-л ~ ниру-хэ-л ~ ниру-хэ-чи* (‘они писали’).

По стандартности русские флексии *-и*, *-у*, пожалуй, превосходят свои функциональные эквиваленты в нанайском, где окончание 3-го лица мн. числа *-л* чередуется с нулем, а в некоторых случаях и с *-чи* (*ниру-кэ-(л)*, *ниру-хэ-(л)* и *ниру-хэ-чи* в смысловом отношении могут быть тождественными: ‘писали’); окончание 1-го лица ед. числа *-би* может чередоваться с *-и*/*-й*: *ниру-кэ-и* ‘(я) писал’, *ниру-(j)-и* ‘(я) пишу’ и т. п.

Нет существенных различий между сопоставляемыми русскими и нанайскими окончаниями и в отношении количества значений, заключенных в каждой из соответствующих аффиксальных морфем, но об этом ниже будет сказано особо.

Правда, русская флексия *-и* фонетически влияет на предшествующую ей морфему *-л-*, палатализуя согласный: *писа-л-а*, *писа-л'-и* (ср. однако те же формы в украинском: *писа-л-а*, *пи-*

---

[16] См. его учебники по курсу «Введение в языкознание» и статью в настоящем сборнике.

са-л-и), а флексия *-у* исторически связана с чередованием *с/ш* в глагольной основе *писать*. Но если эти явления (*л/л'*, *с/ш*) считать признаком «фузии» (фузионным способом соединения морфем), то в нанайском точно такого же рода явлений ничуть не меньше, чем в сопоставляемых глагольных формах русского языка. Причем они также не связаны с особенностями значений соединяемых морфем.

Так, если в русском показатель прош. времени *-л-* фонетически иногда чередуется с *-л'-*, а в украинском с *-в* (*писа-л-и*, *писа-в-О*), то соответствующие показатели нанайского языка имеют следующие варианты: *-кэ-/-ка-*, *-чэ/-чэ-*; *-ха(н)-/-хэ(н)*, *-хам-/-хэм-*, *-ки(н)-/-кі(н)-*, *-ким/-кім-*, *-чи(н)-/-чі(н)-*, *чим-/-чім-*. Часть из них носит комбинаторно-фонетический, а часть — традиционно-исторический характер.

Еще более многообразны изменения морфем в глагольных формах наст. времени, где наряду с указанными вариантами личного окончания ед. числа 1-го лица *-би/-и/-О* показатель основ настоящего времени — суфф. *-эм-* имеет (кроме указанного) варианты *-рэм-/-рам-*, *-дэм-/-дам-*, а при учете форм всех трех лиц *-э-/-а-*, *-рэ-/-ра-*, *-дэ-/-да-*.

В ряде случаев (когда предшествующая часть слова оканчивается гласным *а/э*) начальный гласный показателя наст. времени сливается с гласным основы, образуя либо долгий гласный *ā/ē*, либо, в других случаях, позиционный дифтонг *оа*, *уэ* и т. п.

Это и есть «фузия», и свойственна она в значительно большей мере глагольным формам нанайского агглютинативного языка, чем русского флективного.

О «неизменности» основы слова в любом языке, где она имеется (в том числе и в агглютинативном), можно говорить только при условии неправомерного отождествления всегда морфологически изменяемой основы с далеко не всегда изменяемым корнем — обязательной, но отнюдь не единственной морфемой морфологически членимого слова. (В словах, морфологически не членимых, морфем, в том числе и корневых, естественно, нет).

Корень (внешне иногда совпадающий с так называемой первичной, чистой или непроизводной основой, но никогда не тождественный с ней) в глагольных словах нанайского языка действительно более стабилен (по форме), чем в русском, но и он не лишен различных вариантов, поскольку способы его соединения с аффиксальными морфемами в ряде случаев носят явно фузионный характер.

Глагольные корни, равно как и основы, в нанайском и ряде других тунгусо-маньчжурских языков ни с одной из форм целого глагольного слова не совпадают даже чисто внешне, т. е. не могут выступать «вполне самостоятельным словом».

Приведенные здесь факты (количество их может быть увеличено во много раз) фигурируют во всех грамматических работах, в том числе и таких, авторы которых никогда не высказывали никаких сомнений в том, что нанайский язык является типичным агглютинативным языком, с морфологической структурой, «принципиально отличной» от структуры флективных языков, языком, в котором «фузионный способ встречается как редкое нарушение агглютинативной нормы» и т. д. и т. п.[17]

Но, может быть, факты, на которые я обращаю здесь внимание, не типичны для нанайского языка, а две флексии из русского языка (*и-*, *-у*) не показательны для флективности этого языка?

Учитывая правомерность такого вопроса, позволю себе дать на него пока предварительный ответ. Ближайшая цель приведенных сопоставлений — показать, что способы соединения не обусловлены особенностями соединяемых компонентов, а эти последние не обусловливают способов соединения. Если, конечно, типологические сравнения ограничить несколькими хрестоматийными примерами из какого-нибудь классического агглютинативного языка (скажем, известными *пилой* и *всадниками* А. А. Реформатского), а из классического флективного языка — искусственным, но, якобы, типичным *злостностный*, и естественным, но не типичным *кинь — кинь-те — кинь-те-ка* и т. п., то можно прийти и к совершенно иным выводам. Либо все, что показано выше относительно морфологических особенностей нанайского языка, пришлось бы признать не типичным для этого агглютинативного языка, либо сам нанайский язык объявить не типичным агглютинативным языком, как это уже пытался сделать В. А. Аврорин в отношении другого агглютинативного языка тунгусо-маньчжурской группы — эвенского.[18]

Если же к вопросу подойти серьезно, без предвзятых одной или двух тенденций, то придется признать, что проблема морфологического типа языков не решена, а деление языков на агглютинативные и флективные (иначе — фузионные) весьма шатко и требует потому специального типологического исследования. Обзоры и иллюстрации различных взглядов и выводов — это одно, а типологическое изучение языков, именуемых агглютинативными или флективными,— это совсем другое. И в этом последнем случае отдельными примерами, нарочито подобранными и тенденциозно истолкованными, ограничиться не удастся ни сторонникам, ни противникам старой типологической схемы.

---

[17] В. А. Аврорин. Об основных различиях между агглютинативной и флективной аффиксацией. МСС, стр. 212 и сл.; ср.: О. П. Суник. Глагол в тунгусо-маньчжурских языках. М.—Л., 1962, стр. 32 и сл.

[18] Там же, стр. 211—212.

Считаю в этой связи весьма целесообразным напомнить следующее замечание В. И. Ленина, имеющее общеметодологическое значение. Подчеркивая необходимость точных и бесспорных фактов для решения любого сложного и запутанного вопроса, В. И. Ленин спрашивал: «Но как собрать факты? как установить их связь и взаимозависимость?» Ответ В. И. Ленина гласит: «В области явлений общественных нет приема более распространенного и более несостоятельного, как выхватывание *отдельных* фактиков, игра в примеры. Подобрать примеры вообще — не стоит никакого труда, но и значения это не имеет никакого, или чисто отрицательное, ибо все дело в исторической конкретной обстановке отдельных случаев. Факты, если взять их в их *целом*, в их *связи*, не только „упрямая“, но и безусловно доказательная вещь. Фактики, если они берутся вне целого, вне связи, если они отрывочны и произвольны, являются именно только игрушкой или кое-чем еще похуже».[19]

Мы за всестороннее типологическое изучение отдельных конкретных языков и за такое же объективное сравнительное изучение типологии разных языков, а не за игру в примеры и примерчики, доказывающие, якобы, незыблемость традиционных морфологических типов, чистых или нечистых, но установленных путем явно одностороннего отбора «ведущих», «определяющих», «преобладающих» и т. п. примеров, иллюстрирующих не типы языков, а взгляды сторонников этих типов.

3

Итак, признавая агглютинацию и фузию способами соединения морфологических компонентов слова, мы не может их отождествить с соединяемыми этими способами компонентами и связать один из них — агглютинацию — с агглютинативным типом языков, а другой — фузию — с флективным. «Способы соединения» — слишком внешний, неустойчивый и потому несущественный признак и для морфотипологической характеристики языка, и для их типологической классификации.

Но традиционное противопоставление агглютинативных и флективных языков построено не только (и даже не столько) на учете различий в способах соединения морфем. В основе его лежат другие признаки и прежде всего различия (иногда мнимые) в области так или иначе соединяемых морфем — в первую очередь аффиксальных, во вторую — корневых. Это, в частности, хорошо видно и из схемы А. А. Реформатского, разъясняющей посредством

---

[19] В. И. Ленин, Соч., т. 23, стр. 266.

сопоставления четырех признаков две тенденции грамматического строения слова — агглютинацию и фузию.[20]

Руководствуясь традиционной морфологической классификацией и принимая нередко на веру разъяснения к этой классификации, содержащиеся в учебных пособиях по общему языкознанию, авторы описательных грамматик различных языков по-разному оценивают и иллюстрируют типологические черты описываемых языков. Но, скажем прямо, чаще всего между составителями учебных пособий по общему языкознанию и авторами описательных грамматик отдельных языков в интересующем нас вопросе наблюдается полное единодушие. Отношения здесь как бы построены по принципу «бьем челом вашим же добром».

Так, например, с названием «агглютинативный язык» или «агглютинативный тип языка» прочно связаны следующие утверждения, встречающиеся не только в работах по общему языкознанию, но и в работах по отдельным агглютинативным языкам:

1) все слова и все формы слов в этих языках образуются посредством агглютинирующих аффиксов, механически прибавляемых к корню или основе;

2) каждое слово состоит или может состоять из корня (или основы) и одного или нескольких аффиксов (иногда пишут даже, что количество агглютинирующих аффиксов —/служебных морфем/— в слове агглютинативного языка, например эскимосского, может быть «неограниченным»);

3) все аффиксы в агглютинативном языке должны иметь только какое-нибудь одно значение (моносемия аффиксов);

---

[20] ТД 2, стр. 33; ср. также табличку, напечатанную в настоящем сборнике, стр. 73, где те же четыре признака реализованы не только как «тенденции», а и как признаки двух противопоставленных языковых типов — агглютинативного и фузионного (resp. флективного). Ср. также пять признаков, характеризующих «две разные тенденции аффиксации» в первом издании учебника А. А. Реформатского «Введение в языковедение» (М., 1947, стр. 90), с шестью признаками, характеризующими те же две «тенденции» в двух последующих изданиях этого учебника (М., 1955, стр. 210; М., 1960, стр. 220). Предлагаемое сравнение кажется мне интересным вот почему: оно наглядно демонстрирует, как путем исключения второстепенных признаков — различия в способах соединения морфем — из общего ряда признаков, характеризующих «две тенденции аффиксации», они превратились из второстепенных в первостепенные, стали определяющими не только для всех других признаков (с первого по четвертый), но и определили «две тенденции грамматического строения слова», а затем и два морфологических типа языков — агглютинативный и фузионный. Именно с этих позиций А. А. Реформатский критикует не только «диспаратность аспектов» Э. Сепира, но и ценное замечание О. Бётлингка, предупреждавшего более ста лет тому назад, что способ, по которому связываются материальная и формальная части слова, является «слишком внешним признаком» для деления языков по морфологическим типам. (Полностью соответствующее высказывание О. Бётлингка приведено и правильно оценено в работе Б. Дельбрюка «Введение в изучение языка», см.: С. К. Булич, ук. соч., стр. 88—89).

4) корень или основа слова выступает в агглютинативном языке как вполне законченное, целое, самостоятельное слово;

5) основа является абсолютно обязательной частью каждого слова. Но окончаний (флексий) слова́ агглютинативного языка не имеют и иметь не могут, поскольку окончания всегда должны быть полисемичными, а все агглютинативные аффиксы моносемичны;

6) ни типов склонения, ни типов спряжения агглютинативные языки не имеют и иметь не могут ввиду стандартности и моносемии аффиксов и т. д. и т. п.[21]

Несостоятельность этих далеко не полезных, на мой взгляд, утверждений (список их можно продолжить) мне приходилось уже демонстрировать на материале главным образом тунгусо-маньчжурских языков.[22]

Не один я, а и самые упорные сторонники общеизвестной концепции агглютинативного типа языка многократно показывали, что аффиксация (или, как чаще, но менее удачно говорят,— агглютинация) далеко не единственное средство слово- и формообразования во всех агглютинативных языках. Перечни так называемых грамматических способов, применяемых в агглютинативных языках, содержат иногда почти всё, что об этих способах известно со времен младограмматиков и из пособий по общему языкознанию.

В тунгусо-маньчжурских и других агглютинативных языках есть значительное множество весьма ходовых слов, которые, оставаясь самими собою, никогда никаких аффиксов не имеют и иметь не могут. Ни понятие морфемы, ни понятие корня или основы к словам этого типа абсолютно не применимы, хотя их и называют иногда «корневыми», или «одноморфемными», «бесформенными», «коротенькими» и т. п.

Для утверждения, что корень или основа (т. е. часть слова) в агглютинативных языках может выступать в качестве самостоятельного, законченного слова, оснований ничуть не больше, чем для точно такого же утверждения, иногда применяемого к английскому, китайскому или даже русскому языкам (*дом, стол* и т. п.). Думать, что основа слова абсолютно обязательная часть каждого, например, тунгусо-маньчжурского слова, а окончание — абсолютно невозможная часть какого бы то ни было слова в этих языках, значит не считаться ни с реальными фактами этих языков, ни с элементарными понятиями современной научной морфологии.

---

[21] Подробнее об этом, с указанием литературы вопроса, см.: О. П. Суник. Проблема агглютинации в алтайских языках.

[22] См., например: О. П. Суник. Слово, его основа и корень как различные морфологические категории. МСС, стр. 33 и сл.

Типы склонения и типы спряжения выделяют почти все специалисты по тунгусо-маньчжурским и некоторым другим агглютинативным языкам, хотя толкование и классификация этих типов вызывает споры, а установленные типы имеют несомненные отличия по сравнению с типами флективных языков. Вопрос о стандартности агглютинативных аффиксов на материале разных агглютинативных языков решается по-разному, но не в пользу сторонников исключительной стандартности всех «прилеп».

Я оставил без комментария один из центральных пунктов традиционной концепции морфологического типа агглютинативных языков: «одна форма — одно значение», «каждое значение — особая форма», или, говоря иначе, проблему количества значений отдельных агглютинативных аффиксов.

По моим впечатлениям, это самая мощная опора и, быть может, последняя крепость сторонников классической концепции языков агглютинативного типа. Все другое, о чем упоминалось выше, настолько эфемерно, что бороться за него охотников мало, особенно если речь идет не о декларативном перечне признаков и их иллюстрации единичным примерами, а о применении их в исследовании конкретных языков.

Учет и подсчет значений различных аффиксальных морфем бывает разным. Он может быть всеобъемлющим, разносторонним и возможно полным, но может быть и ограниченным, специальным. Так, при учете только данного, конкретного, единичного употребления аффикса, в отвлечении от его функционального значения (его грамматической функции) подсчет даст одни, причем наиболее скромные результаты. При учете всех иных реально встречающихся употреблений такого же аффикса подсчет даст иные результаты. При учете не только всех обнаруженных в речевом употреблении, так сказать, имманентных значений аффикса, но и его функциональных — словообразовательных и формообразовательных значений — подсчет даст совсем другие, наиболее полные и, как мне кажется, наиболее ценные для науки результаты.

Поясню вышесказанное ссылкой на известный пример. Агглютинативный аффикс русского флективного языка *-ся* имеет две функции — функцию формообразования (возвратные и невозвратные формы глагола) и функцию словообразовательную (обособленные возвратные по форме глаголы). В современном глубоко изученном русском языке языковеды-русисты насчитывают пятнадцать значений (не считая оттенков), придаваемых возвратным глаголам или их отдельным группам суффиксом *-ся*.[23] Но в каждом

---

[23] В. В. Виноградов. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.—Л., 1947, стр. 630 и сл.

конкретном, единичном случае данный агглютинативный суффикс имеет, по-видимому, одну из указанных функций, одно из свойственных ему значений, один из оттенков этого значения.

Я — за всесторонний и наиболее полный учет значений, функций аффиксов, в частности и таких, которые признаются иногда омоформами или «омонимичными».[24] Но я готов считать и по той программе, которая особенно приятна сторонникам принципиального, специфического противопоставления агглютинативного и флективного типов языков.

Это — первая оговорка.

Вторая. Учитывать и подсчитывать значения аффиксов, привлекая для этого аффиксы всех без исключения разрядов, для решения обсуждаемого вопроса нет никакой нужды. Ведь хотя часто говорят и нередко пишут, что в с е аффиксы во флективном языке полисемантичны, а в агглютинативном все моносемантичны, специалисты по флективным языкам хорошо знают, что многие аффиксы — префиксы и суффиксы основообразования — во флективных языках (например, в индоевропейских) в каждом конкретном случае моносемантичны, т. е. с позиций традиционной типологической схемы — вполне агглютинативны.

Известно, что и многие из формообразующих аффиксов флективных языков в каждом конкретном случае моносемантичны, так же как соответствующие аффиксы агглютинативных языков.

Отвлечемся поэтому и от этих аффиксов.

В остатке получим весьма ограниченный круг преимущественно тех аффиксальных морфем, которые в грамматиках флективных языков называют окончаниями (иначе — флексиями), а в грамматиках агглютинативных языков чаще — суффиксами словоизменения, или, что одно и то же, суффиксами релятивного формообразования и т. п.

Из сказанного, между прочим, следует, что традиционное противопоставление агглютинативного типа языка флективному типу, равно как и установление «принципиального различия» между аффиксами агглютинативных и флективных языков, основаны не на учете всех морфологических типов слов и даже не на учете свойственных сопоставляемым языкам особенностей всех морфологических компонентов одного из морфологических типов слова — морфологически членимых и грамматически изменяемых

---

[24] Не могу согласиться с В. А. Авророиным (ук. соч., стр. 212—213), утверждающим, что подобные случаи «никакого отношения к делу не имеют» или даже «не имеют ничего общего с серьезными аргументами». Ведь при таком отношении к делу пятнадцать значений упомянутого агглютинативного суффикса *-ся* пришлось бы признать просто вздором, а не достижением тонкого грамматического анализа «разноплановых» глагольных форм современного русского языка.

(спрягаемых, склоняемых) слов, — а на сопоставлении только именной и глагольной флексии агглютинативных и флективных языков. Утверждается, что падежные окончания и окончания глаголов во флективных языках всегда полисемантичны, в агглютинативных — всегда моносемантичны.

Посмотрим, как доказывается это утверждение (когда его пытаются доказать).

В русском слове *на-писа-л*, как думают некоторые специалисты по агглютинативным языкам, суфф. *-л* имеет одновременно три значения: времени, числа и рода. Но, как мне уже приходилось писать, это ошибочное заключение. В действительности формообразующий суфф. *-л-* имеет только одно из названных грамматических значений — значение прошедшего времени. Число и род в словоформе *написал* выражены отрицательно — нулевым окончанием, имеющим два грамматических значения: числа (единственное число) и рода (мужской род). Но в русском употребительны и другие глагольные формы того же прошедшего времени, которые имеют в своем составе только моносемичные аффиксы.

Ср., например, русск. *за-бег-а-л-и*, *по-бег-а-л-и* и т. п., в которых каждая префиксальная и суффиксальная морфема имеет одно значение, а морфема корневая внешне совпадает с целым законченным словом *бег*. Окончание (флексия) *-и* в глагольных формах этого типа (так же, между прочим, как и окончания прилагательных в форме множественного числа) не имеет значения грамматического рода. Не имеют эти глагольные формы и значения грамматического лица; ср. (*мы*, *вы*, *они*) *бег-а-л-и*, *ход-и-л-и* и т. п. Видимо, А. А. Реформатский русские словоформы данного типа должен отнести к левой колонке опубликованной в его тезисах схемы — «агглютинация», хотя русский язык называется флективным (или фузионным). В русском найдется немало и таких слов, часть компонентов которых отойдет в колонку налево («агглютинация»), другая часть — в колонку направо («фузия»).

Говорят, это не типично. Обратимся к тому, что́ в целях иллюстрации известной типологической схемы признается типичным.

Неспециалисты в области русского языка часто пишут, что в русской словоформе типа *ид-у* окончание *-у* имеет одновременно три или даже четыре значения. Так, по С. Е. Яхонтову,[25] это *-у* одновременно означает, во-первых, 1-е лицо, во-вторых, единственное число и, в-третьих, настоящее время. (Иногда к этому еще добавляют значение изъявительного наклонения).

---

[25] ТД 2, стр. 13.

Сопоставление словоформы *ид-у* с соотносительной видовой формой будущего времени того же глагола *по-йд-у* показывает, что ни настоящего, ни будущего времени в окончании *-у* в действительности нет. Сопоставление *ид-у*, *по-йд-у* (*~буд-у идти*), *ше-л-О*, *по-ше-л-О* и т. п. должно, по-моему, убедить в том, что видовременные значения русского глагола «закодированы» в их основах, а не во флексиях, и передаются различием форм основы (ср.: *ид-*, *пойд-*, *пошл-*, *пошел-*), но не окончаниями (*-у*, *-и*) глагольного слова.

Следовательно, личные окончания («постфикс-флексии») в русском глаголе имеют, как и в агглютинативных языках, только два значения: лица и числа.

Правда, некоторым специалистам по агглютинативным языкам кажется, что значение лица и значение числа в личных аффиксах составляют одно значение, а не два.[26] Но если это так, в чем я сомневаюсь, то тогда и в русских личных окончаниях типа *-у* (*ид-у*) следует видеть только одно значение — «лица-числа». И в чем «принципиальное» различие между сопоставляемыми морфемами, так и остается неясным.

Что касается падежной флексии, то и здесь дело не так ясно, как это утверждают многие специалисты по нефлективным языкам. Верно, конечно, что значение числа и значение падежа в ряде агглютинативных языков, например в алтайских, выражены раздельно, по Поливанову «аналитически» (т. е. каждое особым суффиксом), а в русском, как правило, такого рода значения выражены «синтетически», т. е. «закодированы» в одном суффиксе-окончании.

Правда, исключения из общего правила отмечаются и в алтайских языках и в русском, но они несущественны для сторонников традиционных типов, поскольку признаны для этих языков нетипичными. Значит ли это, однако, что в каждом агглютинативном языке падежное и числовое значение непременно выражается раздельно, каждое своим особым суффиксом?

Оставляя в стороне несуффиксальные средства выражения числа (супплетивы, повторы и т. п.), свойственные не только флективным, но и агглютинативным языкам, сошлемся на один

---

[26] См.: В. А. Аврорин, ук. соч., стр. 213, где такой подход к подсчету количества значений в личных аффиксах агглютинативных языков (в имени и глаголе) называется «поверхностным», хотя после ряда не очень ясных рассуждений личные аффиксы, как и личные местоимения, объявляются автором имеющими значения «лиц-чисел», а не лица и числа. Примерно так же освещает этот вопрос и П. Я. Скорик (ТД 2, стр. 10), находя, что личноместоименные аффиксы, «совмещая в себе два значения (лица и числа). . . никак не нарушают аффиксальную моносемантичность, так как [это] обусловлено . . . природой личных местоимений, от которых образовались эти аффиксы».

из типичных («классических») агглютинативных языков — на эскимосский.[27]

Оставим в стороне словообразовательные суффиксы этого языка, поскольку прямого отношения к рассматриваемому вопросу они не имеют. Обратимся к тому, что Г. А. Меновщиков называет моносемантичностью морфем «функционального формоизменения (показатели лица, числа и падежа)».

Из примеров, опубликованных в тезисах, не все ясно. Но если посмотреть «Таблицы склонения имен и спряжения глаголов», которые не раз издавал Г. А. Меновщиков и о которых он недавно писал, что они «неоднократно проверялись на занятиях с эскимосами»,[28] то можно заметить, что в этом агглютинативном языке окончания ряда одних и тех же падежей различны для форм единственного и для форм множественного числа. Например, творительный падеж ед. числа *-мын*, мн. числа *-нын*, дательно-направительный падеж ед. числа *-мун*, мн. числа *-нун*, местный падеж ед. числа *-ми*, мн. числа *-ни*. Поскольку никаких других показателей единственного и множественного чисел в данном случае в склоняемом слове нет, то должно быть ясно, что в приведенных падежных окончаниях заключено одновременно два разнородных значения — числа и падежа. Почему и как это произошло в эскимосском языке, можно объяснить. Но нас сейчас интересует не история образования полисемичных окончаний, а сам факт наличия их в живом эскимосском языке. А что это не какое-то особое исключение в этом агглютинативном языке, можно заключить из внимательного просмотра упомянутых «Таблиц» и особенно — помещенных там притяжательных (личных и безличных) форм склонения, а также из просмотра форм субъектного и субъектно-объектного спряжения глагола.

В ряде выделенных Г. А. Меновщиковым якобы моносемичных суффиксов им же отмечены одновременно свойственные этим суффиксам такие грамматические значения, как лицо обладателя, число обладателя, число предмета обладания. В окончаниях глагола — переходность—непереходность, наклонение, лицо и число субъекта, а в некоторых глагольных формах не только лицо и число субъекта, но еще и лицо и число объекта.

Можно было бы предположить, что каждая морфема, которую Г. А. Меновщиков выделяет и называет суффиксом, как-то членима и состоит (или состояла в прошлом) из нескольких морфологических компонентов. Но если и лингвист, и носители языка находят возможным после неоднократных проверок считать выделенные

---

[27] Г. А. Меновщиков. Моносемия суффиксов в эскимосском языке. ТД 2, стр. 44 и сл.

[28] Г. А. Меновщиков. Эскимосский язык. Л., 1960, стр. 13.

элементы одной морфемой, одним суффиксом, то о какой исключительной моносемантичности морфем и особенно морфем «функционального формоизменения» можно говорить?

То же можно обнаружить и в самодийских языках, по словам Н. М. Терещенко «бесспорно принадлежащих к числу агглютинативно-суффиксальных, поскольку основным способом образования форм слов в них является последовательное наслоение на основу слова, остающуюся в большинстве случаев неизменяемой, грамматически однозначных и однотипных суффиксов».[29]

Можно ли, однако, считать такое мнение «бесспорным», если, по словам того же автора:

1) конечный согласный основы нередко (!) сливается с начальным звуком аффикса или изменяется под его влиянием; (ведь если «тесная спайка основы и форманта», влекущая за собой нерасчленимость конечного звука основы и начального звука аффикса — они сливаются в один звук — есть «агглютинация», то что же такое «фузия»?);

2) отсутствует «единая стандартизованная парадигма склонения»;

3) кроме «агглютинации», в этих языках «довольно широкое (!) распространение имеют элементы флексии» (точнее — внутренней флексии), которые «сами по себе без всякого присоединения аффиксов могут служить показателями грамматической формы»;

4) в ненецком языке «наряду с агглютинативными построениями получило распространение образование. . . грамматических форм посредством внутренней флексии», а оба этих «технических приема» в сочетании с «аналитическими конструкциями» составляют «сложную и разветвленную систему словоизменения самодийских языков».

Прочитав все это, остается лишь недоумевать, почему самодийские языки признаются бесспорно агглютинативными, а «образование агглютинативного способа соединения морфем» в этих языках, по словам Н. М. Терещенко, «не нуждается в особом исследовании — оно лежит на поверхности».

Такие выводы нередко получают сторонники «полезной и необходимой» морфологической классификации, а также авторы учебников по курсу «Введение в языкознание». Типологическое исследование в сущности не нужно, достаточно тот или иной слабо исследованный язык подвести под известный типологический ярлык.

Но как все же быть с объявленной «грамматической однозначностью однотипных суффиксов» в самодийских языках при отсутствии в них «единой стандартизованной парадигмы склонения»?

---

[29] См.: ТД 2, стр. 20 и сл.

Тезис о грамматической однозначности (моносемии) и об однотипности (стандартности) самодийских словоизменительных суффиксов (точнее — окончаний), равно как и утверждение относительно неизменяемости («в большинстве случаев») основы слова (точнее — корня), рушится при первом же ознакомлении с конкретными работами по описательной морфологии самодийских языков,[30] в частности, и с работами Н. М. Терещенко по ненецкому (юрако-самоедскому) языку.[31]

Так, в ненецком языке формы числа имен существительных, хотя в принципе и имеют свои особые показатели (нулевой для единственного, *xvh-* *-gh-* *-kh-* для двойственного, *-h-* для множественного), при склонении существительных либо «опускаются» (показатель мн. числа), либо вступают в такие тесные фонетические соединения с суффиксальными показателями падежей, что образуется в большинстве случаев один общий показатель — суффикс-окончание числа и падежа. В опубликованных таблицах падежных суффиксов (окончаний) «безличного» (по Прокофьеву), или «основного» (по Терещенко) склонения выделены суффиксы, каждый из которых указывает не только на тот или иной падеж имени, но и на его число (единственное, двойственное или множественное). Что же касается суффиксов (окончаний) лично-притяжательного и лично-предназначительного склонений, то здесь каждый из выделенных специалистами суффиксов, кроме указания на падеж и число склоняемого имени, содержит одновременно и указание на лицо обладателя, т. е. является не однозначным и не двухзначным, а по крайней мере четырехзначным.

И это отнюдь не «единичные» явления, не нарушающие, якобы, общей картины моносемии суффиксов агглютинативного ненецкого языка. Основное (или безличное) склонение в ненецком, судя по опубликованным таблицам, имеет 18 суффиксов (по Прокофьеву) или 19 (по Терещенко), не считая нескольких нулевых. Лично-притяжательное склонение насчитывает 189 отдельных суффиксов, а лично-предназначительное — 81 суффикс.

При этом все падежные суффиксы (окончания) общим числом 288 морфем, не считая нулевых, значительно различаются в зависимости от классов и подклассов (групп) склоняемого имени. Два класса имен и две группы II класса выделены специалистами по фонетическим признакам (в зависимости от конечного звука основы склоняемого имени). Но фонетические процессы, происходящие в ненецком языке на стыках морфем склоняемого слова,

---

[30] См. работы Г. Н. Прокофьева, посвященные ненецкому, нганасанскому, энецкому и селькупскому языкам в сб.: Языки и письменность народов Севера, ч. 1. М.—Л., 1937, стр. 5—124.

[31] Н. М. Терещенко. Очерк грамматики ненецкого языка. Л., 1947, стр. 59—115, 190—255.

настолько значительны и фузионны, что о какой-либо стандартности суффиксов здесь говорить весьма затруднительно.

Обращает на себя внимание и нестандартность («изменяемость») многих непроизводных основ, совпадающих в других случаях с корнями. Ср.: *вэ*' 'собака', «вторая основа» — *вэн-*; *мя*' 'чум', «вторая основа» — *мяд-*; *тю*' 'веха', «вторая основа» — *тюс-* и т. п.

Еще сложнее обстоит дело со словоизменительными суффиксами глагольных слов. Так, в окончаниях I типа спряжения (спряжение непереходных глаголов), судя по опубликованным таблицам, «личные показатели», каждый из которых является особым суффиксом (окончанием), указывают одновременно на лицо и число субъекта, а также на время и наклонение глагола. Всего их в формах I спряжения, не считая одного нулевого окончания и нескольких вариантов одних и тех же суффиксов, насчитывается 17. В окончаниях II типа спряжения (спряжение переходных глаголов), в отличие от окончаний I типа, содержится не только указание на лицо и число субъекта действия, но еще и на число объекта действия (единственное и двойственно-множественное).

Всего таких глагольных окончаний, каждое из которых содержит указание на лицо и число субъекта, на число объекта, на время и наклонение глагольной формы, насчитывается 36.

В III тип спряжения, отличающийся, так же как и первые два, «системой образования личных форм», выделяется спряжение возвратно-переходных глаголов (лично-возвратные формы переходных глаголов). Число выделенных в нем суффиксов (окончаний), четко дифференцированных и по лицам и числам субъекта, временам и наклонениям глагола, составляет 18.

Все названные полисемантичные суффиксы-окончания изъявительного наклонения противопоставляются соответствующим личным окончаниям повелительного наклонения, также строго дифференцированным не только по лицам и числам (2-е и 3-е лицо единственного, двойственного и множественного числа субъекта), но и по указанным типам спряжения (непереходный, переходный и возвратно-переходный). Всего личных окончаний для форм повелительного наклонения 24.

Таким образом, к 288 полисемичным и нестандартным суффиксам-окончаниям имен следует прибавить по крайней мере 95 полисемичных и тоже нестандартных личных суффиксов-окончаний глагола изъявительного и повелительного наклонений.

Глагольные окончания в ненецком языке в ряде случаев (как и именные) являются составными (например, личные окончания прошедшего времени, состоящие из личных окончаний неопределенного времени и показателя прошедшего времени — суффикса *-сь*). Но если специалисты, ссылаясь на ряд сложных фонетических модификаций, выделяют интересующие нас показа-

тели как монолитные суффиксы, присоединяемые непосредственно или посредством специальных соединительных морфем к глагольной основе, то о какой «однозначности» и «однотипности» этих суффиксов-окончаний можно говорить, не вступая в явное противоречие с реальными фактами морфологии самодийских языков? Что могло дать повод для столь ошибочной квалификации этих сравнительно простых и давно уже достаточно четко выделенных и ясно охарактеризованных морфем?

Единственное объяснение — догматическое следование канонам старой морфологической классификации: ненецкий язык «бесспорно агглютинативно-суффиксальный», а коли так, то . . . и так далее (см. любой учебник по курсу «Введение в языкознание»).

Я не специалист по самодийским языкам и могу судить о них только по некоторым работам, опубликованным специалистами. По моим впечатлениям, почерпнутым из этих работ, русский или немецкий язык куда более «агглютинативны», чем, например, ненецкий, — и по значениям «служебных морфем», и по способам их соединения, не говоря уже о внутренней флексии, получившей в ненецком более широкое применение, чем, например, в русском языке.

На примере «моносемии» и «стандартности» суффиксов-окончаний эскимосского, ненецкого да и ряда других языков, именуемых агглютинативными, можно видеть, какова реальная польза традиционных взглядов на агглютинативный тип языка, пропагандируемых на лекциях и в учебниках по курсу «Введение в языкознание».

На материалах любого языка — агглютинативного, инкорпорирующего или флективного,— в котором имеются личные аффиксы, притяжательные или предикативные, субъектные или объектные, можно показать, что эти аффиксы, так же как и личные окончания глагола, например, русского языка, имеют всегда и одновременно минимум два значения — лица и числа, а в ряде языков одновременно не два, а несколько значений, как например в ненецком. В агглютинативных языках, имеющих формы глагольного времени и наклонения, оба эти значения, как правило, заключены в одном монолитном аффиксе, хотя часто они дополнительно (а иногда и целиком) различаются и посредством соответствующей дифференциации личных окончаний глагола, изменяемого по наклонениям и временам, лицам и числам.

Один поясняющий пример из нанайского языка:

бу-ру ‘дай’, *бу-ру-су* ‘дайте’, *бу-хэри* ‘дай (потом)’, *бу-хэр-су* ‘дайте (потом)’.

Анализируя парадигму нанайского глагола, находим, что суфф. *-ру* имеет одновременно два значения — повелительного

наклонения и настоящего времени, а суфф. *-хэр(и)* — повелительного наклонения и будущего времени. Личная форма единственного числа 2-го лица в этом наклонении нулевая, в других наклонениях суффикс 2-го лица ед. числа *-чи* или *-си*.

Мнение о том, что во всех агглютинативных языках употребляется агглютинативный способ соединения морфем, а фузия встречается как крайне редкое исключение, рассеивается при первом же столкновении с фактами ряда агглютинативных языков. Причем дело здесь заключается не только в позиционных фонетических вариантах морфем, корневых и аффиксальных, в выпадении звуков, в их перестановке и т. п., но и в своего рода полном растворении аффикса, в переходе его в нулевой показатель или в слиянии его с флектирующей безаффиксальной основой.

Примеры из ульчского языка, очень схожего с нанайским: *ӈэнэ-* глагольная основа ‘идти’, *ӈэни* ‘идущий’, ‘идет’; *гэлэ-* ‘просить’, *гэли* ‘просящий’, ‘просит’; *та-* ‘делать’, *ти* ‘делающий’; *зобо-* ‘работать’, *зоби* ‘работающий’ и т. д. и т. п. Как образованы подобные очень употребительные формы ульчских причастий действительного залога настоящего времени, хорошо известно: *ӈэнэ-*+*-j* (показатель наст. времени причастия)=*ӈэни*. Но выделить в словоформе *ӈэни* какой-либо аффиксальный элемент совершенно невозможно. Это не агглютинация и даже не фузия, а флексия основы.

Соединение на стыках морфем двух одинаковых гласных, по мнению отдельных специалистов нанайского языка, образует особые долгие гласные фонемы, а двух неодинаковых гласных — дифтонги. Можно с такой трактовкой гласных фонем нанайского языка не согласиться, но в чисто фонетическом отношении они — прямое свидетельство фузии, очень часто наблюдаемой в этом типичном, как принято считать, агглютинативном, языке при соединении ряда морфем.

Сложны и многообразны явления фузии в агглютинативном орокском языке.

В удэйском языке, по мнению некоторых специалистов, ряд форм глагола образуется не путем аффиксации («агглютинации»), а путем чередования простого конечного гласного основы с так называемым прерывным гласным: *зава-* основа глагола ‘брать’, *зав’а* (*зава-*ʔ*а*) ‘он взял’ и т. п. С такой морфологической трактовкой этих образований согласиться нельзя. Но и эти примеры — яркое свидетельство того, что фузионный способ соединения морфем во многих агглютинативных тунгусо-маньчжурских языках не редкость, не досадная аномалия, а такая же законная норма, как и агглютинативный способ соединения, которому специалисты отдают особое предпочтение.

Можно привести множество примеров неоднозначных суффиксов и случаев фузионного соединения любых — и полисемантичных, и моносемантичных — суффиксов с корнем или друг с другом. Я это не раз уже делал[32] и поэтому ограничусь сказанным.

Но, может быть, тунгусо-маньчжурские, некоторые палеоазиатские и самодийские языки — не агглютинативные или не собственно агглютинативные?

Боюсь, что при утвердительном ответе на этот вопрос агглютинативным окажется, с точки зрения канонов старой типологии, только так называемый «аморфный», или изолирующий, китайский язык, если то, что сказано в тезисах Н. С. и В. М. Солнцевых о китайской агглютинации,[33] не вызовет возражений со стороны других синологов.

Спора нет, для типологической характеристики языков строгий учет соотношения так называемых агглютинативных явлений и явлений флективных может иметь, если этот учет будет производиться объективно, существенное значение. Но пока что об аффиксации можно сказать то же, что Т. А. Бертагаев говорит о флексии: «. . .трудно согласиться с теми исследователями, которые чередования фонем связывают с тем или иным строем языка».[34] Еще труднее, думается мне, связать аффиксацию с установлением того или иного традиционного типа языка. Что же касается способов соединения морфем или частей сложного слова — агглютинации и фузии,— то попытки соединить это явление с особенностями значений аффиксов и с определением типа языка, как кажется, вообще лишено надлежащей опоры и реальной перспективы.

Означает ли все сказанное, что между морфологическим строем, например, нанайского языка и русского нет никаких существенных различий? Я думаю, не означает. Но существенные различия не лежат на поверхности, они далеко не так очевидны, как это порой утверждают до или без типологического изучения структуры языка. Их, эти различия, нужно обнаружить, понять и объяснить. Утверждать же, что, например, в нанайском языке всё не так, как в русском, и считать это «очевидной истиной» только потому, что первый из них принято называть агглютинативным, а второй флективным, значило бы причинять с помощью относительно полезной для своего времени (середина прошлого

---

[32] См., например: О. П. С у н и к. Глагол в тунгусо-маньчжурских языках, где на многих страницах отмечены многочисленные случаи неоднозначности (полисемии) и нестандартности окончаний глагольных форм всех тунгусо-маньчжурских языков.

[33] См. ТД 2, стр. 42—44.

[34] ТД 2, стр. 18.

века) морфологической классификации значительный вред исследованию морфологии и нанайского, и русского, и ненецкого, и эскимосского, и многих других языков.

Так выглядит рассмотренный с учетом «очевидных фактов реальной действительности» некоторых агглютинативных языков традиционный тезис о моносемии аффиксов, об их стандартности и способах их соединения, тезис, столь упорно защищаемый в наши дни В. А. Авроpиным и некоторыми другими специалистами по северным агглютинативным языкам, в которых, как писал В. А. Аврорин, «грубо говоря, всё строится по формуле: один аффикс — одно значение, одно значение — один аффикс, тогда как во флективных языках это правило приложимо только к суффиксам, а окончания подчиняются другому правилу: одно окончание — пучок значений, одно значение — пучок вариантов окончаний».[35]

Но дело здесь, видимо, не в одном только огрублении и упрощении «очевидных фактов», а и в неправильном их рассмотрении по существу. Мне приходилось уже приводить заключения ряда опытных исследователей различных агглютинативных языков (тюркских, некоторых дальневосточных, иберийско-кавказских), согласно которым «вовсе не обязательно, чтобы в так называемом агглютинативном языке формальный элемент имел лишь одно значение» (А. А. Холодович): «флективные языки нельзя противопоставлять агглютинативным: принципиальной разницы между ними не имеется; трудно даже их разграничить» (А. С. Чикобава), «я не могу понять, когда противопоставляют турецкие языки и, например, русский» (Л. В. Щерба), тюркские языки не являются «собственно агглютинативными» (А. К. Боровков) и т. п.[36]

Спора нет, в разных языках, относимых по традиции к одному общему агглютинативному типу, так же, впрочем, как и в различных языках одного общего флективного типа, вопрос о количестве и качестве грамматических значений, свойственных тем или иным разрядам аффиксальных морфем, может и должен решаться особо, дифференцированно. Ведь то, что свойственно «типичным» и «бесспорно» агглютинативным языкам — эскимосскому или ненецкому, в меньшей мере свойственно различным агглютинативным языкам тунгусо-маньчжурской семьи, а еще меньше другим языкам той же алтайской группы — монгольским, тюркским.

---

[35] В. А. Аврорин. Об основных различиях между агглютинативной и флективной аффиксацией, стр. 212.

[36] Подробнее об этом, с указанием библиографии, см.: О. П. Суник. Проблема агглютинации в алтайских языках, стр. 3—4.

Задача, следовательно, состоит в том, чтобы от пропаганды упрощенных («грубых») формул и правил перейти наконец к конкретным типологическим исследованиям отдельных языков, групп родственных языков и тех языковых группировок, которые установлены в середине прошлого века посредством известной морфологической классификации.

Даст ли это в ближайшее время новую типологическую классификацию — это другой вопрос, который не может быть решен до и без исследовательской лингвистической работы. Одни только ссылки на «очевидные факты», на «очевидные истины», на «бесспорность» и «общепризнанность» тех или иных широко известных взглядов, распространяемых в многотысячных тиражах пусть даже лучших наших учебников по «Введению в языкознание», не смогли и не смогут решить проблемы. Пока они только тормозят ее решение, а не содействуют отысканию новых элементов объективной истины в области проблем лингвистической типологии.

4

В заключительном разделе предлагаемой статьи, прежде чем подводить общие итоги проделанного анализа, остановлюсь еще на одной концепции агглютинативного типа языков, которую для краткости можно назвать «железнодорожной» (или, точнее,— «паровозо-вагонной»). Поводом для такого наименования служит следующее образное сопоставление, предлагаемое А. А. Реформатским во всех изданиях его известного учебника:

«Слово, построенное по принципу агглютинации, похоже на длинный поезд, где корень — паровоз, а цепь аффиксов — вагоны, „просветы“ между которыми всегда отчетливо видны».[37]

За этим метафорическим описанием стоит определенная и, как увидим, довольно старая концепция агглютинативного типа языков, суть которой сводится к следующему:

1) корень в агглютинативных языках является самостоятельным словом, а не корнем в строгом грамматическом смысле этого термина;

2) аффиксы в агглютинативных языках напоминают служебные частицы или частичные слова; это — «цепочка самостоятельных, сохраняющих всегда свою значимость морфем»;

3) в этих языках понятие «основа» либо существенно отличается от понятия «основа» во флективных языках, либо вообще теряет для них свой смысл;

---

[37] А. А. Реформатский. Введение в языкознание. М., 1960, стр. 224; то же в издании 1955 г., стр. 214; в издании 1947 г., стр. 91: «Оно (слово в агглютинативных языках, — *О. С.*) похоже на паровоз (корень) и длинный поезд вагонов (аффиксов)».

4) все аффиксы самостоятельны и равноценны, деление их на деривационные и реляционные сомнительно (не очевидно); понятие «окончание» (флексия) к языкам этого типа не применимо;

5) внешне «самостоятельность» аффиксов проявляется в том, что они в агглютинативных языках только следуют друг за другом, а не соединяются ни с корнями, ни с другими аффиксами;

6) в агглютинативных языках слова́—это «цепочки» морфем-аффиксов, нанизываемых на корень; деление такого слова на производящую основу и формообразующий элемент невозможно, поскольку слово лишено здесь в отличие от слова флективных языков признака двучленности, или бинарности.

В наше время подобный взгляд на агглютинативные языки, восходящий к воззрениям лингвистов первой половины прошлого века, разделял, как кажется, только Н. Я. Марр, утверждавший в 1927 г. в лекциях по курсу общего учения о языке («Бакинский курс»): «Агглютинативный тип языка — это прилепный: нет органически выявляемых частей — окончаний. . ., но вместо собственных падежных или иных окончаний их, имен, назначение во фразе определяется присоединением к ним так наз. функциональных слов или придаточных частиц, своего рода прилеп и в том и другом случае, т. е. явно слова ли они, или придаточные частицы, которые подлежат еще разъяснению как слова».[38]

Это высказывание Н. Я. Марр пояснял следующими сопоставлениями: от русск. *дом*, тур. *ev* ‘дом’, чтобы получить падеж, отвечающий на вопрос «где?», местный падеж, в русском образуется соответственный падеж — *до́ма*, а в турецком к слову *ev* ‘дом’ присоединяется слово, ставшее теперь частицей *-da/-de — ev-de*. На вопрос «откуда?», падеж исходный, в русском прибавляется предлог *из — из дома*, а в турецком присоединяется частица *-dan/-den — ev-den* и т. п. Далее следует ссылка на так называемый палеонтологический анализ падежей тюркских и некоторых яфетических языков.

А. А. Реформатский строит свою концепцию агглютинативного слова без исторических экскурсов, синхронно-описательно, используя для этого один известный пример из казахского языка.

---

[38] Н. Я. Марр. Избранные работы, т. II. [Л.], 1936, стр. 51. Подробнее о взглядах на строй агглютинативных языков, господствовавших в первой половине прошлого века, я писал в указанной выше работе «Проблема агглютинации в алтайских языках» (стр. 1—2). Критика этих несостоятельных взглядов содержится в известной работе И. А. Бодуэна-де-Куртенэ «Заметки на полях сочинения В. В. Радлова. . .» (Живая старина, II—III, 1909).

Казах. *аттыларымға* ‘моим всадникам’, по мнению А. А. Реформатского, буквально означает: ‘лошадь’+‘обладающий’+‘много’+‘мой’+‘ему’. «Корень-паровоз» здесь *ат-* ‘лошадь’, «аффиксы-вагоны» — *-ты-* ‘обладающий’, *-лар-* ‘много’, *-ым-* ‘мой’, *-ға* ‘ему’.

Если судить об этой казахской словоформе по так называемому «подстрочному переводу», использованному А. А. Реформатским, то развиваемая им концепция, быть может, покажется не лишенной каких-то оснований. Но дело-то как раз и заключается в том, что предложенный «подстрочный перевод» является не переводом, а полным искажением грамматической сущности подлинника.

Начнем с конца «поезда», с его последнего «вагона». Словоизменительный суффикс (окончание) *-ға* — показатель дательного падежа — чистейший реляционный аффикс, не обладающий, как и положено аффиксу, никаким лексическим значением. «Переводить» его отдельным словом ‘ему’ нельзя (‘ему’, по-казахски *оған* < *ол*+*ған* — дат. падеж местоимения *ол* ‘он, она, оно’, ‘тот’). То же следует сказать и о следующем аффиксе *-(ы)м-* — показателе принадлежности 1-го лица ед. числа, а не отдельном слове (‘мой, моя, мое’ по-казахски *менің*, < *мен-ің*, — родительный падеж личного местоимения 1-го лица ед. числа). Следующий афф. *-лар-* — показатель множественного числа имени существительного. Как и положено всякому аффиксу, лексическим значением он не обладает (‘много’ по-казахски *көп*). И, наконец, последний (перед «корнем-паровозом») афф. *-ты-* есть ассимилированный под влиянием конечного звука корня деривационный аффикс для образования отыменных прилагательных *-лы-*: *ат* ‘лошадь, конь’, *ат-*+*-лы* > *атты* ‘конный, верховой’. «Переводить» этот аффикс (в лингвистических, конечно, целях, а не литературных) отдельным словом ‘обладающий’ нет никаких оснований, тем более что отдельного слова со значением ‘обладать’ в казахском, как и в других тюркских языках, нет.

Что касается перевода корня *ат-* посредством целого русского слова ‘лошадь’, то такой перевод в смысловом отношении хотя и верен, но, строго говоря, соответствует значению не корня *ат-*, а слова *ат* — имени существительного ед. числа им. падежа «прямого» (или непритяжательного) склонения. Корень *ат-*, внешне совпадающий со словом *ат*, в отличие от последнего, лишен таких грамматических значений, как число, падеж и т. п., свойственных только целому слову любого языка, в том числе и агглютинативного, если, конечно, в нем выделяется корень (корневая морфема) в противовес аффиксальным морфемам.

Но каков же настоящий морфологический состав казахского слова *аттыларымға* ‘моим всадникам’, устанавливаемый не по русскому «подстрочнику», а по реальной морфологической

структуре этого и аналогичных ему слов (или лексем)? Как образовано это слово?

От слова *ат* ‘лошадь, конь’ путем прибавления к его корню *ат-* деривационного суффикса *-лы* образовано другое слово: прилагательное *атты* ‘конный, верховой’ (ср.: *атты кісі* ‘верховой человек, всадник’). Путем субстантивизации прилагательного *атты* (внешним ее признаком является суфф. *-лар* — реляционный аффикс мн. числа существительных, выполняющий здесь и деривационную функцию — словообразование по конверсии) образовано существительное *аттылар* ‘верховые’, ‘всадники’ (имя существительное мн. числа им. падежа прямого склонения). От основы этого имени, т. е. от *аттылар-*, посредством реляционного аффикса *-ым* образована лично-притяжательная форма данного существительного — форма принадлежности 1-го лица ед. числа им. падежа: *аттыларым* ‘мои верховые’, ‘мои всадники’. И наконец путем прибавления другого реляционного аффикса-окончания дат. падежа *-ға* (этот аффикс «заменил» нулевой показатель им. падежа) образовалась интересующая нас словоформа *аттыларымға* — ‘моим верховым’, ‘моим всадникам’ — дательный падеж притяжательного склонения производного существительного *аттылар* ‘верховые’ или ‘всадники’.

Какова морфологическая структура этой словоформы? Она состоит из производной основы *аттылар-* и окончания *-(ы)мға*. В составе основы находим корень *ат-* и два аффикса — чисто деривационный *-ты-* и деривационно-реляционный *-лар-*. В окончании выделяем два чисто реляционных аффикса *-(ы-)м-ға*, свойственных падежным формам притяжательного склонения.

Двучленность (или бинарность) словоформы *аттыларымға*, на мой взгляд, не вызывает никаких сомнений, если анализ этой словоформы произвести не по «подстрочному переводу», а по подлиннику.

Пользуясь случаем, замечу, что и вопрос о повторении в слове некоторых одинаковых словообразовательных аффиксов, когда один из них «угасает», а второй продолжает «играть», решается на материале конкретных агглютинативных языков не так, как он решен в учебниках А. А. Реформатского. В частности, это можно видеть и на рассмотренном казахском примере. Наряду со словом *атты* (< *ат*+*лы*) ‘верховой’ употребляется в том же значении *аттылы* (< *ат-лы* >*атты*+*лы*). Ассимилированный афф. *-ты* «затухает», а точно такой же, но не ассимилированный *-лы* «играет». Ср. *аттылы кісі* ‘верховой’ и т. п.[39]

---

[39] См.: Х. Махмудов, Г. Мусабаев. Казахско-русский словарь (с приложением краткого очерка грамматики казахского языка, составленного Х. Х. Махмудовым). Алма-Ата, 1954.

Вообще следует сказать, что «затухание», или «угасание», одного аффикса и повторение в слове такого же или сходного аффикса, но живого, «играющего», — одна из характерных черт морфологии не только описательной (синхронной), а и морфологии исторической многочисленных агглютинативных языков.[40] Ср. казах. *кайсы* (*кай-сы*) 'который' и *кайсысы* (< *кай-сы-сы*) 'который из них'. Известного примера типа турецк. *эв-де-ки-лер-де* 'домочадцам' здесь можно не анализировать. Первый из аффиксов *-де* — «угасший» показатель местного падежа, второй (конечный) *-де* — живой («играющий») аффикс того же местного падежа.

Итак, никаких «просветов» между морфемами агглютинативного слова в действительности нет. Корень в агглютинативных языках является корнем, а аффиксы — аффиксами. Основа и в этих языках противопоставляется не просто аффиксу (или аффиксам), а окончанию (или флексии). «Биномность» (двучленность, бинарность) слова, если в нем имеется основа и окончание, несомненна. Рассмотренная концепция агглютинативного слова — явное и досадное недоразумение, возвращающее нас к давно раскритикованным взглядам на агглютинативные языки, принадлежавшим А. Потту и некоторым другим лингвистам первой половины прошлого века.

* * *

Каковы же итоги критического рассмотрения некоторых общих вопросов типологии агглютинативных языков в их сопоставлении с языками флективного типа?

Возобновление интереса к типологическим проблемам не должно, как мне кажется, означать возврата к старым, пройденным этапам нашей науки. Пропаганда и защита известной морфологической классификации не может заменить и с с л е д о в а т е л ь с к о й р а б о т ы в области лингвистической типологии. Некритическое следование канонам старой типологической схемы, как бы эта схема ни уточнялась и ни подновлялась, давно уже не дает и, по-видимому, не может дать ничего полезного для научного изучения структуры языков вообще, их морфологической структуры в частности и в особенности. Неразработанность основных понятий типологии, неясность понятия морфологического типа языка, доставшиеся нам в наследие от типологических штудий прошлого века, давно уже стали значительной помехой на пути типологических исследований, отвечающих требованиям современной науки о языке.

---

[40] См. об этом в указанной выше книге «Глагол в тунгусо-маньчжурских языках», где на ряде конкретных примеров показано, как к «окаменелым» аффиксам глагольной основы присоединяются такие же или сходные аффиксы вида, каузатива, времени и т. п.

Опыт исследования морфологической структуры ряда языков, относимых (иногда с оговорками) к агглютинативному типу, в сопоставлении с некоторыми языками иных традиционных типов, главным образом флективного, убеждает, как кажется, в том, что наиболее надежным основанием для типологических обобщений, в том числе и для создания новой морфологической классификации, является изучение различных морфологических типов слова, свойственных каждому языку. Предметом изучения должны явиться все морфологические типы слова, в их реальном соотношении в том или ином языке, а не один только тип, признаваемый на словах ведущим, определяющим, а практически — единственным типом, по которому обычно определяют, пользуясь рубриками традиционной схемы, морфологический тип языка в целом.

Морфологическая структура слов определенных типов (слов морфологически членимых, слов грамматически изменяемых) — предмет специально типологического изучения в каждом языке и во всех языках, привлекаемых для исследования. Все выявленные в том или ином языке грамматические способы образования и изменения слов должны стать объектом внимательного типологического изучения в их соотношении и взаимодействии, а не один только из этих способов, признаваемый без каких-либо доказательств «ведущим», «определяющим», а затем и единственным. То же следует сказать и о способах соединения компонентов морфологически членимого слова, а также об особенностях аффиксальных и корневых морфем. Ведь только строгий учет реального соотношения разных структурных элементов, относимых по традиции к различным типам языков, а в действительности свойственных в той или иной мере каждому языку, может дать прочные основания для исчерпывающей и всесторонней характеристики морфологической структуры языка, для определения его морфологического типа.

Ни способы соединения морфем (агглютинация, фузия), ни особенности некоторых аффиксальных морфем (моносемия и полисемия аффиксов), взятые сами по себе, без надлежащего учета всех морфологических особенностей языка, не дали и не могут дать основания для объективного описания морфологического строя языка, для установления морфологических типов и распределения языков по основным морфологическим классам.

Вывести из способов соединения морфем («тенденция агглютинации», «тенденция фузии») все прочие признаки морфологических типов — моносемию и полисемию аффиксов, самостоятельность и несамостоятельность основ, бинарность и многосоставность слова, аналитические и синтетические формы слов и т. п. —

невозможно, хотя номенклатура отдельных традиционных типов — агглютинативного и фузионного (или флективного) основана на учете способов соединения морфем.

Привычные термины, традиционная номенклатура не должны быть большой помехой для объективного структурно-типологического описания языков; ведь значения терминов меняются вместе с изменением понятий, которые обозначаются терминами.

Так, хорошо известны, хотя и толкуются по-разному, два важнейших способа образования слова или его формы:

1) изменение морфемного состава слова путем изменения звуковой формы корневых и реже аффиксальных морфем: образование соотносительных морфем посредством фонологических чередований, изменений ударения или тона, а также посредством супплетивизма различных корневых морфем;

2) изменение морфемного состава слова посредством различных соединений в нем разных аффиксальных или разных корневых морфем, а также повторов (редупликации) некоторых морфем.

Первый из этих способов можно назвать, пользуясь общеизвестной терминологией, «флективным» или «символическим», второй — «аффиксальным» (но не «агглютинативным» или «фузионным»).

Названные способы, несмотря на существенные между ними различия, в функциональном отношении являются соотносительными, чего нельзя сказать об «агглютинации» и «флексии» в их традиционном толковании. Агглютинация как способ соединения морфем соотносительна другому способу — фузии. Агглютинация как разновидность аффиксальных морфем (стандартные и однозначные аффиксы) противопоставляется другой их разновидности — нестандартным и многозначным аффиксам («внешняя флексия»). Но ни агглютинация, ни внешняя флексия не могут быть поставлены в такого же рода связь с так называемой внутренней флексией, под которой понимают чередование фонем в корне или основе, иногда полагая, что само это чередование является «морфемой».

И в языках, именуемых агглютинативными (например, алтайских), и в языках, называемых флективными (например, русском), основным (наиболее распространенным) способом образования слова и его форм несомненно является аффиксация. И в тех и в других языках наличны как агглютинативный, так и фузионный способы соединения компонентов морфологически членимого слова. И в тех и в других языках есть две разновидности аффиксов — аффиксы однозначные и аффиксы неоднозначные, аффиксы стандартные и нестандартные. Внешняя флексия (различные типы окончаний слова) тоже свойственна и тем и другим языкам. И в тех и в других языках, хотя и в весьма различной степени, применяется также способ внутренней флексии, не являющийся, однако, ос-

новным, преобладающим ни для флективных индоевропейских языков, ни тем более для агглютинативных алтайских.

Различия между особенностями морфологической структуры сопоставляемых языков во всех перечисленных выше отношениях носят, следовательно, не принципиальный, не качественный, а прежде всего количественный характер.

Для обнаружения качественных различий в морфологическом строе сопоставляемых языков необходимо исследование, объективное и доказательное, ибо качественные особенности не лежат на поверхности, они не самоочевидны, их нужно обнаружить и объяснить. И это — одна из центральных задач типологического изучения языков. Ссылки на «очевидные истины» здесь ничего полезного не дают, они только мешают делу.

Привычное наименование алтайских языков и других им подобных языками «агглютинативными», а русского и ему подобных — «флективными» не должно вести к повторению ошибочных утверждений, почерпнутых из старых типологических теорий и основанных на догмах этих теорий, а не на реальных фактах языков, особенно языков алтайских, требующих специальных типологических исследований. Будут углубленные типологические исследования — будет и типологическая классификация, отвечающая требованиям науки о языке второй половины XX в.

А. А. Реформатский

АГГЛЮТИНАЦИЯ И ФУЗИЯ КАК ДВЕ ТЕНДЕНЦИИ ГРАММАТИЧЕСКОГО СТРОЕНИЯ СЛОВА

§ 1. В слове можно различать собственно слово, единицу лексико-семасиологическую, и лексему — единицу грамматическую. Эти два понятия пересекаются, но полностью не конгруируют. Слово может и линейно, и по составу совпадать с лексемой (*собака*), но может состоять и из нескольких лексем (лексикализованная идиоматика: *à la чёрт побери*). Но самое главное — это то, что у слова и у лексемы разные планы, а тем самым и разные характеристики.

Слово может быть нейтральным и экспрессивным, полисемичным, метафорическим, терминологизированным, поэтическим. . . Лексема может быть одноморфемной или полиморфемной, префи-

гированной или суффигированной, принадлежать к тому или иному типу композита, служить в роли предиката. . .

Тем самым вопросы строения слова и словообразования принадлежат плану лексемы.

§ 2. Линейно лексемы состоят из морфем. Таким образом, лексемы членятся на морфемы, в свою очередь членимые на фонемы. Фонемы линейной членимостью не обладают, представляя собой не линию, а точку, тем самым являясь минимальными единицами.

В тему настоящей работы входит вопрос об объединении морфем в лексемы, где следует учитывать:

а) тип морфем, образующих лексему (корни, аффиксы, соединительные элементы);

б) количество морфем в лексеме;

в) порядок их соположения в лексеме (префиксация и постфиксация, правила нанизывания аффиксов);

г) характер их соединения в лексеме (тенденция агглютинации и тенденция фузии).

В дальнейшем темой этой работы в узком смысле и будет именно последнее — агглютинация и фузия, но, чтобы подойти к ней правильно, надо охарактеризовать предшествующие пункты.

Бескорневых слов не бывает, но понятие корня может сильно варьировать в разных типах лексем. Так, в коротеньких служебных словах (предлоги, союзы, частицы, артикли) вопрос о корне не встает, поскольку все слово — один корень, даже если это этимологически сросшееся сложение (*ибо*), окончательно лексикализованное словосочетание (*если*) или повтор (*как*). В какой-то мере такие лексемы «бесформенны», так как они синхронно не имеют морфологического строения.

Если же данная лексема имеет морфологическое строение, т. е. она не одноморфемна, а минимально (и вполне достаточно!) двухморфемна, то одна из этих составляющих морфем обязательно относится к классу корней,[1] другая же морфема либо может быть также корневая (это случаи сложения — композита), что лежит в данном случае вне поля нашего рассмотрения, или же это аффикс, тогда это тема настоящей работы.

Количество аффиксов может быть любым, но без корня аффиксы в лексемах не могут выступать; при отсутствии корня им самим приходится брать на себя функции корня (т. е. радицироваться), например в случае «измов». Это явление — «радикация» — напоминает то, что на «уровне» лексем называют конверсией, транспозицией или переходностью частей речи (субстантивация, адъективация, адвербиализация, прономинализация и т. д.).

---

[1] О случаях с потенциальными корнями (радиксоидами) типа *обуть*, *разуть*, *вынуть* см. ниже, § 8.

Сами аффиксы в тех языках, где имеется аффиксация, представляют собой первый эшелон грамматики и очень сложное по своему устройству «хозяйство». Как бы ни было обширно это хозяйство, но оно всегда принципиально исчислимо и поддается строгой классификации, хотя классы аффиксов весьма разнообразны.

В аспекте линейности аффиксы могут быть препозитивны и постпозитивны по отношению к корню.[2] Так, выделяются префиксы и постфиксы.[3]

Выбор префиксов и постфиксов и их функциональное использование сильно варьируют по отдельным языкам и группам языков. Есть языки, в которых существует только постфиксация (финно-угорские, алтайские, дравидские, японский), чему вторит также отсутствие предлогов при развитой системе послелогов.

Есть языки, предпочитающие префиксацию (суахили и другие языки банту), где, однако, участвует и постфиксация.[4]

§ 3. Индоевропейским языкам свойственна и префиксация и постфиксация с явным преобладанием последней.[5] Но существеннее другое: префиксация в основном служит для словообразования, и префиксы, как правило, в индоевропейских языках являются носителями деривационных значений (ср.: *ехать* и *уехать*, *заехать*, *проехать*, *переехать*, *наехать*, *объехать*, *отъехать*, *подъехать*. . .), постфиксы же — не только деривационных, но и в первую очередь реляционных.[6]

В аффиксирующих языках есть и такие морфологические элементы, которые не выражают ни деривационных, ни реляционных значений, но участвуют в морфологическом строении лексемы. Это «соединительные элементы». Н. С. Трубецкой называет их «соединительными морфемами» (Verbindungsmorphemen). Этот термин может вызвать справедливые возражения, во-первых, потому, что

---

[2] Вопрос об инфиксах мы сознательно оставляем в стороне.

[3] Обычный термин «суффикс» не противопоставлен терминологически термину «префикс», что имеется в термине «постфикс», предложенном И. А. Бодуэном-де-Куртенэ.

[4] Так, в языке суахили отнесение к именному классу и детализация этого показана префиксацией, а производные формы глагола и локативные отношения имен показаны постфиксацией. См.: Е. Н. Мячина. Язык суахили. М., 1960, стр. 16, 17, 20, 23 и др.

[5] О характере соединения префиксов и различных постфиксов с корнями и основами в индоевропейских языках и об их общей характеристике см. ниже, § 8.

[6] Правда, так называемые «легкие приставки» в русском языке могут выражать и чисто реляционные значения, например видовые: *делать — сделать*, *писать — написать*, но чаще те же префиксы совмещают деривационное значение (см.: А. А. Реформатский. Введение в языкознание. М., 1960, стр. 218, а также: Э. Б. Агаян. Введение в языкознание. М., 1960, стр. 289).

морфема значима, в смысле «имеет значение», а эти элементы семасиологически «незначимы». Во-вторых, потому, что эти элементы могут быть не только связующими, как например соединительные гласные в русском (*сам-о-вар*, *душ-е-губ*) или соединительные согласные в немецком (*Bedeutung-s-wandel* 'изменение значения', *Wahrheit-s-liebe* 'правдивость'), но и оформляющими основу тематическими элементами, например в русском: тематические гласные в глаголах (*игр-а-ть*, *бел-е-ть*, *реш-и-ть*) или тематический йот во II основе русских глаголов I, II и III продуктивных классов (*игр-а-й*, *бел-е-й*, *рис-у-й*).

Как бы ни трактовать данные элементы, но они: 1) участвуют в морфологии лексемы, 2) не имея собственного значения, обладают значимостью как структурные элементы. Кроме того, в любой момент они могут стать полноправными аффиксами, т. е. получить и собственное значение. Таковы в русском языке тематические *-а-* и *-и-* в парных глаголах I и IV классов, различающие несовершенный вид (*-а-*) и совершенный вид (*-и-*): *решать* — *решить*, *лишать* — *лишить*,[7] тем самым элементы *-а-* и *-и-* в глаголах явно морфологически отдельно и — реально или потенциально — морфемны.

Для многих индоевропейских языков (и в частности для славянских) характерно еще и то явление, что флективные постфиксы, например в склонении существительных, прилагательных, местоимений и числительных, одновременно выполняют роль словообразовательных формативов (*зл-о — зл-ой*, *зл-а — зл-ого*, *зл-у — зл-ому* и т. п.). Такие полифункциональные аффиксы можно назвать суффикс-флексиями.[8]

§ 4. Для морфологического строения слова особый интерес представляет само соединение «морфологических составляющих» лексемы, т. е. морфем.

Еще в 1851 г. О. Бётлингк писал: «. . .если мы приведем в общую связь все явления, то должны будем сознаться, что в индогерманских языках вообще материя и форма связаны друг с другом гораздо интимнее, чем в так называемых агглютинирующих языках».[9] Правда, этому свойству Бётлингк не склонен придавать

---

[7] Это касается только определенных рядов глаголов, не распространяясь на иные по внешнему виду аналогичные однокорневые образования типа: *катать — катить*, *сажать — садить*, *ломать — ломить*, где оба глагола того же несовершенного вида (бывают и мнимые «пары» вроде: *давать — давить*, *кропать — кропить* и даже *почать — почить*, *смешать — смешить*, *спать — спить*, где и морфология разная и корни не те).

[8] См.: А. А. Реформатский. 1) Введение в языкознание. М., 1960, стр. 219; М., 1955, стр. 209; 2) Введение в языковедение. М., 1947, стр. 89.

[9] O. Böhtlingk. Über die Sprache der Jakuten. St.-Petersburg, 1851, S. XXIV.

Сравнивая такие английские слова, как, с одной стороны, *farmer* ‘земледелец’, *goodness* ‘доброта’ и, с другой стороны, *height* ‘высота’, *depth* ‘глубина’, Сепир отмечает, что «. . .нельзя не поразиться значительной разнице в аффиксирующей технике этих двух рядов. Аффиксы *-er* и *-ness* приставляются чисто механически к корневым элементам, являющимся одновременно и самостоятельными словами (*farm* ‘обрабатывать землю’, *good* ‘добрый’). Они ни в каком смысле не являются самостоятельно значащими элементами, но вложенное в них значение (агентивность, абстрактное качество) они выражают безошибочно и прямо. Их употребление просто и регулярно, и мы не встречаем никаких затруднений в присоединении их к любому глаголу или к любому прилагательному, хотя бы даже и только что появившемуся в языке. . . Иначе обстоит с *height* ‘высота’ и *depth* ‘глубина’. В функциональном отношении они совершенно так же связаны с *high* ‘высокий’ и *deep* ‘глубокий’, как *goodness* ‘доброта’ с *good* ‘добрый’, но степень спаянности между корневыми элементами и аффиксом у них бóльшая. Их корневой элемент и аффикс хотя структурно и выделяются, не могут быть столь же просто оторваны друг от друга, как могут быть оторваны *good* и *-ness* в слове *goodness*. Конечное *-t* в слове *height* не есть типичная форма аффикса (ср.: *strength* ‘сила’, *length* ‘длина’, *filth* ‘грязнота’, *-breadth* ‘ширина’, *youth* ‘юность’), а *dep-* не тождественно слову *deep* ‘глубокий’. Эти два типа аффиксации можно обозначить как „сплавляющий“ (фузионный) и „сополагающий“. Если угодно, технику сополагания мы можем назвать „агглютинативной“» (101—102).

Таким образом, Сепир:

1) противопоставляет агглютинацию не флексии, а фузии; при этом он находит возможность говорить о проявлении этих двух тенденций в одном языке, который в целом принадлежит к одному какому-то типу (например, английский);

2) различие их он видит в характере связи корневого элемента и аффикса, т. е. в том, приставляется ли аффикс механически или эта связь основана на большей спаянности, когда корень и аффикс не могут быть «. . . просто оторваны друг от друга»;

3) сопутствующей характеристикой является здесь положение о том, что при агглютинации аффиксы приставляются к таким корневым элементам, которые являются одновременно и «самостоятельными словами», и что при фузии корневой элемент может быть не похож на изолированное употребление данного корня в виде слова (*dep-* и *deep*);

4) следствием установленного является то, что агглютинируемые аффиксы могут легко участвовать в новообразованиях и обладают, следовательно, продуктивностью и регулярностью.

В этом анализе Сепир через 100 лет нашел ключ к Гумбольдтовскому рассуждению об особенностях аффиксации флективных языков (Anleitung Гумбольдта).

В этих рассуждениях Сепира — много убедительного. Извлечем из них то, что нам нужно:

1) одно лишь наличие «фузии» не кажется достаточно ясным указанием флективного процесса;

2) что верно относительно «фузии», одинаково верно и относительно «символических» процессов (под которыми Сепир понимает в первую очередь внутреннюю флексию), поэтому Сепир при детализации агглютинации (*goodness*) противопоставляет регулярную фузию (*books*), и «иррегулярную фузию» (*depth*), и «символическую фузию» (*geese* при *goose*);

3) Сепир настаивает на том, что при определении флексии надо обращать внимание на концептуальный аспект: «флективный язык, вроде латинского или греческого, использует метод фузии, и этой фузии присуща как внутренняя психологическая, так и внешняя фонетическая значимость. Но еще недостаточно, чтобы фузия обнаружилась только в сфере деривационных понятий. . ., она должна охватывать и синтаксические отношения, выражаемые либо в их часной форме. . ., либо, как в латинском и греческом, в виде „конкретно-реляционных понятий“»; и далее: «Для того, чтобы можно было говорить о „флективности“, необходимы и наличие фузии, как общего метода, и выражение в слове реляционных понятий» (106);

4) после этого Сепир еще более определенно ограничивает права флексии: термины «фузионный» и «символический» противопоставляются термину «агглютинативный», который, со своей стороны, вовсе не соотносителен с термином «флективный» (106); и далее Сепир предлагает воспользоваться понятием «флективности» в качестве отправной точки для построения классификации, основанной на природе выражаемых в языке понятий.

Две другие классификации: одна, основанная на степени синтезирования, другая — на степени фузирования, могут быть «удержаны в качестве перекрещивающихся схем, позволяющих производить дальнейшие подразделения в наших основных концептуальных типах» (107).

Критика Сепира, направленная на замену противоположения: «агглютинация — флексия» иным противоположением: «агглютинация — фузия», представляется убедительной. Что же касается тезиса Сепира о примате «концептуальной классификации» языков, то здесь-то и кроется слабость построения Сепира (см. ниже в § 8).

§ 6. Можно ли при определении понятий агглютинации и фузии ограничиться одним признаком связи морфем, как это

пытается делать Сепир (хотя его же термин «символическая фузия» предполагает иную точку зрения!)?

Думаем, что нет. Исходя из понимания структуры как целого, которое «было раньше своих частей», важно понять, с чем же сопряжена эта «фузионная связь морфем» в отличие от «агглютинирующей связи» и как это отражается и на самих морфемах и на образуемом из них слове как целом.

Возьмем какой-нибудь пример «того же», т. е. чтобы концептуально было «то же», но в смысле «техники языка» было бы иначе. Это можно сделать на сопоставлении «того же» и «не того же», если взять самые обыкновенные слова, например: *любить*, *ждать*, *родить*, *брать*. . ., *отец*, *мать*, *брат*, *сестра* и под. и построить из них любое предложение в русском и каком-нибудь тюркском языке.

Для грамматики не важно, что одному русскому слову *брат*, например, в киргизском языке будет соответствовать два слова: *ага* ‘старший брат’ и *ини* ‘младший брат’, просто же слово со значением ‘брат’ будет отсутствовать, а слову *сестра* таких соответствий будет еще больше (старшая или младшая, по отношению к брату или по отношению к сестре); не важно также, и кто кого *любит*, *ждет*, даже *родит*.

Важно то, что в тюркских языках и ‘отец’, и ‘мать’, и любой из ‘братьев’, и любая из ‘сестер’ будут склоняться по одинаковой парадигме с раздельным выражением падежа и числа, что парадигма спряжения для всех указанных глаголов будет также единой.

В русском же языке все это будет не так: глаголы *любить* и *ждать* следуют разным парадигмам спряжения, *родить* не может образовать форм без чередований в основе, а *брать* в зависимости от вида и времени будет связан еще и с супплетивизмом; *отец*, *мать* и *сестра* будут склоняться по разным парадигмам, и даже *отец* и *брат*, принадлежа к одной и той же парадигме, образуют множественное число по-разному; а падеж и число при всех этих различиях будут выражаться одним аффиксом совместно.

И порядок линейного расположения элементов во фразе тоже не будет соответствовать в этих языках: если обычно в русском нормален такой порядок, когда на первом месте подлежащее, на втором сказуемое, а на третьем дополнение, то в тюркских языках дополнение предшествует сказуемому и даже может выходить на первое место, а сказуемое-глагол замыкает фразу.

Что же из этих различий наиболее существенно типологически и исходя из чего следует определять основную грамматическую тенденцию языка?

Оставляя в стороне синтаксис и ограничиваясь морфологическим строением слова, можно наметить основную грамматическую

тенденцию данного языка и дать ее лингвистическую характеристику.

Каждая из двух тенденций — агглютинация и фузия может быть охарактеризована ч е т ы р ь м я признаками, имеющими общий род, но попарно противопоставленными по виду:

Тип / Признак	Агглютинирующий	Фузионный
1) значность	одно-значность	много-значность
2) стандартность	стандартность	нестандартность
3) разграничение морфем	четкое (без комплексных соединений)	нечеткое (наличие комплексных соединений)
4) характер и положение основ	самостоятельность каждой основы	несамостоятельность каждой основы

Каждый из приведенных признаков достаточно характеризует ту или иную структурную тенденцию, но оказывается, что не только сейчас же вызывает сопряженные с ним другие признаки, но и не мыслим вне этого целого.

§ 7. Важно ли ставить в один ряд с указанными четырьмя признаками, характеризующими различие фузионной и агглютинированной лексемы, еще и пя́тый признак — фонематическую изменяемость корня?

Если мы имеем в виду противопоставление, допустим, русского языка (как типичного славянского и шире — индоевропейского фузионно-флективного), с одной стороны, и казахского (как типичного тюркского, шире — алтайского, сингармонистически-агглютинативного), с другой, то, может быть, и сто́ит.

Здесь дело в том, что если в казахском (resp. вообще в чисто агглютинирующем) языке и бывают случаи морфологических чередований (например: *мурын — мурн-ы*, где синхронно взятая фонетика ни при чем), то это не только не «дорастает» в таких языках до внутренней флексии, но и вообще не типично, и такие случаи надо искать; тогда как в русском языке (resp. вообще в типичном фузионно-флективном) это «заложено» в самой «природе» языка, пусть даже эти чередования далеко не всегда будут использованы в качестве грамматического способа внутренней флексии, как в русском глаголе, где это является одним из способов различения видовых пар: *набирать — набрать*, *называть — назвать*, где рядом сосуществуют и другие аналогичные пары, но отношение в которых выражено уже иначе: *настигать — настичь*, *нати-*

рать — натереть, набегать — набежать, нанимать — нанять, нарезáть — нарéзать, писать — написать и т. д.

Если в русском языке в чистом виде внутренняя флексия как единственный способ различения грамматического значения применяется редко (*набирать — набрать, набегать — набежать, нанимать — нанять*, см. выше), то, например, в германских языках не только широко представлен древний глагольный аблаут, но и развился через обратный сингармонизм новый именной умлаут;[20] что же касается морфологических (по Бодуэну — традиционных) чередований, т. е. не обусловленных синхронно позиционными или комбинаторными условиями, то ими славянские языки исключительно богаты, вследствие чего большинство морфем окружено алломорфами, а морфонология в таких языках делается обязательным разделом лингвистического описания.[21]

В области словоизменения особенно много таких чередований в русском языке в глагольных формах (*терплю — терпишь, люблю — любишь, ломлю — ломишь, графлю — графишь, ловлю — ловишь, лечу — летишь, рожу — родишь, хрущу — хрустишь, гвозжу — гвоздишь, пеку — печешь, бегу — бежишь*, а также: *клеветать — клевещу, страдать — страждy, двигать — движу, плакать — плачу*); в формах степеней сравнения (*крут — круче, тверд — тверже, прост — проще, легок — легче, строг — строже, сух — суше* и т. д.); правда, в именной парадигме русский язык, в отличие от украинского и западнославянских, устранил такие чередования внутри каждого числа (вместо прежних *рука — руцѣ, нога — нозѣ, блоха — блосѣ*: *руке, ноге, блохе* — унификация по аналогии), но между числами такие чередования наличествуют (*сук — сучья, друг — друзья*; у *х*-основ таких чередований нет).

С еще большей обязательностью такие чередования выступают в словообразовании: *глуп — оглуплять, груб — огрублять, лом — преломлять, графа — разграфлять, улов — уловлять; рука — ручка, ручной, нога — ножка, ножной, пастух — пастушок, пастуший*, а также: *волок — заволочье, порог — запорожье, мох — замошье, кулак — кулачье, батог — батожьё* и т. п.

Но главное здесь не то, что «изменение корневых элементов» (Сепир) в русском почти обязательно, а в казахском почти невоз-

---

[20] Характерно, что обратный сингармонизм в уйгурском языке не переходит в грамматику и остается фонетическим явлением, см.: А. А. Реформатский. О соотношении фонетики и грамматики (морфологии). Сб. «Вопросы грамматического строя», М., 1955, стр. 105—106; аналогичное явление описано в аварском языке, см.: Я. Г. Сулейманов. О явлении обратного сингармонизма в аварском языке. ВЯ, 1960, № 2, стр. 93—96.

[21] См. книгу Н. С. Трубецкого (N. S. Trubetzkoy. Das morphonologische System der russischen Sprache. Travaux du Cercle linguistique de Prague, № 5_2, 1934).

можно, а в том, что есть языки, где характер аффиксации явно агглютинирующий, а «изменение корневых элементов» обязательно в несравненно большей степени, чем в языках индоевропейских: это языки семитские, что разъяснил еще Ф. Ф. Фортунатов в курсе «Сравнительного языковедения», где сказано: «. . . в этих языках. . . основы слов сами имеют необходимые формы, образуемые флексией основ. . ., хотя отношение между основой и аффиксом в семитских языках такое же, как и в языках агглютинативных».[22]

Как раз именно эти мысли Фортунатова остались чуждыми большинству лингвистов следующих поколений, в том числе и Сепиру, к чему мы вернемся ниже, в § 10.

§ 8. В зависимости от того, господствует ли в данном языке или в данном типе языков тенденция агглютинации или фузии, существенно варьирует и такое явление, как о с н о в а.

По поводу деления лексемы на основу и аффикс Е. Д. Поливанов писал в книге «Русская грамматика в сопоставлении с узбекским языком»: «Аналитические языки (как Поливанов называет языки агглютинирующие, о чем см. ниже, в § 10, — *А. Р.*) обладают более отчетливой делимостью слова на основу и суффикс, так как основа без суффикса (например, узб. *бала*, *ата*, *ат*, *кара* и т. д.) представляет собою вполне нормальный тип слова в этих языках».[23] Любопытно отметить, что, обладая указанной самостоятельностью и существуя как отдельное слово, основа в этом типе языков не выявляет в составе производных лексем свойств порождающего их слова.

В языках же с фузионной тенденцией основы, с одной стороны, как правило, незаконченны и тем самым несамостоятельны, а требуют для завершения формообразования аффиксов, например в русском именные основы (*с'эмй-*, *окн-*, *кол'ц-*), взятые из слов *семья*, *окно*, *кольцо*, даже при нулевой аффиксации требуют преобразования по законам чередования «беглых гласных»: *семей*, *окон*, *колец*; такие же глагольные основы, как *болта-*, *беле-*, *рисова-*, требуют обязательной положительной аффиксации: *болта-л*(*-ть*), *беле-л*(*-ть*), *рисова-л*(*-ть*) и т. п.; с другой же стороны, основы в этих языках гораздо «лексичнее», как как они сохраняют многие свойства порождающих их лексем и выявляют эти свойства при новом формообразовании. Любая словоформа в этих языках может рассматриваться как преобразование порождающей ее основы.

Если в русском языке девербативные образования типа nomina actionis не сохраняют характер переходности или непере-

---

[22] Ф. Ф. Фортунатов, ук. соч., стр. 154.

[23] Е. Д. Поливанов. Русская грамматика в сопоставлении с узбекским языком. Ташкент, 1933, стр. 52.

ходности порождающего их глагола (*ломание* и от *ломать* и от *ломаться* и т. п.), то видовые различия в этих девербативных образованиях имеют тенденцию сохраняться.

В. Д. Левин в статье «Имена действия в русском языке» пишет: «. . . категория вида, хотя бы и в более слабой по сравнению с глаголом степени, присутствует и в существительных на *-ние*».[24] Правда, далее автор делает оговорку, что от глаголов, имеющих видовые пары I класса (несовершенный вид на *-ать* типа *решать*) и IV класса (совершенный вид на *-ить* типа *решить*), «отглагольные существительные на *-ние* в подавляющем большинстве образуются как раз от основ совершенного вида и совмещают значения обоих видов».[25] Для обоснования этого взгляда В. Д. Левин берет глаголы с первичной основой на губную согласную; но, во-первых, при образовании девербативных существительных на *-ние* получаются чередования *-б*, *-в* и *-бл'*, *-вл'* и от *воодушевлять*, *углублять* и от *воодушевить*, *углубить*; во-вторых, форманты совпадают при этом в *-ение*, чего не может получиться, если взять глаголы *решать* и *решить*, так как от первого будет *решание*, а от второго — *решение*. Поэтому вполне реален пример: *Решанием шахматных задач он давно занимается, но решением их пока что похвастать не может*. Это же сохраняется и в девербативах типа nomina agentis: *р е ш и т е л ь судьбы* и *р е ш а т е л ь шахматных задач* (последнее — узаконенный термин в шахматной литературе), а наряду с *р е ш и т е л ь н ы м и действиями* могут быть и *р е ш а т е л ь н ы е способности* у шахматиста-аналитика.

Если язык имеет эту возможность как модель, то, значит, в его системе заложено продуктивно указанное свойство: сохранять глагольную категорию вида в различных девербативных образованиях.

Тем самым в таких языках, как русский, основа является как бы заместителем слова в его грамматической характеристике. В морфологии таких языков основа в отличие от корня является особой единицей и требует своего места в соответствующих морфологических рядах.

С этим связан и еще один морфологический вопрос, важный для языков фузионного типа, — вопрос о производящих (первичных) и производных (вторичных) и о свободных и связанных основах, что было предметом дискуссии в 1946—1948 гг. в связи со статьями Г. О. Винокура «Заметки по русскому словообразованию» [26] и А. И. Смирницкого «Некоторые замечания о принци-

---

[24] Уч. зап. Ивановского ГПИ, т. I, 1941, вып. 2, стр. 26.
[25] Там же, стр. 27.
[26] Изв. АН СССР, ОЛЯ, т. V, 1946, вып. 4.

пах морфологического анализа основ» [27] и что в шутку называли «спор о буженине».

Г. О. Винокур, сопоставляя такие эпифорически совпадающие слова, как *черника* и *гвоздика*, *брусника*, *клубника*, как *конина*, *свинина* и *буженина*, приходит к выводу, что в словах *брусника*, *клубника*, *гвоздика* нет суффикса *-ик*, а в слове *буженина* нет суффикса *-ин* (317).

Основанием этому решению служит тезис: «. . . если по выделении из состава какой-нибудь основы известного комплекса в остатке получится звуковой комплекс, не обладающий каким-нибудь значением, представляющий собой пустое звукосочетание, то выделение произведено неправильно» (317). Пояснением к этому служит такое положение: «Значение слов с производной основой всегда определимо посредством ссылки на значение соответствующей первичной основы» (317), поэтому «мясо» в слове *буженина* «обозначено словом *буженина* как целым». Между тем как в словах *конина*, *свинина*. . . комплекс *ин* означает не просто мясо, а непременно мясо того животного, которое названо в первичной основе (317).

Различные виды основ Г. О. Винокур определяет так: «До сих пор речь шла только о таком соотношении двух основ, в которых первичная, или, шире, — производящая основа один раз дана внутри производной, а в другой (раз, — *А. Р.*) — в свободном, выделенном состоянии, без соответствующих аффиксов; ср.: *садовник* при *сад*, *при-нести* рядом с *нести* и т. д. Но наряду с этим в русском языке есть очень много таких соотношений, оба члена которых представляют собой производные основы, с общей производящей основой, но разными аффиксами. . ., а в свободном состоянии не существует. Такие основы. . . можно было бы назвать основами связанными» (327). Примером может быть основа *-у-* в *обуть*, *разуть*, о которой сказано: «Хотя сопоставление обоих этих слов и дает основание выделить здесь первичную основу *у*, этому с трудом верится, так как неясно — что же, собственно, означает эта основа?» (327).

Итак, для выделения основ у Г. О. Винокура два критерия: 1) раздельное существование (*сад* при *садовник*, существующее отдельно, или же *беж-* при *беженец*, не существующее отдельно) и 2) наличие самостоятельного значения выделенного или же отсутствие такого значения (*черн-* в *черника* или же *бужен-* в *буженина*, *-у-* в *обуть*, *разуть*).[28]

---

[27] Доклады и сообщения филологического факультета МГУ, вып. 5, 1948.

[28] Кстати, Г. О. Винокур поминает старославянское *изоути* (328), чему есть живой литературный пример из текста от автора у Сухово-Кобылина: *После такой передряги спорол галуны ливрейные, и з у л штиблеты от ног*

А. И. Смирницкий в отклике на статью Винокура, соглашаясь «со многими принципиальными положениями», «а также с . . . анализом отдельных примеров», возражает, однако, по одному «из основных вопросов морфологии» (21). Вот это возражение, связанное с примерами *малина* и *смородина*: «. . . если *-ин* в рассматриваемых основах значит „ягода“, то очевидно, что *мал-* и *смород-* значат то в малине и смородине соответственно, что отличает эти ягоды друг от друга и от прочих ягод» (23); хотя «эти комплексы не могут быть использованы сами по себе», т. е. без морфем *-ин* при описании значения основ *малин-* и *смородин-*, «но оно отнюдь не заставляет признать, что у этих комплексов нет значения, что они являются пустыми звукосочетаниями» (23).

Далее Смирницкий возражает Винокуру по поводу того, что, по мнению Винокура, в таких случаях, как *пастух*, *жених*, членимость слова оправдана, так как эти слова входят в ряды по общности корня (по аффиксу здесь рядов нет), а в случаях со словами *малина*, *смородина*, *брусника*, *клубника* — членимость не оправдана, так как эти слова имеют ряды только по аффиксу, но не имеют рядов по корню; мнение же Смирницкого таково: «Определение. . . того, чем является выделенный звуковой отрезок, — корнем (или вообще более простой основой) или аффиксом, — представляет собой особую проблему, отличную от проблемы самого членения основы или слова» (25).

В подтверждение этого Смирницкий приводит случаи «обратного словообразования», когда этот «бастардный остаток» дает новообразования типа английского *to chauffe* ‘возить в автомобиле’, где производящая основа *chauff-* выделена из заимствованного французского слова *chauffeur* ‘шофер’; правда, отмечает Смирницкий, в случаях обратного словообразования «два. . . из членов. . . входят в два различные ряда (*driver*: *to drive* — *chauffeur*: *X*)», а в таких случаях, «как *малина*, *смородина* и др., подобных пропорций не имеется» (26), но «несмотря на означенное различие, такой случай, как английское *chauffeur* (до образования глагола *to chauffe*), с точки зрения его морфологического анализа в основном является аналогичным таким случаям, как русские *малина*, *смородина* и т. п.» (26).

А. И. Смирницкий заканчивает свой анализ словами: «. . . предложенный выше анализ подобных слов (типа *малина* и т. п.) отнюдь не противоречит определению производных основ, принимаемому Г. О. Винокуром, но лишь расширяет и обогащает содержание этого определения» (26).

своих. . . (список действующих лиц драмы «Дело», характеристика Тишки в группе V. Н е л и ц о, где, конечно, архаизмы даны для гротеска и бурлески: *изул штиблеты от ног своих*).

Результаты этой дискуссии можно дополнить, так как предмет ее чрезвычайно важен для понимания морфологического строения лексем в фузионных языках.

1) Называть ли морфологически выделяемое в слове «звуковым комплексом» или «звуковым отрезком» — безразлично; главное здесь в том, что этот «комплекс» или «отрезок» в данном случае важен не как «звуковой».

2) Правильно, что в таких языках, как русский, подобные выделенные «отрезки» могут быть либо морфологически реальными — и при этом или каждый из них (*пере-беж-чик*) или хотя бы поодиночке (*бужен-ина*, *мал-ина*, *брусн-ика*), в таких случаях «остаток» можно назвать «слепым» (*бужен'-*, *мал'-*, *брусн'-*); либо же целое в данном языке ни на какие «отрезки» не распадается (*рококо*, *деволяй*, *курултай*, *шимпанзе*). Этот последний случай, равно как и первый, снимем со счета: они очевидны.

3) Интерес (и спор) представляет второй случай, где «зримое» противопоставлено «слепому» или «полуслепому». Под «полуслепым» мы здесь понимаем случаи типа *гвоздика* и даже *земляника*, где значение данных слов не имеет прямого соответствия со значением «производящих» основ *гвозд'-* и *земл'-*, хотя эти «отрезки» сами по себе и значимы, благодаря встречаемости в таких образованиях, как *гвоздь*, *гвоздильный*, *гвоздить*, и *земля*, *земляной*, *землистый*, *приземлиться* и даже *земной*, *наземь*; под «слепым» же — такие случаи, как *буженина*, где «комплекс» *бужен-* сам по себе ничего не значит, и как *обуть*, *разуть*, где *-у-* не только не имеет поддержки в других образованиях, но и так как «не ясно, что же, собственно, означает эта основа?».[29]

4) Надо во всем этом рассуждении отвести такие примеры, как *земляника*, *гвоздика*, *клубника*, — здесь оба выделенных «отрезка» повторяются в рядах, и не важно (что для данных слов не существенно), что *земляника* растет на *земле* (а не на кусту, не на дереве), что цветок *гвоздика* сидит на стебле, как шляпка на ножке *гвоздя*, и что у *клубники* хотя плоды и не *клубни*, но эквивалент *клубням* все же есть и т. п.; дело не в том, чтобы выделенный «отрезок» имел то же значение, что и в других случаях, —

---

[29] Г. О. Винокур, ук. соч., стр. 327; автор дает следующее пояснение к этому: «. . . такого рода соотношения, покоящиеся на ограниченном числе членов и притом выделяющие основу, бедную в звуковом отношении, как мы это имеем в случае основы *-у-*, очень неустойчивы и легко подвергаются изменениям» (стр. 328). Но «звуковая бедность» и «ограниченность числа членов» присутствуют, например, и в таком случае, как *щи*, где основа *щ-*, а «парадигма»: *щи*, *щей*. . ., *щаной* да еще однословоформное *щец*! И все-таки этого достаточно.

важно, что он его п р и н ц и п и а л ь н о имеет, хотя бы и в переносном, искаженном и во всяком случае отдаленном смысле.[30]

5) А если даже нет «других случаев», если данное образование единично и изолированно, но если это с л о в о морфологически оформленное, то оно членимо и оставшийся «неразъясненным» отрезок не только морфологически конструктивен (ведь возможны же новообразования: *смородá*, *брусёна* в диалектах, *коша* от *кошка* в детской речи, *точьца* у Маяковского [31] и т. п.), но и потенциально значим, благодаря тому что это член парадигматической системы в морфологии данного языка.[32] Любой изолированный факт языка благодаря общей системе уже не совсем изолирован, и этого достаточно.

6) То, что понятие «мясо» в слове *буженина*, как говорит Винокур, «обозначено словом *буженина* как целым», — не исключение, а следование ведущей тенденции таких языков, как русский; именно расчлененные комплексы и характеризуют грамматически фузионные языки, где, перефразируя слова определения Гегелем философской редукции, можно сказать: Zergliedert, aber damit zusammen gefasst!

Весь этот пространный экскурс нужен был для того, чтобы показать, какие есть первоочередной важности для фузионных языков морфологические вопросы, которые не нужны при морфологическом анализе лексем агглютинирующих языков.

§ 9. Не только основа, но и само слово (лексема) в языках агглютинирующих и в языках фузионных морфологически различно. Эти две грамматические тенденции — агглютинация и фузия — морфологически по-разному организуют лексему и словоформу.

Благодаря указанным выше условиям (однозначность, стандартность, регулярность аффиксов), в агглютинирующих языках все «просто», как этого требует машинный перевод. Для построения лексемы в этих языках надо знать: 1) № аффикса (это как бы

---

[30] Ведь нельзя же думать, что «т о ч к а *топора*» и «т о ч к а *после инициала*» — одно и то же слово! Что же тогда может «значить» основа *точ-* в *точка* при отсутствии *точа* и др.?

[31] См.: А. А. Р е ф о р м а т с к и й. Точьца, тачьца и пятачец. «Вопросы культуры речи», сб. 2, М., 1959, стр. 230—232.

[32] См. об этом: А. А. Р е ф о р м а т с к и й. Что такое структурализм? ВЯ, 1957, № 6, где было сказано: «. . . в языках флективно-фузионных мы неизбежно встречаемся с затруднительными случаями морфологической членимости лексемы, когда суффикс „затух“, а корень еще „играет“ и, наоборот, когда корень „затух“, а суффикс „в игре“ (ср. такие случаи, как *вьюшка*, *пастух*, *обувь*, *буженина* и др., где можно пользоваться терминами „потенциальный“ суффикс и корень, или „суффиксоид“ и «радикоид“)» (стр. 34).

«словарь» алгоритма), 2) порядок нанизывания звеньев аффиксальной цепи и 3) полагающиеся по законам внутренних сандхи звуковые изменения на стыках морфем (главным образом корня и первого аффикса), а также законы действия сингармонизма, управляющего лексемой в целом.

В языках же фузионных, наоборот, все — «не просто» (и тем они труднее для машинного перевода!), так как аффиксы принципиально многозначны и не стандартны, а потому и не регулярны, чем повышается «словарный характер» грамматической части лексемы (*стол — столы, стул — стулья, офицер — офицеры, доктор — доктора; жуть — жутью, путь — путем; карат — каратов, солдат — солдат, брат — братьев; везу — везти, лезу — лезть; рожу — родят, покажу — покажут* и т. п.). Да и с основной частью в таких языках много иррегулярностей (*лень — лени, день — дня; поток — потока, каток — катка; мычу — мычит, лечу — летишь; иду — идти, веду — вести, сомкну — сомкнуть, сомну — смять* и т. п.).

Но основное различие морфемного строения лексем в языках этих разных типов состоит в том, что агглютинированная лексема в принципе «цепочечна», а фузированная — биномна.

Это положение отмечалось в печати и раньше; так, например, о строении индоевропейского слова В. Л. Графф писал: «Как и сложное слово, производное слово представляет собой бинарную конструкцию, т. е. оно разложимо на две части. Если обе части представляются простыми единствами, как например *beautiful*, производство называют первичным; если один из элементов уже сам по себе представляет первичную морфологическую конструкцию, как например [(*beautiful*)+*ly*], его комбинация с другой частью называется вторичной. Слово вроде *disagreeably*=[*dis*+(*agree*+*able*)]+*ly* представляет собой третичный продукт, *disagreeability* будет четвертичной комбинацией и т. д.». [33]

Это рассуждение Граффа приводит Г. О. Винокур в упоминавшейся статье в связи с тезисом о том, что в русском языке «производная морфема, выделяющая в своем составе несколько морфем, выделяет их не все сразу и одновременно, а так, что между ними обнаруживаются связи разных планов. Например, если от производной основы первой степени образуется новая производная основа второй степени, то три морфемы, образующие эту новую основу, связаны между собой не порознь, в виде одной сплошной цепи $A+B+C$, а так, что третья присоединяется к уже готовой комбинации первых двух, т. е. возникает соотношение образца $(A+B)+C$; ср. *чит-а-ть*, но (*чит-а*)-*тель* (331). И далее Ви-

[33] W. L. Graff. Language and languages. London, 1932, pp. 150 et alt.

нокур приводит морфологическую формулу слова *блуждающий*:

{ [(*блужд-а*)-*j*]-*ущ* } -*ий* [34]

О биномности индоевропейского (русского) слова писал еще Ф. Ф. Фортунатов. Его грамматическое учение о форме слова и было «первым приближением» этой концепции. Фортунатов писал: «Формой отдельных слов в собственном значении этого термина называется. . . способность о т д е л ь н ы х слов выделять. . . формальную и основную принадлежность слова». «Основная принадлежность слова в форме слова называется основой слова», «Слово может заключать в себе более одной формы, так как в основе слова, имеющего форму, могут, в свою очередь, выделяться. . . формальная принадлежность и основа».[35]

В приведенных словах Фортунатова имеется и положение о бинарности индоевропейского слова и положение о степенях производных основ, что и было выше показано на примере формул слов *блуждающий* и *злостностный*.[36]

Следует ко всему сказанному еще добавить одну характеристику, разработка которой является заслугой Казанской школы (И. А. Бодуэн-де-Куртенэ, Н. В. Крушевский, В. А. Богородицкий). Это учение об о п р о щ е н и и.

В. А. Богородицкий писал: [37] «Опрощением называется морфологический процесс, посредством которого слово со сложным морфологическим составом утрачивает значение отдельных своих морфологических частей. . .» [38]

В качестве примеров Богородицкий приводит префиксально-корневые случаи (*по-яс*, *в-кус*, *за-дача*) и корнево-суффиксальные (*кольц-о*, *палк-а*, *сут-ки*). Однако Богородицкому эти правильные положения были нужны для диахронических целей: чтобы по-

---

[34] Данную символику словообразования в русском языке я применял независимо от Граффа (1932) и от Винокура (1946), с 1938 г. на моих лекциях; см. также: А. А. Р е ф о р м а т с к и й. Введение в языковедение. М., 1947, стр. 91; Введение в языкознание. М., 1955, стр. 214; М., 1960, стр. 224, где дана морфологическая формула лексемы *злостностный*: { [<(*зл*)-*ост′* >] -*н*-*ост′* } -*н*(*ый*); подобное дважды удвоенное образование взято для того, чтобы разъяснить еще одно свойство фузионных языков — опрощение, о чем см. ниже.

[35] Ф. Ф. Ф о р т у н а т о в, ук. соч., стр. 136, 137, 138.

[36] Я никак не могу согласиться с возражениями В. П. Старинина в его очень интересной книге «Структура семитского слова» (М., 1963, стр. 87 и сл.), но к этому я вернусь в другой работе.

[37] В. А. Б о г о р о д и ц к и й. Общий курс русской грамматики, 5-е изд., М.—Л., 1935, стр. 99; то же в его «Очерках по языковедению и русскому языку» (4-е изд., М., 1939, стр. 193).

[38] Все это также разъяснено у Ф. Ф. Фортунатова, см.: ук. соч., стр. 137—138.

казать, «как генетическое значение уступает свое место реальному значению слова» (100).

Ближе к интересующему нас вопросу такое сравнение: «Слова, в которых произошло опро́щение, могут распространяться новыми префиксами и суффиксами, например: *забыть — перезабыть*, *вкус — вкусный* и т. п.».

Для того чтобы учение об опро́щении помогло пониманию фузионных основ, необходимо понять само опро́щение в чисто синхронном плане, что отнюдь не отменяет диахроническое понимание, изложенное у Богородицкого.

Дело здесь заключается в том, что благодаря тесной связи элементов при образовании производных основ в фузионных языках эти элементы не просто линейно складываются в цепочку, а образуют новое морфологическое качество, единицу, готовую в целом принимать новый формообразующий элемент («формальную принадлежность» Фортунатова). При этом прежний формообразующий элемент производящей основы «затухает», теряет свое формообразующее свойство и тесно срастается с первичной основой (корнем).

В примере *злостностный* первичная субстантивная основа *зл-* благодаря присоединению субстантивного же аффикса *-ост'* породила новую субстантивную основу *злост'-* (параллельно можно через присоединение суффикса-флексии *-ой* получить прилагательное *злой*), которая через присоединение адъективного аффикса *-н* превратилась (фузировалась) в адъективную основу *-злостн-*, а эта основа как целое смогла в н о в ь принять уже ранее бывший в ее составе субстантивный аффикс *-ост'*, — тогда получается производная основа 4-й степени: *злостност'-*, что позволяет присоединить к ней опять адъективный аффикс *-н*, уже находящийся в ее составе, и получить новую адъективную основу: *злостностн-*, откуда слово *злостностный*, что не то же, что *злостный* и тем паче *злой*. Все указанные результаты приводятся здесь по ступеням, не имеющим никакого диахронического значения, а как факты градированного сосуществования в синхронической системе. Каждая ступень дает новое слово (*зло*, *злость*, *злостный*, *злостность*, *злостностный*), и это «повышение ступеней» можно в принципе производить до бесконечности, была бы только для этого реальная потребность, которая есть для образования трех разных прилагательных (*злой*, *злостный*, *злостностный*).

Возможность в фузионных языках повторять при словообразовании уже наличные аффиксы — следствие их «затухания» при фузировании в новое целое, а это и есть морфологическое опро́щение в синхронном плане.

Биномность образований в фузионных языках присутствует

на каждой ступени, благодаря чему «голые» слова-корни в таких языках, как русский, — аберрация: они тоже биномны — *сад-* как корень (первичная основа) не биномен, а слово *сад* биномно: основа *сад-* и нулевой аффикс (формообразующий элемент).

В агглютинирующих языках повторение тех же аффиксов в пределах одного слова — явление чрезвычайно редкое. Так, О. П. Суник [39] приводит такую турецкую словоформу: *эв-де-ки-лер-де*, где повторяется якобы аффикс местного падежа *-де*; правда О. П. Суник оговаривается, что первое *-де* «. . .падежным окончанием не является».

Эту словоформу можно и продолжить, например: *эв-де-ки-лер-де-дир-лер* ‘они суть у тех, которые дома’, а по элементам ‘дом-в нем-кто-их много-у них-3-е лицо-их много’. С точки зрения индоевропейских языков — так «нельзя говорить», но это-то и представляет самый главный интерес для типологии языков, когда на одном языке так надо говорить, а на другом так нельзя говорить (ясно, что речь идет не о лексике).

Этот пример, приведенный О. П. Суником, льет воду не на его мельницу: аффиксы могут повторяться и в агглютинирующих языках в пределах той же лексемы, но, во-первых, это диахроническое повторение, типа *по-яс*, *в-кус* у Богородицкого, а во-вторых, это аффиксы-омонимы, а не повторение того же аффикса, тогда как в случае *злостностный* повторяются не аффиксы-омонимы, а именно те же аффиксы той же синхронии и обязательно при условии «затухания» первого упоминания этого аффикса.[40]

Общий же характер лексемы в агглютинирующих языках совсем не похож на лексему фузионно-флективных языков, а скорее имеет что-от общее с лексемами языков инкорпорирующих, как показывают «подстрочные» переводы примеров из языков индейцев и народов палеоазиатской группы языков. Общее в этих сходствах — именно отдельность подачи элементов информации в составе словоформы.

Когда-то Фридрих Шлегель, распределяя языки в два класса, писал о «языках, имеющих вместо флексии аффиксацию»: «. . .эти языки, безразлично дикие или культурные, всегда тяжелы, спу-

---

[39] О. П. Суник. Проблема агглютинации в алтайских языках. Л., 1960, стр. 9.

[40] Вообще аргументация типа: «А ведь в турецком языке бывают многозначные аффиксы» (см.: Э. В. Севортян, примечания к книжке: Н. К. Дмитриев. Турецкий язык. М., 1960, стр. 89), «и даже аффиксы там могут повторяться» (см. приведенное указание О. П. Суника) не убедительна; на это можно ответить: «А вот в русском языке бывают такие случаи, как *кинь — киньте*, *кинем — кинемте — кинемтесь — кинемтесь-ка* и под.» или что в русском языке префиксация в тенденции агглютинативна, — это не может изменить оценки типа русского языка как флективно-фузионного, так же как и оценки тюркских языков как агглютинирующих.

тываемы и часто особенно выделяются своим своенравно-произвольным, субъективно-странным и порочным характером».[41] А оказывается, что на самом деле все наоборот: капризный идиоматизм грамматического строения индоевропейских слов и «своенравен», и «спутываем», и «тяжел» по сравнению с «трезвой логикой турецкого языка» (Сепир)!

§ 10. Одним из важных следствий проявления указанных двух тенденций — агглютинации и фузии — является общая грамматическая направленность того или иного языка в сторону аналитизма или синтетизма.

Под аналитизмом следует понимать расчлененность заданной в высказывании информации по отдельным элементам структуры языка. Общая формула этой тенденции: каждому элементу заданной в высказывании информации — отдельная единица самого высказывания; таким образом, коммуникация возникает не через целое, не путем комплексных образований, а через последовательный ряд расчлененных частей, из которых каждая несет свою информацию.

При таком методе повышается удельный вес и самостоятельность каждого элемента за счет иррелевантности возможных комплексных объединений. Естественно, что при этом повышается и значимость порядка следования отдельных элементов в линейной цепи речи. Характер же связей и отношений получается при этом чисто сукцессивным и элементарным.

Под синтетизмом же следует понимать комплексную сопряженность заданной в высказывании информации без строгого расчленения на отдельные элементы структуры. Общая формула этой тенденции: сопряженным комплексам заданной в высказывании информации — сопряженные же комплексы самого высказывания; таким образом, коммуникация возникает только через целое и комплексные образования внутри этого целого, превалирующего над расчлененностью по отдельным элементам.

При этом методе самостоятельность каждого отдельного элемента в значительной мере нейтрализуется, характер же связей и соотношений отдельных элементов индивидуализируется и не исчерпывается сукцессивностью, поэтому и не может быть элементарным.

При аналитизме носителями расчлененной информации могут быть как отдельные лексемы, так и отдельные морфемы, если характер их соединения в лексему не противоречит основной тенденции аналитизма. Порядок элементов определяет линейный ряд высказывания и может самостоятельно нести информационную

---

[41] Фр. Шлегель. О языке и мудрости индийцев. (Русск. перевод). СПб., 1808.

нагрузку. В качестве самостоятельного же носителя информации может выступать интонация, опять же отдельно действуя как коммуникативное средство. При аналитизме у каждого элемента есть своя строго очерченная нагрузка и каждый элемент заданной информации имеет своего носителя. Тем самым достигается экономичность высказывания и регулировка его строения простыми правилами.

При синтетизме носителями информации служат индивидуально сочетающиеся комплексы, где нет строгого «разделения труда», так как один элемент может совмещать в себе разных носителей, а разные элементы могут быть носителями той же информации. Тем самым возникает неизбежная избыточность высказывания, наличие «холостых» элементов, не несущих своей отграниченной нагрузки, а участвующих лишь в качестве «наполнителей» комплексов. Индивидуализация связей комплексов не позволяет регулировать построенные таким методом высказывания простыми правилами.

Дополнительно еще следует отметить неизбежную возможность повторения одних и тех же грамматических значений в разных звеньях того же высказывания на основе синтаксического способа согласования, например: *Черные коты мяукают* — здесь значение множественного числа повторяется в каждой из трех лексем; ср. во французскому языке: *Les chats noirs miolent*, где множественное число выражено только один раз — в артикле, так как в единственном числе остается все то же, кроме артикля: *Le chat noir miole*.

Из всего сказанного следует еще и то положение, что при аналитическом построении высказывания наличествует симметрия элементов заданной информации и элементов самого высказывания, при синтетическом же построении взамен симметрии получается асимметрия.

Как же связать приведенную характеристику аналитизма и синтетизма со всем предшествующим? Есть ли прямая связь и коррелятивное отношение между агглютинирующей и фузионной тенденцией морфологического строения слова, с одной стороны, и аналитической и синтетической тенденцией подачи высказывания, с другой? Мнения лингвистов по этому поводу не представляют единства. Минуя Шлейхера, младограмматиков, Есперсена, обратимся к тем авторам, у которых есть вполне определенные мнения. Это прежде всего Э. Сепир, Ф. Ф. Фортунатов и Е. Д. Поливанов.

Основной пафос главы VI книги Э. Сепира «Язык» состоит в том, что автор разъясняет логическую несоразмерность деления языков на изолирующие, агглютинирующие и флективные и критикует с разных точек зрения понятие флективности. Это от-

мечает и переводчик и комментатор Сепира А. М. Сухотин: «. . .автор подходит к центральному пункту в своем опровержении традиционных представлений о „флективных“ языках. Он показывает, что один из признаков, характерных для этих языков, именно отсутствие чисто механической связи корня с аффиксальными элементами слова, совершенно независим от другого их признака, именно многозначности аффиксов и их использования для установления связи между членами предложения» (199). Но так ли это?

Если Сепир утверждает, что «флективный язык, на этом мы должны настаивать, может быть и аналитическим, и синтетическим, и полисинтетическим. . .» (101), то возникает вопрос: а как же агглютинирующий язык, тоже может быть «любым» по аспекту синтезирования?

Прямого ответа на этот вопрос Сепир не дает. С одной стороны, он утверждает, что флективные языки «более синтетические, чем аналитические» (101); с другой стороны — такое его утверждение: «Одно лишь наличие фузии не кажется достаточно ясным указанием флективного процесса» (102). Но уже совсем ставит в тупик такое заявление Сепира: «Если под „агглютинативным“ языком мы разумеем такой, где аффиксация происходит по технике сополагания, то мы можем только сказать, что имеются сотни фузирующих и символических языков, не подходящих под это определение агглютинативности, которым тем не менее совершенно чужд дух флективности, свойственный языкам латинскому и греческому» (103).

Здесь следует вспомнить сказанное Сепиром ранее: «Язык может одновременно быть и агглютинативным, и флективным, или флективным и полисинтетическим, или даже полисинтетическим и изолирующим. . .» (96), — чтобы прийти уже к полному тупику.

Вскрыв столько тонких характеристик, касающихся и концептуальных, и технических, и синтезирующих возможностей языков, обосновав понятие фузии, которое хотя бы в одном аспекте может иметь самостоятельный решающий голос, — Сепир не дал руку тем, кто хочет понять тип языка по ведущей грамматической тенденции. «Аспекты» Сепира остаются диспаратными и произвольно сочетающимися при характеристике языков.

Особенно показательна в этом отношении характеристика семитских языков: «Семитские языки одновременно и префиксирующие, и суффиксирующие, и символические» (99); а в таблице по поводу арабского языка сказано: «синтетический. . . символико-фузионный. . .» (111).

Сдвиг традиционного был бы полезен, если бы Сепир не провозгласил тезис о диспаратности аспектов. Он декларировал, что при классификации языков и при квалификации их типа «мы по-

ступим лучше, если воспользуемся понятием „флективности“ в качестве ценного указания на возможность более широкой и последовательно развитой схемы, в качестве отправной точки для построения классификации, основанной на природе выражаемых в языке понятий. Две другие классификации: одна, основанная на степени синтезирования, другая — на степени фузирования, могут быть удержаны в качестве перекрещивающихся схем, позволяющих производить дальнейшие подразделения в наших основных концептуальных типах» (107).

Здесь, как нам кажется, и кроется причина неудачи Сепира с его типологией языков. Его «концептуальная характеристика» языков — интересна, но не только не очевидна, но и не может быть доказана. Это скорее — интуитивный портрет, чем точная формула. А принцип независимости диспаратных аспектов — просто неверен! Если брать языковые данные объективно и структурально, то признак диспаратности неминуемо исчезнет, а «концептуальное» из первичной очевидности отойдет в трудно доказуемое.

Сепир или не знал того, что́ по этим вопросам писал Фортунатов, или игнорировал фортунатовскую точку зрения. А у Фортунатова главный интерес представляет не типология языков (она недостаточна по охвату типов, но блестяща по тонкости характеристики наличных), а понимание морфологической структуры слова и тенденций агглютинации и «не-агглютинации» в отношении этой структуры. Общий тезис Фортунатова изложен в разделе «Слова́ языка» курса «Сравнительное языковедение»: «Различие между языками в формах отдельных слов может касаться не одних только значений форм, но и самого способа образования форм в словах; например, индоевропейские языки в этом отношении резко отличаются от языков семитских или от так называемых урало-алтайских языков, точно так же, как семитские и урало-алтайские языки в свою очередь резко различаются между собою в этом отношении, т. е. по отношению к способу образования форм отдельных слов».[42]

В следующем разделе курса — «Морфологическая классификация языков» — даются точные характеристики этих различий: «В значительном большинстве семейств языков, имеющих формы отдельных слов, эти формы образуются при посредстве такого выделения в словах основы и аффикса, при котором основа или вовсе не представляет так называемой флексии, или если такая флексия и может являться в основах, то она не составляет необходимой принадлежности форм слов и служит для образования форм, отдельных от тех, какие образуются аффиксами. Такие языки. . . называют. . . а г г л ю т и н и р у ю щ и е. . ., т. е.

---

[42] Ф. Ф. Фортунатов, ук. соч., стр. 139.

собственно склеивающие, потому что здесь основа и аффикс слов остаются по их значению отдельными частями слов в формах слов, как бы склеенными» (153).

«К другому классу. . . принадлежат семитские языки; в этих языках. . . основы слов сами имеют необходимые. . . формы, образуемые флексией основ, хотя отношение между основой и аффиксом в семитских языках такое же, каки в языках агглютинативных . . . Я называю семитские языки ф л е к т и в н о - а г г л ю т и н а т и в н ы м и и называю их так потому, что отношение между основой и аффиксом в этих языках такое же, как в языках агглютинирующих» (154).

«К третьему классу. . . принадлежат языки индоевропейские; здесь. . . существует флексия основ при образовании тех самых форм слов, которые образуются аффиксами, вследствие чего части слов в формах слов, т. е. основа и аффикс, представляют здесь по значению такую связь между собою в формах слов, какой они не имеют ни в языках агглютинативных, ни в языках флективно-агглютинативных. . ., для этих-то языков я и удерживаю название ф л е к т и в н ы е языки, т. е. флективными языками я называю языки, представляющие флексию основ в сочетании основ с аффиксами, т. е. для образования тех самых форм слов, которые образуются аффиксами» (154).

Несмотря на затрудненность и даже корявость приведенных формулировок Фортунатова, — они точны, как формулы. Во всех трех классах языков есть основы и есть аффиксы. Следовательно, различие этих классов не в наличии или отсутствии аффиксации, а также и не в способности или неспособности основ к флексии, а в отношении и связи аффиксов и основ при образовании форм слов.

Образование формы слова может происходить комплексным усилием взаимно соотнесенных основы и аффикса (при этом здесь внутренняя флексия не обязательна), как в русском языке, например: *при-езд-и-ть*, но *при-езж-а-ть* (невозможны формы: *при-езд'-а-ть* и *при-езж-и-ть*); может происходить только аффиксально, как в тюркских языках, где лишь фонетически основа участвует в подборе вида аффиксов (сингармонизм); и раздельно (а не комплексно) параллельным усилием основы (где перегласовка обязательна) и независимым от соотношения с основой присоединением аффикса, как в семитских языках.

Для того, что Сепир называет «чертеж языка», эти тенденции очень важны, и они проявляются обязательно в совокупности сопутствующих признаков.

Языки — представители первой тенденции (русский, латинский, литовский) синтетичны в основном устремлении своего «чертежа»; тюркские и другие агглютинирующие — аналитичны (на

чем можно настаивать!), а арабский, амхарский и подобные флективно-агглютинирующие языки — синтетико-аналитичны.

Вообще же распределение тенденций синтетичности и аналитичности неотъемлемо связано с морфологическим типом образования форм слов.

Все это еще раз подтверждает на ходу брошенное, но противоречиво использованное мнение Сепира: «Этот тип, или чертеж, или структурный „гений“ языка есть нечто гораздо более фундаментальное, нечто гораздо глубже проникающее, чем та или другая нами в нем обнаруживаемая черта» (94).

По поводу сопряженности тенденций агглютинативности и фузионности, с одной стороны, и тенденций синтетичности и аналитичности, с другой, — точка зрения Сепира представляется противоречивой. «В синтетическом языке (латинский, арабский, финский. Sic! — *А. Р.*) понятия плотнее между собой группируются, слова обставлены богаче» (100); в таблице на стр. 111 турецкий язык отнесен к синтетическим, а на стр. 97 Сепир, упрекая «поборников флективных языков» противопоставляет «иррациональностям латинского и греческого языков» — «трезвую логику турецкого языка или китайского». Что же получается? С одной стороны, турецкий и финский языки объединены с латинским и арабским, а с другой стороны, в противовес тому же латинскому турецкий объединен с китайским по признаку «трезвой логики».

Иную и очень последовательную мысль проводит в своих работах Е. Д. Поливанов: «. . .агглютинативные языки вместе с так называемыми изолирующими составляют два главных подкласса категории аналитических языков», а русский язык «. . .наоборот, противополагается агглютинативным языкам в качестве одного из флективных языков».[43]

В предшествующей, теоретической, работе он так обосновывал это свое положение: «Разнообразие суффиксов, служащих для выражения одной и той же морфологической категории. . . служит типовым отличием синтетических языков (в том числе и русского) от аналитических, к которым принадлежит узбекский язык (относящийся к агглютинативной разновидности аналитических языков)», и далее: «1. В синтетических языках суффиксальная морфема обладает сложным значением, т. е. совокупностью различных частных значений (или отдельных идей). . . В узбекском же языке падежный аффикс. . . выражает только идею падежа. . ., а значение числа передается своим суффиксом. . ., который опять-таки выражает только одну данную идею. . . 2. Аналитические языки обладают более отчетливой делимостью слова на основу и суффикс; так, основа без суффикса. . . представляет

[43] Е. Д. Поливанов. Опыт частной методики преподавания русского языка узбекам. Ташкент, 1935, стр. 42.

собою вполне нормальный тип слова в этих языках; в синтетических же языках, в виде доминирующей нормы, изменяемое слово должно состоять из двух частей — основы и суффикса. . .»[44]

Несмотря на то что Поливанов не употребляет понятие фузии, разъясненное с таким блеском Сепиром, и несмотря на то что у Поливанова план «агглютинации — флексии» перекрещивается с планом «синтетизма — аналитизма», его выводы мне представляются совершенно убедительными. Что же касается Сепира, то приходится удивляться, как он, так тонко разъяснивший все необходимые предпосылки и слагаемые типологической теории, сам в них запутался; а «беда» его классификации языков не только и не столько в том, что «для него его классификация только классификация» (см. статью А. М. Сухотина «Эдуард Сепир и его место в лингвистике»),[45] а в том, что его «концептуальный аспект» явно не сходится со структуральной реальностью данной действительности — с типологией языков.

§ 11. Какие же общие выводы можно сделать на основании рассмотренных ранее положений и противоречий?

1) Между агглютинирующими и фузионными тенденциями морфологического образования слова и аналитическими и синтетическими тенденциями организации высказывания если и нет попарной конгруэнции, то безусловно есть коррелятивная потребность, что явно не вяжется с утверждением о диспаратности аспектов у Сепира.

В подтверждение мнения о сопряженности указанных тенденций я могу сослаться на интересные соображения А. А. Холодовича: «В области морфологии наблюдается. . . замена аналитических процессов синтетическими. . . Этому процессу сопутствует (sic! — *А. Р.*) усиливающаяся флектизация, замена агглютинативного механизма фузирующим. . .»

2) Как правило, агглютинация предопределяет аналитическую тенденцию организации высказывания, и этому сопутствует регулярность образования форм.

3) Наоборот, при осуществлении фузии организация высказывания имеет тенденцию синтетическую, и благодаря возможности последовательных опрóщений образование форм характеризуется иррегулярностью и изобилует параллелизмами.

4) Агглютинация может сочетаться как с изоляцией, так и с инкорпорированием, тогда как фузия в таких сочетаниях невозможна.[46]

---

[44] Е. Д. Поливанов. Русская грамматика в сопоставлении с узбекским языком. Ташкент, 1933, стр. 52.

[45] См.: СЯ, стр. XVII.

[46] А. А. Холодович. Строй корейского языка. Л., 1938, стр. 8. См. об этом подробнее в кн.: П. Я. Скорик. Грамматика чукотского

5) Если по всей совокупности характеризующих признаков и по ведущей тенденции языки алтайские, финно-угорские, японский, корейский, банту и многие другие следует отнести к агглютинирующему типу аналитического рода, а языки индоевропейские — к фузионному типу синтетического рода, то языки семитские не принадлежат ни к тому, ни к другому классу, так как в них морфологическое строение слова определяется раздельными, не синтезированными вместе, но сопряженными в одно двумя моментами: обязательной флексией основы и агглютинирующим присоединением аффиксов; это третий класс языков — флективно-агглютинативный (по Фортунатову) и синтетико-аналитический по совокупности тенденций.[47]

6) Изолирующие языки относятся явно к аналитическому типу, если же в них обнаруживается грамматически что-то сверх изоляции, то это тоже агглютинация. Что же касается языков инкорпорирующих, то это по первому признаку языки агглютинирующие, а по второму — инкорпорирующие и полисинтетические, что отнюдь не значит, что они первые в языках синтетических, — скорее они особые в языках аналитических, так как в них нет фузии.

языка, ч. 1. М.—Л., 1961, где говорится: «. . . в чукотском языке не меньшее место, чем инкорпорация, занимает агглютинация, причем само инкорпорирование обусловлено своеобразием агглютинации в этом языке. . .» (стр. 80, см. также стр. 81, 97, 98, 109, 112, 113).

[47] В свете новых работ на тему об изменении основы и аффиксации в семитских языках (я имею в виду упомянутую книгу В. П. Старинина и статью: И. А. Мельчук. О «внутренней флексии» в индоевропейских и семитских языках. ВЯ, 1963, № 4) можно принять следующие уточнения: 1) Огласовку трехсогласных семитских корней считать особым видом аффиксации, — это прерывистый аффикс, который В. П. Старинин предлагает называть диффиксом, а И. А. Мельчук — трансфиксом (см.: В. П. Старинин, ук. соч., стр. 26, 47, 49, 51—79; И. А. Мельчук, ук. соч., стр. 30, 35, 37, 39); 2) Не применять к этому грамматическому явлению термина «внутренняя флексия», так как а) это аффиксация и б) в семитских языках наряду с трансфиксацией (диффиксацией) есть и то, что можно называть внутренней флексией (см.: В. П. Старинин, ук. соч., стр. 47).

С. Е. Яхонтов

О МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ЯЗЫКОВ

Нужна ли вообще какая-нибудь классификация языков помимо генеалогической? Практически, видимо, нужна. Постоянно оказывается, что ряд языков, вовсе не обязательно родственных, имеют сходные проблемы. Например, специалисты по языкам Юго-Восточной Азии часто ссылаются на работы по китайскому языку; кореисты, напротив, ищут параллели в тюркских и монгольских языках, хотя родство их с корейским не доказано, а исторически корейский язык несомненно гораздо теснее связан с китайским. Раз существуют такие группы языков с общей проблематикой, то полезно выделить эти группы, чтобы решение какого-то вопроса в одном языке могло помочь решению того же вопроса в других языках.

Правда, иногда говорят, что каждый язык имеет собственный, совершенно своеобразный строй, и поиски одинаковых явлений в неродственных языках не имеют смысла. Но если бы это было верно, такие дискуссии, как нынешняя, тоже не имели бы никакого смысла, да и вообще не могло бы существовать общее языкознание. Иногда, наоборот, высказывается мнение, что никакой специфики отдельных языков нет, что все языки имеют в общем один и тот же грамматический строй и различия между ними не носят качественного характера. Но по крайней мере для изучения дальневосточных языков эта точка зрения приносит только явный вред.

Если мы призна́ем, что классификация языков в принципе нужна, то следует, видимо, или принять одну из уже существующих классификаций, или стремиться создать новую; во всяком случае нецелесообразно отвергать существующие, не предлагая ничего взамен. Мне кажется, что традиционная, наиболее распространенная морфологическая классификация языков (деление языков на флективные, агглютинативные, аморфные) до сих пор полностью сохраняет научную ценность.

Эта классификация основана на особенностях структуры слова в разных языках. Однако для некоторых языков вопрос о границах слова не решен окончательно. Если это языки бесписьменные или такие, где на письме не делают промежутков между словами, то обычно каждый лингвист делит текст на слова по-своему. Поэтому определение основных типов языков удобнее сформулировать таким образом, чтобы оно исходило не из слова, а из морфемы (мельчайшей значимой единицы языка).

В каждом языке есть знаменательные морфемы (корни) и служебные морфемы. Условимся считать, что нам уже известно, ка-

кие морфемы в каждом языке входят в тот или другой класс.[1] Служебные морфемы за очень редкими исключениями не могут употребляться самостоятельно и встречаются в речи только в сочетании с другими морфемами.

Каждая служебная морфема в предложении грамматически связана с одним определенным корнем (или с сочетанием морфем, в составе которого есть по крайней мере один корень).[2] Одни служебные морфемы более или менее тесно связаны со «своим» корнем, другие могут отделяться от него другими корнями. Например, в сочетании *на столе* и морфема *-е* и морфема *на* связаны с корнем *стол*. Но перед *-е* почти ничего нельзя вставить (разве что уменьшительный суффикс — *на стол-ик-е*, т. е. другую служебную морфему, связанную с тем же корнем), а после *на* свободно вставляются целые слова (*на этом большом письменном столе*).

Служебные морфемы, которые не могут быть отделены от «своего» корня другим корнем, называются аффиксами. Между корнем и аффиксом может стоять только еще один или несколько аффиксов. Отделяемые служебные морфемы (вроде русских предлогов), а также морфемы, всегда связанные более чем с одним корнем (союзы), условимся называть частицами.[3]

Аффиксы делятся на агглютинативные и флективные (или фузионные). Флективные аффиксы отличаются тем, что обозначают одновременно две, три и больше грамматических категорий, иначе говоря, входят одновременно в две и больше систем противопоставлений. Например, *-а* в слове *река* одновременно обозначает единственное число и именительный падеж; форма *река* противопоставлена, с одной стороны, форме множественного числа (*ре́ки*), с другой стороны — формам косвенных падежей (*реки́*, *реке* и т. д.). Точно так же *-у* в слове *несу* одновременно указывает на 1-е лицо, единственное число и настоящее время. Агглютинативный же аффикс в каждом случае обозначает только одну грамматическую категорию. Именно это является главным отличием агглютинации от флексии, а не, скажем, отсутствие фо-

---

[1] В действительности в некоторых языках это деление не самоочевидно. Основное различие между двумя классами морфем состоит в том, что в предложении корень легко можно заменить различными другими корнями так, чтобы предложение оставалось грамматически правильным; служебная же морфема поддается замене с трудом, но сама свободно сочетается с очень большим числом корней. Например, в предложении *Я вижу реку* корень *рек-* можно заменить на *вод-*, *гор-*, *стен-* и т. п., в то время как окончание *-у* можно заменить только на *-и* — *Я вижу реки*.

[2] Исключение составляют, кажется, только сочинительные союзы.

[3] Этот термин употреблен здесь (и далее) не в том значении, какое он обычно имеет в русской грамматике.

нетических изменений на стыке морфем или стандартность аффикса.[4]

Многозначность флективного аффикса, отличающая его от агглютинативного, сближает его с внутренней флексией (например, английским *foot* ‘нога’, *feet* ‘ноги’ или *sit* ‘сижу’, *sat* ‘сел, сидел’): форма *foot* выражает определенное лексическое значение и одновременно грамматическое значение единственного числа, то есть здесь тоже имеет место совмещение двух значений в одной морфеме.

Есть еще одно очень существенное свойство агглютинации, которое хотя и не вытекает непосредственно из ее главного признака, но почти всегда ему сопутствует. Агглютинативный аффикс как правило бывает противопоставлен не только другим аффиксам, но и отсутствию аффикса, или т о л ь к о отсутствию аффикса. Например, суффикс множественного числа *-лар* в татарской форме *атлар* ‘лошади’ противопоставлен отсутствию аффикса в форме *ат* ‘лошадь’. При этом форма без аффикса имеет значение, воспринимающееся как «основное»: единственное число среди форм числа, именительный среди падежей, 3-е лицо, действительный залог, настоящее время (последнее, например, в корейском или венгерском языке) среди глагольных форм, положительная степень сравнения прилагательного (в языках, где есть степени сравнения) и т. п. Чистый глагольный корень без всяких аффиксов употребляется как форма 2-го лица единственного числа повелительного наклонения. Важно отметить, что эти основные формы во всех языках, использующих агглютинативные аффиксы, оказываются одинаковыми, то есть едва ли найдется язык, в котором отсутствие агглютинативного аффикса означало бы, положим, прошедшее время или дательный падеж.

Значение формы без аффикса часто бывает очень широким и неопределенным. Например, в тюркских языках форму существительного без падежного аффикса большинство исследователей отказывается признать настоящим именительным падежом. Она употребляется не только как подлежащее (или именная часть сказуемого), но и как определение и дополнение. В китайском языке форма множественного числа образуется с помощью агглютинативного аффикса *-мэнь*, но существительное без этого аффикса может иметь значение как единичности, так и множест-

---

[4] Если главным признаком флексии считать наличие изменений на стыках морфем, то, например, тувинскую форму множественного числа *аъттар* ‘лошади’ следовало бы считать флексией (в отличие от агглютинации в татарском *атлар* с тем же значением); а между тем интуитивно мы чувствуем, что тувинский способ выражения множественного числа явно ближе к татарскому, чем, допустим, к русскому или латинскому.

венности. В турецком языке существует «основной залог» без залогового показателя и т. д.

Флективный аффикс тоже может быть противопоставлен отсутствию аффикса, но это — случайное явление. Форма без аффикса вовсе не обязательно является основной по значению. Например, в русском языке это может быть прошедшее время глагола (*нес*), множественное число и родительный падеж существительного (*рыб*); одна и та же категория у одних слов бывает выражена аффиксом, у других — его отсутствием (*рыб-а*, но *мышь*; *мыш-ей*, но *рыб*).

Аффиксы и частицы выражают грамматические значения. Последние выражаются и другими способами — в частности, внутренней флексией, а также порядком элементов, удвоением, интонацией. но возможности употребления всех этих способов сравнительно невелики, и многие значения заведомо не могут быть ими выражены.

В каждом языке можно найти почти все способы выражения грамматических категорий. Например, в русском языке, наряду с флексией, существуют частицы (предлоги, союзы и частицы в узком смысле слова) и агглютинативные аффиксы (например, глагольные приставки). Рискованно было бы категорически утверждать, что в языках такой-то группы совершенно невозможен тот или иной способ.[5] Однако в большинстве языков какой-то один способ является преобладающим.

Какой из способов в каждом случае преобладает, можно, вероятно, определить статистически. Однако возможен и другой подход к решению этого вопроса: можно выяснить, каким грамматическим средством выражаются наиболее важные грамматические категории.

Решающее значение для характеристики языка имеют те категории, которые связаны с выражением о т н о ш е н и й м е ж д у с л о в а м и в предложении, с указанием, какое слово какому подчинено:[6] как формально различаются субъект и объект действия. Как оформляется определение? Как выражаются пространственные, временны́е отношения, побуждение, сравнение и т. п.?

---

[5] В одном из докладов этой дискуссии приводится математическое доказательство того, что в китайско-тибетских языках невозможна флексия (ТД 2, 1961, стр. 41). Однако фактически в тибетском языке есть флексия основы, служащая для образования некоторых глагольных форм (например: *lang* 'встает', *long* 'вставай'; *tong* 'отпускает', *thong* 'отпусти'). В современном тибетском флективные формы имеют также существительные с корнями, кончающимися на гласный: *ta* 'лошадь' (им. пад.), *tā* 'лошадь' (вин. пад.), *tē* 'лошадью' (орудн. пад.), *tē*^{i} 'лошади' (род. пад.). Сходные явления встречаются и в некоторых китайских диалектах.

[6] Ср. классификацию служебных морфем китайского языка в докладе Н. В. Солнцевой и В. М. Солнцева (Понятие агглютинации. . ., здесь, стр. 284).

Вторую по важности группу составляют категории, не связанные с синтаксисом — например, время, вид, наклонение глагола, число существительного.[7] В отличие от первой группы эти категории не являются безусловно необходимыми: есть языки, где нет категорий времени или числа.

Наконец, на третьем и последнем месте находится словообразование, не только потому, что его далеко не все соглашаются включать в грамматику, но и потому, что количество возможных способов словообразования ограничено (например, словообразование с помощью частиц если и существует, то во всяком случае не имеет сколько-нибудь широкого распространения), поэтому различия между языками в этой области сравнительно невелики.

Хотя в русском языке есть и флексия, и агглютинация, и частицы, но преобладает флексия, потому что агглютинация служит почти исключительно для словообразования; частицы же (предлоги) наряду с флексией могут служить для связи слов в предложении, но всегда сопровождаются флексией (падежным окончанием).

Языки, в которых преобладающим способом выражения грамматических значений является флексия (аффиксы флективного типа и внутренняя флексия), называются флективными; языки, где преобладают аффиксы агглютинативного типа, называются агглютинативными.

Язык, в котором частицы преобладают над аффиксами, называют аналитическим, если это язык европейский, или аморфным, корневым, изолирующим, если это язык азиатский, африканский или австралийский. Реальной разницы между аналитическими и изолирующими, или аморфными, языками нет; определения обоих типов часто почти дословно совпадают, и приходится только удивляться, как авторы этих определений сами этого не замечают: «Особенностью а н а л и т и ч е с к и х языков. . . является выражение отношений между словами в предложении не посредством форм слов, а посредством служебных слов. . . и порядка слов»; «. . .языки изолирующие, . . .в которых. . . нет форм словоизменения, отношения же между словами в предложении выражаются. . . посредством порядка слов и служебных слов».[8]

---

[7] Ср. там же.

[8] П. С. К у з н е ц о в. Морфологическая классификация языков. Изд. МГУ, 1954, стр. 20 и 16. Автор различает языки аморфные (лишенные не только словоизменения, но и словообразования) и изолирующие, оговаривая, впрочем, что полностью аморфных языков не существует. Иногда аморфные языки определяют как такие, в которых нет вообще служебных элементов и единственным грамматическим средством является порядок слов; но таких языков тоже практически не существует (ср.: Б. А. У с п е н с к и й. Принципы структурной типологии. Изд. МГУ, 1962, стр. 31).

Конечно, строй английского («аналитического») языка не совпадает вполне со строем китайского («аморфного»), как и вообще не бывает двух языков с абсолютно одинаковым строем. Однако наиболее существенные черты, отличающие английский и китайский языки, положим, от русского, у обоих языков одинаковы. Нельзя указать никаких ясных признаков, которые позволяли бы различать аналитические и аморфные языки. Один из этих терминов — лишний и должен быть отброшен.[9]

Агглютинативные языки имеют одну общую черту с аналитическими (аморфными): в тех и других слово имеет о с н о в н у ю ф о р м у, состоящую из чистого корня (или основы, т. е. из нескольких корней или корня со словообразующим аффиксом), без всяких дополнительных служебных элементов; при образовании других форм само слово не изменяется, на него лишь наращиваются различные служебные морфемы — аффиксы или частицы. В этих языках слово — вполне реальная вещь, в то время как в языках флективных оно представляет собой абстракцию, в речи мы встречаем лишь отдельные словоформы; слово, помещаемое в словаре, есть в действительности лишь одна из форм, условно «представляющая» слово.

С другой стороны, только во флективных языках текст наиболее естественно делится на слова, а не на морфемы. В аналитических языках легче выделить морфемы, чем установить границы слов; в агглютинативных языках ни то, ни другое деление в общем не представляют трудности.

Классификация языков по трем основным типам, как всякая лингвистическая классификация, не исключает промежуточных случаев. Это нельзя считать ее недостатком. Известно, что английский язык в ходе своей истории перешел из флективного типа в аналитический. Поскольку этот переход не был внезапным, естественно, что в какой-то достаточно продолжительный период истории английского языка его строй был промежуточным между флективным и аналитическим типами.

Тем не менее число языков промежуточного строя не слишком велико. Обычно если в языках того или иного типа мы находим элементы другого типа, они или относятся к менее важным областям грамматики, или непродуктивны и имеют тенденцию к исчезновению, или, наконец, их можно выделить только с некоторой натяжкой.[10]

---

[9] Первоначально деление языков на аналитические и синтетические не было связано с делением их на аморфные, агглютинативные и флективные; в каждом из трех основных типов выделяли аналитический и синтетический подтип. Однако в настоящее время такого понимания аналитических языков уже никто не придерживается.

[10] Так, о морфеме *бэй*, употребляющейся в составе страдательной конструкции в китайском языке, говорят, что, стоя перед глаголом, она высту-

Традиционная морфологическая классификация имеет свои недостатки. Прежде всего в своем основном виде она не учитывает некоторые более редкие типы языков (например, инкорпорирующие или языки, подобные арабскому).

Кроме того, неясно, как классифицировать языки дальше, то есть какие подтипы можно выделить внутри каждого типа.[11]

Возможно, что существующие представления об отдельных типах языков во многом неверны. Так, об аморфных языках (в частности, о китайском) в работах по общему языкознанию часто пишут, что в них нет слова, нет частей речи и т. п.; однако исследователи конкретных языков сейчас придерживаются иного мнения. Аналогичные споры существуют и в отношении агглютинативных языков — например, совпадает ли в них корень и слово или нет. Однако то или иное решение этих вопросов не может повлиять на общую оценку традиционной морфологической классификации, так как она основана не на том, есть ли в таких-то языках части речи и т. п., а на других, более ясных признаках.

Наконец, следует иметь в виду, что терминология, используемая в морфологической классификации языков, неоднозначна: один и тот же термин у разных авторов служит для обозначения разных понятий или одному и тому же понятию даются разные названия.[12] Это обычно не означает неопределенности самих понятий, но при желании может быть использовано для критики классификации.

пает как типичный агглютинативный аффикс (ТД 2, стр. 43); а между тем она всегда может быть отделена от глагола наречием, что подлинным аффиксам не свойственно. Кроме того, вообще едва ли правильно одну и ту же морфему, имеющую единое значение, рассматривать то как частицу, то как аффикс.

[11] Может быть, можно составить список наиболее универсальных грамматических категорий и для каждого языка указывать, какими средствами они выражаются. Тогда, например, отличие строя современного китайского языка от строя древнекитайского состояло бы в том, что в первом грамматические категории второй степени важности (см. выше) — время глагола и число существительного — выражаются агглютинативно, тогда как во втором время выражается аналитически (а число вообще не существует как грамматическая категория).

[12] Это относится, в частности, к терминам «морфема» и «флексия». Например, «морфемой» прежде называли то, что сейчас чаще называют «аффиксом».

Н. В. Охотина

К ВОПРОСУ О МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ЯЗЫКОВ

(по материалам языков банту)

В лингвистической литературе, посвященной языкам банту, редко уделяется специальное внимание определению типа данных языков, поэтому мало кто из исследователей дает развернутое типологическое определение этим языкам. Тем не менее, когда такие определения даются, языки банту классифицируются как агглютинативные или, прямо противоположно, как флективные. Оба эти определения в общем не противоречат одно другому на материале языка, как это ни парадоксально. Исследователи, определяющие языки банту как агглютинативные, во главу угла ставят четкое разграничение морфем в слове или лексеме (по терминологии А. А. Реформатского). Исследователи, определяющие языки банту как флективные (К. М. Док), опираются в основном на изменение звучания корня слова, в связи со звучанием соседствующего с ним аффикса (явление велярризации, так называемой препалатализации и т. п. согласных корня).

Как явствует из анализа языкового материала, в языках банту действительно представлены как агглютинативные, так и фузионные черты. Это никак не выделяет языки банту из других языков, так как практически в любом языке всегда представлены элементы, относящиеся к различным типологическим приемам. При отнесении же языка к какому-либо типу обычно исходят из того, какие типологические приемы в нем преобладают и являются для него характерными.

Как представляется, в языках банту определяющей чертой является не изменение звучания корня, а именно характер показателей именных классов и особенности префиксно-аффиксного спряжения глаголов.

Рассмотрим отличительные черты этих аффиксов.

1) Показатели классов по характеру отношения к корню напоминают флективные языки в том смысле, что корень слова никогда не может выступать как грамматически законченное слово. Для того чтобы стать словом, корень должен принять, как минимум, показатель класса. Только в этом случае он становится законченным словом и приобретает способность функционировать в предложении. Единственным исключением является повелительное наклонение глагола в форме единственного числа 2-го лица, где корень совпадает со словом.

2) Префиксы именных классов могут быть охарактеризованы как полисемантические элементы, поскольку они совмещают в себе значения класса и числа.

Язык зулу: 1-й класс, ед. ч. *umu-* (*um-*)
2-й класс, мн. ч. *aba-*
3-й класс, ед. ч. *umu-* (*um-*)
4-й класс, мн. ч. *imi-*
. . . . . .
7-й класс, ед. ч. *isi-*
8-й класс, мн. ч. *izi-* и т. д.

Язык суахили: 1-й класс, ед. ч. *m-* (*mw-*)
2-й класс, мн. ч. *wa-*
3-й класс, ед. ч. *m-* (*mw-*)
4-й класс, мн. ч. *mi-*
. . . . . .
7-й класс, ед. ч. *ki-* (*ch-*)
8-й класс, мн. ч. *vi-* (*vy-*) и т. д.

В этом отношении показатели классов напоминают окончания имен существительных в русском языке, которыми передаются значения рода и числа.

3) Показатели классов выступают и как стандартные аффиксы. Почти не существует случаев, когда один класс выражался бы двумя аффиксами или два аффикса передавали бы значение одного класса. Исключения из этого правила объясняются явлениями истории языка. Именные классы интегрируются, и поэтому возможны случаи, когда имя существительное может оказаться принадлежащим и к более общему, интегрирующему, и к частному, интегрируемому, классу. Например: *pahali* и *mahali* 'место'. Обычная форма этого слова (кстати, заимствованного) — *mahali*. Это слово воспринимается принадлежащим к локативному классу с префиксом *ти-* (18 кл.), однако иногда оно употребляется с локативным префиксом *ра-* (16 кл.), так же как и *ти-* исчезнувшем в современном языке.

Подобные примеры представляют собой исключение, и эти исключения не нарушают стандартности показателей классов.

4) Показатели классов четко отграничиваются от корня слова. Четкость морфологического разделения слова подкрепляется тем, что слова, выступающие как подчиненные члены словосочетания, оформляются по классу главного слова данного словосочетания. Например:

Язык зулу: *umuntu omhle* 'красивый, хороший человек'
abantu abahle 'красивые, хорошие люди'
Язык суахили: *mtu mzuri* 'красивый, хороший человек'
watu wazuri 'красивые, хорошие люди'

Такие же свойства обнаруживают аффиксы спряжения глагола с той только разницей, что их полисемантизм богаче, а именно — аффиксы спряжения указывают на число, лицо и класс, тем самым совмещая в себе значения трех разных по характеру грамматических категорий. Например:

Язык зулу:

1-й класс, ед. ч.	1-е л.	*ngi-*		2-й класс, мн. ч.	1-е л.	*si-*	
	2-е л.	*u-*			2-е л.	*ni-*	
	3-е л.	*u-*			3-е л.	*ba-*	
. . . . .				. . . . .			
7-й класс, ед. ч.	3-е л.	*si-*		8-й класс, мн. ч.	3-е л.	*zi-*	и т. д.

Язык суахили:

1-й класс, ед. ч.	1-е л.	*ni-*		2-й класс, мн. ч.	1-е л.	*tu-*	
	2-е л.	*u-*			2-е л.	*m-*	
	3-е л.	*a-*			3-е л.	*wa-*	
. . . . .				. . . . .			
7-й класс, ед. ч.	3-е л.	*ki-*		8-й класс, мн. ч.	3-е л.	*vi-*	и т. д.

Таким образом, выделенные в докладе А. А. Реформатского[1] четыре признака, различающие фузию и агглютинацию, относятся к языкам банту следующим образом:

1) по однозначности и многозначности аффиксов языки банту фузионны;

2) по стандартности и нестандартности — агглютинативны;

3) по самостоятельности и несамостоятельности основы — фузионны;

4) по четкости разграничения морфем в лексеме — агглютинативны.

Признаки, определяющие агглютинацию и фузию, как известно, не являются логически выводимыми один из другого. До сих пор исследователям не удалось обнаружить связи между этими четырьмя сформулированными признаками и убедительно показать их взаимную зависимость и обусловленность.

Тем не менее в лингвистике всегда предполагалось, что понятия агглютинации или фузии, имеющие эту номенклатуру признаков, сами по себе связывают их в одно целое и что между термином «агглютинация» и его признаками существуют какие-то причинно-следственные отношения, которые интуитивно осознаются, но не могут быть сформулированы явно.

На примере языков банту обнаруживается, что признаки агглютинации и фузии оказываются не связанными каждый в свой комплекс. Это заставляет предположить минимум две возмож-

[1] См. здесь, стр. 91—92.

ности объяснения этого явления: либо признаки агглютинации и фузии, как их обычно принято формулировать, не связаны между собой определенной внутренней связью, так что они могут существовать отдельно и никак не обусловливать друг друга; либо языки банту не являются ни фузионными, ни агглютинативными, а представляют собой какой-то особый, отдельный тип языков, к которым невозможно применить ни понятия агглютинации, ни понятия фузии. Такой (последний) вывод можно было бы сделать с том случае, если обнаружится закономерная связь внутри комплексов признаков фузии и агглютинации.

А. В. Десницкая

К ВОПРОСУ О ВЗАИМООТНОШЕНИИ АГГЛЮТИНАЦИИ И ФЛЕКСИИ

Изучение проблем лингвистической типологии, по-видимому, проходит свои закономерные этапы. Было время, еще не так давно, когда в порядке дня стояла теория морфологического прогресса языков. Теория развития всех языков по морфологическим стадиям — от аморфности, через агглютинацию, к флексии, — представлявшая собой в конце XIX в. одно из банальных положений, часто излагавшихся даже в популярных пособиях по истории человеческой культуры, на некоторое время задержалась в советском языкознании — в марровской концепции стадиальности.

Несколько позднее, уже в 20—30-е годы в зарубежном и в советском языкознании была популярна теория Есперсена о прогрессе языкового развития на пути от синтетизма к аналитизму.

Сейчас все эти теории уже в прошлом. О них почти никто не говорит и не вспоминает. Это вчерашний или даже позавчерашний день науки, далеко шагнувшей вперед в направлении более глубокого и тонкого понимания сущности языковых процессов.

Нынешняя дискуссия является свидетельством дальнейшего продвижения в трактовке вопросов морфологической типологии. Традиционная концепция строго определенных, самодовлеющих, численно ограниченных (обычно — три или четыре) типов морфологической структуры явно перестала удовлетворять если не всех, то очень многих искушенных в этой области языковедов.

Слова о наличии каких-то «переходных», «смешанных» и тому подобных типов мало помогают, так как все такие понятия логически должны предполагать наличие неких «чистых», «непереход-

ных», «несмешанных», одним словом, «идеальных» типов. Теоретически такие типы допустимы, но практически они вряд ли вероятны.

На нашей сессии явное преобладание получает подход к проблеме соотношения агглютинации и флексии прежде всего как к способам грамматического строения слова, которые могут быть и действительно бывают в разном количественном соотношении представлены в любом языке, независимо от его традиционного типологического наименования.

Этот подход был сформулирован уже в начале сессии. В частности, он получил отражение и в выступлении А. А. Реформатского, который озаглавил свой доклад «Агглютинация и фузия как две тенденции грамматического строения слова». А. А. Реформатский, как мне кажется, очень четко сформулировал характерные признаки каждого из этих способов, подчеркнув в качестве определяющего момента для фузии индоевропейского типа признак «биномности». Однако я не могу пока согласиться с утверждением А. А. Реформатского о том, что этот признак отсутствует в так называемых агглютинативных языках, в частности и в языках алтайского типа. Возможно, и в них в какой-то степени и в той или иной форме тоже проявляется принцип «биномности» в строении слова.

В различных докладах убедительно говорилось о наличии более или менее ярко выраженных элементов агглютинации во флективных и в изолирующих языках, а также о наличии элементов фузионности и флективности в агглютинирующих языках. Все это убеждает в том, что традиционному представлению о морфологических типах явно приходит конец и что нужно искать более сложные решения, а не пытаться «уточнять» старую классификационную схему.

Однако нельзя согласиться и с тем, что дело здесь заключается только в различии чисто количественных соотношений элементов агглютинации и флексии или, вернее, агглютинативности и фузионности в каждом отдельном языке. Вопрос специфики морфологической структуры не решается одним только подсчетом употребляемости тех или иных элементов языковой техники. Статистика еще не раскрывает качественного соотношения этих элементов, не указывает места, занимаемого ими в специфичной для каждого данного языка дистрибуции типов морфем. Легко можно себе представить, что при совпадении числовых показателей реальный характер соотношений окажется существенно различным.

Хочу в связи с этим сказать, что мне представляется очень интересной и научно плодотворной мысль Сепира о наличии особого «чертежа», особой структурной модели у каждого языка. Иссле-

довать внутренний принцип языкового строения, конечно, очень нелегко. Однако трудный опыт сепировских исканий не должен отпугивать от работы в этой области.

Поиски определяющих признаков структурной модели того или иного языка не могут, как мне кажется, остановиться на ступени количественных подсчетов употребляемости тех или иных морфологических средств. Это, конечно, очень нужно, но поиски должны идти дальше и глубже.

Эту очень трудную задачу пока что большей частью обходят новейшие исследования, проводимые методом дескриптивного анализа. Применяемая в них методика нередко уводит в сторону от понимания целостного характера структуры изучаемых языков.

Синтез структурных признаков, определяющий морфологический тип каждого языка или группы языков, всегда очень своеобразен, специфичен. И в изучении его могут приносить и, конечно, приносят вред разного рода предвзятые схемы, как старые, так и некоторые новые.

Мне представляется, что типологические сходства и различия, в частности алтайских языков, чаще всего фигурирующих в качестве типично агглютинирующих, связаны вовсе не с тем, что это «агглютинирующие языки», откуда и должны выводиться все их структурные качества. Сходство это определяется историческими связями этих языков — родство, возможность языковых союзов и т. п.

Если в их структуре действительно преобладают элементы агглютинации, выступающие в специфических связях с другими морфологическими особенностями, то это данное конкретное соотношение вовсе не обязательно считать общим законом языковой типологии и объявлять какой-либо из тюркских языков эталоном всех языков, относимых к классу агглютинативных, как это иногда делают авторы учебников по общему языкознанию.

Из других языков, также часто относимых к числу агглютинирующих, можно привести в качестве примера грузинский язык. Принято считать, что грузинский имеет агглютинирующее склонение. Действительно, для падежных аффиксов в грузинском характерна стандартность. В новогрузинском для них характерна также и однозначность, притом для обоих чисел (в древнегрузинском во множественном числе картина была несколько иной). Все это считается типичными признаками агглютинации.

Однако при сравнении грузинского агглютинирующего склонения с флективным склонением таких языков, как санскрит или хеттский, не возникает впечатления какого-либо резкого типологического различия. Можно называть хеттские и санскритские падежные аффиксы агглютинативными или, наоборот, — грузинские падежные аффиксы флективными, это дела не меняет, рез-

кого типологического водораздела на этом участке морфологии сравниваемых языков не наблюдается. Резкий водораздел возникает, когда мы сравниваем полисинтетическую префиксацию грузинского глагола с типом построения индоевропейских глагольных форм — независимо от того, определять ли в последних связь аффиксов с основой как фузионную или агглютинативную.

Этим примером я хочу лишь подчеркнуть, что структурная модель каждого языка определяется не столько наличием в каждом из них большего или меньшего процента элементов агглютинации, фузии и т. п., но тем, как эти элементы качественно соотнесены, в каких грамматических категориях и как осуществляется их синтез.

Соображения, высказанные И. А. Мельчуком [1] относительно внутренней флексии в семитских языках, кажутся мне очень интересными. Отличие семитической трансфиксации от грамматических чередований типа английского *foot — feet* следует считать бесспорным. Однако явления внутренней флексии в индоевропейских языках не ограничиваются только одним типом. Есть и другие типы. В частности, древний аблаут в известной мере типологически напоминает семитическую схему, о чем писал еще Мейе.

Вопрос о древних и новых грамматических чередованиях в европейских языках нуждается в более детальном исследовании с точки зрения их роли в структуре отдельных языков, притом в разные исторические эпохи.

В заключение остается отметить, что не только понятие агглютинации, но и понятие флексии составляет проблему, в которой еще много неясного и спорного. Существуют очень разные типы флективной структуры. В частности, очень различаются типы древней и новой индоевропейской флексии.

Если флективные парадигмы в таких языках, как хеттский и санскрит, могут рассматриваться как в известной степени агглютинативные по своему характеру, о чем здесь говорил Вяч. В. Иванов,[2] то флективные парадигмы многих новых индоевропейских языков с более ярко выраженной фузией и с обилием нулевых форм обнаруживают совсем иной структурный тип.

Все подобные вопросы, связанные с анализом понятия флексии, могли бы явиться темой для особой дискуссии. Такая дискуссия была бы интересной и научно плодотворной, поскольку

---

[1] См. опубликованные им тезисы: О термине «внутренняя флексия» в связи с агглютинацией. ТД 2, стр. 34.

[2] См. тезисы его доклада: Об агглютинации в индоевропейском основообразовании и формообразовании. ТД 2, стр. 24—28.

и она могла бы содействовать нашей общей задаче — выяснению того, что такое тип языковой структуры. А строить новую или модернизи́ровать старую типологическую классификацию без ясного определения общего понятия морфологического типа было бы, конечно, неразумно.

С. Д. Кацнельсон

О ПОНЯТИИ МОРФОЛОГИЧЕСКОГО ТИПА ЯЗЫКА

Морфологическая классификация языков, которой многие из выступавших здесь товарищей пользуются поныне, исходит из предпосылки, будто способ выражения грамматических функций определяет собой весь морфологический строй языка и будто существуют чистые морфологические типы, основанные на каком-либо одном приеме грамматической техники. С тех пор, однако, как стало очевидно, что флексия является далеко не единственным и даже не основным техническим средством грамматики и что нельзя расценивать морфологические типы с точки зрения их места в развитии «от аморфности к флексии», традиционная морфологическая классификация языков безнадежно устарела.

Но значит ли это, что нужно сдать в архив понятие о морфологическом типе языка?

Некоторые товарищи начисто отвергают это понятие. Наиболее категоричным и не оставляющим сомнений было выступление И. А. Мельчука на этот счет. И. А. Мельчук полагает, что различные аспекты морфологического строя представляют собой конгломерат гетерогенных признаков, внутренне между собой не связанных и взаимно не обусловленных. Морфологический тип языка — это, с такой точки зрения, нечто вроде анкеты, различные рубрики которой, — как возраст, образование, место рождения, — предполагают ответы, которые никак не вытекают один из другого и в каждом отдельном случае образуют индивидуальное сцепление разнотипных характеристик.

Другая точка зрения хотя и признает существование морфологических типов, но по сути дела мало отличается от предыдущей. Согласно другой точке зрения, в любом языке перемешаны различные грамматические приемы и все дело только в количественном соотношении, в удельном весе каждого из них. Такую точку зрения отстаивал здесь С. Е. Яхонтов. Сходным образом выступал и Вяч. В. Иванов, ссылавшийся на американского психолингвиста

Гринберга. Согласно последнему, агглютинативным следует считать язык, в котором агглютинация представлена больше чем на 50%. Метод вычисления удельного веса того или иного грамматического приема в общей системе морфологических средств языка, предлагаемый Гринбергом, малоубедителен. Но и само понятие морфологического типа, лежащее в основе таких вычислений, представляется мне сомнительным. Если ошибочна точка зрения, предполагающая прямую и жесткую связь между грамматическими приемами и всем морфологическим строем языка, то, с другой стороны, односторонней и не более убедительной представляется мне точка зрения, отрицающая всякую связь между определенными грамматическими приемами и морфологическим обликом языка. Такая связь, думается мне, существует, но она носит сложный и гибкий характер и не может быть подведена под прямолинейные и односторонние определения.

Доминирующий в языке способ выражения грамматических значений тесно связан со структурой слова и структурой корня в языке. А это обстоятельство накладывает печать не только на морфологический строй языка, но зачастую и на его фонологический строй. Вспомним связь агглютинации с сингармонизмом и различием в фонологической структуре корня и аффиксов. Конечно, агглютинация не всегда связана с сингармонизмом. Но вряд ли, с другой стороны, можно рассматривать эти связи как случайные и абсолютно внешние. Вспомним связь «аморфности» с моносиллабизмом и соответствующей структурой корня. И здесь связи не абсолютные, но, думается мне, и не случайные.

Для характеристики морфологического типа языка большое значение имеет момент избыточности. С флексией связано перенасыщение языка морфологическими категориями. Подразумеваемое флексией согласование опирается обычно на пережиточные категории грамматического рода или класса, делающие морфологический строй языка более сложным и громоздким. Чем ярче выражена флексия в языке, тем сложнее в нем спряжение и склонение, которое разбивается на множество классов в зависимости от типа основы или флективных показателей. Все это делает морфологический строй менее прозрачным и иррегулярным. В языках агглютинативных и «аморфных» морфология более проста, и грамматические процессы носят в них более регулярный характер.

Имеются и другие факторы, влияющие на морфологический строй языка. Выяснение роли различных факторов, принимающих участие в формировании морфологического типа языка, их сложного взаимодействия и взаимного сцепления, является одной из важных задач типологического изучения структуры языков.

В. Н. Ярцева

О ПРИНЦИПАХ ОПРЕДЕЛЕНИЯ МОРФОЛОГИЧЕСКОГО ТИПА ЯЗЫКА

Определение морфологического типа языка существенно не только для сопоставительно-типологического анализа языков мира, но и для исторического исследования материалов отдельного языка. Почти всегда в истории языков наблюдается смена морфологического типа. В одних языках это происходит интенсивно, так что отчетливо выделяются периоды, когда совершаются решающие изменения в морфологическом строе языка (пример — английский язык в XII—XIV вв.), в других языках морфологический строй может оказаться весьма устойчивым и изменяться медленно и постепенно. Как показал Б. А. Серебренников, исключительную стойкость имеет агглютинативный строй, и поэтому агглютинативные языки сохраняют в течение долгого времени один и тот же структурно-морфологический тип оформления слова. Следовательно, в целях сопоставления разных языков, а также сопоставления различных морфологических структур в истории одного языка необходимо определить понятие морфологического типа языка.

Очень часто при характеристике морфологического строя ограничиваются перечислением грамматических приемов, которыми располагает данный язык. Однако этого явно недостаточно. Важен не сам по себе грамматический прием, с помощью которого передается определенное грамматическое значение, а то место, которое занимает он среди других грамматических средств данного языка, и сфера его применения. Поэтому один и тот же грамматический прием может иметь в разных языках различный удельный вес. Например, примыкание как средство передачи аттрибутивных отношений широко используется как в агглютинативных языках, так и в языках аналитического строя.

Препозитивное примыкание без всякого дополнительного оформления членов словосочетания передает отношение определения и определяемого в турецком языке. В роли определения могут выступать как прилагательные (*büyük şehir* ‘большой город’), так и существительные определенных семантических разрядов (*cam boru* ‘стеклянная трубка’, *inci gerdanlık* ‘жемчужное ожерелье’). В этом отношении турецкий язык на первый взгляд вполне совпадает с английским языком, обычно приводимым как пример языка аналитического строя: англ. *a big town* ‘большой город’, *a glass tube* ‘стеклянная трубка’, *a pearl necklace* ‘жемчужное ожерелье’.

Однако грамматическое моделирование рядов, в которые входит вышеупомянутая конструкция, глубоко различны в турецком и в английском. Отношение к материалу в английском языке может быть передано не только путем конструкции: *a glass tube* 'стеклянная трубка', *a stone wall* 'каменная стена', но и через предложный оборот: *a tube of glass* 'трубка из стекла', *a wall of stone* 'стена из камня', — т. е. так же, как выражается значение принадлежности в широком смысле этого слова, ср.: *the house of my brother* 'дом моего брата' и название романа А. Кронина «*A thing of beauty*» 'Произведение искусства'. Следует добавить, что в зависимости от состава своих членов определительное словосочетание с предложным оборотом может быть соотносительно с грамматическим синонимом: вполне обычно *my brother's house*, но нельзя сказать *beauty's thing*.

В турецком языке с некоторым семантическим оттенком в конструкции изафета первого типа (*taş duvar* 'каменная стена') можно употребить определение в исходном падеже: *taştan duvar* 'стена из камня'. Однако синонимия двух последних примеров из турецкого языка не может быть приравнена к синонимии английского препозитивного определения и предложной конструкции, потому что (как указывалось выше) в рамках этой последней могут быть переданы самые различные отношения, в том числе и отношение принадлежности, которое в турецком языке выражается изафетом второго и третьего типов, с оформлением определяемого существительного аффиксом принадлежности 3-го лица.

Дополнительно можно еще заметить, что препозитивно примыкающее определение в английском языке по морфологической структуре своих членов и разнообразию их семантических разрядов очень многогранно и решающую роль в значении определительных словосочетаний играет позиция определения. Ср.: *a garden flower* 'садовый цветок', *a flower garden* 'цветник', *a flight test* 'полетное испытание', *a test flight* 'испытательный полет', *a steel strip* 'стальная полоска', *a strip steel* 'полосовая сталь', *a race horse* 'скаковая лошадь', *a horse race* 'скачки'.

Следовательно, не по наличию или отсутствию какого-либо грамматического приема должны дифференцироваться различные языки, а по всей совокупности тех грамматических признаков, которыми характеризуется их грамматический строй. Если между языками различной морфологической структуры может иногда наблюдаться пересечение грамматических признаков или, точнее говоря, совпадение отдельных грамматических приемов (как это было показано на примере английского и турецкого), то все же в целом их грамматические микросистемы никогда не накладываются одна на другую. То же самое можно сказать относительно двух исторических срезов одного и того же языка.

Приемы выражения грамматических значений и морфологической организации слова ограничены в своем числе. В истории языков они могут повторяться, как бы заменяя друг друга, однако их распределение по различным сферам языка и удельный вес каждого грамматического приема в системе языковых категорий оказываются различными в разные исторические периоды, и поэтому развитие языков мира может быть в отношении грамматических приемов представлено не как их замкнутый круговорот, а скорее как восходящая смена витков бесконечной спирали.

Тем не менее само определение морфологического типа языка должно основываться на строго синхронном анализе, так как в историческом плане происходит не только смена грамматических приемов, но зачастую смещаются границы между морфологией и синтаксисом. Иными словами, те отношения, которые на одном этапе развития языка имели морфологическое выражение, могут впоследствии выпасть из сферы морфологии и передаваться синтаксически в пределах словосочетания. С другой стороны, в языке постоянно происходят процессы грамматизации лексико-синтаксических сочетаний, приводящие к втягиванию преобразованных конструкций в парадигматические ряды. В плане сопоставительной типологии возникает, таким образом, проблема «соответствия» морфологических и синтаксических единиц в разных языках, так как обычно наблюдается лишь частичное покрытие морфологических категорий данного языка при его сопоставлении с другим языком. Таким образом, оказывается очень важным избрание единого критерия для морфологического анализа различных языков.

Структура слова как единицы языка является мерой грамматического строя. Структурный анализ слова исходит из выделения его частей, т. е. выделения морфем различного типа. Однако для понимания структуры слова в различных языках чрезвычайно важным является не только морфологический, но и фоно-морфологический анализ. Определение фонетических границ слова и границ морфемы, выяснение номенклатуры пограничных сигналов могуть дать объективные критерии для выделения минимальных морфологических элементов слова и для описания форм их соединения. Это весьма сложная задача, и даже для западноевропейских языков, на фонетический облик которых исследователи обращали много внимания в связи с задачами преподавания, нет полных описаний языкового материала с фоно-морфологической точки зрения.

Придерживаясь синхронного анализа, необходимо учитывать как звуковую, так и семантическую сторону выделяемой морфемы. Семантическую сторону морфемы приходится иметь в виду потому,

что нет иного пути для сопоставления морфемы с ее звуковыми вариантами в пределах тех структурных рядов, по которым распределяются слова данного языка. Единство значения (т. е. сохранение морфемой постоянного значения) может дать ключ к решению вопроса: имеем ли мы дело с одной морфемой и ее звуковыми вариантами или с различными морфологическими элементами.

Если для агглютинативных языков данный вопрос не имеет особой остроты, так как в них морфемы по большей части сохраняют единый звуковой облик, а варианты немногочисленны и очень ясны по своей фонетической природе (ассимилятивные модификации), то в отношении языков фузионных дело обстоит гораздо сложнее. Следует ли выделять одну корневую морфему в двух звуковых вариантах для таких английских слов, как *produce — product — production*, или надо считать, что в первом из приведенных слов корневая морфема — другая, чем в двух последних? И как оценивать морфологическое соотношение слов *defence — to defend*, имеющих отчетливую семантическую связь (существительное ‘защита’ и глагол ‘защищать’) и многочисленные структурные аналоги (ср.: *offence — to offend*)?

Подобные вопросы не раз ставились в отдельных статьях структурального направления, но так и не получили последовательного и исчерпывающего разрешения. В связи с этим возникает вопрос: в какой мере емкость данной структурной модели (т. е. количество членов данного структурного ряда) помогает вычленению отдельных морфологических элементов? Если не становиться на ту точку зрения, которая была сформулирована еще в конце XIX в., что все регулярное принадлежит грамматике, а все иррегулярное относится к области лексики, необходимо решить, возможно ли морфологическое членение единичных образований в плане синхронии.

В связи с вышесказанным следует заметить, что до настоящего времени лингвисты обращали внимание главным образом на свойства аффиксов, не уделяя достаточно места в морфологических исследованиях специфике корневых морфем. На этом обычно основывали различие между флективностью и агглютинацией. По-видимому, это было связано с теми критериями определения морфологического строя языков (исходя из номенклатуры средств выражения грамматических значений), о которых говорилось в начале настоящего изложения.

В докладах по вопросам агглютинативного строя были высказаны чрезвычайно плодотворные соображения о том, что устройство корневой морфемы является решающим для определения структуры языка и его принадлежности к тому или иному морфологическому типу. Изменчивость корневой морфемы, свойствен-

ная одним языкам и не свойственная другим, привлекала до сих пор мало внимания.

Объектом изучения в морфологии являются морфемы и модели морфемного строения слова. Рассматривая морфемы с точки зрения их структуры, а не только их функции в слове, можно определить характерные черты корневых морфем, иногда общие, иногда различные для языков разной типологической принадлежности.

Общей чертой для языков, пользующихся аффиксацией (как агглютинативного, так и флективного типа), является то, что каждая аффиксальная морфема соединяется с большим числом различных корневых морфем, но одна и та же корневая морфема может встречаться в сочетании с ограниченным кругом морфем аффиксальных. Конечно, и в этом случае колебания в избирательности корневых морфем наличествуют в каждом языке. Если же подойти к соотношению корневых морфем с другими морфологическими элементами, особенно с учетом количественной стороны структурных совпадений, то между языками обнаруживаются существенные расхождения.

Во флективных языках совпадение корневой морфемы по своим звуковым границам с основой слова и с одной из парадигматических форм слова (особенно если еще иметь в виду парадигмы различных частей речи) наблюдается относительно редко, для языков же агглютинативного типа, а в особенности для языков аналитических это обычное явление. Так, в турецком языке звуковой комплекс *tat-*, будучи корневой морфемой, одновременно является основой для глагола *tatmak* ‘пробовать’ и существительного *tat* ‘вкус’. Вместе с тем в парадигматическом ряду существительного *tat* выступает как форма неопределенного падежа, а в парадигме глагола — как форма 2-го лица ед. числа повелительного наклонения (*tat* ‘пробуй’). В английском, являющемся примером языка аналитического строя, корневая морфема *light-* в своих звуковых границах совпадает с основой глагола *to light* ‘зажигать’, ‘освещать’, существительного *light* ‘свет’, прилагательного *light* ‘светлый’. Одновременно *light* может являться в системе имени существительного формой общего падежа ед. числа, а в глагольной парадигме — рядом омонимичных личных форм.

Следовательно, важным звеном морфологического исследования является выяснение связей и соотношений морфологических элементов между собой. Последнее подводит нас к вопросу о том, в какой мере морфологический анализ слова должен учитывать те лексико-грамматические группировки, на которые членится словарный состав каждого языка.

В традиционной морфологии обычно дается в первую очередь описание частей речи и их отличительных признаков. Мы полагаем, что начинать морфологический анализ слова следует вне учета

его принадлежности к той или иной части речи. Специфика морфемного строения слова в каждом данном языке обычно не зависит от принадлежности слова к определенному лексико-грамматическому разряду, так как части речи различаются не столько морфемикой, сколько парадигматикой. Кроме того, следует учесть, что части речи весьма различны в разных языках, так же как и грамматические категории, им присущие.

Из этого, разумеется, не следут, что распределение слов по лексико-грамматическим разрядам должно полностью игнорироваться исследователем. Есть ряд морфологических проблем, которые непосредственно связаны со специфическими чертами отдельных частей речи. Например, парадигмы различных частей речи могут характеризоваться бóльшим или меньшим проникновением аналитических форм, количеством омонимичных форм, наличием или отсутствием нулевых аффиксов и т. д. Однако сама структура морфем и формы их сцепления в слове, типы их фонетической адаптации и допустимые в данном языке размеры их звуковых границ не зависят от распределения слов по частям речи.

Среди вопросов, пограничных для морфологии и фонетики и весьма существенных для сопоставительно-типологических исследований, следует отметить проблему размера морфем и их различных типов. Допустимы ли для данного языка многосложные корневые морфемы, или преобладающим типом являются односложные корневые морфемы? Возможны ли многосложные аффиксальные морфемы, не представляющие собой простое нанизывание разных аффиксальных морфем? Все это вопросы, требующие своего разрешения.

Функциональную сторону морфологического анализа следует строго отделять от структурной, хотя она также заслуживает внимания. Однако круг вопросов, связанных с функциональной морфологией, совсем иной. Интересны вопросы аффиксальной синонимии и омонимии, привлекавшие в последнее время внимание ряда лингвистов.

К вопросам, связанным с функциональным и структурным аспектами морфологии, относится выяснение границ внутрипарадигматической и межпарадигматической омонимии. Отражаясь в структуре отдельных парадигматических форм, явление омонимии не может быть объяснено без учета функционирования форм слова в речи, так как столкновение омонимичных форм в равных контекстуальных условиях иногда приводит к отмиранию омонимов.

Существенно то, что любые проблемы структурной морфологии решаются только при системном анализе с учетом противопоставленности морфологических элементов различных типов. При исследовании морфологической членимости слова лингвист опе-

рирует такими морфологическими величинами, как корень, основа, суффикс. Эти морфологические величины можно считать универсальными, хотя их функциональные и структурные различия в разных языках очень велики. Как уже говорилось выше, возможное звуковое равенство таких морфологических величин, как корень, основа, форма слова, не снимает их функционального различения. Поэтому мы предпочитаем говорить именно о «звуковом равенстве», «совпадении звуковых границ», так как в зависимости от строения парадигматического ряда форма слова может быть морфологически сложной, слагаясь из основы и нулевого формообразующего аффикса.

При морфологическом членении слова исследователь должен принимать во внимание только соотносительность понятий в следующих парных сопоставлениях: корень — аффикс, основа — аффикс, основа — корень. Первое отношение (корень — аффикс) является отношением межпарадигматическим, так как корневая морфема — это то, что едино для слов, принадлежащих к различным лексико-грамматическим разрядам. С другой стороны, аффиксы, как основообразующие, так и формообразующие, дифференцируют слова, принадлежащие к разным лексико-грамматическим разрядам. Части речи различаются не только своими парадигмами, но и особенностями своего словообразования, — если употреблять традиционную терминологию для процесса, который правильнее было бы называть основообразованием.

Соотношение «основа — аффикс» должно быть охарактеризовано как внутрипарадигматическое, так как основа — это то, что едино в формах слова, входящего в определенный лексико-грамматический разряд. Аффикс, в данном случае формообразующий, дифференцирует различные формы одного и того же слова.

Третье соотношение — «основа — корень» — следовало бы называть смешанным, так как, особенно при звуковом равенстве вышеуказанных величин, их выделение возможно лишь при сопоставлении парадигматического ряда, с одной стороны, и различных лексико-грамматических разрядов, имеющих слово с данной корневой морфемой, с другой. Учитывая. что само строение основ может быть простым или сложным (например, двухкорневые основы), ясно, что варианты морфологических типов могут быть определены только в системе перекрещивающихся отношений разного вида.

Поэтому в целях морфологического анализа необходимо известное «препарирование» лексического материала данного языка, так как по тому или иному структурному признаку словесные единицы, наличные в языке, естественно, группируются по различным рядам. Емкость этих рядов, их устойчивость в историческом развитии данного языка — могут быть различными, но по-

стоянным является то, что расчленимость каждого слова возможна лишь при существовании в языке других слов, структурно сопоставимых хотя бы по одному из элементов, входящих в их состав.

А. К. Боровков

АГГЛЮТИНАЦИЯ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Агглютинативные языки в традиционных руководствах по общему языкознанию характеризуются обычно образованием в этих языках форм отдельного слова путем присоединения к нему «полусамостоятельных „частиц-прилеп“, или суффиксов». Отмечается также, что отдельные основы и суффиксы «выступают в разных словах... почти в одном и том же звуковом виде, так что их внешним образом нетрудно отделить друг от друга». Иначе говоря, основа или корень слова полагаются неизменными, суффиксы однозначными, с одним грамматическим значением каждый, а самый процесс соединения суффиксов с корнями и основами представляется как бы механическим, поскольку границы морфем четко определены.[1]

В теоретическом отношении проблема формы отдельного слова остается основной, главной с точки зрения типологической характеристики большой группы агглютинативных языков. В данном случае мы должны ограничиться рамками тюркских языков.

В тюркских языках обращает на себя внимание тесная и постоянная связь лексико-семантической стороны слова с его грамматической природой. Это можно проиллюстрировать на некоторых типических примерах. В киргизском *čüz* означает ‘лицо’, метафорически — ‘поверхность’. В грамматическом отношении это никак не два значения одного слова. Слово *čüz* ‘лицо’ предполагает дальнейшие грамматические связи, свойственные существительному, т. е. оно возможно в соединении со всеми местоименно-притяжательными аффиксами, во всех падежных формах: *menin čüzümdö* ‘на моем лице’, *senin čüzüŋdü* ‘твое лицо’ (вин. п.), *anïn čücünö* ‘его лицо’ (дат. п.), *ec kimdin čüzünö qarabastan* ‘не взирая на чье-л. лицо’ и т. п. В переносном смысле

---

[1] Р. О. Шор и Н. С. Чемоданов. Введение в языковедение. М., 1945, стр. 193; А. А. Реформатский. Введение в языкознание. М., 1955, стр. 210—212.

čüz ‘поверхность’ возможно лишь в постпозиции в словосочетаниях, например: *qer čüzündö* ‘на поверхности (лице) земли, по всей земле’; казах. *žer žüzi* ‘весь мир’, *dünige žüzi* ‘вселенная’ и т. п.; таким образом, оно, естественно, утрачивает связи с грамматическими признаками существительного, не может иметь местоименно-притяжательных аффиксов, помимо аффикса 3-го лица ед. числа, и выпадает из системы склонения как самостоятельное существительное, поскольку склоняется только в составе соответствующего словосочетания. Ограничение в грамматических признаках уже превращает слово *čüz* ‘поверхность’ в своего рода служебное слово, и дальнейшая эволюция упомянутого значения делает его более отвлеченным и превращает полностью в грамматическое слово, например: кирг. *iš čüzündö* ‘на деле’, *eldin išenicin ooz čüzündö emes, iš čüzündö aqtaymïn* ‘доверие народа я определяю не на словах (*ooz čüzündö*), а на деле (*iš čüzündö*)’ и т. д. В казахском языке грамматическое значение еще более отвлеченно, например: *is žüzinde* ‘на деле’, *šaruvašïlïq žüzinde* ‘в отношении хозяйственном’ и т. д.

Продолжим наши наблюдения в части случаев семантической дифференциации и последующей грамматической обособленности слова. В карачаевском языке слово *baš*, помимо собственного значения ‘голова’, может иметь значения ‘верх, вершина’, ‘поверхность’, ‘крышка’, ‘начало’, ‘главный’ и т. д. И в данном случае *baš* ‘голова’ в собственном значении характеризуется всеми грамматическими признаками существительного, местоименно-притяжательными и падежными аффиксами, категорией числа: *bašïma kiyiz börk kiyeme* ‘я надеваю себе на голову войлочную шляпу’; *senda bašïŋ sav bolγuncu...* ‘и ты, пока не заживет твоя голова...’; *Xasanïŋ baši qotur bolγandï* ‘голова Хасана запарши-вела’; *bašïγïr avrusa* ‘если у вас заболит голова’; *sabiylini bašlarï* ‘го́ловы ребятишек’ и т. д. Наречные значения *baš* ‘верх, поверхность’, ‘начало’ и пр. всегда мыслятся ‘ве́рхом’, ‘началом’ по отношению к кому-либо или чему-либо, всегда обусловлены генетивно-поссесивными связями с предшествующими именами и тем самым становятся ограниченными грамматически, т. е. известным образом утрачивают субстанциональность в составе словосочетаний, например: *Miŋi tavnu baši* ‘вершина горы Менгитау’; *buz suvnu bašïna cïγadï* ‘лед выпячивается на поверхность воды’: *gebenni bašïn qiti tolduradïla* ‘верх стога завершают острым (по форме)’; *yanvar ay čaŋï čïlnï bašïdï* ‘январь месяц — начало нового года’ и т. п. Отсюда еще один шаг к превращению *baš* в служебное грамматическое слово, например: *bir biri bašïnda eki bašlï üy* ‘один на другом двухэтажные дома (букв.: двухэтажный дом)’; *qumursxačïq bir taščïqnï bašïna mindi* ‘муравей взобрался на (верх) камешка’;*baš bašïnda* ‘на голове’ и т. п.

Вопрос несколько усложняется здесь, потому что в карачаевском языке *baš* имеет еще и другие значения, именно: ‘сам, собственной персоной’ и, как уже указывалось выше, ‘главный, основной’. Слово *baš* в значении ‘сам’ приобретает все грамматические признаки существительного-местоимения, например: *bašïma kesim etmegen madarnï kiši etmez* ‘то, что я не сделаю сам для себя, никто не сделает’; *bašïbïz qayaγa cïqdïq* ‘сами мы вышли в горы’; *sora atasï: bar endi bašïŋa bošsa degendi* ‘потом отец [мальчика] сказал: теперь ты свободен, иди по своему усмотрению’; *endi bizni ne etgenibizda bašïbïzγadi* ‘теперь все, что мы ни делаем, (все это) для нас самих’ и т. д.

Это значение известно и в других тюркских языках, например: кирг. *öz baší menen* ‘самостоятельно, по своей воле’, казах. *Baltabaydïŋ öz basïn alsaq* ‘возьми лично самого Балтабая’ и т. д.

Следовательно, метафорические и метонимические значения слова могут оставаться в рамках грамматической самостоятельности. Однако грамматическая характеристика оказывается их совсем иной, как в случае *baš* ‘главный, основной’, например: *baš mayana* ‘главный смысл (содержание)’ и т. п. В такой функции *baš* теряет грамматические признаки существительного.

Последний пример вводит нас в сложнейшую область тюркских конверсий, например: карачаевск. *tüzge cabarïq čerlerine čïqqandï* ‘они вышли на равнину на место скачек (гонок)’; *seni uzun tüz ayaqlarïŋ* ‘твои длинные прямые ноги’; *malqa tüz qaramaqlïq* ‘правильный уход за скотом’; *tüz qanatlïla* ‘полезные птицы’; *endi tüzün aytsam...* ‘если и теперь скажу правду...; *qošubuz tüz Miŋi tav tübünde edi* ‘наш кош находился прямо под горой Менги-тау’; *xatəcuŋ tüz išleydi* ‘твой желудок работает хорошо (правильно)’ и т. д. Следовательно, в карачаевском языке *tüz* возможно в значениях ‘равнина’, ‘ровный, прямой’, ‘правильный’, ‘правда’, ‘правильно’ и т. п., т. е. в функциях разных именных частей речи, оставаясь в неизменной форме.

Н. К. Дмитриев как бы подытожил взгляды тюркологов в своей теории четырех фаз морфологического развития слова в тюркских языках. Согласно этой теории, морфологическое развитие слова имеет своим началом отдельное слово с реальным значением и самостоятельным употреблением в контексте и вне его. Отдельное слово обладает стабильным звуковым составом (в отличие от форманта), имеет самостоятельное ударение и обладает способностью «полного морфологического изменения по всем тем категориям, которые свойственны данной части речи».

Следующей фазой морфологического развития является переход отдельных слов в разряд служебных слов, будь то имена или глаголы. Служебные слова, согласно Н. К. Дмитриеву, не отличаются с точки зрения формы, но «утрачивают полновесную

семантику и выражают только грамматические понятия или грамматические отношения между словами».

Третьей фазой морфологического развития слова являются послелоги с их «окаменевшей» формой и неизменяемостью, отсутствием своего ударения и своей чисто грамматической семантикой. Последней, четвертой фазой в этом направлении оказываются грамматические аффиксы, которые характеризуются отсутствием стабильного звукового состава, зависимостью от корня или основы слов и ударения.[2]

Это интересно в историческом плане; синхронно форма отдельного слова, как мы могли составить себе представление, требует своих собственных определений. Прежде всего необходимо строго отграничить понятия отдельного слова и основы слова в тюркских языках. Морфологическое развитие слова в тюркских языках, несомненно, привело к достаточно четкому разграничению имени и глагола, именно в том отношении, что понятие основы глагола как более отвлеченной представляется нам более морфологически ясной в сравнении с понятием именной основы.

Дело в том, что основа глагола привычно для нас определяет только семантический круг значений данного глагола, а его формами создаются «отдельные слова» в виде каждой данной формы: *bašla-* 'начинать', *bašladïm* 'я начал', *bašlaydï* 'он начинает', *baslayan* 'начавший' и т. п. Когда же дело касается имен, мы представляем себе «отдельное слово» как сумму всех значений данного имени. Между тем «назывная функция» имени в тюркских языках и его «речевая функция» должны представляться в разных планах. Отсутствие согласования имен в роде (грамматический род отсутствует), числе (число выражается в имени и глаголе одним аффиксом) и падеже (имен как таковых) исключает все признаки синтаксических отношений в именных основах. Но все это не значит, что основа имени и форма отдельных слов-имен тождественны во всех отношениях и не должны разграничиваться.

До сих пор мы рассматривали зависимость между лексико-семантическими особенностями слова и сферой его употребления. Между тем в тюркских языках форма слова связана со всей системой словообразования и морфологических форм слова. Часто в этой области возникают противоречия в понимании формы отдельного слова. Известно, например, что так называемые возвратные местоимения в тюркских языках этимологически связаны обычно с существительными в значении «тело», «рост», «стан», «сущность» (тув. *bot*, алт. *boy*, хак. *pos*, як. *bäyä*; туркм.

---

[2] Н. К. Дмитриев. Грамматика кумыкского языка. М.—Л., 1940, стр. 51—53.

ö : z, казах. *öz*, татар. *üz*, башк. *üð*; др.-уйг. *käntü*, тур. *kendi*, каракалп. *kesi*, чув. *χăy* и т. д.). Когда-то это значение осознавалось, судя по языку памятника XI в. «Кутадгу билиг», где это слово согласуется соответственно: *meniŋ ma özüm kör aŋar oxšadï* (Н. 64, 1); *yazuq üðri qolduŋ qutuldï özüŋ* (Н. 59, 2).

В живых тюркских языках, где эта связь утрачена, перестроена линия согласования: узб. *men özüm bilämän* 'я сам знаю'; каракалп. *men kesim bilmen* 'я сам знаю' и т. п.

Это не частный случай, он обнимает ряд аналогичных явлений (но это не подтверждение теории Г. Винклера об управлении как основном признаке словосочетаний в активном языке и склонности числительных к инструментальным связям).

Внимательное исследование тюркских языков и их реальных типологических особенностей приводит к следующим выводам:

1) При любом определении агглютинации и специально агглютинативных языков необходимо обратиться к изучению «механизма», т. е. грамматических средств, которые ближайшим образом характеризует природу агглютинативной морфологии. Это, видимо, система словоизменения (формообразования) в первую очередь.

2) В тюркских языках имена (во всяком случае определенные разряды имен) в их собственных значениях связаны по всем линиям с системой именного словоизменения, переносные значения тех же имен ограничены в связях. Это обстоятельство проясняет место и роль «служебных имен» и, в отдаленной исторической перспективе, грамматических форм. Сведение грамматических форм к самостоятельным словам, разумеется, может иметь только этимологическое значение.

3) Формы словоизменения в тюркских языках однозначны в грамматических значениях, но приобретают ~~очень~~ широкий синтаксический диапазон; например, идея числа (предметов и лиц) выражается всегда одним аффиксом, но может распространяться на группу однородных имен, члениться «по смыслу» и выражать то же значение в составе слова; равно идея зависимости (падежа) может распространяться на группу однородных имен и т. д.

4) Теория именного происхождения тюркского предложения может быть подтверждена природой местоименного спряжения и наличием подмен посессивных типов словосочетаний номинативными. Эволюция морфологического состава слова находится в связи с развитием синтаксических типов...[3]

---

[3] Статья не окончена.

Н. А. Баскаков

ПОРЯДОК И ИЕРАРХИЯ АФФИКСОВ В ОСНОВЕ СЛОВА В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Структура тюркских слов может быть представлена очень краткой формулой. Каждое слово в тюркских языках состоит из корневой морфемы ($\sqrt{N/V}$), двух типов аффиксов словообразования ($A+B$) и аффиксов словоизменения (C), т. е. по формуле: $\sqrt{N/V}+A+B+C$.

Это — структура подавляющего большинства тюркских слов. Но за символами, конечно, стоит очень сложная система каждой группы аффиксов.

Обратимся сначала к корневым морфемам. Систему словообразования в тюркских языках определяют только два типа корневых морфем: либо это именная (Nomina) корневая морфема (N), либо это глагольная (Verbum) корневая морфема (V), причем эти корневые морфемы могут быть первичными, простыми, т. е. состоящими из первичного односложного корня, а могут быть и более сложными, т. е. состоять из какого-то корня и каких-то омертвевших аффиксов, которые в современных языках не поддаются анализу.

Кроме того, существует еще один тип корневой морфемы (P) — это служебные слова или частицы (Particula), которые, как правило, не имеют своей системы словообразования, словоизменения, а потому занимают среди корневых морфем особое положение.

Таким образом, состав корневых морфем может быть представлен в виде краткой формулы: $\sqrt{N/V(P)}$, т. е. все тюркские корни распадаются на три типа: тип именного корня (N), тип глагольного корня (V) и тип корня служебного слова (P).

Итак, в тюркских языках первичные и вторичные корни слов в зависимости от смыслового содержания слова, а также по своей принадлежности к той или иной системе словообразования разделяются на три группы: 1) корни слов, выражающие имя (N), т. е. название предмета или статического признака; 2) корни слов, выражающие глагол (V), т. е. обозначающие действие — динамический признак; 3) корни слов служебных (P), выражающие грамматические отношения слов в составе словосочетаний и предложений.

К корням типа N относятся: 1) имена существительные (N_1), 2) имена прилагательные (N_2), 3) наречия (N_3), 4) имена числительные (N_4), 5) междометия и мимемы (N_5), 6) местоимения (N_6);

к корням типа *V* относятся только глаголы; к корням типа *P* относятся: 1) частицы (P_1), 2) послелоги (P_2), 3) союзы (P_3).

Первые две группы корней, т. е. корни-имена (*N*) и корни-глаголы (*V*), имеют особые, отличные друг от друга системы аффиксов словообразования. Третья группа—корни—служебные имена (*P*) не имеют аффиксов словообразования.

Все аффиксы словообразования в тюркских языках независимо от корня, является ли он именным или глагольным, разделяются на две большие группы: 1) аффиксов лексико-грамматического словообразования (*A*), которые конкретизируют главным образом лексическое значение слова, но вместе с тем и относят данное слово к той или иной лексико-грамматической категории частей речи; 2) аффиксов функционально-грамматического словообразования (*B*), которые определяют функцию данного слова в составе словосочетания или предложения, не изменяя лексического значения.

Ближе к корню слова находятся аффиксы первой группы (*A*). В зависимости от принадлежности слова к корням-именам или к корням-глаголам все аффиксы первой группы, т. е. аффиксы лексико-грамматического словообразования, могут быть либо аффиксами, присоединяющимися только к именным корням (A^N), либо аффиксами, присоединяющимися только к глагольным корням (A^V).

То же следует сказать и в отношении аффиксов второй группы, т. е. аффиксов функционально-грамматического словообразования, которые также являются различными для именных корней и основ (B^N) и для глагольных корней и основ (B^V).

Обратимся к группе аффиксов словообразования типа *A*. Эта группа представляет собой группу аффиксов лексико-грамматического словообразования, которые определяют главным образом семантику слова, а также отношение корневой морфемы либо к группе имен, либо к группе глаголов. Аффиксы словообразования типа *A* в связи с этим могут присоединяться либо только к именным морфемам, либо только к глагольным морфемам.

Все аффиксы лексико-грамматического словообразования типа *A* по своему содержанию разделяются на две группы: *A I* и *A II*. Первую группу аффиксов (*A I*) можно назвать группой конверсирующих аффиксов, т. е. аффиксов, которые преобразуют именную основу в глагольную (A^N *I*) или глагольную в именную (A_V *I*). К аффиксам типа A^N *I*, следовательно, относятся все аффиксы, вербализующие именной корень, преобразующие имя в глагольную основу, т. е. аффиксы типа *-ła/-le*, *-a/-e*; *-yq/-ik*, *-y/-i*, *-qar/-ker*, *-ar/-er*; *-sy/-si*, *-sa/-se* и пр., например: *taš* ‘камень’, отсюда *taš* + *ła-* ‘бросать’, *tün* ‘ночь’, *tüne* ‘ночевать’. А к аффиксам типа $A^V I$ относятся все аффиксы, номинализирующие

taš tašla jaŋta jaŋtama

глагольный корень, преобразующие глагол в именную основу, т. е. аффиксы типа: *-ym/-im*; *-dyq/-dik* ~ *-dy/-di*; *-yt/-it/-t*; *-γyn/-gin* ~ *-yn/-in*; *-γaq/-gek//-qaq/-kek* ~ *-aq/-ek*; *-γyš/-giš* ~ *-yš/-iš* и пр., например: *öl-* 'умирать', *ölim* 'смерть'; *tara-* 'расчесывать', *taraq* 'гребень'. Этих аффиксов довольно большое количество, они имеют определенную систему. Ограничусь здесь только указанием на то, что каждая из этих групп аффиксов имеет определенную систему и определенные способы присоединения к основам.

Вторую же группу аффиксов типа *A* (*A II*) можно назвать группой модифицирующих аффиксов, которые модифицируют основу слова, т. е. несколько видоизменяют ее и придают ей иные оттенки значений. Эти аффиксы также могут присоединяться либо только к именам (*AN II*), либо только к глаголам (*AV II*). К аффиксам типа *AN II* относятся все аффиксы, модифицирующие значение именного корня без преобразования его в глагольную основу, т. е. все аффиксы, образующие увеличительные и уменьшительные формы имени: *-qaj/-kej* ~ *-aj/-ej*; *-qana/-kene*; *-šaq/-šek* ~ *-aq/-ek* ~ *-ša/-se*; *-šyq/-šik*; *-łaq/-lek* и пр.; степени сравнения имен прилагательных и наречий: *-γylt/-gilt*; *-ša/-še*; *-yltym/-iltim*; *-ły/-li*; *-yltyr/-iltir*; *-yraq/-irek*; *-γyna/-gine*; *-qyna/-kine* и пр., например: *ata* 'отец', *ataqaj* 'батюшка'; *qyz* 'дева', *qьzšaq* 'девушка', 'девочка'; *sary* 'желтый', *sarγylt* 'желтоватый' или *saryraq* 'пожелтее'.

К аффиксам типа *AV II* относятся все аффиксы, модифицирующие значение глагольного корня без преобразования его в именную основу, т. е. все аффиксы залоговых форм: понудительного залога *-dyr/-dir*; *-γys/-gis*; *-qar/-ker*; *-t* и пр.; страдательного залога *-yl/-il/-l*; возвратного залога *-yn/-in*; *-yq/-ik*; взаимно-совместного залога *-yš/-iš/-š*; *-ys/-is/-s*; и все аффиксы, образующие видовые синтетические формы глагола: *-qyła/-kile*; *-yŋqyra/-iŋkire* и пр., например: *ač-* (или, в других языках, *aš-* 'открывать'), *ačył-* 'открываться'; *kel-* 'приходить', *keliš-* 'подходить друг к другу', и новое семантическое значение 'договариваться между собой'.

К этой группе аффиксов относятся все залоговые аффиксы, модифицирующие основное значение первой корневой морфемы. Сюда же относятся видовые аффиксы, например: *at-* 'стрелять', *atqyla-* 'стрелять много раз'; *-ač* 'открывать', *ačyŋqyra-* 'приоткрывать'. Все аффиксы, присоединяющиеся к корневой морфеме, сохраняют самостоятельное значение слов. Каждая корневая морфема совпадает с формой самостоятельного слова, именная основа — с именем в основном падеже, глагольная же основа — с формой 2-го лица повелительного наклонения, например: *at* 'лошадь', *at-* 'возьми'. Таким образом, корневая морфема имеет самостоятельное значение, выступает как форма самостоятель-

ного слова. При присоединении аффиксов конверсирующих, т. е. превращающих, например, именную основу в глагольную, основы также сохраняют самостоятельное значение. Возьмем, например, *baš* 'голова' и *bašła* 'начинай' — повелительная форма 2-го лица; или *qap* 'закрывай' и *qapqaq* 'крышка'; оба слова имеют самостоятельное значение повелительной формы глагола 2-го лица или именительного падежа имени в единственном числе. При присоединении аффиксов, модифицирующих основу, получаются основы, которые также сохраняют самостоятельное значение и могут выступать самостоятельно в составе предложения и словосочетания, например: *ač* 'открой', *ačył* 'откройся'.

Обратимся теперь к следующей группе аффиксов словообразования — *B*. Эта группа имеет примерно ту же структуру, но несколько иную систему. Аффиксы функционального словообразования уже не меняют семантику слова, они только преобразуют слово в новые грамматические формы, указывающие либо на субстантивное значение, либо на признак субстантива или атрибутива.

В тюркских языках все отношения слов в составе предложений и словосочетаний исторически восходят к атрибутивным отношениям, поэтому основными грамматическими формами в тюркских языках являются следующие: а) субстантивные формы, выражающие предмет, субстанцию; б) атрибутивно-субстантивные формы, выражающие признак субстантива; в) атрибутивно-атрибутивные, выражающие признак признака, т. е. атрибут атрибута.

Аффиксы словообразования типа *B* и призваны преобразовывать основу слова либо в субстантивную (*B I*), либо в атрибутивную (*B II*), либо в атрибут атрибута (*B III*).

Аффиксы типа *B*, так же как и аффиксы типа *A*, разделяются на две группы аффиксов: аффиксы, присоединяющиеся только к именным основам (*BN*), и аффиксы, присоединяющиеся только к глагольным основам (*BV*). Каждая из этих групп имеет три типа форм.

Итак, аффиксы словообразования типа *B*, т. е. аффиксы функционально-грамматического словообразования как для именных, так и для глагольных основ, различаются своим назначением служить средством образования трех функциональных форм глагола: 1) субстантивных форм (или имен действия) ($B^V I$), 2) атрибутивно-определительных форм, или причастий ($B^V II$), 3) атрибутивно-обстоятельственных форм, или деепричастий ($B^V III$), а также, соответственно, — трех функциональных форм имени: 1) субстантивных ($B^N I$), 2) атрибутивно-определительных ($B^N II$), 3) атрибутивно-обстоятельственных ($B^N III$).

Обратимся сначала к аффиксам, которые могут присоединяться только к именам (*BN I, II, III*). Эти аффиксы образуют либо субстантивные формы от несубстантивных категорий (*BN I*), либо атрибутивные формы от субстантивных (*BN II*), либо имеют атрибутивно-атрибутивное значение (*BN III*).

К аффиксам типа B^N *I* относятся все аффиксы, образующие имена существительные: *-łyq/-lik*; *-šylyq/-šilik* и др., а также субстантивные формы других именных частей речи, например имен числительных: *-aw/-ew*; *-yγu/-igü*; *-łyq/-lik* и др.

К аффиксам типа *BN II* относятся все аффиксы, образующие имена прилагательные: *-ły/-li*; *-syz/-siz*; *-γy/-gi* ~ *-qy/-ki*; *-daγy/-degi* и др., а также атрибутивно-определительные формы других именных частей речи, например числительных: *-nšy/-nši*; *-łanšy/-łenši* и пр.

К аффиксам типа *BN III* относятся все аффиксы, образующие наречия: *-ša/-še*; *-daj/-dej*, а также атрибутивно-обстоятельственные формы других частей речи, например имен числительных: *-ar/er*; *-łap/-lep* и пр.

Приведем примеры. Прилагательное *qyzyl* необходимо субстантивировать, афф. *-lyq* и призван выполнить это: *qyzył* ‘красный’, *qyzyłłyq* ‘краснота’. Следующая группа аффиксов превращает субстантивные формы в атрибутивные. К этой группе относятся, например, афф. *-ły/-li*: *at* ‘лошадь’, *atły* ‘конный’; афф. *-syz/-siz*: *jer* ‘земля’, *jersiz* ‘безземельный’; афф. *-daγy* (исторически состоящий из формы местного падежа *-da* и аффикса *-γy*): *orman* ‘лес’, *ormandaγy* ‘лесной’.

Или аффиксы, образующие признак признака от субстантивных и атрибутивных категорий, например, афф. *-ša/-še/-ča/-če*: *orus* ‘русский’, *orusča* ‘по-русски’.

Другая часть аффиксов типа *B* может присоединяться только к глагольным основам (*BV I, II, III*). Эти аффиксы соответственно образуют глагольные формы субстантива (*BV I*), атрибутива (*BV II*) и признака атрибута (*BV III*).

К аффиксам типа *BV I*, следовательно, относятся все аффиксы, образующие субстантивные формы глагола, т. е. имена действия: *-maq/-mek* ~ *-ma/-me*; *-γu/-gü* ~ *-uw/-üw*; *-yš/-iš//-ys/-is* и др.

К аффиксам типа *BV II* относятся все аффиксы, образующие атрибутивно-определительные формы глагола, т. е. причастия: *-ar/-er* ~ *-yr/-ir*; *-adžaq/-edžek*; *-γaj/gej*; *-asy/-esi*; *-sa/-se*; *-γan/-gen* ~ *-an/-en*; *-myš/-miš* ~ *-mys/-mis*; *-dyq/-dik* ~ *-dy/-di* и пр.

К аффиксам типа *BV III* относятся все аффиксы, образующие атрибутивно-обстоятельственные формы глагола, т. е. деепричастия: *-a/-e/-j*; *-yp/-ip/-p* и др.

Примеры: *BV I* — аффиксы, образующие имена действия, например: *kel-* 'приходить', *kełüw* 'приход'; *BV II* — аффиксы, образующие причастия, например: *ber-* 'давать', *bergen* 'давший'; *BV III* — аффиксы, образующие деепричастия, например: *ał-* 'брать, взять', *ała* 'беря', *ałyp* 'взяв' и пр.

Особое положение в системе агглютинации в тюркских языках занимают аффиксы словоизменения (*C*), которые оформляют основные грамматические категории и связи слов в составе словосочетаний и предложений, а именно:

1) категорию числа (*C I*), которая вместе с категорией лица выражает отношение субъекта и предмета в предложении: *-łar/-ler*;

2) категорию принадлежности, которая выражает отношения определения и определяемого в определительном словосочетании и имеет шесть лично-притяжательных форм 1-го лица ед. числа: *-ym/-im/-m* (*C II*$_1$); 2-го лица ед. числа: *-yŋ/-iŋ/-ŋ* (*C II*$_2$); 3-го лица ед. числа: *-sy/-si*, *-y/-i* (*C II*$_3$); 1-го лица множ. числа: *-myz/-miz*, *-mys/-mis*, *-byz/-biz* и пр. (*C II*$_4$); 2-го лица мн. числа: *-yŋyz/-iŋiz*, *-yγar/-iger* и другие варианты по языкам (*C II*$_5$); 3-го лица мн. числа: *-łary/-leri* и др. (*C II*$_6$);

3) категорию падежей (склонение), которая выражает отношения объекта и предиката и представлена в большинстве тюркских языков в виде шести основных падежей: основного-безаффиксального (*C III*$_1$); родительного: *-nyŋ/-niŋ*, *-yn/-in* и другие варианты (*C III*$_2$); винительного: *-ny/-ni*, *-y/-i*, *yγ/-ig* и др. (*C III*$_3$); направительного: *-γa/-ge*, *-qa/-ke*, *-a/-e* и др. (*C III*$_4$); местного: *-da/-de*, *-χa/-χe* и др. (*C III*$_5$); исходного: *-dan/-den*, *-daŋ/-deŋ*, *-dyn/-din* и др. (*C III*$_6$);

4) категорию лица, которая выражает отношения субъекта и предиката в предложении и представлена в тюркских языках шестью личными формами: 1-го лица ед. числа: *-man/-men/-myn/-min*, *-yn/in* и др. (*C IV*$_1$); 2-го лица ед. числа: *-san/-sen*, *-syn/-sin*, *-syŋ/-siŋ*, *-saŋ/-seŋ*, *-yŋ/-iŋ* и др. (*C IV*$_2$); 3-го лица ед. числа — безаффиксальной формой (*C IV*$_3$); 1-го лица мн. числа: *-byz/-biz*, *-myz/-miz*, *-ys/-is* и др. (*C IV*$_4$); 2-го лица мн. числа: *-yŋyz/-iŋiz*, *-yŋlar/-iŋler*, *-syz/-siz*, *-syŋyz/-siŋiz* и др. (*C IV*$_5$); 3-го лица мн. числа — с безаффиксальной формой или с формой, совпадающей с множественным числом: *-lar/-ler* (*C IV*$_6$).

Аффиксы словоизменения не имеют уже специфической формы, которая характеризовала бы эти аффиксы как присоединяющиеся только к именам или только к глаголам, т. е. только к именным формам или только к глагольным формам. Аффиксы словоизменения присоединяются к большинству именных форм и к большинству форм глаголов. Эти аффиксы имеют также несколько разрядов.

Аффиксы, наиболее близкие к словообразовательной основе тюркского слова, — аффиксы числа (*C I*), они имеют единую форму для всех тюркских языков: *-łar/-ler*.

Следующая группа аффиксов словоизменения — это аффиксы принадлежности (*C II*), они представлены шестью формами, т. е. 1-м, 2-м, 3-м лицом единственного числа и 1-м, 2-м и 3-м лицом множественного числа. Если аффикс множественного числа является выражением главным образом субъектно-предикатных отношений, то аффиксы принадлежности служат средством выражения атрибутивных отношений в словосочетаниях.

Следующая группа — аффиксов падежей (*C III*). В большинстве тюркских языков падежи имеют 6 основных форм, но для некоторых языков возможно и большее количество падежей. Аффиксы падежей выражают объектно-предикатные отношения в составе и словосочетаний и предложений.

И, наконец, последняя группа аффиксов — это аффиксы лица (*C IV*): 1-го, 2-го и 3-го единственного числа и 1-го, 2-го и 3-го множественного числа. Аффиксы лица служат главным средством выражения субъектно-предикатных отношений слов в составе предложения.

Такова структура подавляющего количества основ в тюркских языках. Конечно, есть некоторые отклонения, но большинство таких отклонений и исключений относится главным образом к сложным аффиксам. Например, афф. *-dayy* — это аффикс, образующий атрибутивную форму от именной формы. Исторически он имеет в своем составе аффикс местного падежа; его, следовательно, надо было бы отнести к группе аффиксов словоизменения. Однако в современном языке значение местного падежа уже не осознается и афф. *-dayy* рассматривается как единый аффикс, образующий атрибутивное значение того имени, к которому он присоединяется.

В тюркских языках соблюдается весьма последовательно указанный здесь порядок аффиксов.

Графически типы аффиксов и порядок их присоединения к корню могут быть выражены следующим образом:

конверсирующ. модифицирующ.

$$\sqrt{N \text{ или } V} + \overbrace{A^V I \text{ или } A^N I} + \overbrace{A^V II \text{ или } A^N II} +$$

(корень) (аффиксы лекс.-грамм. словообразования)

$$+ B^V I, II, III \text{ или } B^N I, II, III + C I, C II_{1, 2, 3, 4, 5, 6}\ C III, C IV$$

(аффиксы функционально-граматическ.) (аффиксы словоизменительн.)

Ср., например:

1) *bir -le -s -üw -imiz -de*
бир -ле -с -ӱв -имиз -де
$N_4 - AN\ I - AV\ II - B^V\ I - C\ II_4 - C\ III_5$
'в нашем объединении'

2) *kel -is -pe -gen -miz*
кел -ис -пе -ген -миз
$V - A^V\ II - A^V\ II - B^V\ II - C\ IV_4$
'мы не договорились'

3) *aq -ar -t -uw -šy -lar -yŋyz*
ақ -ар -т -ув -шы -лар -ыңыз
$N_2 - A^N\ I - A^V\ II - B^V\ I - B^N\ II - C\ I - C\ II_5$
'ваши белильщики'

4) *bil -im -le -n -dir -üw -i*
бил -им -ле -н -дир -ӱв -и
$V - A^V\ I - A^N\ I - A^V\ II - A^V\ II - B^V\ I - C\ II_3$
'его образование'

Э. Р. Тенишев

О СВЯЗИ ГАРМОНИИ ГЛАСНЫХ С АГГЛЮТИНАЦИЕЙ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

В своем докладе Б. А. Серебренников высказал верную, с моей точки зрения, мысль о том, что существует сумма признаков, которые способствуют сохранению устойчивости агглютинативного строя в финно-угорских и тюркских языках. Если говорить об отдельных положениях доклада более подробно, то выявятся детали чрезвычайно любопытные.

Хочу остановиться на взаимоотношении сингармонизма и агглютинации в тюркских языках.

Сингармонизм и агглютинация в тюркских языках тесно взаимосвязаны. Связь такова, что одно явление не мыслимо без другого. Между ними прямая зависимость: усиление или ослабление сингармонизма влечет за собой усиление или ослабление агглютинации.

В некоторых тюркских языках гармония гласных и гармония согласных (или то и другое вместе) выражены очень сильно. К ним относятся: язык лобнорцев, киргизский, алтайский, башкирский и якутский языки.

Число вариантов отдельных аффиксов в этой группе языков доходит до 20.

Обилие вариантов грамматических показателей обеспечивает стандартное строение слогов, облегчает процесс их наращения к основе и становится естественной преградой на пути появления каких-либо других показателей для выражения одного и того же грамматического понятия. Все это, конечно, только способствует устойчивости агглютинации в этих языках.

Но во многих тюркских языках сингармонизм не имеет такой силы, сравнительно с языками, названными выше.

Гармония согласных выражена в них неярко и более или менее однообразно.

Гармония гласных наиболее полно проявляет себя только в ряду негубных. Характерную черту этих языков составляет губная гармония, сила которой падает от языка к языку, что и позволило В. А. Богородицкому распределить их на ряд групп по степени ослабления лабиальной гармонии.[1]

Количество звуковых вариантов аффиксов в этих группах последовательно падает, уменьшая тем самым фонетическую спаянность их в составе слова. В этом нельзя не видеть и некоторого ослабления агглютинации.

Чрезвычайно интересную картину можно наблюдать в саларском и сарыг-югурском языках, которые по состоянию своего сингармонизма в схеме В. А. Богородицкого должны занять нижние ступени, после всех тюркских языков.

Изолированное положение этих языков, длительное пребывание их в китайской языковой среде сильно повлияло на сингармонизм. Гармония гласных иногда дает себя знать, но она носит скорее хаотичный, чем в какой-то степени регулярный характер.

Звонкие и глухие согласные фонематически не различаются, поэтому, строго говоря, нет привычной для тюркского уха последовательной гармонии звуков по принципу их звонкости или глухости, хотя и ассимилятивные сочетания такого типа встречаются (в сарыг-югурском языке сохранилось чередование начальных *l*, *n*, *d*, *t*).

Такое чрезвычайно слабое состояние гармонии звуков, навеянное иноязычной средой, привело к тому, что практически отпала необходимость в вариантах тех или иных аффиксов и появилось стремление стабилизировать их. Так, в саларском языке родительный падеж от всех основ образуется посредством одного и того же аффикса *-nigi*, винительный — *-ni* (реже *-ny*).

Примеры: *avunigi* ‘юноши’, *χuaŋšoŋnigi* ‘императора’, *kišnigi* ‘человека’, *qušni* ‘птицу’, *ocynni* ‘дрова’.

---

[1] В. А. Богородицкий. 1) Законы сингармонизма в тюркских языках. Вестник Научного общества татароведения, 1927, № 6, стр. 61—80; 2) Введение в татарское языкознание. Изд. 2-е. Казань, 1953, стр. 117—132.

В местном и исходном падежах преобладающее положение стремятся занять аффиксы *-tạ* и *-tạn* (где *ạ* есть *a* > *ạ*, *ä*//*e*).

Примеры: *sutạ* ‘в воде’, *išintạ* ‘внутри него’; *kakatạn* ‘от старшего брата’, *a’ttạn* ‘с коня’.

То же происходит в глаголе: настоящее и будущее времена характеризуются аффиксом *-ạr*, прошедшее — *-miš*, условное наклонение — *-sạ*.

Примеры: *men varạ́r* ‘я иду’, *sen piçtạr* ‘ты пишешь’, *vu ałmiš* ‘он взял’, *sen jürmiš* ‘ты ходил’, *men oχusạ* ‘если я читаю’, *men e’sạ* ‘если я делаю’.

В сарыг-югурском языке — та же самая тенденция: в родительном падеже закрепились афф. *-nyŋ* (или *-tyŋ*, *-dyŋ*), в местном падеже — *-tạ*, в исходном — *-tạn*, в прошедшем времени — *-te* и *-oxte*, в настояще-будущем — *-γyš*.

Примеры: *peγnyŋ* ‘начальника’, *łomnyŋ* ‘канона’, *jütạ* ‘в доме’, *syqtạ* ‘у дверей’; *Lianχuasytạn* ‘из Лянхуасы’; *men qara’te* ‘я смотрел’, *sen par’te* ‘ты отправился’, *gołar mynoxte* ‘они сели’, *seler pylγyš* ‘вы узнаете’.

Стабилизация аффиксов в этих языках сопровождается износом и разрушением их.

В саларском языке от формы принадлежности осталась только половина — единственное число, а множественное число пропало.

В форме сказуемости удержалось только 3-е лицо. В результате этого совершенно утерялось личное спряжение глаголов. Для шести спрягаемых форм (глагольных или именных) лицо надо указывать особо, отдельным словом.

Пример: *minigi qōlym* ‘моя рука’, *sinigi qōlyŋ*, *anigi qōły*; *pisi(r)nigi qōłym*, *sili(r)nigi qōłyŋ*, *vula(r)nigi qōły*.

В языке сарыг-югуров разрушительный процесс пошел еще дальше: форма принадлежности лишилась не только множественного числа, но и 1-го лица ед. числа для основ, оканчивающихся на гласный звук. Для основ с конечной согласной в 1-м и 2-м лице вообще нет никаких показателей. В 3-м лице остались соответственно *-sy*//*-si* и *-y*//*-i*. Форма сказуемости удержала только 3-е лицо. Лицо спрягаемых форм и в сарыг-югурском языке обозначается отдельным словом.

Примеры: *tenyŋ młaŋ* ‘мой ребенок’, *senyŋ młaŋ*, *kinyŋ młasy*; *mystyrnyŋ młaŋ*, *sileryŋ młaŋ*, *kułarnyŋ młasy*.

Надо сказать, что подобные парадигмы представлены и в языках кыпчакской группы (татарский, башкирский, караимский и др.).

Пример: татар. *минең үй*, *синең үй*, *аның үй-е* ‘мой дом’ и т. д.

Но параллельно этой парадигме существуют более активно и другие.

Примеры: татар. *үй-ем, үй-ең, үй-е* ‘мой дом’ и т. д.

Парадигма — чисто морфологическая.

Еще один вид: татар. *минең үй-ем, синең үй-ен, аның үй-е* ‘мой дом’ и т. д.

Парадигма — синтактно-морфологическая.

В той же группе кыпчакских языков прошедшее время на *-ган* образуется с личными показателями и без них, совпадая в последнем случае с соответствующей формой времени в карачаевском и сарыг-югурском языках.

Причину конвергенций надо искать в генезисе парадигм кыпчакских языков.[2]

Для большей части тюркских языков ослабление гармонии звуков неизбежно вызывает и ослабление агглютинации, не нарушая все же ее устойчивости.

Другое дело, когда тюркские языки попадают в иноязычную среду. У них развивается тенденция к стабилизации аффиксов, а также к их стиранию и исчезновению. В результате этого возникает качественно новое явление — синтаксическое обозначение на месте аффиксального, морфологического.

Т. А. Бертагаев

ЧЕРЕДОВАНИЕ ФОНЕМ И СИНГАРМОНИЗМ В АГГЛЮТИНАТИВНЫХ ЯЗЫКАХ

Известно, что в ряде агглютинативных языков — тунгусо-маньчжурских, тюркских, монгольских и финно-угорских — наблюдается спонтанное чередование звуков родственных корней и основ. Ср. казах. *тарт-* ‘тянуть’ // *терте* ‘оглобля’; татар. *ачы* ‘горький’ // *эче* ‘кислый’; тув. *арын* ‘лицо’ // *эрин* ‘губа’; монг. *гадар* ‘внешний покров’ // *газар* ‘внешний покров земли, почва, земля’ и т. д.

Это явление было отмечено многими лингвистами, и оно в последнее время стало вновь привлекать внимание исследователей. Можно указать на следующие статьи: М. А. Черкасский. Сингармонические варианты и параллелизмы в тюркских

---

[2] Б. А. Серебренников. Типологические особенности системы глагольных времен татарского языка и проблема его происхождения. Сб. памяти В. А. Богородицкого, Казань, 1961, стр. 302—303.

языках;[1] Д. Киекбаев. Вариантные слова, или сингармонические параллелизмы в башкирском языке.[2]

Чередование звуков, как известно, может быть спонтанным, не обусловленным фонетически, и комбинаторным, т. е. зависимым от живой произносительной системы. Здесь речь идет о чередованиях первого рода, которые могут быть следующих видов:

а) межобъектным и внутриобъектным, б) регулярным и спорадическим, в) функциональным и нефункциональным.

Под межобъектным имеется в виду чередование звуков между разными языковыми подразделениями, начиная от генетически родственных языков и кончая низшей ступенью языковых подразделений — подговорами и т. п.

Внутриобъектное чередование — это чередование, происходящее безотносительно к языковым подразделениям, внутри данного подразделения, представляющего компактное целое в языковом отношении. Так, например, в некоторых бурятских районах и населенных пунктах одно и то же лицо в одинаковой степени может произносить: *үтэр* // *өтөр* ‘быстро’, *инеэдэн* // *үнеэдэн* // *энеэдэн* ‘смех’, *суу* // *соо* ‘насквозь’, *будаха* // *бидаха* ‘запачкать’ и т. д.

Регулярное — это сквозное чередование звуков во всех сопоставимых морфемах и словах. Например, монг. *с* и бурятск. *h* чередуются без ограничений: *сар* // *һара* ‘месяц’.

Спорадическим называется чередование, происходящее в пределах ограниченного круга морфем и слов, например чередование *ш* // *h* в окончании винительного падежа некоторых бурятских говоров: *морьши* // *морьһы*; *г* // *д*: *гааһан* // *дааһан* и т. п.

К функциональному относится чередование звуков, которое влечет за собою а) филиацию значений слов и форм слов: венг. *ez* ‘это’ // *az* ‘то’, *itt* ‘здесь’ // *ott* ‘там’;[3] монг. *гадас* ‘кол’ // *хадаас* ‘гвоздь’; древнемонгольская форма мужского рода глаголов настоящего времени *-му*, женского рода — *-ми*, будущего времени мужского рода *-у*, женского рода *-и*, прошедшего времени мужского рода *-ба*, женского рода *-и*, *-би*[4] и т. д.; б) изменение стилистических функций слов: в монгольском почтительное *джээ* ‘да’, непочтительное — *дзаа* ‘да’; почтительная форма глагола настоящего времени в древнемонгольском — *лаа*, *лээ*, непочтительная — *луа*, *луэ*; способствование структурной организации и единению

---

[1] ВЯ, 1960, № 4, стр. 53—61.

[2] Уч. зап. Башкирского ГПИ, вып. 3, Серия филологическая, № 1, Уфа, 1955.

[3] См.: Й. Балашша. Венгерский язык. (Русск. перевод). М., 1951, стр. 51—42.

[4] См.: Shigeo Ozawa, Journal of Linguistic Society of Japan, № 40, 1961, p. 80.

некоторых сочетаний слов, например парных. Компоненты парных слов «характеризуются противопоставлением в них задних и передних или огубленных или неогубленных гласных»: *girbe-gurba* ‘кривой’, *lim-lom*.[5] Ср. также: *dirib-darab* ‘лохмотья’;[6] то же самое и в монгольском: *онгоодой-ангаадай* ‘ротозей’ и т. п.

Нефункциональное чередование выполняет в языке нулевую функцию и не влечет никаких изменений в языковой системе.

Подавляющее большинство исследователей связывает это чередование с законом сингармонизма гласных в агглютинативных языках, главным образом гласных переднего и заднего ряда (мягких и твердых огласовок).[7]

А между тем сингармонизм, тем более связанный с чередованием передних и задних, — явление частное, одна из сторон широко представленной фонетической закономерности агглютинативных языков, о чем в свое время подробно было сказано в нескольких моих работах.[8]

Чередуются не только гласные звуки переднего и заднего ряда, но и гласные одного ряда *у/о*, *о/а* и т. д.: *суулха* ‘пробить дыру (вообще)’ // *соолхо* ‘пробить кругленькую дырочку’ (эхирит-булагатск. говор бурятск. языка); *хоншоопшо* ‘намордник’ (наречие селений Нельхая и Тангута, бурят Иркутской обл.) // *ханшаапша* (эх.-булаг. говор бурятск. яз.) — ‘наносник узды’ и т. д.

Очень важно отметить, что чередуются часто и согласные звуки: *һандарха* (Нельхай Иркутской обл.) // *тандарха* ‘свисать (о коже)’ (там же); *г // з*: *гэм* ‘преступление’, ‘болезнь’ // *зэмэ* ‘вина, виновность’; *с // ш*: *сапшиха // шапшаха* ‘рубить, косить’; *д//г*: *дааһан // гааһан* ‘трубка курительная’ и т. п.

Поскольку спонтанное чередование звуков охватывает, таким образом, более широкие фонетические ряды, чем явления сингармонизма, то отсюда вытекает, что последний не имеет прямого отношения к этому фонетическому явлению. Чередова-

---

[5] К. Е. Майтинская. Венгерский язык, ч. 1. М., 1955, стр. 69.
[6] Й. Балашша, ук. соч., стр. 52.
[7] Это можно найти в трудах: Б. Я. Владимирцов. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхасского наречия. Л., 1929, стр. 126—134; Н. К. Дмитриев. Чередование гласных заднего и переднего ряда. Сб. «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. 1, М., 1955; Й. Балашша, ук. соч., стр. 52; Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык, т. II. М., 1952, стр. 41; В. А. Горцевская. О флексии и словосложении в эвенкийском языке. Докл. и сообщ. ИЯ АН СССР, т. XI, 1958, стр. 23, а также в названных работах М. А. Черкасского, Д. Г. Киекбаева и других.
[8] Т. А. Бертагаев. 1) Флексия основ в агглютинативных языках. Сб. трудов по филологии, Улан-Удэ, 1948, стр. 98, 99 и 100; 2) Опыт исследования терминотворчества в бурятском языке. Л., 1935, стр. 7; 3) О морфологическом строе бурятского языка. М., 1961 и др.

содических и других средств данного языка или языкового подразделения. И естественно, не во всех языках данного типа он мог быть осуществлен в равной мере или степени. Ср. хотя бы монгольские *гэр руу* и *гэр рүү*, бурят. *ожорхо* и *ожирхэ*, где закон ассимиляции действует не повсюду одинаково.

В односложных корнях, естественно, не могло быть сингармонизма согласных. Сингармонизм предполагает минимум два слога. Только агглютинация — двух или более морфем — могла способствовать появлению сингармонизма на основе прогрессивной ассимиляции звуков.

Следовательно, не чередование фонем, в том числе передних и задних гласных (так называемые сингармонические параллели, по терминологии Й. Балашша), а сингармонизм связан в историческом развитии языков с агглютинацией. Иначе представляет это Г. Д. Санжеев, который пишет: «Постепенный и длительный процесс смены сингармонизма звуков агглютинацией и есть формальное выражение того, что первый... беспрерывно оказывает сопротивление агглютинации». [14]

Вообще неясно, как два несопоставимых явления языка — ассимиляция звуков и способы строения слова — могут следовать друг за другом в диахроническом плане. Также неясно, каким образом сингармонизм может оказывать сопротивление агглютинации. Наоборот, сингармонизм способствует скреплению агглютинируемых морфем.

В связи с этим я хотел бы остановиться на высказываниях шведского ученого Т. Мальберга, который считает сингармонизм явлением примитивным. «Мы поступим вполне закономерно, — пишет он, — если охарактеризуем язык, обладающий гармонией гласных, как менее развитый, — если угодно, более примитивный, — по сравнению с языком, в котором все парадигматические разграничения свободно реализуются в пределах синтагмы. Примечательно, что детский язык часто характеризуется гармонией гласных». [15]

Спорить в данном случае о том, какой язык является более прогрессивным, а какой более примитивным, совершенно бесполезно. Ясно, что Мальберг, рассматривая сингармонизм в изоляции от других явлений языка, забывает, что язык есть система. «В основе любого языка, — продолжает он, — лежит система ограниченных в количественном отношении единиц. Именно на основе этих единиц возможно существование неограниченного числа знаков». [16] Мы напомним Мальбергу, что в язы-

---

[14] Г. Д. Санжеев, ук. соч., стр. 117.
[15] Сб. «Новое в лингвистике», вып. 2, М., 1962, стр. 352.
[16] Там же, стр. 346.

ках, где имеется гармония гласных, этих «ограниченных единиц», т. е. фонем, в несколько раз больше, чем в языках без гармонии гласных. Например, в монгольских языках гласных фонем в три раза больше, чем в русском, в котором «парадигматические разграничения свободно реализуются», т. е. сочетаемость фонем более свободная, чем в первом (в монгольском 18 гласных фонем, а в русском — 6). Таким образом, лимитированность свободной сочетаемости звуков в монгольском языке снимается количественным превосходством его фонематических единиц. О том, что гармония гласных для носителей данного языка — это не то, что гармония гласных у детей, доказывается тем простым фактом, что она отсутствует в родственно близких языках. Например, ее нет в дунсянском и баоаньском монгольских языках КНР.

Следует сказать, таким образом, что сингармонизм как следствие ассимиляции звуков — явление более позднее, чем чередование звуков, которое связано первоначально с односложными корнями. Односложные корневые слова и явления спонтанного чередования звуков в алтайских языках синхронны. Поэтому такое чередование нередко встречается в односложных корнях и в современном языке. Ср. корень *бул-* — *бол-*[17] — личные местоимения, т. е. образования наиболее древние: в монг. *би* ‘я’ > *бин*//*мин-у* > *мин* + *ину* ‘меня’ // *бу* в диалекте худзу монгольского языка; *чи* ‘ты’ > *чин*//*чам-айг* ‘тебя’ // *та* ‘вы’ > *тан*; в дагурском языке монгольской группы *би* ‘я’ // *ба* ‘мы’, *ин* ‘он’ // *ан* ‘они’; такая огласовка, как *а*, для множественного числа, особенно для «косвенных» падежей, включая и единственное число, проводится в тех же языках довольно устойчиво: *мани* ‘нас’, *манда* ‘нам’ и т. д., *ани* ‘их’, *ани* (вин. п.) ‘их’, *нада* ‘нам’, *анар* ‘нами’, *анас* ‘от нас’ и т. д.

Таким образом, в местоимениях наблюдается чередование следующих фонем: *б*//*м*, *ч*//*т*, *и*//*а*.

Сингармонизм, явление более позднее, чем чередование звуков (в односложных корнях), в то же время является весьма древним; можно полагать, что он возник на основе первонального единства или в связи с общим субстратом алтайских языков.

Вот что говорит по этому поводу финский тюрколог М. Рясянен: «Почти во всех тюркских уже древнейших языковых памятниках наблюдается резкое различие между словами с гласными переднего и заднего ряда, так что это явление можно рассматривать как пратюркское. Оно представлено также и

---

[17] Т. А. Бертагаев. О морфологическом строе бурятского языка, стр. 24.

в других алтайских языках, что позволяет считать его общеалтайским, даже урало-алтайским».[18]

Не свидетельствует ли все сказанное выше о том, что сравнение перехода звуков на основе спонтанного чередования (всех рядов гласных, а также согласных) в сопоставимых односложных корнях, проведенное между языками алтайской группы, позволит исследователям проникнуть в более глубокие древние лексические пласты общеалтайских связей, чем это было до сих пор. Например, фонемы *т* и *х*, *о* и *а* вполне чередуемы в тюркских и монгольских языках.

Фонематичность звуков речи, т. е. свойство их участвовать в организации слова в качестве его неделимых материальных элементов, осознанных носителями языка, влечет за собою выделяемость их дифференциальных признаков.

Последнее (выделяемость признаков) находится в прямой пропорциональной зависимости от первой: чем фонематичнее звук речи, тем ярче его дифференциальные признаки.

Например, в некоторых бурятских говорах *ө* (*ö*) и *ү* (*у*) — неполные, частичные фонемы. Говорящий может их противопоставлять друг другу: *өхө* (*öхö*) ‘поднимайся в гору’ и *үхэ* (*уху*) ‘умирай’, а может и не противопоставлять: *үхэ* ‘поднимайся’ и ‘умирай’; но *өхөхө* (*öхöхö*) ‘подниматься’ никак не может восприниматься в значении ‘умереть’. Из этих примеров видно, что *ө* и *ү* в некоторых бурятских говорах — все же фонемы, но фонемы со слабыми дифференциальными признаками.

В других же говорах, в частности в хоринском (основа литературного бурятского языка) к звукам *ө* и *ү* наблюдается совершенно индифферентное отношение. Как указывает И. Д. Бураев, в этом говоре существует фонема, воплощающая черты обоих звуков — более узкого *ү* и более широкого *ө*: «В этом диалекте (хоринском, — *Т. Б.*) существует только одна краткая мягкорядная фонема, соответствующая и более узкому и более широкому гласным этого ряда других диалектов».[19]

Но эти же звуки наиболее фонематично представлены в современном монгольском языке, в котором более строго и четко различаются слова с указанными звуками, чем в упомянутых выше говорах бурятского языка.

Монголы отчетливо произносят и четко различают, например: *өр* ‘заём’ // *үр* ‘семя’; *өд* ‘перо’ // *үд* ‘полдень’, что бурятам доступно с большим трудом.

---

[18] Материалы по истории фонетики тюркских языков. (Русск. перевод). М., 1955, стр. 86.

[19] И. Д. Бураев, ук. соч.

Следовательно, фонематичность звуков находится в обратно пропорциональной зависимости от их гомогенности и общности признаков.

Спонтанное чередование — обычно это соответствие одной фонемы другой фонеме, а не взаимозаменяемость вариантов фонемы. Отсюда следует, что соотносимость звуков *ө* и *ү* в монгольском, где они суть фонемы, — спонтанное чередование, а в литературном бурятском — не является таковым.

Спонтанное чередование и есть соотносимость гомогенных фонем — фонем, имеющих общие признаки в своем прошлом или настоящем.

Даже такие чередующиеся фонемы, как *а//э*, резко противопоставленные в современном языке друг другу, некогда имели общие признаки, судя по варианту фонемы *а* в слове *бата*, который совмещает в себе признаки, близкие к звукам переднего и заднего ряда, как это подчеркивает И. Д. Бураев в своем упомянутом труде.

В конечном счете чередующиеся фонемы — это нефонематичные в прошлом звуки, звуки близкородственные и имеющие больше общих признаков, чем дифференциальных. Например, невозможно спонтанное чередование согласных с гласными или *ч* с *б*, *л* с *г*, *м* с *с* и т. д., т. е. звуков, ничего общего не имеющих между собой.

«В истории разных языков известны многочисленные случаи, когда первоначально незначимые чередования становились значимыми, но возможность обратного процесса фактами не подтверждается», — пишет М. А. Черкасский.[20]

А поскольку фонематичность и нефонематичность, гомогенная близость звуков свойственны каждому языку, то, естественно, спонтанное чередование возможно в любом языке независимо от его строя. Фонематизация звуков — длительный, незаметно и неравномерно протекающий процесс, проходящий с разного рода отступлениями, консервациями отдельных его моментов. Поэтому возможно сосуществование фонематических вариаций с нефонематическими даже в одном и том же языковом подразделении, наслоение одних явлений на другие в результате смешения языковых подразделений и т. д.

Но каждый язык по-своему использует процесс фонематизации и чередования звуков речи: в одних языках и языковых подразделениях он используется для выделения грамматических категорий, в других — для филиации значений слов и их оттенков, в третьих — в стилистических целях, образуя синонимы и ономатопоэтические ряды слов. Ср. монг. *тэпхэр* ‘квад-

---

[20] М. А. Черкасский, ук. соч., стр. 60.

ратный' и *тапхар* 'квадратный, но низкий'. Все это зависит от исторического хода развития тех или иных языков и их строя.

Поэтому трудно согласиться с исследователями, которые появление спонтанных чередований связывают с тем или иным строем языка — с флективными или полисинтетическим, как это делают Г. Д. Санжеев и М. А. Черкасский в своих указанных выше работах.

М. А. Черкасский, правильно возражая и приводя весьма веские аргументы против теории, связывающей сингармонические варианты (чередование гласных переднего ряда) с комбинаторными и другими изменениями звуков, к сожалению, в конечном счете сам приходит к тому же самому выводу, связав возникновение сингармонизма с полисинтетическим комплексом слов.

По М. А. Черкасскому выходит, что так называемые сингармонические параллели, или варианты, т. е. спонтанное чередование передних и задних гласных, в агглютинативных языках обязаны своим возникновением комбинаторному изменению звуков, происходящему в комплексе слов полисинтетического строя, — по его мнению, предшественника агглютинации. Мы не говорим о том, что ничем не подтверждена генетическая связь агглютинации с полисинтетизмом.

Итак:

1) спонтанное чередование звуков, или флексия корней, не имеет отношения к сингармонизму звуков — явлению производному от ассимилятивных изменений звуков речи;

2) спонтанное чередование связано с процессом фонематизации гомогенных звуков или звуков, имеющих какие-либо общие признаки в прошлом и настоящем;

3) спонтанное чередование звуков в агглютинативных языках синхронно с господством односложных корней в этих языках, следовательно — древнее сингармонизма;

4) спонтанное чередование не обязано своим возникновением тому или иному строю языка; оно, по-видимому, зависит от развития корневых слов и их значений;

5) возникновение сингармонизма вызвано ассимиляцией гласных звуков аффиксальных морфем, агглютинирующихся односложным корнем.

В. И. Цинцius

ПОРЯДОК И ИЕРАРХИЯ АФФИКСОВ В АГГЛЮТИНАТИВНЫХ ЯЗЫКАХ

(по материалам языков тунгусо-маньчжурской группы)

Основным средством лексических и грамматических образований в тунгусо-маньчжурских языках является агглютинация суффиксального типа, хотя наряду с суффигированием используются и другие возможности.

Морфемы в пределах слова в тунгусо-маньчжурских языках располагаются в определенном порядке, который в общих чертах сводится к следующему: корень (или непроизводная основа) присоединяет к себе суффиксы словообразования, и таким образом создается слово как самостоятельная лексико-грамматическая единица, относящаяся к той или иной части речи. Морфемы словоизменительного порядка (суффиксы формообразования и словоизменения) присоединяются — также в определенном порядке одна за другой — либо к такой лексически оформленной производной основе, либо к основе корневой (непроизводной), если последняя сама по себе играет роль самостоятельного слова.

Здесь следует остановиться на термине «непроизводная основа». В тунгусо-маньчжурских языках нередки случаи, когда основа слова, не будучи оформлена каким-либо словообразовательным суффиксом, все же не совпадает с корнем. Сюда относятся, в частности, именные и глагольные основы с конечным *н*.

Так, в эвенкийском языке существительное *мурин* ‘лошадь’ выступает как непроизводная основа. От нее с помощью соответствующих суффиксов образован ряд новых основ существительных, прилагательных и глаголов: *мурин* ‘лошадь’, ‘конь’, *мурин-чикāн* ‘жеребенок’, *мури-кса* ‘конская шкура’, *мури-чи*, *мури-лкāн* ‘лошадный’, ‘имеющий лошадь’, *мур-чēн* ‘коневод’, *мур-дā-*, *мур-лā-* ‘ехать верхом на лошади’, *мур-лāн* ‘всадник’, ‘верховой’.

Лишь в производном *мурин-чикāн* ‘жеребенок’ основа *мурин* сохраняется полностью. В остальных случаях она аббревиирована — сокращена за счет конечного согласного *н* до формы *мури-* и далее, с утерей гласного, приняла вид *мур-*. Таким образом, корнем в указанном гнезде слов следует считать только однослог *мур-*.

Случаев несовпадения непроизводных основ с корнем в эвенкийском языке весьма много, так как они обнимают широко представленный тип основ с конечным *н*. Между прочим,

сюда относится и словообразование, связанное с количественными числительными, например: *илан* ‘три’, *илан-муса* ‘три места’, *илан-ну* ‘три хозяйства’, *ила-лла* ‘три дня’, *ила-рман* ‘тройной’, *ила-чӣ* ‘трехлетний’, *ила-тал* ‘по три’, *ила-нӣ* ‘втроем’, *ила-рā* ‘трижды’, *ил-ӣ* ‘третий’.

При непроизводной основе числительного *илан* ‘три’ корнем для современного эвенкийского языка является *ил-*.

Сходная картина соотношения непроизводных основ и корней наблюдается и в других тунгусо-маньчжурских языках. Приведем примеры по материалам эвенского языка:

муран	‘лошадь, конь’	*оран*	‘домашний олень’
муран-да-	‘ехать на коне’	*оран-да-*	‘ехать на олене’
мура-лкан	‘лошадный’	*ора-лкан*	‘оленный’
мур-кан	‘игрушечная лошадь’	*ор-кан*	‘игрушечный олень’
мур-нач-	‘иметь лошадей’	*ор-нач-*	‘иметь оленей’
мур-кач-	‘играть в лошадки’	*ор-кач-*	‘играть в оленей’

Следует отметить, что в эвенском языке аббервиация основ различного рода, в том числе и типа *муран* > *мура-* > *мур-*, *оран* > *ора-* > *ор-* и т. п., еще более распространена, чем в эвенкийском языке, в силу широко действующего закона отпадения и выпадения гласных непервых слогов.

Сходные явления прослеживаются также в нанайском языке, например:

морин	‘лошадь, конь’	*ила*^{н}	‘три’
морин-ку	‘лошадный’	*илан-диари*	‘втроем’
мори-ка^{н}	‘лошадка’	*ила-лта*	‘трехдневка’
мори-хса	‘лошадиная шкура’	*ил-иа-чиа*	‘третий’

В нанайском языке корнем слова ‘лошадь’ является форма *мори-* при непроизводной основе *мори*^{н} < *морин*, тогда как числительное ‘три’, как и в эвенкийском или эвенском языке, имеет корень в форме *ил-*.

Приведем также иллюстрации из маньчжурского языка:

морин	‘лошадь, конь’	*саман*	‘шаман’
мори-ңга	‘всадник’	*сама-ша-*,	
мори-чи	‘конюх’	*сама-да-*,	
мори-ла-	‘ехать на лошади’	*сам-да*	‘шаманить, камлать’

Несовпадение непроизводной основы с корнем наблюдается в тунгусо-маньчжурских языках не только у основ с конечным *н*, но также в случаях с чередованием или выпадением гласных и согласных, например:

эвенк.	эвен.	нан.
асӣ ‘женщина, жена’	*аси* ‘женщина, жена’	*асӣ* ‘жена’
асӣ-чи ‘женатый’	*асӣ-лкан* ‘женатый’	*аси-ку* ‘женатый’
асӣ-ла- ’жениться’	—	*аси-ла-* ‘жениться’
аса-ткӣн ‘девочка’	*аса-ткӣн* ‘девочка’	*асо-дёка*^{н} ~ *ар-чока*^{н} ‘девочка’

К этой же группе может быть отнесено гнездо слов, связанных с корнем числительного ‘один’ в маньчжурском языке: *эму* ‘один’, *эму-чи* ‘первый’, *эм-дэ*, *эм-ги* ‘вместе, заодно’, *эм-хун*, *эм-тэли* ‘одинокий’ и т. д.

Производная основа, возникшая путем суффиксации, в свою очередь может наращивать словообразовательные морфемы, т. е. служить базой для образования новых слов, как например в следующих эвенкийских словах: *мӯ* ‘дерево’, *мӯ-лда-* ‘плотничать’, *мӯ-лда-мни* ‘плотник’, *мӯ-ты* ‘лось’ (букв. ‘древоед’), *мӯ-ты-мӣ-* ‘охотиться на лося’, *мӯ-ты-мӣ-дяк* ‘место охоты на лося’.

Таким образом, корневая морфема *мӯ* ‘дерево’ в эвенкийском языке путем суффиксации превращается в производную основу — первичную, вторичную и т. д.

То же самое можно показать на материале эвенского языка, например: *мӯ* ‘дерево’, *мӯ-мӣ* ‘лодка’ (букв.: ‘изделие из дерева’), *мӯ-мӣ-р-* ‘ехать на лодке’, *мӯ-мӣ-р-а-н* ‘езда на лодке’ и т. д.

Не менее убедительны данные нанайского языка, например: *муэ* ‘вода’, *муэдӯ* ‘выдра’, *муэ-дӯ-ксэ* ‘мех выдры’, *муэ-дӯ-ксэ-мэ* ‘сделанный из меха выдры’.

При отличиях, которые наблюдаются в словообразовательной системе маньчжурского языка, в последнем также имеется значительное число случаев наращения по два-три словообразовательных суффикса, например: *адун* ‘стадо скота’, *аду-ла-* ‘пасти скот’, *аду-ла-си* ‘пастух’.

Поскольку отдельным частям речи, в частности именам и глаголам, свойственны различные грамматические категории, постольку порядок следования формообразующих аффиксов необходимо осветить с учетом обособленности отдельных разрядов слов. Впрочем, как для имен, так и для глагола в тунгусо-маньчжурских языках, за исключением маньчжурского, общей является категория лица, проявляющаяся в виде форм притяжания в именах и личных форм у глаголов. Примеры:

эвенк.	эвен.	нан.	
дю̄-с	*дю̄-с*	*дёк-си*	‘твой дом’
бӯ-чэ̄-с	*бэ̄-рӣ-с*	*бӯ-хэ-си*	‘ты дал’

Как личные показатели глагола, так и притяжательные суффиксы имен всегда (в том числе, в отличие, например, от тюрк-

ских языков, и в косвенных падежах) занимают в слове конечную позицию, например:

эвенк.	эвен.	нан.	
дю̄-ла̄-с	*дю̄-ла̄-с*	*дёг-дола-си*	‘в твой дом, в твоем доме’
мурин-ду-н	*мурин-ду-н*	*морин-доа-ни*	‘его коню’

Это же относится и к характерным для тунгусо-маньчжурских языков рефлексивным (возвратным, безличным) именным и глагольным формам, например:

эвенк.	эвен.	нан.	
дю̄-вар	*дю̄-вур*	*дёг-бари*	‘свой (многих) дом’
бӯ-дӣ-вэр	*бӣ-дӣ-вур*	*бӯ-гуэ-ри*	‘чтобы (многим самим) дать’

Именам, помимо отмеченных выше форм притяжания, в тунгусо-маньчжурских языках свойственно морфологическое выражение категории множественного числа, падежа, субъективной оценки и, наконец, в эвенкийском, эвенском и негидальском языках особых логико-грамматических отношений, которые условно можно назвать выделительно-уточнительными.[1]

Все указанные суффиксы располагаются в пределах слова в определенном порядке, а именно:

основа + выделит.-уточнит. ф. + субъективн. оц. + мн. ч. + падеж + притяжание.

Приведем ряд примеров из эвенкийского и эвенского языков:

эвенк. *улукӣ-риктэ-л-вэ* ‘только бе́лок, одних лишь бе́лок’;

эвен. *чулбаня-нраг-а-л-ди* ‘только зелеными’.

В обоих языках выделительно-уточнительные суффиксы со значением ‘только’, ‘лишь’ (эвенк. *-рикта* / *-риктэ*, эвен. *-нраг* / *-нрэг*, включающие в свой состав формативы собирательной семантики) следуют сразу за основой существительных, далее прибавляется суффикс множественного числа *-л* и затем уже, как обычно, может быть поставлен падежный суффикс (в приведенных примерах в эвенкийском — суффикс винительного падежа *-вэ*, в эвенском — суффикс творительного падежа *-ди*).

В двух следующих примерах уточнительно-выделительные суффиксы со значением ‘самый’ (эвенк. *-маю* / *-мэю*, эвен. *-ма* / *-мэ*) также предшествуют падежному показателю (местный падеж, суфф. *-ла* / *-лэ*), вслед за которым идут суффиксы 3-го л. ед. числа:

эвенк. *дугэ-мэю-лӣ-н* ‘до самой вершины (его)’, ср.: *дугэ-лэ-н* ‘до вершины’;

эвен. *мяв-ма-ла̄-н* ‘в самое сердце (его)’, ср.: *мяван-дула̄-н* ‘в сердце’.

---

[1] Ср.: В. И. Цинциус. Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка. Л., 1947, стр. 234—237, §§ 99—103.

К уточнительно-выделительным суффиксам следует отнести также так называемый суффикс относительно-притяжательной формы (эвенк., эвен. *-ӈ-ӈи*, нан. *-ӈго/-нгу*). Примеры:

эвенк. *олло-ӈ-кӯ-р-во-с* ‘твоих рыбешек’;

эвен. *олра-ӈ-ка-р-бу-с* ‘твоих рыбешек’.

Как видно из примеров, суффикс относительной принадлежности стоит перед суффиксом уменьшительным (эвенк. *-кāн/-кэ̄н-/-кӯн*, эвен. *-кāн/-кэ̄н*), тогда как этот последний предшествует суффиксу мн. ч. *-р*.

В некоторых случаях выделительно-уточнительные показатели носят характер своеобразных «инфиксов» и при вставке как бы разрывают другой суффикс, что несомненно указывает на сложный характер такого членимого суффикса. Примеры:

эвенк. *самā-сэ-ӈи-л-тин* ‘их шаманы’, ср.: *самā-сэл* ‘шаманы’;

эвен. *hама-са-ӈ-а-л-тан* ‘их шаманы’, ср.: *hама-сал* ‘шаманы’;

эвенк. *ама-с-кā-кӣ* ‘прямо назад’, ср.: *ама-скӣ* ‘назад’;

эвен. *ама-с-ъя̄-кӣ* ‘прямо назад’, ср.: *ама-скӣ* ‘назад’.

В примере со словом ‘шаманы’ суффикс относительной принадлежности «разрывает» суффикс мн. ч. *-сал/-сэл*, подтверждая его составной характер (*-са+-л*). В примере с эвенкийским *ама-с-кā-кӣ* и эвенским *ама-с-ъя̄-ки* ‘прямо назад’ также имеется свидетельство в пользу предположения о сложном характере наречного суффикса аллатива — направительного падежа *-ски* < *-си+-ки*.

Какие же предварительные выводы можно сделать из порядка следования и иерархии суффиксов формообразовательного типа, прибавляемых к лексической основе имен, в частности имен существительных?

Прежде всего следует отметить, что суффиксы каждой из пяти категорий грамматических форм, свойственных именам, а именно — принадлежности, падежа, числа, субъективной оценки и подчеркнутости (выделительно-уточнительные суффиксы) действительно располагаются в определенной последовательности. При этом чем дальше от лексической основы расположен формообразующий суффикс, тем меньшее влияние он оказывает на семантику слова. Попробуем подойти с этой точки зрения к каждой из указанных пяти грамматических именных категорий тунгусо-маньчжурских языков.

Суффиксы — выразители отношения к лицу, т. е. посессивные и рефлексивные показатели, в тунгусо-маньчжурских языках наиболее удалены от основы (в косвенных падежных формах и пр.). Они чрезвычайно характерны для этих языков (за исключением маньчжурского). Помимо отношений к лицу, они служат для передачи разнообразных отношений между именами существительными (в форме 3-го лица ед. и мн. числа), неся

в данном случае роль весьма сходную с функциями родительного падежа, например, русского языка. Притяжательное оформление принимают также служебные слова-послелоги, оснащенные при этом падежными формантами. И тем не менее, отражая отношения лица и предмета или предмета к предмету, притяжательные оформители в современных тунгусо-маньчжурских языках — весьма грамматизированная категория, не затрагивающая семантики слова, а лишь служащая как бы средством для выражения частных индивидуализированных взаимосвязей.

Падежное оформление в подавляющем большинстве случаев (исключение — формы, выражающие совместность и предназначение) зависит от глагольных основ, т. е. служит для выражения отношения к предмету в связи с действием. В падежных формах отражаются прежде всего представления о пространственных и временны́х отношениях к предмету, а также отношения к орудию, к прямому объекту, причине, цели и т. п. Таким образом, падежная форма лишь постольку связана с семантикой слова, поскольку это обусловлено сложившимися нормами управления и не противоречит реальным возможностям использования предмета в конкретной ситуации. Конечное положение падежных показателей в тунгусо-маньчжурских языках поддерживается наличием послелогов, среди которых значительное место занимают бывшие существительные — наименования различных частей предмета («поверхность», «нутро», «бок, сторона», «дно» и пр.) или же различные производные от наречных основ (типа: пространство впереди предмета, позади него, за ним и т. п.).

Что касается форм множественного числа, то они теснее связаны с семантикой слова:[2] в них прослеживаются связи с категорией собирательности, с различными обобщительными и собирательными словами, в частности с наименованиями, связанными с человеческими коллективами («народ», «люди» и т. д.).[3] Поскольку грамматическое число в тунгусо-маньчжурских языках выражается особой морфемой, постольку помещение этой морфемы перед падежным показателем также логически обосновано.

---

[2] Не случайно мы имеем неоднократно проводившиеся крупнейшими филологами (К. С. Аксаков, А. А. Потебня, А. А. Шахматов) изыскания, например, о природе русского множественного числа, в результате которых исследователи пришли к выводу, что оно «представляет сложный предметно-смысловой узел, в котором сплетаются разнообразные грамматические и лексико-семантические особенности существительных» (В. В. Виноградов. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.—Л., 1947, стр. 148).

[3] В. И. Цинциус. Множественное число имени в тунгусо-маньчжурских языках. Уч. зап. ЛГУ, Серия филологических наук, вып. 10, 1946.

Что же касается категории субъективной оценки, то она стоит как бы на грани между формообразованием и словообразованием.[4] Любопытно, что в тунгусо-маньчжурских языках (эвенкийский, эвенский) имеется вполне объективный, почти технический способ определения, в каких случаях мы имеем дело с переходом, например, той или иной уменьшительно-ласкательной формы в разряд словообразовательных суффиксов. В последнем случае упоминавшийся уже суффикс относительной принадлежности *-ŋ* помещается после суффикса уменьшительного, например: эвен. *мунру-кāн* 'заяц' — *мунру-кā-ŋ-а-т* 'наш заяц', тогда как в случаях субъективно-оценочной функции суффикс относительной принадлежности предшествует суффиксу уменьшительно-ласкательному, например: эвен. *тугэни-кэн* 'зимушка' — *тугэни-ŋ-кэн-ти* 'зимушка наша'. Так как вопросительное местоимение в тунгусо-маньчжурских языках отражает в своей форме все грамматические категории имен существительных (в том числе в ряде случаев и словообразовательные группы), то наличие уменьшительных формантов или отсутствие их у вопросительного местоимения также может служить критерием для различения формообразования и словообразования. Остается только еще раз напомнить, что суффиксы субъективной оценки и по своему положению в пределах слова примыкают непосредственно к основе слова.

В отношении уточнительно-выделительных суффиксов, которые как бы подчеркивают семантическую сторону слова, прежде всего надо указать, что они по своей функции близки русским частицам. Но если в русском языке частицы напоминают, по словам А. М. Пешковского, как бы оторвавшиеся от основ аффиксы, свободно передвигающиеся по поверхности языка, то, напротив, для тунгусо-маньчжуроведов эти аффиксы ассоциируются с семантически самостоятельными словами.[5] По своей семантике эти аффиксы весьма разнообразны: некоторые из них имеют значение выделения и ограничения, другие — сравнения и уподобления, третьи — совместности и присоединения, четвертые — усиления и подтверждения и пр. В большинстве случаев, как мы видели, эти суффиксы примыкают непосредственно к основе и тем самым как бы подчеркивают свою

---

[4] О категории субъективной оценки в тунгусо-маньчжурских языках можно сказать примерно то же самое, что и в отношении аналогичной по содержанию категории русского языка, а именно, что эти формы «занимают промежуточное, переходное положение между формами слова и разными словами» (В. В. Виноградов, ук. соч., стр. 114).

[5] См.: Г. М. Василевич. Эвенкийско-русский словарь. М., 1958. Приложения: Грамматический очерк эвенкийского языка, стр. 688, § 57, табл. XVII.

ближайшую роль носителей дополнительного значения именно по отношению к семантике слова. Но иногда эти частицы «вставляются» в середину других суффиксов — показателей числа, падежа, субъективной оценки, свидетельствуя, с одной стороны, о прежнем или новом лексическом значении этих суффиксов, а с другой — подчеркивая значение суффикса (например, в случае с формой *дю-т-ка-ки* 'прямо домой' в эвенкийском языке). Следует сказать, что в тунгусо-маньчжурских языках имеется также немало «истинных» частиц, помещаемых в конце слова (после показателей числа, падежа или принадлежности), причем эти частицы в фонетическом отношении составляют одно целое со словом, так как подчиняются всем фонетическим закономерностям — гармонии гласных, ассимиляции согласных и пр., т. е. практически, кроме своего периферийного положения и семантики, ничем не отличаются от суффиксов. Семантика же этих периферийных частиц весьма разнообразна: имеются частицы вопросительные, усилительные, соединительные, неопределенные, условные, ограничительные. Наконец, необходимо отметить, что в различных тунгусо-маньчжурских языках один и тот же форматив выступает то в роли периферийной частицы, то монтируется на правах морфемы в состав слова, как например эвенкийская частица *-тан(э)* / *-тэнэ* : *ир-тыки-тэнэ* 'во все стороны' и эвенский суфф. *-тан* / *-тэн* : *бэй-тэ̄н-тэки* 'к каждому человеку'.

В глагольном формообразовании морфологическое выражение получают: категория наклонения (времени), деепричастия и причастия. Глагольные формы наклонений и деепричастий обычно в конце имеют показатель лица или рефлексивности, тогда как причастия в зависимости от их роли в предложении могут и не быть притяжательно оформленными. Но причастия, а также некоторые деепричастия могут принимать именной показатель множественного числа (в некоторых формах наклонений, например в сослагательном наклонении в эвенкийском и эвенском языках, также прослеживается суффикс мн. числа). Причастия принимают и другие именные показатели, в частности падежные, тогда как у деепричастий застывшие падежные суффиксы выступают в роли формообразующих морфем. Промежуточное положение между формообразующими и словообразовательными морфемами занимают залоговые, видовые и модальные суффиксы. Наконец, как и в именах, имеются особые суффиксы субъективной оценки действия и суффиксы выделительно-уточнительные, которые также по своему месту в пределах слова тяготеют к основе.

Глагольные морфемы располагаются в следующем порядке:

основа + залог + вид + выделит.-уточнит.ф. + субъективн. оценка + модальность + накл. ((время), деепр., прич. (мн. ч.)) + личн. (возвр.) ф.

Приведем несколько примеров. Так, в эвенк. *алагу-ву-кси-цки-в* ‘я стремился учиться’ первичная основа *алагу-* ‘учить’ осложнена суффиксом страдательно-возвратного залога *-в-у-* и модальным суффиксом *-кси*, выражающим стремление совершить действие. Два последних суффикса являются словоизменительными — суффикс давно прошедшего многократного времени изъявительного наклонения *-цки* и суффикс 1-го лица ед. числа *-в*.

В эвенк. *эви-кэкӯт-тэ* ‘они разыгрались’ первичная (корневая) основа *эвӣ-* ‘играть’ осложнена усилительным суффиксом *-кākӯт* / *-кэкӯт*, вслед за которым идет суффикс настоящего времени изъявительного наклонения *-та* < *-ра*, тогда как отсутствие показателя лица характеризует эту форму как форму 3-го лица мн. числа.

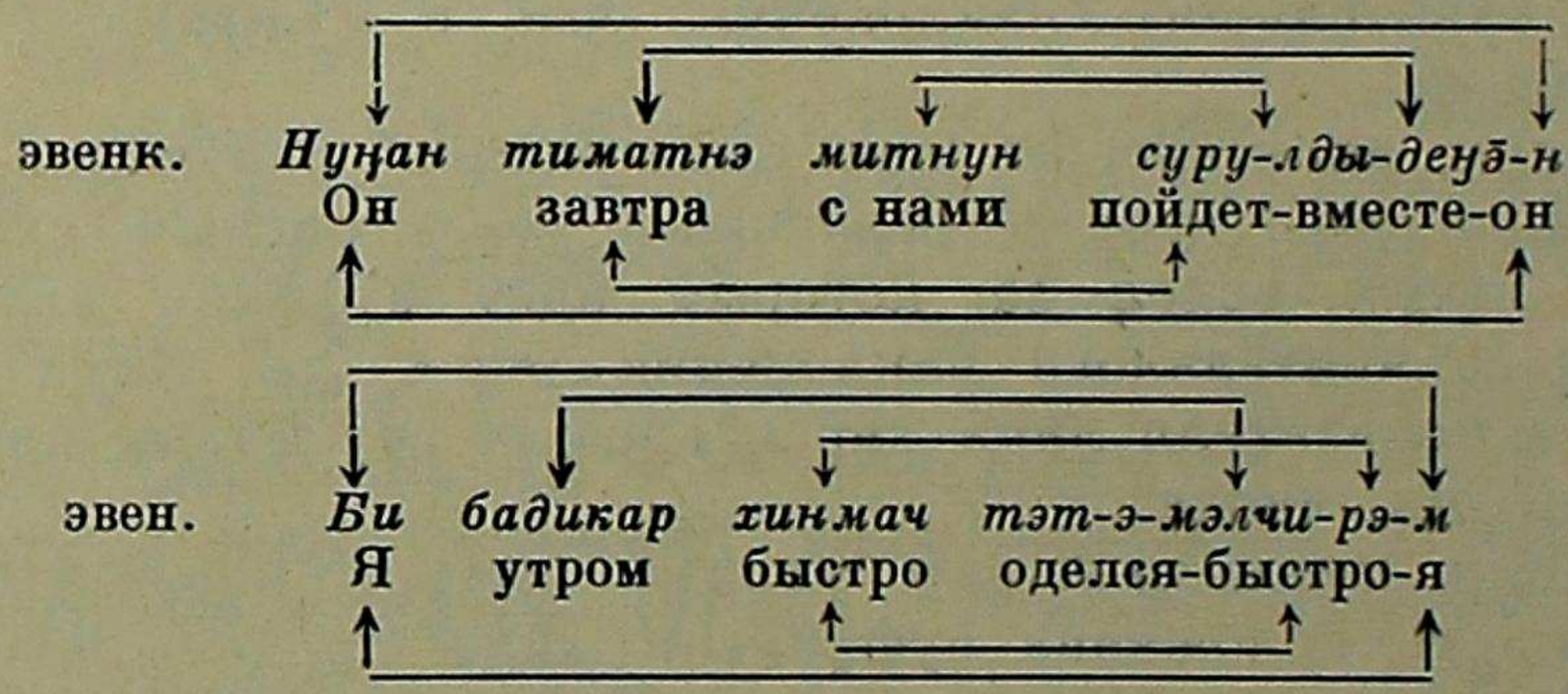
В эвенк. *ичэ-т-мэ-де-рэ-н* ‘упорно смотрит’ корневая основа *ичэ-* ‘увидеть’ осложнена суффиксом вида продолженного действия *-т* / *-ч*, за которым следует уточнительно-выделительный суфф. *-мэ* со значением ‘прямо, упорно’, а затем суффикс несовершенного вида *-де*; два последних суффикса — словоизменительного порядка (суффикс настоящего времени изъявительного наклонения *-ра* / *-рэ* и суффикс 3-го лица ед. числа *-н*).

В эвен. *пэктэр-у-мэ̄ч-и-л-э-счи-ри-тэн* ‘(они) пытались начать перестрелку’ основа однократного вида *пэктэрэ̄н-* ‘выстрелить’ осложнена суффиксом многократного вида *-ӯ*, далее следует показатель взаимного залога *-мāч* / *-мэ̄ч*, суффикс начинательного вида *-л* и суффикс модальный со значением стремления к действию *-счи*; эту пятиморфемную основу завершают словоизменительные форманты, а именно: суффикс прошедшего времени изъявительного наклонения *-рӣ* и суффикс 3-го лица мн. числа *-тан* / *-тэн*.

Изучение порядка следования морфем в агглютинативных языках важно не только для правильного понимания структуры слова и его значения, но, в особенности, для этимологических изысканий, для истории языка, истории возникновения и формирования различных грамматических категорий.

Принято считать, что грамматические форманты возникли вследствие утраты самостоятельного значения у отдельных слов, входивших в употребительные словосочетания и, в результате частоты употребления, потерявших не только знаменательность, но также и формальную оболочку служебного слова. Таким образом, порядок следования морфем в слове

как бы воспроизводит или должен воспроизводить порядок расположения членов грамматического словосочетания или предложения. Однако для тунгусо-маньчжурских языков такая концепция приемлема лишь для незначительного числа грамматических показателей, например для суффиксов множественного числа. В подавляющем большинстве случаев порядок расположения морфем прямо противоположен расположению членов предложения, что можно видеть на следующих примерах:

В приведенных предложениях подлежащее — субъект действия, выраженное местоимением, стоит, как обычно, в начале предложения, за ним следует обстоятельство времени (наречие) и ближе всего к концевому члену предложения, т. е. к сказуемому-глаголу, располагается обстоятельство образа действия.

Глаголы-сказуемые в своей морфологической структуре как бы отражают грамматическую и семантическую с у щ н о с т ь основных членов предложения, но соотносительные с тем или иным членом предложения морфемы расположены в обратном порядке. Так, показатели лица (в эвенкийском примере суффикс 3-го лица ед. числа *-н*, в эвенском — суффикс 1-го лица ед. числа *-м*), соотносимые с подлежащим — местоимениями личными (эвенк. *нуңан* ‘он’, эвен. *би* ‘я’), стоят в самом конце; им предшествуют показатели времени (эвенк. суффикс будущего времени изъявительного наклонения *-деңэ*, эвен. суффикс настоящего времени *-рэ*), имеющие семантическую связь с обстоятельством времени (эвенк. *тимāтнэ* ‘завтра’, эвен. *бадикар* ‘утром’); показатель же совместного залога (суфф. *-лды* в эвенкийском примере), тесно связанный грамматически с косвенным дополнением — местоимением *митнун* ‘с нами’ (совместно), так же как видовой показатель интенсивности действия (суфф. *-мэлчи-* в эвенском примере), соотносительный с обстоятельством образа действия *хинмач* ‘быстро’, входят в состав основы как п о с т ф и к с ы, тогда как интересующие нас члены предложения стоят п е р е д глаголом.

Таким образом, при возникновении грамматических показателей, по-видимому, большую роль играла потребность специально оттенить действующее лицо, время, способ совершения действия, что достигается при помощи инверсии членов предложения, закрепляющихся в своей необычной позиции в роли служебных слов и постепенно переходящих в разряд аффиксов. В сущности, быть может, здесь имела место не просто инверсия, а инверсированный повтор того или иного слова — члена предложения в целях его уточнения, выделения и т. п. Именно в таком аспекте находит свое объяснение бесспорная генетическая связь личных показателей глагола и притяжательных показателей имен с местоимениями, что для тунгусо-маньчжурских языков не подлежит сомнению.

Труднее поддаются этимологизации глагольные суффиксы — показатели времени (изъявительного наклонения). Но и в данном случае гипотеза инверсированного повтора позволяет высказать предположение о связи, например, показателя настоящего времени *-ра/-рэ* с местоимением указательным *э-ри/э-рэ* ‘этот’, ‘сей’, ‘настоящий’, которое не только легко входит в сочетание со словами с семантикой «времени», типа эвен. *эрэ̄в инэ̄ну* ‘сего-дня’ (ср. маньчж. *энэнги* < *эрэ инэнги* ‘сегодня’, *эрэ аня* ‘в этом году’, *эрэ чимари* ‘сегодня ранним утром’), но и само по себе в ряде форм включает прямое значение «настоящего времени», как например: эвенк. *эрдэлэ*, маньчж. *эртэлэ* ‘до сих пор’, ‘до настоящего времени’ или эвенк. *эдук* (*чāскӣ*), маньчж. *эрэчи* (*амаси*) ‘с этого времени (впредь)’. Сходным образом эвенкийский суффикс прошедшего времени *-чā/-чэ̄* может быть сопоставлен с корнем широко представленных в тунгусо-маньчжурских языках наречных образований, например: эвенк., эвен. *чā-скӣ*, маньчж. *часи* ‘туда, дальше, за’, эвенк., эвен. *чā-ла* ‘там, туда, за’, маньчж. *ча-ла* ‘там, туда, до того времени’ (!).

Что касается показателя будущего времени, выступающего в форме суффикса эвенк. *-за/-зэ*, эвен. *-зи*, нан. *-зā/-зэ̄*, то в соответствии с этимологическими гипотезами для настоящего и прошедшего времени можно было бы указать на маньчжурское местоименное слово *зай* ‘следующий, другой’, нан. *диая* (*~заjа*) (ср. его значение в сочетаниях типа маньчж. *зай инэнги*, нан. *диая иниду* ‘на следующий день’, хотя, при очевидной связи форматива будущего времени с показателем несовершенного вида, для эвенк. *-за/-зэ*, эвен. *-з(и)* предлагаются и другие этимологии).[6]

---

[6] Например, Г. Рамстедт связывает суфф. *-за/-зэ* несовершенного вида с корейским глаголом *чада* ‘спать’, см.: G. J. Ramstedt. Studiest

Поскольку возникновение форм изъявительного наклонения тунгусо-маньчжурского глагола связывается с развитием их из причастий,[7] следует указать, что именно причастия в тунгусо-маньчжурских языках, по-видимому, обладали свойством притягивать к себе показатели местоименного характера, к числу которых можно было бы отнести, например, маньчж. *ба* ‘место’, ‘случай’, ‘то, что’, ‘всё, что’, наряду с *элэ* ‘все, которые’. Отметим также, что эвенкийский и эвенский суффикс причастия настоящего времени *-рӣ* < **-ра* + *и*, где *-и* следует сопоставить с маньчжурским местоимением 3-го лица ед. числа *и* ‘он’.[8]

Учет взаимосвязи морфологических данных с синтаксическими нормативами облегчает задачи реконструкции многих форм, хотя эта взаимосвязь уходит корнями в глубокое прошлое языка и не все звенья могут быть прослежены на материале одной языковой группы. Так, вряд ли можно считать случайным совпадением материальное тождество суффикса винительного падежа и суффикса страдательного залога или части суффикса побудительного залога, что характерно для всех тунгусо-маньчжурских языков и может быть проиллюстрировано на примерах из эвенкийского языка; ср. следующие три предложения:

Этиркэ̄н сулакива вача̄н ‘Старик лисицу убил’;

Сулаки этиркэ̄нду ва̄вча̄н ‘Лисица стариком (старику) убита’;

Этиркэ̄н минэвэ сулакива вавка̄нча̄н ‘Старик заставил меня убить лисицу’.

Суффикс винительного падежа *-ва* первого предложения у прямого дополнения существительного (*сулаки-ва* ‘лисицу’) как бы воплотился в суффикс страдательного залога *-в* сказуемого-глагола второго предложения (*ва-в-ча̄н* ‘убита была’) и принимает участие в образовании суффикса побудительного залога *-в-ка̄н-* в глаголе третьего предложения, хотя здесь и прямой объект (*сулаки-ва* ‘лисицу’) и объект, являющийся фактическим производителем действия (*минэ-вэ* ‘меня... заставил убить’), оформлены показателем винительного падежа. Очевидно, все эти три суффикса трех различных грамматических категорий роднит одна функция, а именно — функция сигнализировать наличие объекта, будет ли он выражен в виде прямого дополнения при глаголе действительного залога, или хотя бы

---

in Korean Etymology. Memoires de Société Finno-Ougrienne, Helsinki, XCV, 1949, pp. 17—18.

[7] О. П. Суник. Глагол в тунгусо-маньчжурских языках. Л., 1962.

[8] Г. Рамстедт считал *-и* в суффиксе причастия на *-ри* неким неопределенным местоимением; см.: Г. И. Рамстедт. Введение в алтайское языкознание. (Русск. перевод). М., 1957, стр. 79—80, 86—87.

этот объект и выступал в форме подлежащего в именительном падеже в страдательной конструкции, или же, наконец, являлся особым объектом (объектом понуждения) при глаголах с побудительными суффиксами. По-видимому, все эти суффиксы — суффикс вин. падежа *-ва/-вэ*, суффикс страд. залога *-в(у)* и первый элемент суффикса побуд. залога *-в(у)+кāн/-в(у)+кэ̄н* — восходят к фонетическому прототипу *-бу*, который можно связать с каким-либо из следующих значимых слов: *бӯ-*'дать' или с корейским *пода* 'смотреть'.[9]

В некоторых случаях языки тунгусо-маньчжурской группы позволяют представить процесс перехода служебного слова в суффикс в весьма ощутимой форме. Так, в нанайском языке имеется аналитическая форма деепричастия предварительного действия, образуемая из формы творительного падежа причастия настоящего времени и служебного слова *гэсэ* 'вместе', например:

ниэ-ри-дии гэсэ < **ниэ-ри-ди-вӣ гэсэ* 'только что выйдя...' (при ед. числе субъекта действия, букв.: 'вместе с выхождением своим...'; говорится об одном);

ниэ-ри-диэри гэсэ < **ниэ-ри-ди-вэри гэсэ* 'только что выйдя...' (при мн. числе субъекта действия, букв.: 'вместе с выхождением своим...'; говорится о многих).

В эвенском языке форма причастия настоящего времени в творительном падеже с возвратно-притяжательными суффиксами выступает в роли деепричастия разновременного (прошедшего):

нө-рӣ-дӣ < *нө̄-рӣ-ди-вӣ* 'выйдя...' (при ед. числе субъекта действия, букв.: 'с выхождением своим...'; говорится об одном);

нө̄-рӣ-дӯр < *нө̄-рӣ-ди-вур* 'выйдя...' (при мн. числе субъекта действия, букв.: 'с выхождением своим...'; говорится о многих).

Эвенкийский язык, где, как и в эвенском, слова *гэсэ* 'вместе' не имеется, сохраняет следы его существования и употребления в форме деепричастия разновременного с суффиксом *-кса/-ксэ* < **гэсэ*:

ӯ-ксэ (*йӯ-ксэ*) < *йӯ-гэсэ* 'выйдя', 'с выходом' (при ед. числе субъекта действия);

---

[9] Г. Рамстедт склонен, по-видимому, сопоставлять суффиксы страдательного и побудительного залогов с глагольной основой *бӯ-* 'давать, допускать', тогда как суффикс винительного падежа возводится им к деепричастной форме *поа* > *боа* > *ба* от глагола *пода* 'смотреть', сохранившегося в корейском языке. См.: Г. И. Рамстедт. Введение в алтайское языкознание, стр. 38, 144.

юксэ-л (*йӯ-ксэ-л*) ‘выйдя’, ‘с выходом (многих)’ (при мн. числе субъекта действия).[10]

Рефлексивное оформление приведенных выше деепричастий в нанайском и эвенском языках связано с тем, что выражаемое ими второстепенное действие относится к тому же лицу, которое совершает главное действие, тогда как форма творительного падежа, с одной стороны, подобно служебному слову *гэсэ* ‘вместе’, несет функцию присоединительную, и, с другой стороны, обстоятельственную, поскольку в тунгусо-маньчжурских языках обстоятельства образа действия чаще всего стоят в форме этого падежа, перешедшего в наречиях качества на роль суффикса словообразовательного, ср.:

эвэнк.	эвен.	нан.	
ая	*ай*	*ая*	‘хороший’
аят	*аич*	*аяди*	‘хорошо’

Богатейший арсенал аффиксов агглютинативных языков, насчитывающий по нескольку сот отдельных морфем, является наследием тысячелетней давности, и постичь историю их возникновения, механизм их использования, — задача весьма нелегкая, но увлекательная. И, конечно, в пределах небольшой статьи можно лишь высказать некоторые соображения, которые, быть может, все же окажут посильную помощь в решении указаной задачи.

К. Е. Майтинская

ОБРАЗОВАНИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ СУФФИКСОВ В АГГЛЮТИНАТИВНЫХ ЯЗЫКАХ

(на материале финно-угорских языков)

Одним из основных признаков агглютинативных языков является слабая спаянность морфем. С этой особенностью связаны некоторые способы возникновения словообразовательных суффиксов и грамматических окончаний в финно-угорских языках, ею же обусловлены все излагаемые ниже закономерности в строе этих языков в отличие от флективных, напри-

---

[10] Иную точку зрения на этимологию эвенкийских деепричастий см.: О. П. Суник. Глагол в тунгусо-маньчжурских языках, стр. 190.

мер от индоевропейских, материалами которых мы будем пользоваться для сравнения.

Известны четыре основных способа возникновения словообразующих морфем: 1) агглютинация, заключающаяся в превращении последнего компонента сложного слова или словосочетания в словообразующий формант; 2) образование единых — сложных суффиксов из простых; 3) адаптация, заключающаяся в превращении конца слова или конца группы слов в словообразующий суффикс; 4) переход формообразующих морфем в словообразующие.

Третий и четвертый способы не являются специфичными для финно-угорских языков в отличие от флективных. Что же касается первого и второго способов, то они в словообразовании агглютинативных языков занимают особое положение и заслуживают нашего внимания.

Несмотря на слабую исследованность истории большинства финно-угорских языков, уже выяснено довольно значительное число случаев происхождения словообразующих морфем от знаменательных слов. Приведем некоторые из наиболее известных.

В венгерском языке имеется ряд именных суффиксов, источниками которых являются знаменательные слова. Таковы: *-ság* ~ *-ség* (от *ség* ‘холм, возвышенность’), *-né* (от *nő* ‘женщина’), *-só* ~ *-ső* (от *eső* ‘падающий, расположенный’), *-beli* (от *bél* ‘внутренность’), *-féle* (от *fél* ‘половина’), *-szërű* (от *szër* ‘ряд’), *-kora* (от *kor* ‘время’, ‘возраст’). Подобные материалы можно привести также из других финно-угорских языков. Мы имеем в виду, например, мансийские суффиксы: *-sup* (от *sup* ‘половина, часть’), *-sam* (от *sam* ‘круглый маленький предмет’), *-ut* (от *ut* ‘предмет’) и т. д.; коми суффиксы: *-lun* (от *lun* ‘день’), *-tor* (от *tor* ‘кусок’), *-in* (от *in* ‘место’), *-šoḷ* (от *šoḷ* ‘труп, падаль’), *-pi* (от *pi* ‘сын’), *-pu* (от *pu* ‘дерево’), *-tuḷ* (от *tuḷ* ‘дорога’); эрзя-мордовские суффиксы: *-či* (от *či* ‘солнце, день’), *-pulo* (от *pulo* ‘хвост’), *-kon'a* (от *kon'a* ‘лоб’), *-pel'* (от *pel'* ‘половина’, ‘средство’), *-pr'a* ~ *-br'a* (от *pr'a* ‘голова’); финские суффиксы, образующие прилагательные: *-mainen* ~ *-mäinen* (от *maa* ‘земля’), *-lainen* ~ *-läinen* (от *laji* ‘сорт’), *-moinen* ~ *-möinen* (от *moinen* ‘такой’), *-tar* ~ *-tär* (от *tytär'* ‘дочь’) и т. д. Список подобных суффиксов можно было бы значительно увеличить даже при современном состоянии изученности истории финно-угорских языков, однако по приведенным суффиксам также ясна значительная активность процесса перехода самостоятельных слов в словообразующие суффиксы. Не случайно это явление наблюдается прежде всего в сфере отыменного словообразования. Самый простой тип словосложения и словосочетания в виде присоединения второго компонента

к форме номинатива единственного числа первого компонента распространен как раз в сфере имен, присоединению же второго компонента к глагольной основе мешает то, что глаголы почти всегда имеют личные окончания.

Однако известно, что возникновение словообразующих суффиксов от самостоятельных слов встречается также и во флективных языках. Вспомним, например, происхождение некоторых именных суффиксов в немецком языке: суффикса *-heit* (от древневерхненемецкого *heit* 'лицо, положение, вид'), суффикса *-schaft* (ср. глагол *schaffen*, который в субстантивированном виде обозначал 'состояние'), суффикса *-tum* (от древневерхненемецкого *tuom*, обозначающего в сложных словах 'состояние, общественное положение'). Сюда же относятся суффиксы немецких прилагательных: *-bar*, *-haft*, *-sam*, *-lich*. Однако указанное явление объясняется тем, что, с одной стороны, в немецком языке и в наше время очень распространены сложные имена, в которых второй компонент присоединен к номинативной форме единственного числа существительного, а с другой стороны, и суффиксы обычно присоединяются к номинативной форме имени, ср.: *Tischtuch* 'скатерть' (досл.: 'стол-ткань'), *Tischler* 'столяр'. Ясно, что при отсутствии внутренних изменений для немецкого языка в данном случае, как и для агглютинативных языков, характерна слабая спаянность конца основы с суффиксом, т. е. немецкий язык в этом отношении вообще близок к агглютинативным языкам. Если же мы рассмотрим русские сложные имена, в большинстве которых выступает соединительный гласный, а суффикс присоединяется к изменяемой основе (например: *водовоз*, *водный*, *водяной*, *птицеферма*, *птичник*), то становится ясно, что в русском языке переход второго компонента сложного слова в суффикс значительно более затруднен, чем в агглютинативных финно-угорских языках или в тех флективных, которые, как и немецкий, в этом отношении не типичны для флективных языков. (Несомненно, и в русском языке можно найти случаи, когда тип словосложения будто соответствует типу суффиксации, например: *хлеб-соль* и *хлебный*; в обоих случаях выступает одинаковая номинативная форма *хлеб*. Однако сложных слов типа *хлеб-соль* в русском языке очень мало, к тому же в них компоненты соединены способом сочинения, а на базе подобных сложных слов сочинительного типа превращение второго компонента в суффикс затруднено).

Таким образом, неизменяемость конца основы перед суффиксами наряду с наличием типа сложения или сочетания слов путем простого присоединения второго компонента к номинативной форме единственного числа первого компонента облегчает превращение знаменательных слов в словообразующие суффиксы,

и поэтому не случайно это явление весьма распространено в финно-угорских языках, а для индоевропейских флективных оно нетипично, хотя и встречается. Вероятно, в конечном счете и в индоевропейских языках немало словообразующих суффиксов происходило от самостоятельных слов, однако огромное большинство подобных переходов относится еще к дофлективному (агглютинативному) периоду развития этих языков.

Перейдем к вопросу о другом способе возникновения суффиксов — об образовании сложных суффиксов из простых. Прежде всего следует отметить, что сложными мы называем только такие суффиксы, компоненты которых образуют прочное единство, даже если они выделяются довольно ясно. Так, в венгерском языке продуктивный уменьшительный суфф. *-cska ~ -cske*, образовавшийся из уменьшительных *-cs* и *-ka ~ -ke*, составляет прочное единство: поскольку суфф. *-cs* сохранился лишь в отдельных словах, нельзя допустить, что все слова на *-cska ~ -cske* встречались также с суффиксом *-cs*. Если же суффиксы объединены слабо, т. е. не составляют прочного единства, их следует называть сочетаниями суффиксов или составными суффиксами; такими составными суффиксами мы считаем венгерские *-szoros ~ -szërës ~ -szörös* и *-szori ~ -szëri ~ -szöri*, поскольку все слова с этими суффиксами могут иметь также и только простой формант *-szor ~ -szër ~ -ször*, ср.: *kétszër* ‘дважды’, *kétszërës*, *kétszëri* ‘двоякий’.

В финно-угорских языках большинство сложных суффиксов состоит всего из двух компонентов, но иногда из трех и даже четырех, как например финские суффиксы: *-skentele-*, *-ahdutta- ~ -ähdyttä-*, *-elehti-*, венгерские: *-lkod ~ -lkëd ~ -lköd*, *-skod ~ -skëd ~ -sköd*, марийский суфф. *-lδal* и т. д. Сложные суффиксы могут складываться из простых компонентов сходной функции; так, в венгерском в результате объединения двух суффиксов повторного значения возник суфф. *-dal ~ -del*, из двух суффиксов уменьшительного значения — суфф. *-csa ~ -cse*. Из двух уменьшительных суффиксов образовался финский *-mus ~ -mys*. Встречаются сложные суффиксы, образованные повторением какого-либо простого суффикса, например: венг. *-lal ~ -lel*, коми *-lal* (*-lav*), мар. *-lal* (*-alal*) *~ -läl* (*-äläl*) состоит из двух простых *-l*, выражающих повторное действие; венг. *-tat ~ -tet* образовался путем повторения каузативного *-t*, *-dad ~ -ded* — путем повторения уменьшительного *-d*. Сложные суффиксы могут складываться из простых суффиксов, имеющих разную функцию. Так, в венгерском глагольный суффикс повторного действия *-gat ~ -get* состоит из *-g* повторного и *-t* каузативного значения, в финский *-elehti-* вошли *-l* многократного и *-ahta- ~ -ähtä-* однократного значения и т. д.

Сложные словообразующие суффиксы, как известно, встречаются во многих языках мира, независимо от того, относятся ли они к флективному или агглютинативному типу. Ряд сложных суффиксов выявлен, например, в русском языке. Таковы *-ник*, *-чик*, *-лив*. Однако решающим является и в данном случае не наличие этого явления и во флективных и в агглютинативных языках, а различие количественного порядка. Даже при современной слабой изученности финно-угорских языков бросается в глаза огромное количество сложных суффиксов. Так, в венгерском языке начиная с первых памятников сложных словообразующих морфем только в сфере существительных и прилагательных насчитывается около ста; у финских имен, по сведениям Л. Хакулинена,[1] их более пятидесяти. Кроме того, во всех финно-угорских языках распространены сложные глагольные суффиксы, выражающие залоговые и видовые значения. Л. Хакулинен перечисляет около полутора десятка таких морфем в финском языке,[2] а Барта в венгерском — около тридцати.[3] Богатый материал по сложным суффиксам видового значения в пермских и волжских языках собран Б. А. Серебренниковым.[4]

Возникновение такого большого количества сложных словообразующих суффиксов может объясняться только слабой спаянностью морфем в финно-угорских языках.

Формообразующие морфемы возникают, подобно словообразующим, четырьмя основными способами. Во-первых, они также могут восходить к отдельным словам. Во-вторых, они также могут складываться из простых компонентов. В-третьих, они также могут возникать путем адаптации, т. е. превращения конца слова или группы слов в формообразующие морфемы. В-четвертых, они образуются путем превращения словообразующих морфем в формообразующие.

Поскольку третий и четвертый способы образования грамматических окончаний не представляют ничего специфичного для агглютинативных языков, в отличие от индоевропейских флективных, мы подробно остановимся лишь на двух первых способах.

В то время как источниками многих словообразующих морфем в финно-угорских языках являются знаменательные слова (примеры мы видели выше), грамматические окончания чаще

---

[1] См.: Л. Хакулинен. Развитие и структура финского языка, ч. 1. М., 1953, стр. 126—164, 179—204.

[2] См.: Л. Хакулинен, ук. соч., стр. 255—266.

[3] См.: D. Bartha K. A magyar szóképzés története. Budapest, 1955, 27—33, 37—40, 45—52 old.

[4] См.: Б. А. Серебренников. Категория времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. М., 1960.

всего восходят к словам служебного или малознаменательного характера, каковыми являются, например, местоимения.

Известно, что во многих языках мира личные окончания глаголов восходят к личным или даже указательным местоимениям. В финно-угорских языках подобным образом произошло большинство глагольных и притяжательных личных окончаний. Однако превращение местоимений в личные окончания в финно-угорских языках совершилось еще в глубокой древности (во всяком случае личные окончания развились или намечались уже в языке-основе), а нас в данном случае интересует только активность подобных явлений, и поэтому ниже мы приведем лишь такие грамматические окончания, которые возникли относительно недавно; следовательно, их и нельзя найти в языке-основе, а только в отдельных языках или в группе близкородственных языков.

Известно, что в венгерском большинство падежных окончаний восходит к таким послелогам, которые по происхождению сами являлись падежно-оформленными именами. Так, окончания внутренно-местных падежей — инессива *-ban ~ -ben*, иллатива *-ba ~ -be*, элатива *-ból ~ -ből* — восходят к послелогам, образовавшимся от существительного *bél* ‘внутренность’, в эстонском комитативный суфф. *-ga* происходит от послелога *kaas*, который хорошо сопоставляется с финским послелогом *kanssa* ‘с’. Этот же послелог в ливском превратился в окончание комитатива *-ka*, в водском *-kā*. В юго-восточных финских диалектах послелог *luo* ‘к’ перешел в падежный формант *-luo ~ -lyö*; в ливвиковском диалекте карельского языка имеется падежное окончание *-sah ~ -säh*, ср. с ними финский послелог *saakka* ‘до’.[5] От указательного местоимения *s'e* образован в мордовском языке суффикс указательного склонения *s'*. Однако переход малознаменательных и служебных слов в грамматические окончания наблюдается не только в сфере изменения имен, имеются примеры также в сфере формообразования глагола. Так, известно, что в финском языке окончание пассива, т. е. удлинение гласного +*n*, например в слове *saadaan*, происходит от местоимения 3-го лица *hän*. Финское личное окончание 2-го лица в фамильярном обращении *-s*, например *tules tänne* ‘иди-ка сюда’, происходит от личного местоимения 2-го лица *sinä* ‘ты’. Признак условно-изъявительного наклонения *-d'er'a* в эрзя-мордовском языке, по мнению М. Н. Коляденкова,[6] восходит к глаголу *t'er'ams* ‘по-

---

[5] См.: З. М. Дубровина. Послелоги и предлоги в современном финском языке. Кандидатск. диссертация, рукопись, 1952, стр. 257—278.

[6] См. сб. «Филологические доклады на конференции по вопросам финно-угорской филологии в Ленинграде в 1947 г.», т. II, Саранск, 1948, стр. 25, 26.

пытаться'. Суфф. *-hat ~ -het* венгерских потенциальных глаголов, представляющих собой переходное звено между формой наклонения и словообразования, восходит к глаголу *hat-ni* 'достигать', 'мочь'.

Специфичным для агглютинативных языков является опять-таки не то, что в них вообще можно найти грамматические окончания, восходящие к отдельным словам, а то, что таких окончаний много. (Выше приведены лишь некоторые из знакомых примеров, но их список можно было бы значительно увеличить. Мы убеждены также и в том, что исследователи в будущем выявят еще немало подобных примеров). Далее, специфичным является и то, что примеры перехода слов в грамматические окончания относятся в основном к недавним периодам истории соответствующих языков и поэтому указанные окончания характерны лишь для одного языка или группы близкородственных языков. Это свидетельствует об активности подобных преобразований, причина же этой активности заключается в легкости присоединения суффиксов при слабой спаянности морфем в агглютинативных языках.

Перейдем к вопросу о возникновении сложных грамматических окончаний. Сложными мы называем только такие грамматические окончания, компоненты которых образуют прочное, хотя иногда и ясно расчленимое единство. Сложные грамматические окончания образованы либо из однородных элементов (например, из двух падежных окончаний), либо из разнородных по функции элементов.

Из двух падежных (т. е. из однородных) элементов состоят некоторые *s*-овые окончания внутренне-местных падежей в прибалтийско-финских языках. В финском элативном *-sta ~ -stä* и инессивном *-ssa ~ -ssä* соединены два первичных падежных суффикса; у *-sta ~ -stä* первый компонент восходит к древнему финно-угорскому лативному **-s*, а второй — к аблативному **-t*, у *-ssa ~ -ssä* первый компонент восходит к тому же **-s*, а второй — к ассимилированному древнему локативному **-n*. В мордовском элативном окончании *-sto ~ -ste* выявляется состав, аналогичный финскому элативу. Марийское окончание местного падежа *-što ~ -šte ~ -štö* состоит из двух падежных окончаний.

В ряду лично-притяжательного склонения удмуртского языка выявляется суффикс исходного падежа *-jś't*, состоящий из пермского *ś'*-ового падежного элемента (ср. *kerkajś'* 'из избы') + древний финно-угорский аблативный **-t*. Подобным образом возникали также и некоторые другие *ś'*-овые окончания в пермских языках. Однако сложные грамматические окончания гораздо чаще образуются из разнородных элементов. Так, в финском

языке лично-притяжательное окончание 3-го лица *-nsa ~ nsä* состоит из показателя множественного числа *-n* и личного форманта, образовавшегося от местоимения. Венгерское окончание 1-го лица мн. числа *-unk ~ ünk* состоит из окончания 1-го лица *-m* (> *n*) + показатель мн. числа *-k*. В состав сложного грамматического окончания может входить словообразующий элемент, причем обычно в качестве первого компонента. Такое происхождение выясняется у первого *l*-ового компонента в составе финских внешнеместных падежных окончаний *-lla ~ -llä*, *-lta ~ -ltä*. Этот *l* восходит к словообразующему суффиксу *-la ~ -lä* в словах типа *etelä* 'юг', *pohjola* 'север' и т. д. В состав венгерского падежного суффикса *-stul ~ -stül* вошел сложный наречный суфф. *-st* + эссивный суфф. *-ul ~ -ül*.

Об активности процесса образования сложных грамматических окончаний свидетельствует опять-таки относительная молодость приведенных нами формантов и многих им подобных. Их многочисленность же объясняется, естественно, слабой спаянностью морфем вообще.

* * *

Выше указывалось, что в финно-угорских языках как грамматические, так и добавочные лексические значения выражаются в основном суффиксальными морфемами. Поэтому весьма часто встречаются громоздкие многосуффиксальные образования типа фин. *valmistelujansako?* 'их подготовка?', морд. *tarkasonzol'in'ek* 'мы были на его месте' и т. д.

Слабой спаянностью формантов с основой обусловливается их относительная подвижность; например, формант мн. числа *-k* в венгерском находится то после всех формантов, то предшествует некоторым из них, ср. глагольную форму *él-t-ek* 'они жили', где *-k* следует за формантом времени, и форму существительного *haz-ak-ban* 'в домах', где *-k* предшествует окончанию инессива *-ban*.

Суффиксальные морфемы образуют известную иерархию: одни из них расположены ближе к основе, другие дальше от нее. В финно-угроведении суффиксальные морфемы принято подразделять на три группы: в первую входят словообразующие суффиксы; во вторую — так называемые прилепы, к ним относятся только такие грамматические окончания, которые выражают отношения между членами предложения (т. е. личные и падежные окончания); морфемы, обозначаемые термином «признак» или «показатель», образуют переходный тип между словообразующими и прилепными морфемами. К показателям относятся фор-

манты числа, времени, наклонения, степеней сравнения и некоторые другие.

С точки зрения расположения морфем переходный характер показателей проявляется особенно ощутимо. Хотя в большинстве случаев они следуют за словообразующими морфемами и предшествуют прилепам, нередко все же они вторгаются в пределы расположения морфем двух других полярных разрядов. С одной стороны, почти во всех финно-угорских языках известны случаи, когда показатель не предшествует прилепе, а следует за ней. С другой стороны, показатели иногда расположены перед словообразующими суффиксами. Словообразующие же суффиксы, как правило, за живыми прилепами следовать не могут.

Особый интерес представляет иерархия морфем внутри их основных разрядов, например порядок словообразующих морфем или прилеп. Довольно хорошо исследован в финно-угорских языках порядок расположения падежных и лично-притяжательных прилеп. В прибалтийско-финских, саамском, волжских языках в сфере существительных активно употребляемые падежные форманты предшествуют лично-притяжательным, в угорских языках, наоборот, лично-притяжательные предшествуют падежным. В пермских языках выявляются оба порядка.

Гораздо меньше исследован порядок расположения словообразующих суффиксов, хотя изучение этого вопроса представляет большой интерес для характеристики структуры слова в отдельных финно-угорских языках. В венгерском языке, например, наблюдаются следующие закономерности. В производном глаголе всем суффиксам предшествуют суффиксы, образующие глаголы от имен, за ними следуют суффиксы, выражающие грамматические значения, хотя и не обобщенные до степени формантов грамматических категорий. Суффиксы видового значения могут следовать за суффиксами залогового значения или наоборот, но на последнем месте, уже непосредственно перед показателями наклонения, расположен суффикс потенциальных глаголов *-hat ~ -het*, потому что он близок к состоянию показателя наклонения: *vál-ogat-tat-hat* ‘он может велеть выбирать’ (*vál* является корнем, *-ogat* — суффиксом, выражающим повторность действия, *-tat* — суффиксом каузативного значения).

Несмотря на разнообразие порядка сочетаемости суффиксальных морфем, их последовательность на нынешнем этапе развития языков подчиняется строгим правилам, которые лишь изредка допускают колебания. Однако на ранних этапах развития языков или даже в финно-угорском языке-основе, когда только-только образовывались соответствующие морфемы, колебания в их размещении были вполне естественными. Эти колебания

впоследствии полностью или почти полностью изживались, в результате чего установился только один возможный порядок, иногда с отдельными исключениями. Однако следы прежних колебаний могут сохраняться в составе слов с окаменелыми морфемами.

Так, в современных угорских языках в сфере существительных лично-притяжательные прилепы предшествуют падежным, но в сфере послеложных местоимений в современном венгерском установился противоположный порядок слов, в сфере же послеложных местоимений мансийского и хантыйского языков сохранился двоякий порядок: при одних падежах падежная прилепа находится впереди притяжательной прилепы, при других падежная прилепа, наоборот, следует за ней.

Активностью возникновения и многочисленностью суффиксальных морфем обусловливается распространенность их переходного состояния: одни оформители достигли полной грамматизации, другие нет. Поэтому большой интерес представляет классификация морфем по их отношению к грамматическим категориям. Так, встречаются случаи, когда трудно отграничить падежные формы от послеложных конструкций, тем более, что в финно-угорских языках послелог, как правило, непосредственно следует за обслуживаемым именем. Далее, во многопадежных языках не все падежные формы равноценны, у некоторых не хватает той или иной черты падежности. Так, финский комитатив не различается по числам, венгерский темпоральный *-kor* не уподобляется по гармонии гласных, эрзя-мордовская лативная форма на *-v* не имеет соответствий по указательному склонению, эстонский комитативный *-ga* присоединяется к существительным, но не употребляется в согласованных формах прилагательных. В сфере богатого и разнообразного выражения видовых, залоговых и других глагольных значений одни оформители полностью обобщились, другие же применяются весьма ограниченно. Поэтому из суффиксов видового значения в пермских и волжских языках Б. А. Серебренниковым совершенно правильно одни отнесены к оформителям видов, другие — лишь к оформителям видовых классов.[7]

В результате вышесказанного можно сделать следующие выводы. Все перечисленные нами особенности финно-угорских языков взаимосвязаны. Активный процесс перехода отдельных слов в морфемы и многочисленность сложных суффиксов обусловлены слабой спаянностью морфем в агглютинативных языках. От слабой спаянности морфем зависит также и многосуффиксное строение слова, что само по себе создает условия для

---

[7] См.: Б. А. Серебренников, ук. соч., стр. 31—33.

различных комбинаций в порядке размещения суффиксальных морфем. Легкость превращения слов в морфемы создает благоприятные условия также для самых различных градаций обобщенности формантов, из которых одни достигают полной грамматизации, другие более или менее приближаются к ней. Ни об одной из перечисленных особенностей нельзя сказать, что она встречается только в финно-угорских языках. Однако решающим является то, что для агглютинативных языков указанные явления весьма характерны, а для флективных не типичны.

Н. М. Терещенко

К ПРОБЛЕМЕ СООТНОШЕНИЯ АГГЛЮТИНАЦИИ И ФЛЕКСИИ В САМОДИЙСКИХ ЯЗЫКАХ

Самодийские языки принято относить к числу преимущественно агглютинативных (или, точнее, агглютинативно-суффиксальных). Поскольку это положение, мною разделяемое, никогда не встречало возражений или сомнений ни у советских, ни у зарубежных языковедов, я не вижу необходимости останавливаться сколько-нибудь подробно на типологической природе этих языков.

Наиболее распространенным, бесспорно превалирующим способом образования форм слов в самодийских языках является последовательное наслоение на основу слова, остающуюся в большинстве случаев неизменяемой, грамматически, как норма, однозначных и однотипных суффиксов. Например: ненецк. *t'irt'akohonanda* 'у его птички' (*t'i* + *rh* + *t'a* + *ko* + *hona* + *n* + *da*) — на основу *t'i-* глагола *t'is'* 'полететь', 'улететь', состоящую из двух звуков, наросло 6 формальных показателей. В результате односложное слово превратилось в многосложное, число звуков суффиксов которого во много раз превышает число звуков корня — соотношение 2 : 12. При этом границы как между первоосновой слова и первым из формантов, так и между всеми другими формальными показателями в значительном числе случаев проводятся вполне отчетливо и без всякого труда.

Вообще каждая морфема в самодийских языках имеет, как правило, только одно грамматическое значение и для выражения той или иной грамматической категории употребляется только данный агглютинативный показатель.

Падежные и личные форманты могут отделяться от основы другими аффиксами или суффиксальными частицами. Определенные аффиксы и суффиксальные частицы могут присоединяться после падежных и личных суффиксов (например, личнопритяжательные форманты, интонационные суффиксальные частицы).

Падежные суффиксы оформляют не только именные, но и глагольные формы, если последние соединяют в себе синтаксические признаки имени, с одной стороны, и глагола — с другой.

Имя в основном падеже всегда совпадает с первоосновой слова, которая является исходной для образования падежных форм в единственном, двойственном, а частично и во множественном числе. При этом характерной особенностью имени в основном падеже является широта его значений и синтаксических функций.

В целом фонетическое строение именных и глагольных первооснов почти полностью аналогично. Характерно, что одни и те же суффиксы могут присоединяться и к именным и к глагольным основам (суффикс уменьшительности *-ko*, суффикс сожаления *-je*, утвердительный суфф. *-hawa*, ограничительный суфф. *-r'i* и др.) Личные форманты для глаголов субъектного типа спряжения сочетаются с именами, выполняющими в предложении роль сказуемого.

Агглютинативный строй самодийских языков поддерживается в первую очередь характерным для этих языков твердым порядком слов в предложении, в особенности постоянным положением определения непосредственно перед определяемым им словом и типичным для этих языков сочетанием ряда зависимых членов предложения с теми словами, от которых они зависят, путем простого примыкания.

При этом в роли определения выступают нередко имена существительные, характеризующие в этой позиции те или другие признаки предмета и прежде всего материал. Например: энецк. *pę katoʒ* 'деревянный дом' (букв.: 'дерево дом'), *bęsɛ tuka* 'железный топор' (букв.: 'железо топор') и др.

Возникновение агглютинативного способа соединения морфем в самодийских языках не нуждается в особом исследовании — оно лежит на поверхности. Распространенные в этих языках способы связи слов создают внутренне крепко спаянные словосочетания, второй компонент которых при определенных условиях может полностью или частично утрачивать свою знаменательность и превращается в уточнителя пространственных или временны́х отношений — послелог. Выражая синтаксические отношения связанного с ним слова к другим словам в предло-

жении, второе слово таких сочетаний становится носителем падежного значения. Усиление формальной стороны с течением времени влечет за собой превращение некоторых лексически полнозначных в прошлом слов в агглютинативные прилепы, причем они могут фонетически сливаться с именной основой. Например: ненецк. *hardahь* 'относящийся к дому', 'домашний'; *wьŋgь* 'относящийся к тундре', 'тундровый'; *markь* 'относящийся к городу', 'городской' и др. Форманты *-hь*, *-gь*, *-kь*, представляющие собой фонетические варианты, явно восходят к слову *hьj* 'близлежащий', 'прилегающий'.

Некоторые морфемы могут относиться одновременно к двум (изредка к трем) словам, соединенным между собой по способу сочинения.

Вместе с тем агглютинация не является единственным приемом словоизменения в самодийских языках. В них получили известное распространение элементы аналитического строя и явления внутренней флексии, связанные с определенными чередованиями гласных и согласных звуков основы, различными типами ассимиляции и др. Поскольку последний вопрос является наиболее спорным и наименее изученным, на нем следует остановиться несколько подробнее.

Самодийским языкам лишь в слабой степени свойственно явление сингармонизма. При определенных фонетических условиях конечный согласный основы в этих языках сливается с начальным звуком словоизменительного и словообразовательного форманта или изменяется под его влиянием. В итоге при несомненно преобладающем числе агглютинативных построений образование некоторых форм сопровождается тесной спайкой основы и форманта, причем один и тот же звук представляет собой одновременно и конец корневой и начало суффиксальной морфемы. Например: энецк. *mɛkon(ę)* 'в чуме' — местн.-твор. падеж ед. числа (*mɛh + honę*); *mɛt* 'в чум' — дат.-напр. падеж ед. числа (*mɛh + d*).

В силу этого обстоятельства в самодийских языках имеются фонетические варианты словоизменительных (в частности падежных) и словообразовательных форм. Единая стандартизованная парадигма склонения и спряжения в этих языках отсутствует. Выяснение первоосновы отдельных слов, в особенности глаголов, может быть произведено лишь путем анализа. Так, например, в ненецком языке глаголы *hanas'* 'увезти', 'повезти', *n'enas'* 'сердиться', *p'inas'* 'бояться' имеют различное фонетическое строение основы, хотя в неопределенной форме выглядят однотипно (*hana-*, *n'env-*, *p'in-*). Однако это относится лишь к той в общем сравнительно незначительной группе глаголов, которые имеют перед показателем неопределенной формы звук *a*.

Фонетическое строение основы остальных глаголов вполне очевидно и в неопределенной форме.

Изменение звуков основы само по себе без всякого присоединения аффиксов может служить показателем его грамматической формы. Например (ненецк.):

jahá 'река' ~ вин. п. мн. ч. *jes'í* 'реки'
s'eŋga 'колокол' ~ » » » » *s'énz'i* 'колокола'
túbkă 'топор' ~ » » » » *túbc'i* 'топоры'
nóho 'песец' ~ » » » » *nós'i* 'песцов'

Подобный способ образования для некоторых форм является преобладающим, но только для некоторых форм.

Характерно, однако, что в большинстве случаев чередование звуков основы в самодийских языках сопровождается присоединением суффикса. Например: нганасанск. *basa* 'железо' ~ основн. падеж мн. числа *bad'aj*; энецк. *kɛzɛʃ* 'дикий олень' ~ *kɛzɛro-d'* 'охотиться на диких оленей'; ненецк. *ŋamz'* 'съесть' ~ множественное действие *ŋaworc'* 'есть' и др.

Представляется вероятным, что в тех случаях, когда единственным средством выражения грамматической формы является флексия, ей некогда сопутствовал определенный формант. Показателен в этом отношении нганасанский язык, в котором вин. падеж мн. числа, помимо изменения звукового состава основы, имеет особый морфологический показатель *-j*. Например:

lьŋhь 'орел' вин. п. мн. ч. *lьmbьj* 'орлов'
ср. нен. *l'imb'a* 'орел' » » » » *l'imb'i* 'орлов'
məku 'спина' » » » » *məguj* 'спи́ны'
ср. нен. *maha* 'спина' » » » » *mas'i* 'спи́ны'
bьh 'вода' » » » » *bьzəj* 'во́ды'
ср. нен. *jih* 'вода' » » » » *jid'e* 'во́ды'

Чередования, наблюдаемые в форме вин. падежа мн. числа ненецкого языка, указывают на существование в прошлом какого-то морфологического показателя этой формы. Иначе возникновение подобных изменений звукового состава основы было бы необъяснимым. Ср. чередования звуков основы, возникающие в нганасанском языке при образовании формы вин. падежа мн. числа:

basa 'железо' ~ вин. п. мн. ч. *bad'aj*
bigaj 'река' ~ » » » » *bikaj*

Не исключена возможность, что и в ненецком языке показателем вин. падежа мн. числа некогда также был суфф. *-j*, сохраняющийся в нганасанском.

Предположение это поддерживается, в частности, теми изменениями конечного гласного основы, которые наблюдаются в форме вин. падежа мн. числа — изменение конечного краткого

В. В. Сенкевич-Гудкова

ОСОБЕННОСТИ АГГЛЮТИНАЦИИ В САМСКОМ ЯЗЫКЕ

(на материале склонения существительных нотозерского диалекта)

Не во всех языках мира наблюдается такой строгий и законченный тип агглютинации, как например в тюркских языках. Среди уральской группы языков столь же чистый вид агглютинации можно наблюдать в пермских языках, но принадлежащий к этой же семье саамский язык отличается особым типом агглютинации, далеким от ее классической формы.

Выяснение характера агглютинации саамского языка мы начнем с применения к нему установленных А. А. Реформатским пяти основных признаков агглютинативных языков.[1]

Начнем с первого признака: корень не меняется в своем составе. Это утверждение явно не подходит к саамскому языку, в котором гласные и согласные корня изменяются с качественной и количественной стороны в различных грамматических формах одного и того же слова,[2] например:

номинатив ед. ч. *kuəl'l'ᵉ* 'рыба' (корень *-kuəl'l'ᵉ*): *moəttam kuəl'l'ᵉ poəppaᵈt vŭəG'k'e* 'Какая-то рыба попалась на удочку';

аккузатив множественного числа: *kuəl'iᵈt* 'рыб' (корень): *-kuəl — siį kuəl'iᵈt t'šāl'l'a* 'Они рыб чистят'.

Признак второй: аффиксы однозначны, т. е. каждый из них выражает только одно грамматическое значение. Это положение применимо только к некоторым аффиксам саамского языка; так, посессивный афф. *-m* выражает одно значение 1-го лица, а посессивный афф. *-es* — одно значение 3-го лица, например: *jeäṅnam, mȯn vuąD'D'že puxt'em* 'Мама (моя), я мясо принесла'; *jèn'n'es tōла pīį̄ᵃi* 'Его мать огонь зажгла'. Однако встречаются аффиксы, имеющие не одно значение; афф. *-eś't* выражает два значения локатива, отвечая на вопросы «где?» и «откуда?», например: *nezzan n'ua'kkᴬ pą̄r'n'es kie'tkmeś't* 'Женщина качает мальчика в люльке'; *vāl'D' pą̄r'n'es k'ie'tkmeś't* 'Возьми мальчика из люльки!'.

Признак третий: аффиксы стандартны, т. е. для данного грамматического значения всегда (для всех слов) употребляется

---

[1] А. А. Реформатский. Введение в языкознание. М., 1955, стр. 211.

[2] Саамские слова в статье записаны фонетической транскрипцией, принятой среди языковедов-лапponистов. Объяснение к этой транскрипции см.: T. I. Itkonen. Koltan- ja Kuolanlopin sanakirja. Helsinki, 1958, pp. XXVIII—XXXVII.

один и тот же аффикс. Это положение почти не имеет исключений в грамматическом строе саамского языка, где каждое грамматическое значение выражается только одним аффиксом; так, значение совместности всегда в ед. числе передается аффиксом *-in′*, показателем падежа комитатива, например: *son vuoi̯ja pār′n′in′es* ‘Он едет со своим сыном (мальчиком)’.

Признак четвертый: аффиксы присоединяются к тому, что, помимо данного аффикса, составляет отдельное самостоятельное слово. И это положение в большинстве случаев наблюдается в саамской морфологии. Например: *p′ar′n′ᵉ vuəl′ji̯ ālDa̯in′es* ‘Мальчик ушел со своей важенкой’, где в *ālDa-in′-es* первый компонент *ālDa̯* выступает самостоятельным словом со значением ‘важенку’, второй компонент *-in′* имеет значение ‘с’ (аффикс комитатива), третий компонент *-es* означает ‘его’ (посессивный аффикс 3-го лица).

Признак пятый: соединение аффиксов с корнями и основами имеет характер механического присоединения, причем границы морфем четко выявлены. Это положение не подтверждается данными саамского языка. Покажем это на примере парадигмы именного склонения:

Единственное число

Номинатив	*ńàллᵃ*	‘песец’ (корень *ńàллᵃ*)
Генетив	*ńālă*	‘песца’ (корень *ńālă*)
Аккузатив	*ńālă*	‘песца’ (корень *ńālă*)
Латив	*ǹal′l′e*	‘песцу’ (корень *ńal′l′e*)
Локатив	*ńālvs̀′t*	‘у песца’, ‘от песца’ (корень *ńāл-*)
Комитатив	*ńāl′in′*	‘с песцом’ (корень *ńāl′-*)
Фактитив	*ńa′ллап*	‘песцом’ (корень *ńàлл-*)
Абессив	*nālha*	‘без песца’ (корень *ńāл-*)

Множественное число

Номинатив	*ńālă*	‘песцы’ (корень *ńāла*)
Генетив	*ńālᵃi*	‘песцов’ (корень *ńālᵃ-*)
Аккузатив	*ńālăiᵈt*	‘песцов’ (корень *ńală-*)
Латив	*ńālᵃiᵈt*	‘песцам’ (корень *ńālᵃ-*)
Локатив	*ńālᵃin*	‘у песцов’, ‘от песцов’ (корень *ńālᵃ-*)
Комитатив	*ńālᵃivuim*	‘с песцами’ (корень *ńālᵃ-*)
Фактитив	*ńàллап*	‘песцами’ (корень *ńàлл-*)
Абессив	*ńālha*	‘без песцов’ (корень *ńāл-*)

Как видно из примеров, корень слова изменяется в зависимости от различных грамматических форм, но большинство аффиксов является стандартным и присоединяется механически, как например: *pār′n′-in′-′-es′-* ‘с его сыном (мальчиком)’, *ālDa-in′-es* ‘с его важенкой’, *pār′n′-in′-aᵈt* ‘с твоим сыном’, *ālDa̯-in′aᵈt* ‘с твоей важенкой’.

В статье «Протолопарский и самоедский языки» Б. Коллиндер дал следующую характеристику саамскому языку: «По моему мнению, нет ничего загадочного в лопарском языке, ни в его морфологической структуре, ни в его словаре. Его морфология имеет много общего с прибалтийско-финским и самоедскими языками, но зато он особенно верно выявляет фонетико-просодический консерватизм этих языков».[3]

Мы вполне согласны с тем, что в саамском языке всего полнее сохранился фонетико-просодический консерватизм уральской группы языков, но позволим себе возразить Коллиндеру в отношении того, что в морфологической структуре лопарского языка будто бы нет ничего «загадочного». Дело в том, что именно фонетико-просодический консерватизм саамского языка благодаря закону контрастной корреляции количества наложил глубокий отпечаток на всю его морфологию. Этот закон можно сформулировать следующим образом: чем длиннее гласный первого слога, тем более кратким является следующий за ним согласный. И наоборот: чем длиннее данный согласный, тем более кратким становится гласный первого слога. Закон контрастной корреляции количества оказал влияние как на систему гласных фонем саамского языка, так и на его консонантизм, создав в каждой грамматической форме саамского слова наиболее длительный и напряженный звук, который Э. Лагеркранц назвал Gipfellaut,[4] а мы — звуковым центром саамского слова. В зависимости от места в слове этого самого яркого и сильного звука (Gipfellaut) все словоформы саамского языка выступают в виде одной из двух контрастирующих между собой структур, которые Э. Лагеркранц удачно назвал Mittenstruktur и Randstruktur; например: миттенструктур — *ńàлл*^{а} ‘песец’, рандструктур — *ńāлă* ‘песца’. В миттенструктур *ńàлл*^{а} звуковым центром (Gipfellaut) является фонема-гемината (*лл*), а в рандструктур *ńàла* звуковой центр выражен гласной фонемой (*ā*).[5]

Все словоформы саамского языка, кроме односложных местоимений и некоторых звукоподражательных слов, являются или миттенструктур или рандструктур. Поэтому грамматические значения в саамских словах выражаются и аффиксацией и трансформацией всей словоформы в миттенструктур или в рандструктур, причем каждая грамматическая форма слова закреплена за какой-то из этих структур. Например, 1-е лицо ед. числа

---

[3] Bjorn Kollinder. Proto-Lappish and Samoyed (Språkvetenskaptiga sällokapets i Uppsala Förhandlingar). Uppsala, 1954, p. 115—116.

[4] E. Lagercrantz. Strukturtypen und Gestaltwechsel im Lappischen. Helsinki, 1927.

[5] Подробнее см.: В. В. Сенкевич-Гудкова. Морфологическая структура саамского слова. МСС, стр. 244—257.

наст. времени глагола передается в словоформе рандструктур, а 1-е лицо ед. числа прош. времени — в словоформе миттенструктур:

рандструктур *põram* 'ем (я)';
миттенструктур *por'r'em* 'съел (я)'.

Обе эти глагольные структуры оформлены одним и тем же посессивным аффиксом 1-го лица *-m*, но когда этот аффикс присоединился к рандструктур, получилась спрягаемая форма наст. времени 1-го лица ед. числа, а при присоединении его к миттенструктур — аналогичная форма, но уже не настоящего, а прошедшего времени. Отсюда можно сделать вывод, что в приведенных примерах две категории, а именно 1-го лица и единственного числа, выражает один афф. *-m*, а категорию времени — трансформация словоформы в рандструктур или в миттенструктур.

Не понял своеобразия саамской морфологии и А. Г. Эндюковский, который в статье «Саамский (лопарский) язык»[6] при описании морфологии кильдинского диалекта кольских саамов обошел молчанием трансформацию словоформы в определенных грамматических категориях. Одно перечисление аффиксов, без учета сопутствующей им трансформации формы слова, не могло дать объективной картины морфологии этого языка.

По пути А. Г. Эндюковского следует и Г. М. Керт, который в статье «Основные сходства и различия в саамских диалектах Кольского полуострова» дает, подобно Эндюковскому, перечисление аффиксов без указания того, какая структура словоформы употребляется при том или ином падеже или глагольной форме. Отсюда получилось не соответствующее действительности описание форм повелительного наклонения: «Форма 2-го лица ед. числа повелительного наклонения либо совпадает с формой 3-го лица ед. числа имперфекта изъявительного наклонения, либо представляет собой основу глагола».[7]

На самом деле форма 2-го лица ед. числа повелительного наклонения образуется от словоформы рандструктур с нулевым аффиксом. Например, от глагола *sa'rnvD* 'говорить, сказать' — форма повелительного наклонения 2-го лица ед. числа *sārnv* 'говори, скажи'. Для образования данной формы надо взять любой саамский глагол в инфинитиве, в котором обычно выступает словоформа миттенструктур, и перевести эту форму в со-

---

[6] Сб. «Языки и письменность народов Севера», ч. 1, М.—Л., 1937.
[7] Г. М. Керт. Основные сходства и различия в саамских диалектах Кольского полуострова. Тр. Карельского филиала АН СССР, Петрозаводск, вып. XXIII, 1960, стр. 129—130.

ответствующую ей рандструктур, отбросив аффикс инфинитива *-D*. Приведем несколько примеров:

инфинитив (миттенструктур) *saṙnvD* 'говорить, сказать', повелительн. накл. 2-го л. ед. ч. (рандструктур) *sārnv* 'говори, скажи';

инфинитив (миттенструктур) *sierraD* 'играть', повелительн. накл. 2-го л. ед. ч. (рандструктур) *siervˇ* 'играй';

инфинитив (миттенструктур) *jɛ̯s̆kvD* 'перестать', повелительн. накл. 2-го л. ед. ч. (рандструктур) *jɛ̯skv* 'перестань'.

Отметим, что формы повелительного наклонения 2-го лица ед. числа, которые, по утверждению Керта, совпадают с формами имперфекта 3-го лица ед. числа, в действительности не совпадают с этими формами. Ср.:

повелительн. накл. 2-го л. ед. ч. *sārnv* 'скажи, говори', имперфект 3-го л. ед. ч. *sārnei* 'говорил';

повелительн. накл. 2-го л. ед. ч. *siervˇ* 'играй', имперфект 3-го л. ед. ч. *sier^{a}i* 'играл'.

повелительн. накл. 2-го л. ед. ч. *jɛ̯skv* 'перестань', имперфект 3 л. ед. ч. *jɛ̯sk^{a}i* 'переставал'.

Каждая словоформа саамского языка выражает грамматические значения и своей целостной структурой (миттенструктур или рандструктур) и своими аффиксами, а иногда только одной своей целостной структурой без аффиксов, как это мы видели на примере формы повелительного наклонения 2-го лица ед. числа.

В именном склонении саамского языка мы находим следующие способы выражения грамматических значений:

1) Выражение грамматического значения одной трансформацией словоформы, как например: *ńàлл^{a} lɛi porrammaš rɛ̄′pp^{A}* 'Песец съел куропатку', *šel′l′ei kōD′D′ì ńāла* 'Охотник убил песца'. Эти две созданные согласно закону контрастной корреляции словоформы — *ńàлл^{a}* (миттенструктур) и *ńāлă* (рандструктур) — образованы только одним способом выражения грамматического значения — трансформацией, без аффиксации. В именном склонении нотозерского диалекта саамского языка с помощью одной трансформации (без аффиксации) образуются следующие словоформы: номинатив ед. ч., номинатив мн. ч., генитив ед. ч., аккузатив ед. ч., латив ед. ч.

2) Выражение грамматического значения трансформацией словоформы вместе со служебным словом, например: *šel′l′ei ńà′kkA ńалă yo̯ŕra* 'Охотник подкрадывается к песцу'; здесь грамматическое словосочетание *ńālă yo̯ŕra* состоит из существительного *ńālă* в генитиве ед. числа, грамматическое значение которого выражено трансформацией целостной формы слова, и послелогом *yo̯ŕra*, представляющим собою словоформу миттен-

структур. Таким образом, грамматический способ трансформации может объединяться со способом служебных слов.

В сочетаниях многочисленных послелогов саамского языка и его малочисленных предлогов с именами существительными последние обычно оформляются генетивом, например: *калл^{a}saš vuγl'ji jōyyă yo̯ŕra* 'Старичок ушел к реке'; *sȯn iį dōiDam jōyyă raī* 'Он не дошел до реки'; *jōyyă tuəǩ'k'en' ārr^{a} j^{i}eG'k^{ʁ}* 'За рекой есть топкое болото'.

Генетив ед. числа в саамском языке (точнее, в его нотозерском диалекте) образуется одной трансформацией целостной формы слова, без аффикса, что и дает возможность объединения двух способов выражения грамматических значений — трансформации и способа служебных слов. Но та же форма генетива мн. числа образуется в нотозерском диалекте с помощью трансформации словоформы и аффиксации. Поэтому в сочетаниях имени существительного во мн. числе с послелогами объединяется три способа выражения грамматических значений, например: *šiey^{a} šel'l'ei sielya't ńāəkklD ńāl^{a}i yo̯ŕra* 'Хороший охотник умеет подкрадываться к песцам'.

3) Описанным путем создается третий способ выражения грамматических значений, когда трансформация объединяется с аффиксацией и способом служебных слов. Так, в приведенном выше предложении послеложное сочетание *ńāl^{a}i yo̯ŕra* состоит из имени существительного, множественное число которого выражено словоформой рандструктур (*ńāl^{a}-*), форма генетива — аффиксом *-i*, а послелог *yo̯ŕra* является служебным словом, у которого есть две грамматические формы — латив (*yo̯ŕra*) и локатив (*yor'r'en*). Если существительное, оформленное этим послелогом, отвечает на вопрос «куда?», то он употребляется в лативе и переводится на русский язык предлогом 'к', например: *pař'ǹ'n'es vuəl'ji pŭŏɔtts^{a}i yoŕra* 'Его сын упел к оленям'. Но когда существительное, оформленное этим послелогом, отвечает на вопрос «где?», то послелог употребляется в локативе и переводится на русский язык предлогом 'около', например: *pa'ř'n'es pŭŏɔtts^{a}i yor'r'en lɛi* 'Его сын был около оленей'. Интересно отметить, что обе формы послелога являются миттенструктур, а это свидетельствует о том, что некоторые послелоги не имеют контрастирующих им словоформ рандструктур. Объясняется это тем, что саамские послелоги не имеют полной парадигмы склонения.

4) Самым распространенным способом выражения грамматических значений в саамском языке является трансформация словоформы вместе с аффиксацией, например: *nieiD^{A}sta^{d}t nuβre a̯l'^{g}k'^{E}lī* 'У твоей дочери второй сын родился (появился)'. Слово *nieiD^{A}sta^{d}t* состоит из трех морфем: корневой морфемы в слово-

перемещение корневых и аффиксальных морфем совершенно не свойственно агглютинативным языкам алтайского типа. Следовательно, по всей структуре кетский язык не может быть отождествлен с ними. Языки алтайского типа являются только суффигирующими, в кетском же языке агглютинация представлена суффигированием, префигированием и инфигированием. Под последним подразумевается включение аффикса внутрь немонолитной (раздвижной) основы, но не внутрь корня.

Каждым из указанных способов агглютинации образуется особый тип глагольных слов. Суффигирование характерно для глагольных слов с основой в начале слова, префигирование — для глагольных слов с основой в конце слова, а инфигирование — для сложных и простых немонолитных глагольных основ.

Модель с основой в конце слова свойственна только одной части речи — глаголу.

В глаголах кетского языка встречаются следующие типы основ: связанные и свободные, непроизводные и производные, простые и сложные, монолитные и немонолитные. В модели глагола с основой в конце слова встречаются только простые основы, связанные и свободные, непроизводные и производные. Под последними подразумеваются слова не глагольных частей речи, включенные в виде основ в глагольную парадигму: *ди-j-ус* ‘я-согреваюсь’, основа *ус* ‘тепло’, ср. *ди-j-ақ* ‘я-схожу’, осн. *-ақ* ‘ходить’.

Основы в конце слова могут быть стандартными: *д-а-в-ун′* ‘я-поставлю-это’ (сеть), от *ун′* ‘ставить’ (сеть, перемёт) и реже не стандартными, допускающими: а) опущение гласных: *ди-н* ‘я-стою’, *ку-н* ‘ты-стоишь’, *ду-н* ‘он-стоит’, *ды-н* ‘она-стоит’, осн. *ин* ‘стоять’, *ин′к′эт* ‘стоящий человек’; б) изменение гласных: *тыл-и-в-ит* ‘заморожу-это’, но *ди-тлл′* ‘я-мерзну’, осн. *тыл-* ‘мерзнуть’, ‘замораживать’; в) изменение согласных: *ди-j-ƃут* ‘я-шаманю’, но *қур-æ-вæт* ‘шаманю’, ср. *қут* ‘шаманить’; г) частичное стирание основ: *ди-γ-æ-рæқ* ‘я-живу’, *д-о-л′-дақ* ‘я-жил’, но *ди-γ-æ-р-ин* ‘мы-живем’, *д-о-л′-д-ин* ‘мы-жили’; д) полное стирание и опущение основ: *ду-γ-ин* ‘они-живут,’ *д-о-л-ин* ‘они-жили’, где от основы *длқ* ‘жизнь’ ничего не осталось; *ди-п′* ‘я-ем-это’, *бил′* ‘ел-это’, ср. в говорах енисейских кетов: *ди-б-а* ‘я-ем-это’, *би-л′-а* ‘ел-это’, где в конце слова сохранилась основа *-а* ‘есть’. В последнем случае в говоре суломайских кетов, где эта основа утрачена, имеет, по-видимому, место «перенесение центра тяжести слова с одного корня на другой, т. е. перенесение роли главного корня на придаточный корень, исполнявший прежде в данном слове второстепенную роль (роль приставки, аффикса и т. п.)».[3]

---

[3] И. А. Бодуэн-де-Куртенэ. Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963, стр. 92.

В модели глагола с основой в конце слова все аффиксы располагаются перед основой. За основой могут следовать только грамматические показатели множественного числа субъекта действия (*-н, -ин*) и единственного числа субъекта действия (*-п*). Последний встречается в единичных глаголах: *д-ав-ро-п* 'я-пью', *д-ав-ро-н'* 'мы-пьем', осн. *до* 'пить'. Следовательно, выявляются две разновидности глагольной модели с основой в конце слова: префиксальная и префиксально-суффиксальная.

Все аффиксы рассматриваемой модели односложны и однофонемны. Все они, за единичными исключениями, однозначны.

Глаголу кетского языка свойственны грамматические категории лица, класса, числа, времени, однократного и многократного вида, переходности и непереходности, залога и наклонения. Все эти грамматические категории, за исключением многократности, свойственны и модели глагола с основой в конце слова. Рассматриваемая модель используется только для выражения однократных действий различной длительности.

Грамматические показатели лица подразделяются на показатели группы «д» и группы «б». Аффиксы первой группы, как мы предполагаем, развились из личных местоимений, а аффиксы второй группы — из притяжательных местоимений (табл. I).

Каждая из этих групп аффиксов свойственна различным глаголам.

Рассмотрим, какие типы глагольных слов образуются в кетском языке посредством префиксальной агглютинации.

Прежде всего мы рассмотрим непереходные глаголы, указывающие на субъект действия класса вещей, затем глаголы, в которых субъект действия выражен грамматическими показателями одушевленных классов, и, наконец, переходные глаголы, в которых грамматически выражены субъектно-объектные отношения. Глаголы, организуемые при помощи префиксов группы «д» и группы «б», будут рассмотрены отдельно.

Отметим пока три разновидности глаголов, указывающих на субъект действия класса вещей:

а) субъект действия класса вещей выражен префиксом *би-*, за которым в настояще-будущем времени следуют показатели того же класса *-м-*, *-б-*, а в прошедшем времени — синонимичные показатели *-л-*, *-н-*, указывающие на совершенность действия, и затем основа: *би-м-дақŋ* 'жарится-это' (кусок рыбы, мяса), *би-л'-дақŋ* 'изжарилось-это' (кусок рыбы, мяса), *дақŋ* 'жарить'; *би-м-б-ақ* 'гниет-это' (кусок рыбы, мяса), *би-л'-ақ* 'сгнило-это' (кусок рыбы, мяса), *ақ* 'гнить'; *би-м-б-лŋ* и *би-м-г-лŋ* 'опухает-это' (рука, нога), *би-л'-лŋ* 'опухло-это' (рука, нога), *хыŋ* 'опухоль'; *би-м-б-ус* и *би-м-ус* 'тает-это' (замороженный кусок рыбы, мяса, лед), *би-л'-ус* 'растаяло-это' (замороженный кусок рыбы, мяса,

Таблица 1

	Группа «д»				Группа «б»				
	префиксы		суффиксы		префиксы				
	субъект действия		субъект действия	объект действия	субъект действия			объект действия	
Ед. ч. 1-е л.	*ди-*	*д-*	*-ри-/-т-*	*-ри-/-т-*	*ба-*	*ба-*	*бо-*	*ба-*	*бо-*
2-е л.	*ку-*	*к-*	*-гу-/-у-*	*-гу-/-у-*	*ку-*	*ку-*	*ку-*	*ку-*	*ку-*
3-е л.									
(мужск. класс)	*ду-*	*д-*	*-j-а-*	*-а-j-*	*бу-*	*а-*	*о-*	*д-а-*	*д-о-*
(женск. класс)	*ды-*	*да-*	*-j-и-*	*-и-j-*	*дæ бу-*	*и-*	*у-*	*д-и-*	*д-у-*
(класс вещей)	*би-*								
Мн. ч. 1-е л.	*ди-*	*д-*	*-р'ау-*	*-р'ау-*	*дау-*	*дау-*	*дау-*	*дау-*	*дау-*
2-е л.	*ку-*	*к-*	*-γау-*	*-γау-*	*кау-*	*кау-*	*кау-*	*кау-*	*кау-*
3-е л.	*ду-*	*д-*	*-j-ау*	*--ау-а-*	*бу-*	*ау-*	*оу-*	*д-ау-*	*д-оу*

лед), *ус* ‘тепло’; *би-м-ɧол′* ‘заживает’ (рана), *би-н-ɧол′* ‘зажила (рана), *ɋол′* ‘заживать’ (о ране); *би-м- боɋɧ* ‘зацепиться’ (о неводе), *би-н-оɋɧ* ‘зацепилось’ (о неводе), *би-м-тʌл′* ‘замерзнет-это’, *би-н--тʌл′* ‘замерзло-это’, *би-м-б-и* ‘мокнет-это’, *би-н′-и* ‘вымокло-это’;

б) субъект действия класса вещей выражен аффиксом *-в-*, *-б-*, к которому префигируется показатель настояще-будущего времени *-а-* > *-æ-* или прошедшего времени *-о-*: *а-в-оj* ‘лезет-это’ (шерсть из шкуры), *о-в-л′оj* ‘вылезло-это’ (шерсть из шкуры), *оj* ‘отслаиваться’; *а-в-ок* ‘выпадает-это’ (нож), *о-в-л′-ок* ‘выпало-это’ (нож), *-ок* ‘выпадать’, *а-б-этиj* ‘растет-это’ (трава), *о-в-л′-этиj* ‘росло-это’ (трава), *-этиj* ‘расти’;

в) субъект действия класса вещей выражен аффиксом *-в-*, *-м-*, к которому префигирован афф. *-и-*, по-видимому, видо-временно́го значения: *и-в-ɧо* ‘вянет-это’ (трава), *и-м-н-о-ɧо* ‘завяло-это’ (трава), ср.: *ɋо-вæс′аɧ* ‘будет-вянуть’ (трава), *и-в-ɧут* ‘прорежется-это’ (глаза), *и-в-ин-ɧут* ‘прорезалось-это’ (глаза).

Глаголам с субъектом действия класса вещей, выраженным показателями *-би-*, *-в-*, *-м-*, противостоят глаголы, в которых субъект мужского и женского классов выражены личными показателями группы «д»: *ду-раɋɧ* ‘жарится-он’ (щука), *д-и-л′-даɋɧ* ‘изжарился-он’ (щука), *ды-раɋɧ* ‘жарится-она’ (налим), *дæи-л′-даɋɧ* ‘изжарилась-она’ (налим), *ду-j-аɋ* ‘гниет-он’ (щука), *д-и-л′-аɋ* ‘сгнил-он’ (щука), *ды-j-аɋ* ‘гниет-она’ (налим), *дæи-л′-аɋ* ‘сгнила-она’ (налим), *д-а-j-этиj* ‘растет-он’ (дерево), *д-о-л′-этиj* ‘вырос-он’ (дерево).

Противопоставление показателей класса вещей *би-*, *в-*, *м-*, *б-* личным аффиксам группы «б» нам пока не встретилось.

Префиксы, указывающие на субъект действия, — *-ди-*, *ку-*, *ду*, *ды-*, *ди-*, *ку-*, *ду-* — выступают только в настояще-будущем времени. В прошедшем времени им противостоят префиксы *д-*, *к-*, *д- дæ-*, *д-*, *к-*, *д-*. Префиксы первого ряда могут присоединяться к основе глагола непосредственно (время в этих случаях выражено в глаголе нулевым показателем), либо между ними и основой, начинающейся с гласного или увулярного *ɋ*, появляется *-j-*, который в данных условиях, возможно, должен рассматриваться в качестве показателя времени, а не как разделительный согласный,[4] либо между ним и основой, начинающейся с гласного или показателем времени *-а-*, появляется разделительный согласный *γ* (табл. II).

Способы присоединения показателя множественного числа *-и* к основе, как это можно видеть из приведенных фактов, различны.

---

[4] Так, *j*, встречающийся впереди и после показателей 3-го лица группы «д», является разделительным звуком между различными морфемами.

Таблица 11

Настояще-будущее время						Прошедшее время				
показатель субъекта действия		видо-временной показатель	основа	число субъекта действия		показатель субъекта действия	видо-временные показатели	основа	число субъекта действия	
ди-	—	—	*тлл′*	—	‘я-замерзну’	*д-*	*о-н′-*	*тлл′*	—	‘я-замерз’
ку-	—	—	*тлл′*	—	‘ты-замерзнешь’	*к-*	*о-н′-*	*тлл′*	—	‘ты-замерз’
ду-	—	—	*тлл′*	—	‘он-замерзнет’	*д-*	*о-н′-*	*тлл′*	—	‘он-замерз’
ды-	—	—	*тлл′*	—	‘она-замерзнет’	*дӕ*	*о-н′-*	*тлл′*	—	‘она-замерзла’
ди-	—	—	*тлл′-*	*ӣгин′*	‘мы-замерзнем’	*д-*	*о-н′-*	*тлл′-*	*ӣгин′*	‘мы-замерзли’
ку-	—	—	*тлл′-*	*ӣгин′*	‘вы-замерзнете’	*к-*	*о-н′-*	*тлл′-*	*ӣгин′*	‘вы-замерзли’
ду-	—	—	*тлл′-*	*ӣгин′*	‘они-замерзнут’	*д-*	*о-н′-*	*тлл′-*	*ӣгин′*	‘они-замерзли’
ди-	*j-*	—	*аӄ*	—	‘я-схожу’ [5]	*д-*	*и-л′-*	*аӄ*	—	‘я-сходил’
ку-	*j-*	—	*аӄ*	—	‘ты-сходишь’	*к-*	*и-л′-*	*аӄ*	—	‘ты-сходил’
ду-	*j-*	—	*аӄ*	—	‘он-сходит’	*д-*	*и-л′-*	*аӄ*	—	‘он-сходил’
ды-	*j-*	—	*аӄ*	—	‘она-сходит’	*дӕ*	*и-л′-*	*аӄ*	—	‘она-сходила’
ди-	*j-*	—	*аʁ-*	*ан*	‘мы-сходим’	*д-*	*и-л′-*	*аʁ-*	*ан*	‘мы-сходили’
ку-	*j-*	—	*аʁ-*	*ан*	‘вы-сходите’	*к-*	*и-л′-*	*аʁ-*	*ан*	‘вы-сходили’
ду-	*j-*		*аʁ-*	*ан*	‘они-сходят’	*д-*	*и-л′-*	*аʁ-*	*ан*	‘они-сходили’
ди-	*ɣ-*	*æ-*	*раӄ*	—	‘я-живу’	*д-*	*о-л′-*	*даӄ*	—	‘я-жил’
ку-	*ɣ-*	*æ-*	*раӄ*	—	‘ты-живешь’	*к-*	*о-л′-*	*даӄ*	—	‘ты-жил’
ду-	*ɣ-*	*æ-*	*раӄ*	—	‘он-живет’	*д-*	*о-л′-*	*даӄ*	—	‘он-жил’
ды-	*ɣ-*	*æ-*	*раӄ*	—	‘она-живет’	*дӕ*	*о-л′-*	*даӄ*	—	‘она-жила’
ди-	*ɣ-*	*æ-*	*р-*	*ин*	‘мы-живем’	*д-*	*о-л′-*	*д-*	*ин*	‘мы-жили’
ку-	*ɣ-*	*æ-*	*р-*	*ин*	‘вы-живете’	*к-*	*о-л′-*	*д-*	*ин*	‘вы-жили’
ду-	*ɣ-*	*-*	*-*	*ин*	‘они-живут’	*д-*	*о-л′-*	—	*ин*	‘они-жили’

[5] От связанной основы *-аӄ* ‘ходить’ посредством присоединения к ней форм имен пространства и имен существительных образуются сложные глаголы: *д-аɣӕ-кс-аӄ* ‘я-схожу-в лес’, *д-игдӕ-кс-аӄ* ‘я-схожу-на-берег’, *ӄа-ɣӕ-кс-аӄ* ‘я-зайду-в-чум’ и т. д. По техническим причинам под заголовком «Настояще-будущее время» приведены формы глаголов, выражающие будущее время, настоящее время и настояще-будущее время.

В некоторых глаголах формы мн. числа образуются еще при помощи личного показателя этого числа и суффикса этого же числа (после увулярного *қ* согласный *н* ассмилировался в *ң*): *ди-роқ* ‘я-лечу’, *ди-р'æң-доқ-ң* ‘мы-летим’, *ку-роқ* ‘ты-летишь’, *ку-γæң-доқ-ң* ‘вы-летите’, *ду-роқ* ‘он-летит’, *ду-jæң-доқ-ң* ’они-летят’, осн. *-роқ* ~ *-доқ* ‘лететь’.

Ознакомление с приведенными материалами показывает, что границы между корневыми и аффиксальными морфемами в глаголах кетского языка ясны, за исключением тех случаев, где недостаточно изученные еще фонетические процессы вторглись в морфологическую структуру единичных глаголов кетского языка и нарушили ее четкость. Можно предполагать, что в отдельных случаях эти изменения вызваны тем, что основа в конечной позиции теряет ударение.

Субъектные глаголы с основой в конце слова имеют и другую структуру, в которой очень трудно разгадать функцию участвующих в ней показателей *т-*, *к-*, *д-*, а также *-х*, о которых речь ниже.

Три первых показателя отчетливо выявляются при помощи следующих фактов.

В кетском языке есть глагольное имя (инфинитив) *до* ‘тесать’, ‘долбить’, ‘стричь’. Эти три ныне различных значения предстанут перед нами как единое, если мы учтем, что в каменном веке тесали, долбили и «стригли» (т. е. стесывали шерсть со шкуры) одним каменным орудием. В современном языке это слово расчленилось уже на омонимы: *хиңдо даγæксақ* ‘тесать плахи для крытой лодки (букв.: ‘тесать кедры’, *хиң* ‘кедры’) схожу’; *улоп до нара* ‘прорубь продолбить надо’; *тың до нара* ‘голову постричь надо’.

От основы *до* при помощи показателей *т-*, *к-*, *д-* и временных показателей *-а-*, *-о-*, *-ил'-* образуются следующие глаголы:

Настояще-будущее время	Прошедшее время
тавро ‘тешу-это’ (плахи для лыж)	*товил'до* ‘тесал-это’ (плахи для лыж)
давро ‘долблю-это’ (челнок)	*довил'до* ‘долбил-это’ (челнок)
кавро ‘расщищаю-это’ (дорогу) [6]	*ковил'до* ‘расчищал-это’ (дорогу)

Если женщина-кетка счищает с куска бересты верхние слои, чтобы изготовить из нее берестяную посуду, то она скажет: *қыj л'амт' дуныj тавро* (*товил'до*) ‘с куска бересты я счищаю (счищала) верхние слои’; но если она очищает большой лист бересты, снятый с целой березы (из таких листов готовят по-

[6] Когда охотники-кеты идут на зиму в тайгу, они обрубают на своем пути ветви, мешающие движению их пешего каравана.

Таблица 111

Настояще-будущее время							Прошедшее время						
показатель субъекта действия	глаголо-образующий показатель	видо-временной показатель	показатель субъекта действия	основа	число субъекта действия		показатель субъекта действия	глаголо-образующий показатель	видо-временные показатели	показатель субъекта действия	основа	число субъекта действия	
	т-	*а-*	*д-*	*дақ-*	—	‘я-упаду’		*т-*	*о-л′-*	—	*дақ-*	—	‘я-упал’
	т-	*а-*	*у-*	*рақ-*	—	‘ты-упадешь’		*т-*	*о-л′-*	*гу-*	*рақ-*	—	‘ты-упал’
	т-	*а-*	*j-æ-*	*рақ-*	—	‘он-упадет’		*т-*	*о-л′-*	*æ-*	*рақ-*	—	‘он-упал’
дæ	*т-*	*а-*	*j-æ-*	*рақ-*	—	‘она-упадет’	*дæ*	*т-*	*о-л′-*	*æ-*	*рақ-*	—	‘она-упала’
	т-	*а-*	*р′æң-*	*дақ-*	*ң*	‘мы-упадем’		*т-*	*о-л′-*	*дæң-*	*дақ-*	*ң*	‘мы-упали’
	т-	*а-*	*үæң*	*дақ-*	*ң*	‘вы-упадете’		*т-*	*о-л′-*	*гæң-*	*дақ-*	*ң*	‘вы-упали’
	т-	*а-*	*j-æң-*	*дақ-*	*ң*	‘они-упадут’		*т-*	*о-л′-*	*æң-*	*дақ-*	*ң*	‘они-упали’
	к-	*а-*	*ди-*	*үʌн′*	—	‘я-сяду’		*к-*	*о-н′-*	*ди-*	*үʌн′*	—	‘я-сел’
	к-	*а-*	*к-*	*кʌн′*	—	‘ты-сядешь’		*к-*	*о-н′-*		*гʌн′*	—	‘ты-сел’
	к-	*а-*	*j-æ-*	*үʌн′*	—	‘он-сядет’		*к-*	*о-н′-*	*æ-*	*үʌн′*	—	‘он-сел’
дæ	*к-*	*а-*	*j-æ-*	*үʌн′*	—	‘она-сядет’	*дæ*	*к-*	*о-н′-*	*æ-*	*үʌн′*	—	‘она-села’
	к-	*а-*	*р′æң*	*ʌн′*	—	‘мы-сядем’		*к-*	*о-н′-*	*дæң-*	*ʌн′*	—	‘мы-сели’
	к-	*а-*	*үæң-*	*ʌн′*	—	‘вы-сядете’		*к-*	*о-н′-*	*гæң-*	*ʌн′*	—	‘вы-сели’
	к-	*а-*	*j-æң*	*ʌн′*	—	‘они-сядут’		*к-*	*о-н′-*	*æң-*	*ʌн′*	—	‘они-сели’
	д-	*а-*	*д-*	*дун*		‘я-крикну’		*д-*	*о-л′-*	—	*дун*	—	‘я-крикнул’
	д-	*а-*	*у-*	*р′ун*		‘ты-крикнешь’		*д-*	*о-л′-*	*гу-*	*р′ун*	—	‘ты-крикнул’
	д-	*а-*	*j-æ-*	*р′ун*		‘он-крикнет’		*д-*	*о-л′-*	*а-*	*р′ун*	—	‘он-крикнул’
дæ	*д-*	*а-*	*j-æ-*	*р′ун*		‘она-крикнет’	*дæ*	*д-*	*о-л′-*	*а-*	*р′ун*	—	‘она-крикнула’
	д-	*а-*	*р′æң*	*дун*		‘мы-крикнем’		*д-*	*о-л′-*	*дæң-*	*дун*	—	‘мы-крикнули’
	д-	*а-*	*үæң-*	*дун*		‘вы-крикнете’		*д-*	*о-л′-*	*гæң-*	*дун*	—	‘вы-крикнули’
	д-	*а-*	*j-æң-*	*дун*		‘они-крикнут’		*д-*	*о-л′-*	*аң-*	*дун*	—	‘они-крикнули’

крышки для чума), то она уже будет говорить о нем как о живом существе, относящемся к мужскому классу: *ус' а дуныj атæро* (*атол'до*) 'я очищаю (очищала) лист бересты'.

Дать достаточно полное описание известных нам случаев употребления этих слов не представляется возможным в этой статье. Здесь нам важно только указать, что посредством аффиксов *т-*, *к-*, *д-* от одной основы образуются разные слова.

При помощи аффиксов *т-*, *к-*, *д-* образуются некоторые субъектные глаголы. В этих случаях показатели субъекта действия располагаются уже не в начале, а в середине глагола перед основой (табл. III).

Надо еще отметить, что единичные непереходные глаголы с основой в конце слова начинаются также показателем *х-* и *н-*: *х-а-т-т- æс* 'я-встану', *х-а-у-тæс* 'ты-встанешь' и т. д.,[7] *н-а-д-диj* 'я-пошевелюсь', *н-о-л'-диj* 'я-пошевелился' и т. д. (*длj* 'шевелиться'). Можно предполагать, что начальный *х-* образовался из наречия *ха* 'прямо', а преф. *н-* является показателем непереходности действия.

Субъект действия во всех вышеприведенных непереходных глаголах образован при помощи одного показателя лица. Однако в кетском языке встечаются еще единичные непереходные глаголы, в которых субъект действия образован при помощи двух показателей лица, между которыми помещены аффиксы времени (табл. IV).

Таблица IV

Настояще-будущее время					Прошедшее время				
показатель субъекта действия	видо-временной показатель	показатель субъекта действия	основа		показатель субъекта действия	видо-временной показатель	показатель субъекта действия	основа	
д-	*а-*	*д-*	*диj*	'я-дойду'	*д-*	*о-н'-*	—	*диj*	'я-дошел'
к-	*а-*	*у-*	*риj*	'ты-дойдешь'	*к-*	*о-н'-*	*гу-*	*риj*	'ты-дошел'
д-	*а-*	*j-æ-*	*риj*	'он-дойдет'	*д-*	*о-н'-*	*æ-*	*риj*	'он-дошел'
дæ	*а-*	*j-æ-*	*риj*	'она-дойдет'	*дæ*	*о-н'-*	*æ-*	*риj*	'она-дошла'
д-	*а-*	*р'æң-*	*диj*	'мы-дойдем'	*д-*	*о-н'-*	*дæң-*	*диj*	'мы-дошли'
к-	*а-*	*γæң-*	*диj*	'вы-дойдете'	*к-*	*о-н'-*	*гæң-*	*диj*	'вы-дошли'
д-	*а-*	*j-æң-*	*диj*	'они-дойдут'	*д-*	*о-н'-*	*æң-*	*диj*	'они-дошли'

[7] Полную парадигму этого глагола см. в нашей статье «О морфологической структуре глагольных слов в кетском языке».

Глаголы с двумя аффиксами лица, из которых один является показателем субъекта действия, а другой показателем объекта действия, характерны для переходных глаголов.

Объект действия класса вещей в субъектно-объектных глаголах обозначается показателями *-би-*, *-б-*, *-в-*, *-м-*. Имеется два различных типа глаголов, образуемых с объектными показателями класса вещей.

Если субъект действия в переходном глаголе выражен префиксами *ди-*, *ку-*, *ду-*, *ды-* и т. д., то объект действия в настоящем-будущем времени располагается непосредственно за ними, в прошедшем же времени показатели субъекта действия из морфологической структуры глагола опускаются (они остаются в предложении в виде местоименных энклитик *д-*, *к-*, *д-*, *дæ-* и т. д.), а глагол начинается непосредственно с объектного показателя *би-* (табл. V).

Если же в переходных глаголах, выражающих объектные отношения к классу вещей, субъект действия обозначен префиксами ряда *д-*, *к-*, *д-*, *дæ-* и т. д., настоящее-будущее время — аффиксом *-а-*, а прошедшее — аффиксом *-о-*, то субъект действия в прошедшем времени не опускается, а аффиксы объекта действия *-в-*, *-м-* располагаются за показателями времени (табл. VI).

Если личные префиксы группы «д» префигируются к другим личным показателям той же группы, а не к показателям класса вещей, то образующимся сочетанием аффиксов выражаются субъектно-объектные отношения между лицами. Показатель субъекта действия занимает в слове первое место, а объекта — второе. Если субъект действия представлен показателями *ди-*, *ку-*, *ду-*, *ды-* и т. д., а время выражено нулевым показателем, то аффиксы субъекта действия префигируются непосредственно к личным показателям объекта действия. В прошедшем времени между личными показателями 1-го и 2-го лица располагаются видо-временны́е аффиксы, а при объекте 3-го лица они располагаются за показателями объекта. Субъектные аффиксы в этом случае префигируются к объектным аффиксам. Иллюстрируем сказанное сокращенной таблицей субъектно-объектного спряжения, образованной от связанной основы *-с'* ‘одеть’. При образовании форм повелительного наклонения от глаголов с основой в конце слова последняя также располагается в конце (табл. VII).

Анализируя эту таблицу, можно видеть, что в субъектно-объектных глаголах с основой в конце слова обозначение возвратных значений входит в систему выражения субъектно-объектных отношений и не образует особой парадигмы, как это имеет место в модели глагола с основой в начале слова.

Настояще-будущее время					Прошедшее время					
показатель субъекта действия	показатель объекта действия	основа	число субъекта действия		показатель субъекта действия	показатель объекта действия	видо-временные показатели	основа	число субъекта действия	
ди-	*б-*	*бæт*	—	‘я-это-сделаю’	—	*би-*	*л′-*	*вæт*	—	‘это-сделал’
ку-	*б-*	*бæт*	—	‘ты-это-сделаешь’	—	*би-*	*л′-*	*вæт*	—	‘это-сделал’
ду-	*б-*	*бæт*	—	‘он-это-сделает’	—	*би-*	*л′-*	*вæт*	—	‘это-сделал’
ды-	*б-*	*бæт*	—	‘она-это-сделает’	*дæ*	*би-*	*л′-*	*вæт*	—	‘она это-сделала’
ди-	*б-*	*бæт-*	*ин*	‘мы-это-сделаем’	—	*би-*	*л′-*	*вæт-*	*ин*	‘это-сделали’
ку-	*б-*	*бæт-*	*ин*	‘вы-это-сделаете’	—	*би-*	*л′-*	*вæт-*	*ин*	‘это-сделали’
ду-	*б-*	*бæт-*	*ин*	‘они-это-сделают’	—	*би-*	*л′-*	*вæт-*	*ин*	‘это-сделали’

Таблица VI

Настояще-будущее время						Прошедшее время						
показатель субъекта действия	видо-временной показатель	показатель объекта действия	основа	число субъекта действия		показатель субъекта действия	видо-временной показатель	показатель объекта действия	видо-временной показатель	основа	число субъекта действия	
д-	*а-*	*в-*	*и-*	—	‘я-это-точу’	*д-*	*о-*	*м-*	*н′-*	*и-*	—	‘я-это-точил’
к-	*а-*	*в-*	*и-*	—	‘ты-это-точишь’	*к-*	*о-*	*м-*	*н′-*	*и-*	—	‘ты-это-точил’
д-	*а-*	*в-*	*и-*	—	‘он-это-точит’	*д-*	*о-*	*м-*	*н′-*	*и-*	—	‘он-это-точил’
дæ	*а-*	*в-*	*и-*	—	‘она-это-точит’	*дæ*	*о-*	*м-*	*н′-*	*и-*	—	‘она-это-точила’
д-	*а-*	*в-*	*и-*	*н*	‘мы-это-точим’	*д-*	*о-*	*м-*	*н′-*	*и-*	*н*	‘мы-это-точили’
к-	*а-*	*в-*	*и-*	*н*	‘вы-это-точите’	*к-*	*о-*	*м-*	*н′-*	*и-*	*н*	‘вы-это-точили’
д-	*а-*	*в-*	*и-*	*н*	‘они-это-точат’	*д-*	*о-*	*м-*	*н′-*	*и-*	*н*	‘они-это-точили’

Таблица VII

Настояще-будущее время				Прошедшее врпмя						
показатель субъекта действия	показатель объекта действия	основа		показатель субъекта действия	показатель объекта действия 3-го л.	видо-временные показатели	показатели объекта действия 1-го и 2-го л.	основа	
ди-	*ри-*	*с′*	‘я-себя-одену’	*д-*	—	*и-л′-*	*ди-*	*с′*	‘я-себя-одел’
ди-	*у-*	*с′*	‘я-тебя-одену’	*д-*	—	*и-л′-*	*гу-*	*с′*	‘я-тебя-одел’
д-	*а-j-*	*с′*	‘я-его-одену’	*д-*	*о-*	*л′*	—	*с′*	‘я-его-одел’
д-	*и-j-*	*с′*	‘я-ее-одену’	*д-*	*ир-*	*у-л′-*	—	*с′*	‘я-ее-одел’
ди-	*γæң-*	*с′*	‘я-вас-одену’	*д-*	—	*и-л′-*	*гæң-*	*с′*	‘я-вас-одел’
д-	*аң-*	*с′*	‘я-их-одену’	*д-*	*оң-*	*о-л′-*	—	*с′*	‘я-их-одел’

Таблица VII (продолжение)

Настояще-будущее время				Прошедшее время					
показатель субъекта действия	показатель объекта действия	основа		показатель субъекта действия	показатель объекта действия 3-го л.	видо-временные показатели	показатели объекта действия 1-го и 2-го л.	основа	
ку-	*у-*	*с′*	‘ты-себя-оденешь’	*к-*	—	*и-л′-*	*гу-*	*с′*	‘ты-себя-одел’
ку-	*ри-*	*с′*	‘ты-меня-оденешь’	*к-*	—	*и-л′-*	*ди-*	*с′*	‘ты-меня-одел’
к-	*а-j-*	*с′*	‘ты-его-оденешь’	*к-*	*о-*	*л′-*	—	*с′*	‘ты-его-одел’
к-	*и-j-*	*с′*	‘ты-ее-оденешь’	*к-*	*ир-*	*у-л′-*	—	*с′*	‘ты-ее-одел’
ку-	*р′æң-*	*с′*	‘ты-нас-оденешь’	*к-*	—	*и-л′-*	*дæң-*	*с′*	‘ты-нас-одел’
к-	*аң-*	*с′*	‘ты-их-оденешь’	*к-*	*оң-*	*о-л′-*	—	*с′*	‘ты-их-одел’
ду-	*j-æ-*	*с′*	‘он-себя-оденет’	*д-*	—	*и-л′-*	*æ-*	*с′*	‘он-себя-одел’
ду-	*ри-*	*с′*	‘он-меня-оденет’	*д-*	—	*и-л′-*	*ди-*	*с′*	‘он-меня-одел’
ду-	*у-*	*с′*	‘он-тебя-оденет’	*д-*	—	*и-л′-*	*гу-*	*с′*	‘он-тебя-одел’
д-	*а-j-*	*с′*	‘он-его-оденет’	*д-*	*о-*	*л′-*	—	*с′*	‘он-его-одел’
д-	*и-j-*	*с′*	‘он-ее-оденет’	*д-*	*ир-*	*у-л′-*	—	*с′*	‘он-ее-одел’
ду-	*р′æң-*	*с′*	‘он-нас-оденет’	*д-*	—	*и-л′-*	*дæң-*	*с′*	‘он-нас-одел’
ду-	*үæң*	*с′*	‘он-вас-оденет’	*д-*	—	*и-л′-*	*гæң-*	*с′*	‘он-вас-одел’
д-	*аң-*	*с′*	‘он-их-оденет’	*д-*	*оң-*	*о-л′-*	—	*с′*	‘он-их-одел’

Повелительные формы

и-л′-гу-с′	‘одень-себя’	*и-л′-с′*	‘одень-ее’
и-л′-ди-с′	‘одень-меня’	*и-л′-дæң-с′*	‘одень-нас’
а-л′ с′	‘одень-его’	*аң-а-л′-с′*	‘одень-их’

и-л′-гæң-с′ ‘оденьтесь’

Переходные глаголы с основой в конце слова не всегда отражают объект действия в своей структуре. Приводим два таких переходных глагола, образованных при участии глаголообразующих аффиксов *т-* и *к-*. Нетрудно заметить, что глаголы эти имеют иную структуру, чем непереходные глаголы, образованные при помощи тех же аффиксов. Так, в настояще-будущем времени личные показатели префигируются к аффиксам *т-* и *к-*, а не следуют за ними. При этом *к* в интервокальном положении изменяется в *γ* (так, из самостоятельного глагола *кар'о* 'рассматриваю' образуется *диγæр'о* 'я-рассматриваю'). В прошедшем же времени личные показатели не входят в морфологическую структуру глагола (табл. VIII).

Должен заметить, что афф. *-к-*, участвующий в образовании глаголов, является, по-видимому, неконкретизированным показателем объекта (кого-то) и субъекта (кто-то) действия ед. ч., неопределенность которого разъясняется местоимением или существительным, стоящим в контексте. Этим, по-видимому, объясняется то, почему он при любых вариантах остается в составе структуры глагольного слова. Приводим примеры, отчетливо иллюстрирующие его объектный характер:

Настояще-будущее время	Прошедшее время
б'эр'æтæ 'падает-снег' (*б'эт* 'снег')	*б'эр'он'тæ* 'падал-снег'
б'эткæтæ 'занесет-снегом-это'	*б'эт'кон'тæ* 'занесло-снегом-это'
б'эт'бæγæтæ 'занесет-снегом-меня'	*б'эт'бæγон'тæ* 'занесло-снегом-меня'
б'эт'куγæтæ 'занесет-снегом-тебя'	*б'эт'куγон'тæ* 'занесло-снегом-тебя'
б'æр'æγæтæ 'занесет-снегом-его'	*б'эр'æон'тæ* 'занесло-снегом-его'
б'эр'гæтæ 'занесет-снегом-ее'	*б'эр'γон'тæ* 'занесло-снегом-ее'
б'эт'даԓатæ 'занесет-снегом-нас'	*б'эт'дæԓон'тæ* 'занесло-снегом-нас'
б'эт'каԓатæ 'занесет-снегом-вас'	*б'эт'кæԓон'тæ* 'занесло-снегом-вас'
б'эр'аԓатæ 'занесет-снегом-их'	*б'эр'æԓоԓ'тæ* 'занесло-снегом-их'

Афф. *-т-*, как это, может быть, видно из приведенной парадигмы, выявляется как показатель с грамматизированным значением 'делать', ср. также *дас'клтсит* 'я-рассказываю-сказку' (*ас'клт* 'сказка'), *мамт'* 'сосать' (*мам* 'грудь') и т. д.

Переходя к описанию глаголов с основой в конце слова, формируемых при помощи показателей группы «б», невольно останавливаешься перед вопросом: зачем кетскому языку понадобились две группы личных показателей? Несомненно, за этим структурным различием скрыт глубокий смысл, который теперь уже, по-видимому, стерся, так как в тех фактах, которые нами собраны, его еще нельзя уловить. Может быть, дальнейшие исследования позволят это выяснить.

В нижеследующей таблице (табл. IX) приведены три непереходных глагола с тремя рядами синонимичных показателей

Настояще-будущее время						Прошедшее время					
показатель субъекта действия	глаголообразующий показатель	видо-временные показатели	основа	число субъекта действия		показатель субъекта действия	глаголообразующий показатель	видо-временные показатели	основа	число субъекта действия	
ди-	*т-*	—	*уӌ*	—	‘я вижу’		*т-*	*о-л′-*	*уӈ*	—	‘видел’
ку-	*т-*	—	*уӌ*	—	‘ты-видишь’		*т-*	*о-л′-*	*уӈ*	—	‘видел’
ду-	*т-*	—	*уӌ*	—	‘он-видит’		*т-*	*о-л′-*	*уӈ*	—	‘видел’
ды-	*т-*	—	*уӌ*	—	‘она-видит’	*дӕ*	*т-*	*о-л′-*	*уӈ*	—	‘она видела’
ди-	*т-*	—	*уγ-*	*ын′*	‘мы-видим’		*т-*	*о-л′-*	*уγ-*	*ын′*	‘видели’
ку-	*т-*	—	*уγ-*	*ын′*	‘вы-видите’		*т-*	*о-л′-*	*уγ-*	*ын′*	‘видели’
ду-	*т-*	—	*уγ-*	*ын′*	‘они-видят’		*т-*	*о-л′-*	*уγ-*	*ын′*	‘видели’
ди-	*γ-*	*ӕ-*	*р′о*	—	‘я-рассматриваю’		*к-*	*о-л′-*	*до*	—	‘рассматривал’
ку-	*γ-*	*ӕ-*	*р′о*	—	‘ты-рассматриваешь’		*к-*	*о-л′-*	*до*	—	‘рассматривал’
ду-	*γ-*	*ӕ-*	*р′о*	—	‘он-рассматривает’		*к-*	*о-л′-*	*до*	—	‘рассматривал’
ды-	*γ-*	*ӕ-*	*р′о*	—	‘она-рассматривает’	*дӕ*	*к-*	*о-л′-*	*до*	—	‘она рассматривала’
ди-	*γ-*	*ӕ-*	*р′у-*	*н*	‘мы-рассматриваем’		*к-*	*о-л′-*	*ду-*	*н*	‘рассматривали’
ку-	*γ-*	*ӕ-*	*р′у-*	*н*	‘вы-рассматриваете’		*к-*	*о-л′-*	*ду-*	*н*	‘рассматривали’
ду-	*γ-*	*ӕ-*	*р′у-*	*н*	‘они-рассматривают’		*к-*	*о-л′-*	*ду-*	*н*	‘рассматривали’

Таблица IX

Настояще-будущее время						Прошедшее время					
показатель субъекта действия	глаголо-образующий показатель	видо-временны́е показа-тели	основа	число субъ-екта действия		показатель субъекта действия	глаголо-образующий показатель	видо-временны́е показа-тели	основа	число субъ-екта действия	
ба-	*γ-*	*и-с-*	*сæл*	—	‘я-переночую’	*ба-*	*γ-*	*и-н-*	*сæл*	—	‘я-переночевал’
ку-	*γ-*	*и-с-*	*сæл*	—	‘ты-переночуешь’	*ку-*	*γ-*	*и-н-*	*сæл*	—	‘ты-переночевал’
а-	*γ-*	*и-с-*	*сæл*	—	‘он-переночует’	*а-*	*γ-*	*и-н-*	*сæл*	—	‘он-переночевал’
и-	*γ-*	*и-с-*	*сæл*	—	‘она-переночует’	*и-*	*γ-*	*и-н-*	*сæл*	—	‘она-переночевала’
дæ ӈ-	*г-*	*и-с-*	*сæл*	—	‘мы-переночуем’	*дæ ӈ-*	*г-*	*и-н-*	*сæл*	—	‘мы-переночевали’
кæ ӈ-	*г-*	*и-с-*	*сæл*	—	‘вы-переночуете’	*кæ ӈ-*	*г-*	*и-н-*	*сæл*	—	‘вы-переночевали’
аӈ-	*г-*	*и-с-*	*сæл*	—	‘они-переночуют’	*аӈ-*	*г-*	*и-н-*	*сæл*	—	‘они-переночевали’
бо-г-	*б-*	—	*ун′*	—	‘я-поскользнусь’	*бо-г-*	*б-*	*и-н′-*	*ун′*	—	‘я-поскользнулся’
ку-г-	*б-*	—	*ун′*	—	‘ты-поскользнешься’	*ку-г-*	*б-*	*и-н′-*	*ун′*	—	‘ты-поскользнулся’
о-г-	*б-*	—	*ун′*	—	‘он-поскользнется’	*о-г-*	*б-*	*и-н′-*	*ун′*	—	‘он-поскользнулся’
у-г-	*б-*	—	*ун′*	—	‘она-поскользнется’	*у-г-*	*б-*	*и-н′-*	*ун′*	—	‘она-поскользнулась’
дæ ӈ-	*б-*	—	*ун′*	—	‘мы-поскользнемся’	*дæ ӈ-*	*б-*	*и-н′-*	*ун′*	—	‘мы-поскользнулись’
кæ ӈ-	*б-*	—	*ун′*	—	‘вы-поскользнетесь’	*кæ ӈ-*	*б-*	*и-н′-*	*ун′*	—	‘вы-поскользнулись’
оӈ-	*б-*	—	*ун′*	—	‘они-поскользнутся’	*оӈ-*	*б-*	*и-н′-*	*ун′*	—	‘они-поскользнулись’
ба-	*γ-*	*и-с-*	*ту-*	*н′*	‘я-накроюсь’	*ба-*	*γ-*	*и-л′-*	*ду-*	*н′*	‘я-накрылся’
ку-	*γ-*	*и-с-*	*ту-*	*н′*	‘ты-накроешься’	*ку-*	*γ-*	*и-л′-*	*ду-*	*н′*	‘ты-накрылся’
бу-	*γ-*	*и-с-*	*ту-*	*н′*	‘он-накроется’	*бу-*	*γ-*	*и-л′-*	*ду-*	*н′*	‘он-накрылся’
дæ бу-	*γ-*	*и-с-*	*ту-*	*н′*	‘она-накроется’	*дæ бу-*	*γ-*	*и-л′-*	*ду-*	*н′*	‘она-накрылась’
дъӈ-	*г-*[8]	*и-с-*	*ту-*	*н′*	‘мы-накроемся’	*дъӈ-*	*г-*	*и-л′-*	*ду-*	*н′*	‘мы-накрылись’
кчӈ-	*г-*	*и-с-*	*ту-*	*н′*	‘вы-накроетесь’	*къӈ-*	*г-*	*и-л′-*	*ду-*	*н′*	‘вы-накрылись’
бу-	*γ-*	*и-с-*	*ту-*	*н′*	‘они-накроются’	*бу-*	*γ-*	*и-л′-*	*ду-*	*н′*	‘они-накрылись’

[8] В произношении молодых кетов афф. *-г-* в этом глаголе в формах мн. числа часто опускается. В связи с этим в статье «О морфологической структуре глагольных слов в кетском языке» эта парадигма во мн. числе дана без аффикса *-г-*.

группы «б», указывающих на субъект действия. В первом и последнем глаголе личные аффиксы префигируются к самостоятельным глаголам, начинающимся с показателя *к-*: *киссæл* (*кинсæл*) ‘пробудет (пробыл) ночь какой-л. предмет’ (*сал* ‘ночь’); *киступ′* (*кил′дуп′*) ‘накрою (накрыл) какой-л. предмет’ (*-ту-* ‘накрывать’). Второй глагол *богбун′* ‘я-поскользнусь’ образован от имени существительного *хун′* ‘скат’, в котором начальный *х-* опущен в соответствии с словообразовательными нормами кетского языка. В этом глаголе обнаруживается новый структурный элемент слова — афф. *-б-*, который, по-видимому, является показателем класса вещей, выполняющим не только формообразовательную, но и словообразовательную функцию. Этот показатель зарегистрирован нами в некоторых глаголах, префигирующих к себе личные аффиксы группы «б». Что касается компонента *-г-*, имеющегося в этом глаголе при всех лицах ед. числа, то он, вероятно, иного происхождения, чем афф. *-к-* в первом и третьем глаголах. Можно предполагать, что в этом глаголе он является показателем ед. числа, поскольку в глаголах мн. числа он отсутствует.

В начале слова личные показатели группы «д» указывают только на субъект действия как непереходного, так и переходного глагола. На объект действия они указывают только в глаголах, когда стоят на втором месте и обозначают другое лицо, чем первый показатель. В отличие от них личные аффиксы группы «б» 1-го и 2-го лица указывают на объект действия и в том случае, когда они стоят в начале слова на первом месте. Аффиксы же 3-го лица в этих случаях префигируют к себе показатель субъекта действия *д-* (1-е или 3-е лицо) или *к-* (2-е лицо). Во всех нижеприводимых глаголах личные аффиксы группы «б» наращиваются на показатели *т-*, *б-*, *к-* (табл. X).

Переходные глаголы кетского языка имеют грамматические категории действительного и страдательного залога.[9] Выше нами были описаны только формы действительного залога. Теперь мы отметим некоторые способы образования страдательного залога от форм действительного залога рассматриваемых здесь глаголов с основой в конце слова.

Переходные глаголы, начинающиеся префиксами *д-*, *к-*, *д-*, *дæ-* и т. д., при образовании от них форм страдательного залога опускают эти показатели активного лица субъекта действия, так как формы страдательного залога уже не нуждаются

---

[9] В своей лекции «Аффиксация как метод передачи грамматических значений» (Томск, 1962) А. П. Дульзон устанавливает в кетском языке наличие каузативного залога, которого в этом языке нет, а залоги, которые в нем действительно есть, им не замечаются.

Таблица X

Настояще-будущее время							Прошедшее время						
показатель субъекта действия	показатель объекта действия	глаголообразующий показатель	видо-временные показатели	основа	число субъекта действия		показатель субъекта действия	показатель объекта действия	глаголообразующий показатель	видо-временные показатели	основа	число субъекта действия	
	ба-[98а]	*т-*	—	*уӈ*	—	‘меня-видит’	—	*ба-*	*т-*	*о-л′-*	*уӈ*	—	‘меня-видел’
	ку-	*т-*	—	*уӈ*	—	‘тебя-видит’	—	*ку-*	*т-*	*о-л′-*	*уӈ*	—	‘тебя-видел’
д-	*а-*	*т-*	—	*уӈ*	—	‘он-его-видит’	*д-*	*а-*	*т-*	*о-л′-*	*уӈ*	—	‘он-его-видел’
д-	*и-*	*т-*	—	*уӈ*	—	‘он-ее-видит’	*д-*	*и-*	*т-*	*о-л′-*	*уӈ*	—	‘он-ее-видел’
	дæӈ-	*т-*	—	*уӈ*	—	‘нас-видит’	—	*дæӈ-*	*т-*	*о-л′-*	*уӈ*	—	‘нас-видел’
	кæӈ-	*т-*	—	*уӈ*	—	‘вас-видит’	—	*кæӈ-*	*т-*	*о-л′-*	*уӈ*	—	‘вас-видел’
д-	*аӈ-*	*т-*	—	*уӈ*	—	‘он-их-видит’	*д-*	*аӈ-*	*т-*	*о-л′-*	*уӈ*	—	‘он-их-видел’
	бо-г-	*б-*	*æ-*	*рис′*	—	‘меня-бранит’	—	*бо-г-*	*б-*	*и-л′-*	*дис′*	—	‘меня-бранил’
	ку-г-	*б-*	*æ-*	*рис′*	—	‘тебя-бранит’	—	*ку-г-*	*б-*	*и-л′-*	*дис′*	—	‘тебя-бранил’
д-	*о-г-*	*б-*	*æ-*	*рис′*	—	‘он-его-бранит’	*д-*	*о-г-*	*б-*	*и-л′-*	*дис′*	—	‘он-его-бранил’
д-	*у-г-*	*б-*	*æ-*	*рис′*	—	‘он-ее-бранит‘	*д-*	*у-г-*	*б-*	*и-л′-*	*дис′*	—	‘он-ее-бранил’
	дæӈ-	*б-*	*æ-*	*рис′*	—	‘нас-бранит’	—	*дæӈ-*	*б-*	*и-л′-*	*дис′*	—	‘нас-бранил’
	кæӈ-	*б-*	*æ-*	*рис′*	—	‘вас-бранит’	—	*кæӈ-*	*б-*	*и-л′-*	*дис′*	—	‘вас-бранил’
д-	*оӈ-*	*б-*	*æ-*	*рис′*	—	‘он-их-бранит’	*д-*	*оӈ-*	*б-*	*и-л′-*	*дис′*	—	‘он-их-бранил’
	ба-	*γ-*	*и-с-*	*ту-*	*п′*	‘меня-накроет’	—	*ба-*	*γ-*	*и-л′-*	*ду-*	*п′*	‘меня-накрыл’
	ку-	*γ-*	*и-с-*	*ту-*	*п′*	‘тебя-накроет’	—	*ку-*	*γ-*	*и-л′-*	*ду-*	*п′*	‘тебя-накрыл’
д-	*а-*	*γ-*	*и-с-*	*ту-*	*п′*	‘он-его-накроет’	*д-*	*а-*	*γ-*	*и-л′-*	*ду-*	*п′*	‘он-его-накрыл’
д-	*и-*	*γ-*	*и-с-*	*ту-*	*п′*	‘он-ее-накроет’	*д-*	*и-*	*γ-*	*и-л′-*	*ду-*	*п′*	‘он-ее-накрыл’
	дæӈ-	*г-*	*и-с-*	*ту-*	*п′*	‘нас-накроет’	—	*дæӈ-*	*г-*	*и-л′-*	*ду-*	*п′*	‘нас-накрыл’
	кæӈ-	*г-*	*и-с-*	*ту-*	*п′*	‘вас-накроет’	—	*кæӈ-*	*г-*	*и-л′-*	*ду-*	*п′*	‘вас-накрыл’
д-	*аӈ-*	*г-*	*и-с-*	*ту-*	*п′*	‘он-их-накроет’	*д-*	*аӈ-*	*г-*	*и-л′-*	*ду-*	*п′*	‘он-их-накрыл’

[98а] При помощи префиксов группы «б» выражаются и субъектно-объектные отношения (табл. XI).

Настояще-будущее время					Прошедшее время					
показатель субъекта действия	показатель объекта действия	основа	число субъекта действия		показатель субъекта действия	показатель объекта действия	видо-временные показатели	основа	число субъекта действия	
бо-г	*би-*	*вос*	—	‘я-унесу-это’	*бо-ӈ-*	—	*н-*	*æм*	—	‘я-унес-это’ [10]
ку-г-	*би-*	*вос*	—	‘ты-унесешь-это’	*ку-ӈ-*	—	*н-*	*æм*	—	‘ты-унес-это’
бу-г-	*би-*	*вос*	—	‘он-унесет-это’	*бу-ӈ-*	—	*н-*	*æм*	—	‘он-унес-это’
дæ бу-г-	*би-*	*вос*	—	‘она-унесет-это’	*дæ бу-ӈ-*	—	*н-*	*æм*	—	‘она-унесла-это’
дæӈ-	*би-*	*вус′-*	*н*	‘мы-унесем-это’	*дæӈ-*	—	*н-*	*им-*	*ин*	‘мы-унесли-это’
кæӈ-	*би-*	*вус′-*	*н*	‘вы-унесете-это’	*кæӈ-*	—	*н-*	*им-*	*ин*	‘вы-унесли-это’
бу-г-	*би-*	*вус′-*	*н*	‘они-унесут-это’	*бу-ӈ-*	—	*н-*	*им-*	*ин*	‘они-унесли-это’
бо-γ-	*о-*	*вос*	—	‘я-унесу-его’	*бо-γ-*	*о-*	*н-*	*æм*	—	‘я-унес-его’
ку-γ-	*о-*	*вос*	—	‘ты-унесешь-его’	*ку-γ-*	*о-*	*н-*	*æм*	—	‘ты-унес-его’
бу-γ-	*о-*	*вос*	—	‘он-унесет-его’	*бу-γ-*	*о-*	*н-*	*æм*	—	‘он-унес-его’
дæ бу-γ-	*о-*	*вос*	—	‘она-унесет-его’	*дæбу-γ-*	*о-*	*н-*	*æм*	—	‘она-унесет-его’
дæӈ-	*о-*	*вус′-*	*н*	‘мы-унесем-его’	*дæӈ-*	*о-*	*н-*	*им-*	*ин*	‘мы-унесли-его’
кæӈ-	*о-*	*вус′-*	*н*	‘вы-унесете-его’	*кæӈ-*	*о-*	*н-*	*им-*	*ин*	‘вы-унесли-его’
бу-γ-	*о-*	*вус′-*	*н*	‘они-унесут-его’	*бу-γ-*	*о-*	*н-*	*им-*	*ин*	‘они-унесли-его’
бо-	—	*вос*	—	‘я-унесу-ее’	*бо-*	*рит-*	*н-*	*æм*	—	‘я-унес-ее’
ку-	—	*вос*	—	‘ты-унесешь-ее’	*ку-*	*рит-*	*н-*	*æм*	—	‘ты-унес-ее’
бу-	—	*вос*	—	‘он-унесет-ее’	*бу-*	*рит-*	*н-*	*æм*	—	‘он-унес-ее’
дæ бу-	—	*вос*	—	‘она-унесет-ее’	*дæ бу-*	*рит-*	*н-*	*æм*	—	‘она-унесла-ее’
дæӈ-	—	*вус′-*	*н*	‘мы-унесем-ее’	*дæӈ-*	*рит-*	*н-*	*им-*	*ин*	‘мы-унесли-ее’
кæӈ-	—	*вус′-*	*н*	‘вы-унесете-ее’	*кæӈ-*	*рит-*	*н-*	*им-*	*ин*	‘вы-унесли-ее’
бу-	—	*вус′-*	*н*	‘они-унесут-ее’	*бу-*	*рит-*	*н-*	*пм-*	*ин*	‘они-унесли-ее’

[10] Согласный *ӈ* в глаголе *боӈнæм* образовался в результате ассимиляции *г* ~ *γ* перед *н*. Происхождение супплетивной основы *-æм* ~ *-им* неясно. Основа *-вос* ~ *-вус*, возможно, образована от слова *хос* ‘брать’, ‘снабжать’, которое в данном случае переосмыслено. В форме слова *бо-γ-о-вос* ‘я унесу его’ показатель объекта действия *-о* образовался из *-а* > *-æ*.

в них, поскольку объект действия действительного залога сам становится носителем — субъектом реализованного действия:

Действительный залог	Страдательный залог
дон′ да́ви ‘нож я-точу’	*дон′ ави́* ‘нож наточен’ (осн. *-и*)
хлӈ давй́ ‘невод я-собираю’	*хлӈ ави́* ‘невод собран’ (осн. *-и*)
аӈ дивл́: ‘веревку я-вью’	*аӈ ивл́:* ‘веревка свита’ (осн. *-хл*)
б′эjвул′ да́ва ‘косу я-заплетаю’	*б′эjвул′ ава́* ‘коса заплетена’ (осн. *-а*)

В других случаях от глаголов аналогичной структуры страдательный залог образуется не только опусканием префиксов *д-*, *к-*, *д-* и т. д., но и посредством включения показателя *-æ-* < *-а-* между основой и другими аффиксами:

Действительный залог	Страдательный залог
длва ди́вро ‘речку я-перегораживаю’	*длва ивǽро* ‘речка загорожена’
тыӈ да́вро ‘волосы я-стригу’	*тыӈ авǽро* ‘волосы острижены’
л′ам да́ббæт ‘стол я-вытираю’	*л′ам авǽвæт* ‘стол вытерт’

Если переходный глагол не имеет личных показателей, то страдательный залог образуется посредством показателя *-æ-* < *-а-*, включенного между основой и другими аффиксами:

Действительный залог	Страдательный залог
ат′ та́вро л′ам ‘я-вытесываю лыжу’	*л′ам тавǽро* ‘лыжа вытесана’
ат′ да́вро дил′тиj ‘я-долблю челнок’	*дил′тиj давǽро* ‘челнок долблен’
ат′ та́jдо хаj ‘я-обтесываю кедр (плаху из кедра)’	*хаj тajǽро* ‘кедр (плаха из кедра) обтесана’

Модель глагола с основой в конце слова и модель глагола с основой в начале слова образуют единую систему глагольного временно́го формообразования. Однако сказанное справедливо только в отношении тех глаголов, которые образуют различные модели слов от одних основ.

Так, например, от глагольного имени *таӈ* ‘тащить’ в однократном виде образуются следующие временны́е формы: будущее время (может также выражать элемент предположительности) *таӈǧивит* ‘потащу-это’;[11] прошедшее (в приводимом случае прошедшее начинательное) *таӈǧимнæ* ‘потащил-это’; будущее начинательное *таӈ баɣаɣан* ‘тащить я-начну’; прошедшее начинательное *таӈ баɣоɣон* ‘тащить я-начал’ (‘только что потащил’); настоящее время *дугдæптæӈ* ‘я-это- (или -ее) -тащу’; прошедшее завершенное (результативное) *дугдævил′тæӈ* ‘я-это- (или

11 А. П. Дульзон отождествляет будущее время с настояще-будущим (там же), между тем это различные времена. На наличие будущего времени в кетском языке мы отчетливо указали в своей первой работе, хотя и не назвали его тогда временем, имея в виду, что проблемой времени в кетском языке мы еще будем заниматься (Е. А. Крейнович. Именные классы и грамматические средства их выражения в кетском языке. ВЯ, 1961, № 2, стр. 108—109, примеч. 16).

-ее) -тащил'. В многократном же виде образуются следующие временные формы: настояще-будущее время *ат' таңуγæвæт* 'я таскаю-это (или -ее)'; прошедшее завершенное *ат' таңуγол'вæт* 'я таскал-это (или -ее)'. Нетрудно видеть, что в настоящем времени однократного вида образовался глагол с основой *таң* в конце слова.[12]

Не следует, однако, полагать, что это значение выражается только глаголами с основой в конце слова. Оно выражается всеми моделями глагольных слов. Не будет лишним в связи с этим в самых кратких чертах указать на смысловое содержание грамматической категории однократного и многократного вида в кетском языке.

Однократность связана с разовым действием непереходным (1, 2) и однообъектным действием переходным (3, 4, $5_а$), либо с разовым действием в отношении нескольких объектов ($5_б$). Многократность же связана с повторением однородных непереходных действий (6, 7), а в переходных глаголах с действием, рассредоточенным на несколько объектов начиная с двух ($8, 9_а, 10$), либо с многократным действием в отношении одного объекта ($9_б$):

Однократный вид	Многократный вид
Будущее время	Настояще-будущее время
1) *баγинсал* 'я-переночую' (*сал* 'ночевать')	6) *салынбаγæр'æ* 'я-ночую (многократно)'
2) *дил'сивит* 'я-вдохну' (*ил'* 'вдох')	7) *д'эл'иңирвит* 'я-дышу' (*эл'иң* 'вдохи')
3) *ул' лауңдиңа с'энæjукс'а* 'воду в бочку налью'	8) *ул' лауныңдиңа с'энтиjиңукс'а* 'воду в бочки наливаю'
4) *баγ дунэптæт* 'чурбак я-расколю'	$9_а$) *бакң дус'нæптæт* 'чурбаки я-расколю'
	$9_б$) *баγ дус'нæптæт* 'чурбак я-расколю' (на несколько частей)
$5_а$) *тар'элка дуjвит* 'тарелку я-поставлю'	10) *тар'элкаң дус'навр'а* 'тарелки я-расставлю' (по одной, а не все сразу вместе, как в примере 5б)
$5_б$) *тар'элкаң дуjвит* 'тарелки я-поставлю' (имеется в виду, что тарелки поставлены одна в другую);	

[12] А. П. Дульзон утверждает, что в кетском языке «в простых непроизводных глаголах основа находится в самом конце, за нею стоят аффиксы числа и многократного вида» (там же). Утверждение это не соответствует действительности. В непроизводных глаголах основы располагаются не только в конце, но и в начале слова. Аффиксы многократности после глагола с основой в конце слова нам не встречались. Показатели же числа субъекта действия в конце таких глаголов действительно помещаются.

Примечательно, что однократность и многократность в нескольких случаях выражается при помощи присоединения к глагольной основе показателей ед. ч. (*-æj*, а также *-п-* ~ *-б-*) и мн. ч. (*-н-*, *-ӈ-*, *-тиjиӈ-*). Это явление структурно напоминает ед. и мн. число глагола в некоторых языках североамериканских индейцев.

Однократный и многократный виды выражаются еще и супплетивно: *кава* 'резну', *хаʻа* 'режу',[13] *кавъо* 'рубну', *хасто* 'рублю' и т. д.

* * *

В настоящей статье описаны основные структурные особенности глаголов кетского языка с основой в конце слова. Однако все разновидности этих глаголов в ней не охвачены.

Префиксальные глаголы кетского языка, как показывают материалы этой статьи, созидаются приемом агглютинации.

Агглютинация является одним из самых распространенных способов образования языковых форм. Однако этим способом оперируют столь различные по своей структуре языки, как например кетский, чукотский, эскимосский и эвенский, что требуется выявить еще какие-то дополнительные критерии, которые позволили бы разработать более четкую классификацию таких несхожих по своей структуре агглютинативных языков.

Г. А. Меновщиков

МОНОСЕМИЯ СУФФИКСОВ В ЯЗЫКЕ АЗИАТСКИХ ЭСКИМОСОВ

Язык азиатских эскимосов, как и другие языки эскимосско-алеутской семьи, по основному способу образования слов и их форм относится к числу агглютинативно-суффиксальных. Новые слова и их грамматические формы в этом языке образуются посредством последовательного присоединения к непроизводной (корневой) основе слова однотипных и преимущественно однозначных суффиксов. Префиксов и основосложения в современ-

---

[13] В статье «О морфологической структуре глагольных слов в кетском языке» вопрос о корневом составе этих слов был оставлен открытым. Сейчас мы полагаем, что в них имеются две супплетивные основы *к-* и *ха-*. Там же был оставлен открытым вопрос о составе глагольных имен *ти* 'черпать' и *ки* 'скоблить'. Теперь можно утверждать, что корневой элемент в этих словах представлен согласными звуками.

ных эскимосских языках и их диалектах не наблюдается. Отдельные сложные слова, встречающиеся в диалектах языка азиатских эскимосов, представляют собой реликтовые образования, возникшие в большинстве случаев из двух корневых односложных слов пространственно-указательного значения.[1]

Можно без преувеличения сказать, что эскимосские языки дают классические образцы агглютинативно-суффиксального образования производных слов и их грамматических форм. В целях иллюстрации такого образования слов возьмем пример из науканского диалекта языка азиатских эскимосов, ср. производные слова от основы *кыргымпы* 'флаг':

кыргымпы-раг'а-к' 'флажок', *кыргымпы-раг'а-нлъях'-* глагольная основа 'делать флажок', *кыргымпы-раг'а-нлъях'-ту-* глаг. основа 'делать много флажков', *кыргымпы-раг'а-нлъях'-ту-лыг'а-* глаг. основа 'быстро делать много флажков', *кыргымпы-раг'а-нлъях'-ту-лъыг-а-г'-на-к'а-м-кын* 'я буду быстро делать для тебя много маленьких флажков' (*-раг'а* — уменьшительный суффикс; *-к'* — суффикс ед. числа производных имен;[2] *-нлъя* — основообразующий суффикс, придающий словам значение 'делать', 'производить' то, что означено основой слова; *-ту* — суффикс множества или большого объема предмета или действия; *-врыга(г')* — темпорально-видовой суффикс быстрого действия; *-на* — суффикс будущего времени; *-к'а* — суффикс изъявительного наклонения прямо-переходных глаголов; *-м* — суффикс 1-го лица субъекта; *-кын* — суффикс 2-го лица объекта).[3]

В каждом из приведенных слов только одна лексически значимая морфема (*кыргымпы* 'флаг'), все же прочие понятия, переданные здесь по-русски отдельными словами, в эскимосском языке представляют собой ряд семантически насыщенных суффиксальных морфем основообразовательного и словоизменительного характера, не употребляющихся в эскимосских языках и диалектах в качестве отдельных слов.

Устойчивость агглютинативно-суффиксального способа соединения корневых и суффиксальных морфем в эскимосском языке объясняется рядом присущих ему закономерностей, из которых главнейшими, как нам представляется, являются следующие: а) наличие минимального количества согласных в конце слова (любое именное или глагольное слово может иметь в своем исходе только один согласный или один гласный звук), что при образовании различных его форм дает сравнительно огра-

---

[1] Г. А. Меновщиков. Грамматика языка азиатских эскимосов, ч. 1. М.—Л., 1962, стр. 260—267.

[2] В чаплинском диалекте науканскому суффиксу *-раг'а* соответствует суфф. *-рахки*.

[3] Суфф. *-нлъя(х')* в чаплинском диалекте имеет форму *-н'лъя(х)*.

ниченные возможности звуковых изменений на границах морфем и обеспечивает относительно стандартное строение конечных слогов; б) невозможность стечения двух и более согласных в начале слова и трех согласных на стыке морфем в конце слова; [4] в) относительно единообразное и строгое расположение формальных морфем в слове (корневая морфема + словопроизводные морфемы + морфемы функционального формоизменения), количество которых может быть относительно неограниченным; так, например, в глаголе за непроизводной основой сначала следуют основообразующие суффиксы различных рангов, а затем уже суффиксы словоизменения, к которым относятся показатели времени, наклонения и лица, ср. пример из чаплинского диалекта: *тумы-н'лъя-рахки-г'а-к'а-м-си* 'дорогу делать быстро пойду я для вас' (*тума* 'дорога', *-н'лъя* — суффикс производства чего-либо; *-рахки* — темпорально-видовой суффикс быстрого действия, *-г'а* — суффикс наст. времени; *-к'а* — суффикс изъявительного наклонения прямо-переходных глаголов настоящего и будущего времен; *-м* — суффикс 1-го лица ед. числа субъекта, *-си* — суффикс 2-го лица мн. числа объекта); г) преобладание агглютинативного способа соединения морфем над относительно редким для эскимосского языка фузионным способом. Изменения фузионного типа наблюдаются лишь в конечных слогах ограниченного числа слов (с отпадающим конечным согласным *-к'* при образовании притяжательных форм с 3-м лицом обладателя, когда на месте конечного корневого гласного *-а* становится притяжательный суфф. *-и* (*таг'нух'ак'* 'ребенок', *таг'нух'и* 'их ребенок') или же этот конечный гласный ассимилирует притяжательный суффикс (*аг'нак'* 'женщина', *аг'на* + *а* = *аг'на* 'его женщина'; *талъик'* 'рука', *талъи* + *а* = *талъӣ* 'его рука' и т. д.). Явление фузии в эскимосском языке исторически связано с ассимилятивным соединением конечного гласного основы с начальным гласным притяжательного суффикса; д) моносемантичность формальных морфем, к которым относятся морфемы как деривативного, так и функционального значения.

Моносемия суффиксов устойчиво сохраняется как в одном общем парадигматическом ряду слов, относящихся к одной части речи (ср.: *ан'йах'си* 'ваша лодка', *иг'ных'си* 'ваш сын', *нунах'си* 'ваше селение' и т. д., где суфф. *-си* всюду указывает на принадлежность предмета 2-му лицу мн. числа обладателя), так и в категориальном грамматическом ряду словоформ, образованных от одной основы (ср. падежные формы *панамын'* 'копьем', *панамун* 'копью', *панами* 'у копья', где каждый падежный суффикс придает словоформе присущее только ей грамматиче-

---

[4] Г. А. Меновщиков. Эскимосский язык. Л., 1960, §§ 10—24, 27.

ское значение). Так, падежные суффиксы остаются неизменяемыми для всех склоняемых частей речи и для различных по структуре основ одной и той же части речи (*-м* — отн. падеж, *-мын'/-нын'* — твор., *-мун/-нун* — дат.-напр., *-ми/-ни* — местн., *-кун* — прод., *-тун* — сравн.).

Фоно-морфологическое несовпадение падежных суффиксов для единственного и множественного числа в эскимосском языке совсем не исключает их моносемии. В эскимосском языке существует две парадигмы склонения — для имен ед. числа и для имен мн. числа, но в каждой из этих парадигм падежные суффиксы остаются неизменными. В притяжательном склонении наличествует только группа падежных суффиксов для имен ед. и мн. числа.

Общее значение падежных суффиксов остается неизменным, а возникающие при употреблении одной и той же падежной формы оттенки значений зависят уже от семантики ведущих членов сочетания (например, твор. падеж слова *пана* 'копье' в зависимости от семантики ведущего члена сочетания может выражать различные оттенки значения, ср.: *Юк аглятик'ук' панамын'* 'Человек идет с копьем', *Юк унакума ных'сяк' панамын'* 'Человек убил нерпу копьем', *К'уйн'ик' пан'алгак'ук' панамын'* 'Олень убегает от копья' и т. д. При сохранении падежной формы слова здесь наблюдается как бы подвижность в его значении).

Одни и те же по происхождению и звуковому составу суффиксы с развитием и совершенствованием грамматического строя языка могут подвергнуться частичному семантико-грамматическому расщеплению. Так, показатели принадлежности предмета лицу в эскимосском языке с постепенным выделением и развитием переходных глаголов стали употребляться также для выражения субъектно-объектных отношений, ср.:

имя		глагол	
ан'йа-к'а	'моя байдара'	*агля-та-к'а-к'а*	'веду его-я'
ан'йа-пут	'наши байдары'	*агля-та-к'а-пут*	'ведем мы-их'
ан'йа-хкыт	'две их лодки'	*агля-та-к'а-хкыт*	'ведут они их двоих'
		и т.д.	

Здесь суффиксы *-к'а*, *-пут*, *-хкыт* при имени указывают на принадлежность предмета лицу, а при глаголе — на направленность действия субъекта на объект.[5]

Грамматическое расщепление суффиксов ведет к их омонимии. В то же время в едином парадигматическом ряду

---

[5] Полнее об этом см.: Г. А. Меновщиков. Грамматика языка азиатских эскимосов, стр. 176—177, § 131.

каждый из этих суффиксов остается строго моносемантичным, ср.: *ан'йа-к'а* 'моя байдара', *пана-ка* 'мое копье', *ата-ка* 'мой отец' и т. п.

Некоторые морфемы основообразования в эскимосском языке хотя и сохраняют моносемантичность, могут присоединяться к именным и глагольным основам и в зависимости от этого придавать слову особые оттенки значений. Так, например, имена существительные с суффиксом *-х'лъяк* обозначают предметы большой величины (*амах'лъяк* 'волчище', *ан'йах'лъяк* 'большая байдара', *к'икмих'лъяк* 'большая собака' и др.), а глаголы с этим же суффиксом выражают большой объем, размах, протяженность действия (*к'ыпх'ах'лъяг'ак'ун'а* 'много работаю', *к'авах'лъяг'ак'ун'а* 'много сплю' и т. д.). В данном случае нельзя, по-видимому, говорить об омонимии, так как общее семантическое значение этого суффикса (обозначение большого объема предмета или действия) остается все же моносемантичным для имени и глагола. Таких подвижных по различным частям речи и единых по значению суффиксов в эскимосском языке значительное количество.[6]

Моносемия суффиксов и агглютинативный характер строения эскимосского слова не нарушается чередованием согласных фонем на границах соединения морфем, поскольку чередования эти однотипны и сравнительно малочисленны. В исходной позиции эскимосского слова бывает только один из трех согласных (*к'*, *к*, *н*), регулярно чередующихся при встрече с другими согласными. Следовательно, частичная фонетическая вариантность морфем не влияет на их моносемантичность (*-ха/-х'а*, *-си/-зи*, *-а/-н'а* и т. д.).

Характерный для тюркских и некоторых других языков признак абсолютной неизменяемости морфем на границах их соединения как одна из главнейших характеристик агглютинативного строя оказывается неприемлемым для ряда других агглютинативных языков, в том числе и для эскимосского, поскольку в нем в зависимости от комбинаторных условий могут происходить ассимилятивные изменения звуков на границах морфем.

Особенностью морфологической структуры эскимосского слова является не только способность наращивать большое число служебных морфем к непроизводной основе слова, но и возможность вычленения и замены отдельных морфем из его состава, что не нарушает грамматической цельности слова, хотя и изменяет его лексическое значение. Такому вычленению могут под-

---

[6] Там же, стр. 99 (суфф. *-ирак'*), стр. 107 (суфф. *-хлъяк*), стр. 109 (суфф. *-пак*) и т. д.

вергаться только основообразующие морфемы. Так, например, вычленение уменьшительного суффикса *-н'ыста* и видового суффикса *-рахи* (быстрота действия) из отыменного глагола *пана-н'ыста-н'лъя-рахи-г'ы-ск'а-к'а-к'а* 'маленькое копьецо делать быстро заставляю я его' дает слово *пана-н'лъя-г'ы-ск'а-к'а-к'а* 'копье делать заставляю я его' ('я заставляю его делать копье'), что не нарушает грамматического и общего лексического значения высказывания, хотя внутренняя структура слова и его неосновные оттенки значения при этом изменяются. Многочисленные операции с основопроизводными морфемами показывают, что они могут вычленяться без особого ущерба для общего лексико-грамматического значения слова. Между тем структура эскимосского слова совершенно не допускает вычленения из его состава хотя бы одного словоизменительного суффикса. Последнее особенно относится к глагольным словам, которые не могут употребляться без показателей времени, наклонения и лица, иначе говоря — вычленение из состава слова одного из показателей словоизменения ведет к нарушению его цельнооформленности.

Признак однозначности (моносемии) основообразующих и словоизменительных суффиксов не является исключительным и ведущим при определении типа морфологической структуры эскимосского слова. Некоторые словоизменительные суффиксы, а именно суффиксы лица и падежа, выражают не одно, а минимум два значения. Так, суффикс 1-го лица субъекта *-м* в прямо-переходной форме глагола *аглятак'а-м-си* 'я вас веду', 'мы вас ведем' означает ед. и мн. число ('я', 'мы'), а падежные суффиксы *-ныи'*, *-ну*, *-ни* в языке сиреникских эскимосов означают формы ед. и мн. числа имен и т. д. Однако подавляющее большинство суффиксов, в том числе и словоизменительных (время, наклонение), является моносемичным, что предсталяется одним из важных признаков агглютинации в эскимосских языках.

Особенно яркое выражение агглютинация получает при образовании отыменных глаголов типа *панан'ыстан'лъяражиг'ыск'-ак'ак'а* 'маленькое копье делать быстро заставляю я его' (от *пана* 'копье'), когда звенья цепи атрибутивных, модальных и каузативных признаков материально проявляются в виде специальных суффиксов. Но наряду с чисто суффиксальным способом выражения модальных, атрибутивных и других отношений в эскимосском языке наличествует и аналитический способ, когда эти отношения передаются посредством отдельных слов. Так, например, понятие, выражаемое приведенным выше отыменным глаголом, может быть передано также предложением *Мыкыстах'ак пана хўан'а улимаг'ыск'ак'ак'а сюкалъюку* 'Маленькое копье делать быстро заставляю я его', где слово *мыкы-*

стах'ак' 'маленький' по передаче атрибутивного значения соответствует суффиксу *-н'ыста*, слово *хўан'а* 'я' — личному суффиксу 1-го лица субъекта *-к'а*, слово *сюкалъюку* 'быстро' — суффиксу видового значения *-рахи*, основа глагола *улимаг'ыск'ак'-ак'а* 'делать заставляю его' (*улима-* 'делать') — суффиксу *-н'лъя* с указанным выше значением. В данном случае агглютинативный способ построения слова и фразы в целом не исключен, а только ограничен, так как и в этом, расчлененном на отдельные слова, предложении принцип агглютинативного построения слов сохраняется, хотя и в меньшем масштабе (ср. глагольное сказуемое этого предложения *улимаг'ыск'ак'ак'а* 'делать заставляю-я-его', где каузативное значение 'заставлять' выражено суффиксом *-ск'а*, изъявительное наклонение — суффиксом *-к'а* и отношение 1-го лица субъекта к 3-му лицу объекта — конечным суффиксом *-к'а*).

Семантическая однотипность и относительная морфологическая устойчивость суффиксов (исключая случаи ассимилятивных и фузионных изменений звуков на стыках морфем) представляет собой одну из особенностей агглютинации в отличие от флективного построения слова. Это не исключает, однако, сосуществования других, но менее эффективных и слабо прослеживаемых способов образования слов и их форм в эскимосских языках.

В отдельных изолированных диалектах и языках эскимосско-алеутской семьи под влиянием различных исторических условий происходило несомненно звуковое переразложение многих первичных основ, возникали новые слова и грамматические формы, но все эти изменения мало повлияли на устойчивость агглютинативно-суффиксального способа построения эскимосского слова. Этот способ в силу его устойчивости и постоянного действия закона аналогии обусловливал беспрерывное воспроизводство и сохранение в языке многочисленных моносемантичных суффиксальных морфем. Он остается ведущим и в настоящее время.

Агглютинативно-суффиксальный способ образования слов и их форм в эскимосских языках обусловил вполне установившиеся модели слова (всего восемь), которые объединяются общей формулой, рассмотренной нами в монографическом исследовании грамматического строя языка азиатских эскимосов.[7]

---

[7] Г. А. Меновщиков. Грамматика языка азиатских эскимосов, стр. 63—65, § 44.

Н. М. Емельянова

ОБ АГГЛЮТИНАЦИИ В ЭСКИМОССКОМ ЯЗЫКЕ

Эскимосский язык согласно известной морфологической классификации относится к языкам агглютинативным, хотя имелись попытки (С. Клейншмидт, В. И. Иохельсон) рассматривать его как язык инкорпорирующий. Ошибочность классификации эскимосского (и родственного ему алеутского) как языка инкорпорирующего наглядно показана Г. А. Меновщиковым.[1]

Но среди агглютинативных языков уже со времен Э. Сепира в зависимости от степени синтетизма различаются языки аналитические, синтетические и полисинтетические, а в зависимости от техники — языки агглютинативные, слабоагглютинативные, слегка агглютинативно-фузионные, агглютинативно-изолирующие, фузионно-агглютинативные и др.[2]

Согласно классификации Э. Сепира эскимосский язык прежде всего следует отнести к языкам агглютинативным полисинтетическим. Однако предстоит еще большая работа по исследованию конкретных типологических черт эскимосского языка, что позволит не только более точно определить его тип, но и поставить его в тот или иной ряд других типологически сходных языков.

Известно, что по мере изучения различных агглютинативных языков сами понятия «агглютинация» и «агглютинативный язык» претерпевали изменения, а признаки, характеризующие языки данного строя, изменялись и уточнялись. Эти признаки можно сгруппировать следующим образом:

1) признаки, относящиеся к структурному составу слова (основной тезис: слово агглютинативного языка состоит из корня и одного или нескольких аффиксов);

2) признаки, касающиеся способа соединения структурных элементов слова (основной тезис: в слове агглютинативного языка отсутствует тесная связь между вещественным и формальными элементами, границы морфем четко различимы);

3) признаки, касающиеся свойств и особенностей структурных элементов слова (основные тезисы: а) самостоятельность корня, совпадение его с целым словом, б) неизменяемость корня, в) моносемантизм аффиксов, поскольку каждый аффикс выражает только одно грамматическое значение, г) стандартность

---

[1] Г. А. Меновщиков. Агглютинация и основные конструкции простого предложения в эскимосском языке. Изв. АН СССР, ОЛЯ, т. VIII, 1949, вып. 4, стр. 355—356.

[2] СЯ, стр. 110—111.

аффиксов, т. е. для данного грамматического значения употребляется один и тот же аффикс).

Однако в то же самое время лингвисты, исследующие различные агглютинативные языки, обнаруживали в их строе явления, выходящие за пределы перечисленных выше признаков, якобы обязательных для любого агглютинативного языка. В работах А. К. Боровкова (тюркские языки), А. А. Холодовича (японский язык), В. А. Горцевской (тунгусо-маньчжурские языки) и других авторов приводятся многочисленные факты, свидетельствующие о том, что в языках, называемых агглютинативными, обнаруживаются и некоторые признаки, свойственные языкам других морфологических типов, в частности языкам флективным.[3]

С другой стороны, в языках неагглютинативных отмечаются явления, присущие языкам агглютинативного строя.[4]

Таким образом, вопрос о типе языка и вообще о принципах типологической классификации языков остается до сих пор открытым, что еще раз подтвердилось на данной дискуссии и на совещании по типологии восточных языков (Москва, 1963 г.).[5]

В связи с этим представляется интересным проследить, насколько структурные признаки слова эскимосского языка, признаваемого «типично агглютинативным», соответствуют перечисленным выше признакам, свойственным другим языкам, именуемым агглютинативными.

В грамматической литературе по эскимосскому языку утверждается, что «каждое эскимосское слово может состоять из одной корневой морфемы и нескольких формальных».[6] Это положение требует значительного уточнения. В эскимосском языке, как и в ряде других, существует не один, а несколько морфологических типов слова. Наряду со словами морфологически

---

[3] См., например: А. К. Боровков. Агглютинация и флексия в тюркских языках. Сб. памяти акад. Л. В. Щербы, Л., 1951, стр. 117—125; А. А. Холодович. Из истории японской лингвистики (агглютинативная теория и проблема родственных связей японского языка). Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1941, № 1, стр. 73—98; В. А. Горцевская. О флексии и словосложении в эвенкийском языке. Докл. и сообщ. ИЯ АН СССР, № 11, 1958, стр. 20—35; О. П. Суник. К типологической характеристике языков тунгусо-маньчжурской группы. ВЯ, 1957, № 6, стр. 3—14.

[4] См., например: В. В. Иванов. Об агглютинации в индоевропейском основообразовании и формообразовании. ТД 2, стр. 24—28; В. М. Солнцев. К вопросу об агглютинации в китайском языке. ТД 2, стр. 42—44.

[5] См.: Совещание по типологии восточных языков. Тезисы докладов. М., 1963.

[6] Г. А. Меновщиков. Грамматика языка азиатских эскимосов, ч. 1. М.—Л., 1962, стр. 63.

членимыми, в которых действительно выделяются корень и суффиксы (суффикс), т. е. морфема вещественная и морфемы формальные, встречаются и слова морфологически нечленимые и грамматически неизменяемые, т. е. слова, в которых на данном этапе развития эскимосского языка нельзя выделить ни корня, ни аффикса, ни основы, ни окончания. К таким словам относятся некоторые наречия, вводные слова, слова-частицы, союзы, междометия типа: *рыпаḷ* ‘даже’, *шин* ‘пока’, *нака* ‘нет’, *ага* ‘вон’, *аши* ‘ли’, *люраӄ* ‘вероятно’, *ама* ‘и’, *ишын* ‘если’, *аḷя* ‘еще’ и т. д. Ни вещественной, ни служебной морфемы в словах этого типа выделить невозможно.

Относительно способа соединения морфем в эскимосском слове в общем правильно отмечено, что структура большинства морфологически членимых слов «отличается четкостью границ как на стыках корневых и формальных морфем, так и между отдельными морфемами».[7]

Но и признак структурной «прозрачности» не является постоянным для эскимосского слова, поскольку «на границах соединения морфем... часто происходит изменение звуков (чередование согласных и гласных, их фузионное слияние или выпадение), поэтому вещественная часть слова (и не только вещественная, — *Н. Е.*) может подвергаться частичным структурным изменениям».[8] Рассмотрим некоторые случаи этого рода.

Так, например, при образовании лично-притяжательных форм имени (3-е лицо ед. и мн. числа) происходит слияние конечного гласного основы с лично-притяжательными аффиксами (*-а*, *-и*): *аӈjаӄ* ‘байдара’ (*аӈja-* корень, *-ӄ* — аффикс), *аӈja-+-а* > *аӈjā* ‘его байдара’, *аӈja-+-и* > *аӈji* ‘его байдары’. Ср. также лично-притяжательные формы падежей (например, показатель 1-го лица обладателя *-м*, показатель мн. числа *-т*, показатель падежа *-нун*), где в результате стечения трех согласных показатель числа *-т* сливается с начальным согласным падежного аффикса *-н*, образуя один качественно новый звук *н̲* (глухой): *гуйгу* ‘дом’, *гуйгу-м-н̲ун* ‘к нашему дому’ < *гуйгу-+-м+-т+-нун* (*т+н* = *н̲*).

Аналогичные явления наблюдаются и во многих других случаях. Например, в глагольных формах: *агля-* ‘идти’, *аглята-* ‘вести’, *аглятаӄā* ‘он его ведет’ (< *аглята-ӄа-+-а*); *аглясимā* ‘он его вел’ (< *агляси-ма-+-а*); *агляси-мī* ‘он их вел’ (< *агляси-ма-+-и*); *агля-ḷы-ӄā* ‘он его поведет’ (< *агля-ḷы-ӄа-+-а*); *агля-ḷы-ӄī* ‘он их поведет’ (< *агля-ḷы-ӄа-+-и*). Или: *игаʁаӄуӄ* ‘пишет’, но *игинаʁаӄуӄ* ‘только пишет’ (корень *ига-* + ограничительный суфф. *-ина* > *игина-* ‘только писать’); *пиḷяʁjук* ‘скука’, но *пиḷилӈуӄ* ‘не скуч-

---

[7] Там же, стр. 66.
[8] Там же, стр. 54.

ный' (корень *пиḷя-* + суффикс отрицания *-и* > *пиḷи-*); *аʁнақ* 'женщина', но *аʁнилңуқ* 'некрасивая' (корень *аʁна-* + суффикс отрицания *-и* > *аʁни-*) и др.

Во всех этих случаях невозможно провести границу между морфемой корневой и формальной.

Вопрос о свойствах и особенностях структурных компонентов эскимосского слова (в частности корня и основы) является, по-видимому, наименее исследованным, хотя и по этому вопросу в литературе по эскимосскому языку имеется ряд определенных указаний. Из всех высказываний по этому поводу следует, во-первых, что «непроизводная основа (или корневая морфема, корень слова) — это для современного состояния языка азиатских эскимосов часть слова, выражающая его главное лексическое значение и повторяющаяся в ряде словоформ», во-вторых, что «непроизводные основы в эскимосском языке подразделяются на два типа: 1) непроизводные основы, материально и семантически совпадающие с законченным словом и 2) основы того же типа, не совпадающие материально и семантически с законченным словом, а составляющие только основообразующую часть его», и, в-третьих, что «среди непроизводных основ первого типа по лексическому значению выделяются имена, наречия, частицы, союзы, междометия», а среди основ второго типа «чисто глагольные основы, которые не употребляются в качестве самостоятельных слов без последующего оформления их глагольными или именными слово- и формообразующими морфемами».[9]

Прежде всего смущает мысль о том, что среди «основ, совпадающих с законченным словом», «по лексическому значению выделяются имена, наречия, частицы, союзы, междометия». Ведь выделение основы в таких словах, как наречия, частицы, союзы, междометия, невозможно. Основа слова выделяется только в именных и глагольных словах, т. е. словах склоняемых и спрягаемых. На материале этих слов мы и проследим, во-первых, соотношение между корнем, основой и законченным словом и, во-вторых, правомерность установленного Г. А. Меновщиковым деления основ на два типа — основы совпадающие и основы, не совпадающие с целым словом.

Рассматривая структурные признаки имени существительного, Г. А. Меновщиков пишет, что «все непроизводные и производные основы имен существительных эскимосского языка по структурным признакам в исходной форме (абсолютный падеж, единственное число) делятся на 4 класса». В зависимости от поведения конечного звука основы эти классы подразделяются на 7 групп.[10]

[9] Там же, стр. 55—56.
[10] Там же, стр. 80.

Трудности разграничения корня, основы и целого слова могут быть наглядно представлены при рассмотрении указанных 4 классов (и 7 групп) основных форм имени существительного (а не основ имен).

I класс. Имена, в основной форме оканчивающиеся на гласный.

1-я группа — основная форма сохраняет при словоизменении конечный гласный: *пана* 'копье', *пана-к* (дв. ч.), *пана-т* (мн. ч.), *пана-мыӈ* (твор. п.). Морфема *пана-* остается неизменной не только при словоизменении, но и при словообразовании: *пана-рақ* 'штык', *пана-кwақуқ* 'закалывает копьем', *пана-ӈилӈуқ* 'не имеющий копья', *пана-қутақуқ* 'сражаются копьями', *пана-ӈақуӈа* 'приобретаю копье' и т. д. Во всех этих случаях *пана-* выступает как корневая морфема (в современном эскимосском языке она нечленима), внешне совпадающая и с основой слова и с законченным словом в основной форме (абсолютный падеж, единственное число). Данная группа имен отвечает, следовательно, одному из основных признаков агглютинативного языка (совпадение корня, основы с целым словом).

Иначе обстоит дело с именами прочих групп этого и других классов.

2 группа — основная форма с изменяющимся конечным гласным *а* (*а* > *ы*): *тума* 'след', *тумы-к* (дв. ч.), *тумы-т* (мн. ч.), *тумы-м* (отн. п.). Здесь основа имени в форме *тума-* наблюдается лишь в абсолютном падеже единственного числа. Во всех других формах этого же слова основой является *тумы-*. Совпадает ли в данном случае основа *тума-/тумы-* с корнем слова?

Возьмем несколько однокорневых словоформ: *тума* 'след', *тумсима* 'следить стал', *тума-ҳами* 'по дорожке', *нықым тумаӈа* 'пищевод', *тум-тиқуқ* 'преследует', *тум-каҳқақ* 'маршрут', *тумӈиҳақ* 'тропинка', *тумы-л̂қусиҳақ* 'тропа', *тумы-/ӈыл̂қуқ* 'горная тропа' и т. д.

В данных примерах в качестве корневой выступают морфемы *тума-*, *тум-*, *тумы-*. Таким образом, во 2-й группе имен мы имеем варианты корня типа *тума-/тумы-/тум-*, варианты основы *тума-/тумы-* и основную форму слова *тума* 'след'. Признак «совпадения» корня, основы и слова нарушен.

II класс. 3-я группа — основа слова с конечным *н*, который при словоизменении в любых сочетаниях с другими звуками чередуется с *т*: *манан* 'удочка', *манат-ы-т* (мн. ч.), *манат-ми* (местн. п.). Конечный согласный *-т* входит в основу всех косвенных форм слова *манан*, и мы имеем два варианта основы *манан-/манат-*.

Является ли часть слова *манан-* корнем слова *манан?* Сравним однокорневые слова: *мана-қыл̂ық* 'улов', *мана-кwик* 'место

ловли рыбы', *мана-л̂ыӄ* 'рыбная ловля', *мана-ҳта* 'рыболов', *мана-ʁа-ӄат* 'ловят' и т. п. Во всех этих словах выделяется корневая морфема *мана-*. Конечный *н* не входит в корень слов, так как посредством этого элемента (суффикса) образуются имена орудийного значения (ср. *-каюгун* 'тесло' от глагольной основы *каюк-* 'долбить', *каюн* 'помощь' от основы *каю-* 'помогать', *акузин* 'слово' от основы *акузи-* 'говорить', и т. д.).[11]

Таким образом, в данном случае корень слова — *мана-*, варианты основы — *манан-* (только в абс. падеже) и *манат-* (во всех остальных падежах), а целое слово — *манан* 'удочка'.

III класс. Имена, в основной форме оканчивающиеся на увулярный *ӄ*.

4-я группа — основная форма с конечным *ӄ*, утрачивающимся при словоизменении: *аʁнаӄ* 'женщина', *аʁна-к* (дв. ч.), *аʁна-т* (мн. ч.), *аʁна-мун* (дат.-напр. п.). В данной группе имен конечный согласный *ӄ* не является не только принадлежностью корня, но не входит и в состав основы слова, поскольку он не встречается в косвенных формах. То же самое наблюдается и при словообразовании: *аʁна-лгун* 'двоюродный брат, сестра (по матери)', *аʁна-лʁун* 'группа женщин', *аʁна-л̂ӄшаӄ* 'старуха', *аʁна-сялык* 'самка моржа' и др. Здесь мы имеем корень слова *аʁна-*, совпадающую с ним внешне основу *аʁна-* и не совпадающую с ними основную форму слова *аʁнаӄ* 'женщина'.

5-я группа — основная форма с конечным *ӄ*, чередующимся при словоизменении с *ʁ*, *ҳ*: *аʁныӄ* 'день', *аʁныʁ-ы-т* (мн. ч.), *аʁны-мун* (дат.-напр. п.), *аʁныҳ-кун* (прод. п.). Во всех случаях словоизменения и почти во всех формах словообразования конечный увулярный сохраняется. Здесь произошло полное сращение конечного согласного основной формы имени с его первичной основой. Имеются лишь единичные однокорневые словоформы, в которых отсутствует формант *ӄ* (ср. *аʁны-л̂ӄусиӄ* 'целый день').

Таким образом, здесь мы имеем, по-видимому, варианты основы *аʁныӄ-* (только в абс. падеже ед. числа), *аʁныʁ-*/*аʁныҳ-* (во всех других падежах и числах) и основную форму имени *аʁныӄ* 'день'. Возможно, что в современном эскимосском языке варианты основы в данном случае внешне совпадают с вариантами корня.

6-я группа — основная форма с конечным увулярным *ӄ*, утрачивающимся при словоизменении в ед. числе отн. падежа, а также в дв. числе и в абс. и отн. падежах мн. числа: *таʁнуҳаӄ* — 'ребенок', *таʁнуҳа-к* (дв. ч.), *таʁнуҳа-т* (мн. ч.), *таʁнуҳаʁ-мун* (дат.-напр. п.), *таʁнуҳаҳ-*/*кун* (прод. п.) и т. д. Дан-

[11] Там же, стр. 91.

ная группа имен является доказательством того, что конечный увулярный *қ* не является исконным компонентом основы или корня. Здесь мы имеем варианты основы *таʁнуҳа-/таʁнуҳақ-* (только в абс. п.)/*таʁнухаʁ таʁнуҳаҳ* и основную форму *таʁнуҳақ* ‘ребенок’. В большинстве случаев словообразования компонент *қ* отсутствует: *таʁнуҳа-/лʁутақ* ‘детский сад’, *таʁнуҳа-маl̂ық* ‘детство’, *таʁнуҳа-лыхтақ* ‘человек, имеющий детей’, *таʁнуҳа-люңа* ‘когда я был ребенком’.

Выделение корня в словах III класса вообще приходится производить очень осторожно, так как многие примеры указывают на словообразовательную роль конечного форманта *қ*. Например: *иҳа* ‘рука’, *иҳақ* ‘перчатка’; *айва* ‘север’, *айвақ* — ‘северный ветер’; *сна* ‘край, кромка’, *снақ* ‘берег’, и т. п. К тому же в таких словах, как *аʁнақ* ‘женщина’, *аʁнық* ‘день’, *таʁнуҳақ* ‘ребенок’, можно выделить суффиксы *-на(қ)*, *-ны(қ)*, *-ҳа(қ)*, которые легко выделяются в других словах современного эскимосского языка.[12]

IV класс. 7-я группа — основная форма с конечным заднеязычным *к*, чередующимся при словоизменении с *г*, *х*: *юк* ‘человек’, *юг-ы-т* (мн. ч.), *юг-мун* (дат.-напр. п.), *юх-кун* (прод. п.). Конечный согласный входит в основу слова, выступающую в вариантах *юк-* (только в абс. падеже ед. числа), *юг-/юх-* (во всех других падежах и числах). Полного совпадения слова и его основы здесь не наблюдается. Но тождественна ли выделенная выше часть слова *юк-* корню слова? Сравнение с однокорневыми словами позволяет признать корневой морфемой не *юк-*, а *ю-*: *ю-пик* ‘настоящий человек’, ‘эскимос’, *ю-лʁун* ‘группа мужчин’, *ю-лиҳl̂ықа* ‘заселит’, *ю-l̂қусиқ* ‘пожилой мужчина’, *ю-пигыстун* ‘по-эскимосски’, *ю-сқуниʁақ* ‘карлик’, *ю-кыхтақ* ‘красавец’ и т. д. Таким образом, если конечный согласный *к* входит в корень слова *юк*, то к данному корню *юк-/юг-/юх-* следует прибавить и вариант корня *ю-*. Следовательно, отмечаются варианты основы *юк-/юг-/юх-*, варианты корня *ю-/юк-/юг-/юх-* и слово *юк* ‘человек’. Возможно, что конечный *к* данной группы имен является вторичным компонентом. Вообще утверждение о том, что конечный согласный имен *к* никогда не отпадает, а лишь чередуется с *г* и *х*, требует уточнения. Конечный *к* действительно является весьма устойчивым и сохраняется при словоизменении имен этой группы. Однако при словообразовании *к* утрачивается, и производящей основой в таких случаях выступает основа на гласный: *каник* ‘снег’ > *кани-взыкақ* — ‘мелкие снежинки’, *қаwак* ‘птица’ > *қаwа-мзыкақ* ‘мелкая птица’, *пилюгук* ‘одежда’ > *пи-*

---

[12] Там же, стр. 95, 86, 106.

люгу-ни ‘свою одежду’, *папык* ‘хвост’ > *папы-рахтиқуқ* ‘виляет хвостом’, *паник* ‘дочь’ > *пани-ни* ‘свою дочь’, *пани-рак* ‘дочь от «незаконной» жены’ и т. д. Очевидно, это говорит о вторичности конечного форманта *к* в именах данного типа.

Предположение о том, что «чистые» основы в исходе имели или имеют гласный звук, подтверждают вообще все классы имен, оканчивающихся в основной форме (абс. падеж ед. число) на согласный звук (*н*, *қ*, *к*). Значение форманта *-н* определенно (орудийность). Форманты *-қ* и *-к*, очевидно, исторически являются показателями единственного числа (или показателем основной формы имени). К рассмотренным выше фактам можно добавить, например, лично-притяжательные формы имен III и IV классов.

III класс: *аънақ* ‘женщина’, *аъна-ҳ-пут* ‘наша женщина’, *аъна-пут* ‘наши женщины’; *иънық* ‘сын’, *иъны-ҳ-пут*, *иъны-пут*; *таънуҳақ* ‘ребенок’, *таънуҳа-ҳ-пут*, *таънуҳа-пут*.

IV класс: *аткук* ‘кухлянка’, *атку-х-пут*, *атку-пут*.

Эти примеры наглядно показывают, что форманты *-қ* и *-к* присутствуют только в лично-притяжательных формах ед. числа объекта обладания, тогда как в формах мн. числа они отсутствуют. Даже в группах имен, где произошло полное или частичное сращение конечного согласного с основой имени, в этих формах восстанавливается чистая основа на гласный.

Какие же выводы можно сделать из рассмотренных выше фактов?

Во-первых, корень слова, непроизводная основа и законченное слово не только не тождественны, но даже чисто внешне совпадают далеко не во всех случаях. В односложных словах, оканчивающихся на гласный, это совпадение можно признать несомненным (ср.: *пу* ‘рукоятки’, *на* ‘мать’, *ма* ‘пространство’). Но слова этого типа составляют самую незначительную часть лексики эскимосского языка. Что же касается односложных слов на согласный (*мық* ‘вода’, *люк* ‘праща’, *ляқ* ‘кромка льда’), многосложных слов на гласный (*мысюна* ‘гребень’, *сисыля* ‘стамеска’) и согласный (*аънақ* ‘женщина’, *таънуҳақ* ‘ребенок’), то здесь интересующий нас вопрос должен решаться особо.

Даже о внешнем совпадении корня слова с основной формой целого слова на данном уровне исследования можно говорить лишь условно. Основы этих типов слов имеют различные варианты, но ни они, ни инвариант (если принять за него основу имени в абс. падеже ед. числа) не всегда совпадают с основной формой имени:

во 2-й группе имен варианты основы — *тума-*/*тумы-*, основная форма целого слова — *тума* ‘след’;

в 3-й группе варианты основы — *манан-*/*манат-*, основная форма слова — *манан* ‘удочка’;

в 4-й группе основа — *аʁна-*, основная форма слова — *аʁнақ* ‘женщина’;

в 5-й группе варианты основы — *аʁнық-* / *аʁныʁ-* / *аʁныχ-*, основная форма слова — *аʁнық* ‘день’;

в 6-й группе варианты основы — *таʁнуχа-* / *таʁнуχақ-* / *таʁнухаʁ-* / *таʁнуχаχ-*, основная форма слова — *таʁнуχақ* ‘ребенок’;

в 7-й группе варианты основы — *юк-* / *юг-* / *юх-*, основная форма слова — *юк* ‘человек’.

Все это говорит о том, что один из основных признаков агглютинативных языков (лексическая самостоятельность корня или основы, совпадение их с законченным словом) не может быть отнесен к эскимосскому языку.

Однако, по мнению Г. А. Меновщикова, как уже упоминалось выше, основы имен существительных потому и выделяются в особый тип основ, что все они совпадают с законченным словом. К другому типу основ — основ, не совпадающих с законченным словом, — им отнесены глагольные основы. Но в действительности как раз глагольные основы эскимосского языка могут внешне совпадать с законченным словом. Так, например, 2-е лицо ед. числа повелительного наклонения не имеет аффиксального оформления и внешне совпадает с глагольной основой: *улима* ‘делай’ (*улимақуқ* ‘делает’), *укини* ‘шей’ (*укиниқуқ* ‘шьет’). Причем форма повелительного наклонения (2-е л. ед. ч.) совпадает не только с основой на гласный.[13] Безаффиксально- и аффиксально-производные основы, а также так называемые основы на согласный (*қ*) по составу звуков равны данной форме повелит. наклонения: *вуваʌ̂ля* ‘празднуй’ (*вуваʌ̂ля* ‘праздник’ > *вуваля-* ‘праздновать’), *пама* ‘откачивай’ (*пама* ‘насос’ > *пама-* ‘откачивать’), *панаңʌ̂ля* ‘делай копье’ (*пана* ‘копье’, *панаңʌ̂ля-* ‘делать копье’), *мыχта* ‘иди за водой’ (*мық* ‘вода’, *мыχта-* ‘идти за водой’), *агля* ‘иди’ (*агля(қ)-* ‘идти’, *аглякақуқ* ‘идет’) и т. д.[14]

Таким образом, основы в эскимосском языке действительно можно разделить на два вида: основы, внешне совпадающие и основы не совпадающие с одной из форм законченного слова. Однако основы и первого и второго вида встречаются и среди именных основ и среди глагольных.

С признаком лексической самостоятельности корня в агглютинативных языках тесно связан и признак неизменяемости, стабильности корня.

---

[13] Там же, стр. 56.

[14] Как видим, все глагольные основы, так сказать, в совершенно чистом виде оканчиваются на гласный.

В отношении эскимосского языка этот признак не может быть признан абсолютным. Наиболее устойчивыми являются именные корни, так как в них лишь в некоторых случаях наблюдается изменение конечного звука (ср.: *на* ‘место’ > *ны-т* ‘места’). Глагольные корни менее стабильны, и во многих случаях наблюдаются варианты того или иного глагольного корня. Например: *итыӄ-* ‘входить’, *итыв-вик* ‘вход’, *итҳа-ӄук* ‘входит’, *итыҳ-ӆыӄук* ‘войдет’, *иты-мсяҳтук* ‘наконец-то зашел’, *итӄ -аҳлыкук* ‘ворвется’, *итӄа-мак* ‘вошел’, *итҳу-ӆыӄа* ‘занесет’, *итӄу-ни* ‘когда он войдет’ и др. (варианты корня: *итыӄ-* ~ *итыв-* ~ *итыҳ-* ~ *итҳа-* ~ *иты-* ~ *итӄ-* ~ *итӄа-* ~ *итҳу-* ~ *итӄу-*). Или: *ив-ӄуҳ* ‘прячется’, *иҳ-ӆыӄук* ‘спрячется’, *иӄа-ӄ* ‘спрятанный’, *ив-мака* ‘я спрятал его’ и др. (варианты корня: *ива-* ~ *иҳ-* ~ *иӄа-* ~ *ив-*).

Рассмотрим далее следующий признак — моносемантизм аффиксов.

Этому вопросу был посвящен специальный доклад Г. А. Меновщикова, основным тезисом которого является положение о том, что «моносемия формальных морфем, особенно морфем функционального формоизменения (показатели лица, числа, падежа), устойчиво сохраняется как в одном общем парадигматическом ряду слов, относящихся к одной части речи, так и в категориальном грамматическом ряду словоформ, образованных от одного слова».[15]

Но и вопрос о моносемии эскимосских аффиксов (формальных морфем) не является бесспорным. И в парадигме склонения и в парадигме спряжения имеются случаи, опровергающие приведенное выше заключение.

Приведем парадигму простого склонения имени существительного (*аванаӄ* ‘женщина’):

Абс.	*ава-ӄ*	*ава-к*	*ава-т*
Отн.	*ава-м*	*ава-к*	*ава-т*
Твор.	*ава-мыӈ*	*ава-г-ныӈ*	*ава-ныӈ*
Дат.-напр.	*ава-мун*	*ава-г-нун*	*ава-нун*
Местн.	*ава-ми*	*ава-г-ни*	*ава-ни*
Прод.	*ава-нун*	*ава-гны-кун*	*ава-т-хун*
Сравн.	*ава-стун*	*ава-г-ы-стун*	*ава-стун*

Из этой парадигмы видно, что лишь в двойственном числе выдержан признак моносемии суффиксов, так как в косвенных падежах отмечаются: основа + показатель дв. числа + падежный

---

[15] Г. А. Меновщиков. Моносемия суффиксов в эскимосском языке. ТД2, стр. 44—46. — В изданной позднее «Грамматике языка азиатских эскимосов» автор указывает, что признак однозначности (моносемии) формальных морфем не является исключительным для эскимосского языка (стр. 66).

показатель. В ед. и мн. числе в каждом из формальных элементов заключено и значение падежа и значение числа (исключение составляет продольный падеж мн. числа). То же самое наблюдается в лично-притяжательных формах имени, где к тому же в косвенных падежах наблюдается полное совпадение форм ед. и мн. числа.

Аналогичные явления наблюдаются и в глагольных формах. Например: *таги-ӷу-ӷ* ‘он приходит’, где *таги-* основа, *-ӷу* — показатель времени (настоящее) и наклонения (изъявительное), *-ӷ* — показатель 3-го л. ед. ч. субъектного спряжения; *агля-ма-ӈа* ‘он шел’, где *агля-* — основа, *-ма* — показатель времени (прошедшее) и наклонения (изъявительное), *-ӈа* — показатель 1-го л. ед. ч. субъектного спряжения. В переходных глаголах, например, имеем формы типа *аглятаӷā* ‘он его ведет’, где *аглята-* — переходная основа, *-ӷа* (без долготы гласного *а*) заключает в себе значения времени (настоящее), наклонения (изъявительное), формы спряжения (субъектно-объектное). Долгота гласного (*-ӷā*) в этом показателе (исторически *-ӷа+-а*) указывает на значение 3-го л. ед. ч. субъекта и 3-го л. ед. ч. объекта (‘он-его’).

Следовательно, и тезис о сплошной моносемии аффиксов при внимательном рассмотрении фактов языка оказывается во многих отношениях несостоятельным.

К этому же можно добавить, что во всех других субъектно-объектных формах глагола 3-е лицо субъекта или объекта (ед. и мн. числа) выражается отрицательно (нуль), тогда как 1-е и 2-е лица субъекта и объекта всегда выражены аффиксально: *аглята-м-кын* ‘я тебя веду’ (*-м-кын* ‘я-тебя’), *аглясима-ҳпысиӈа* ‘вы меня вели’ (*-ҳпыси-ӈа* ‘вы-меня’); но *аглясима-т* ‘они его вели’ (*-т—О* ‘они-его’), *аглясима-си* ‘вы их вели’ (*-си-О* ‘вы-их’), *агляси-ма-тын* ‘он тебя вел’ (*О-тын* ‘он-тебя’) и т. д.

Эти факты показывают, что и признак последовательно агглютинативного языка — «каждому значению соответствует специальный аффикс» — в эскимосском языке также не выдержан.

Признак стандартности аффиксов в агглютинативных языках («для каждого грамматического значения употребляется один и тот же аффикс») является, на наш взгляд, наименее убедительным. Многие факты эскимосского языка подтверждают это положение. Приведем несколько примеров.

Показателем переходности глагольной основы является *-та* (*агля-* ‘идти’, *аглята-* ‘нести’, *аглятаӷā* ‘он его несет’), однако в прошедшем времени значение переходности выражается показателем *-си* (*агля-си-ма* ‘он его нес’).

Показателем изъявительного наклонения и настоящего времени в субъектных глагольных формах является показатель

-ӷу (*таги-ӷу-ӷ* ‘он приходит’), в субъектно-объектных формах эти значения передает показатель *-ӷа* (*тагита-ӷа-ӷа* ‘я его принесу’).

Показателем, например, 1-го лица ед. числа в переходных глаголах выступает морфема *-ӈа*, в переходных — *-ӷа* (например: ‘я-его’), *-м* (например: *-м-кын* ‘я-тебя’), в деепричастиях — *-ма* (*анӷа-ма* ‘когда я вышел’), *-ка* (*анаӄут-ка* ‘как только я вышел’) и т. д.

Можно ли считать, таким образом, эскимосский язык «типично агглютинативным»?

Несомненно, что явления агглютинации в этом языке имеются (и в области способов соединения морфем, и в области особенностей структурных элементов слова), причем эти явления превалируют над другими (фузия, флексия). Однако абсолютизация признаков, якобы свойственных любому агглютинативному языку, может привести к игнорированию всех других признаков, что помешало бы установлению типологических черт, в частности, эскимосского языка.

Ведь если эскимосскому языку свойственны основные признаки языка агглютинативного, то некоторые другие признаки, которыми обладают те или иные агглютинативные языки, в эскимосском отсутствуют. Так, не доказано, что формальные элементы в эскимосском языке (в абсолютном большинстве) восходят к знаменательным словам, или, например, в этом языке не наблюдается сингармонизм гласных (как это имеет место в тюркских, тунгусо-маньчжурских и чукотско-камчатских языках).

С другой стороны, в эскимосском языке имеются явления, не типичные для других агглютинативных языков (в частности для вышеупомянутых). Например, в нем широко развито межкатегориальное словообразование по способу конверсии, когда имя и глагол имеют материально совпадающие основы и различаются лишь системой своих форм, т. е. парадигмами: *агуля* ‘танец’ (отн. п. *агуля-м*, твор. п. *агуля-мыӈ*, дат.-напр. п. *агуля-мун* и т. д.), но *агуля* ‘танцуй’, *агуля-ӷу-ӷ*, *агуля-ма-ӷ*, *агуля-ӆы-ӷу-ӷ* и т. д. (*-ӷу* — показатель наст. времени, изъяв. наклонение, *-ма* — показатель прош. времени, *-ӆы* — показатель буд. времени, *-ӷ* — показатель 3-го л. ед. ч. субъектного спряжения).

Все указанные и многие другие факты требуют тщательного описания, необходимого, в частности, и для типологических исследований.

М. А. Кумахов

К ПРОБЛЕМЕ АГГЛЮТИНАЦИИ В АБХАЗСКО-АДЫГСКИХ ЯЗЫКАХ

Прежде чем приступить к краткой характеристике основных форм проявления агглютинации в абхазско-адыгских языках, представляется необходимым сделать одно замечание относительно традиционных (морфологических) классификаций языков. Основным недостатком существующих морфологических классификаций, в том числе более совершенной классификации Э. Сепира, считается то, что они не отражают реальной картины морфологической структуры языков. Стали общим местом высказывания о том, что этот недостаток связан с природой самого языка, который сочетает в себе различные тенденции. В этом отношении очень показательна классификация Гринберга, который сделал попытку определить количественное соотношение элементов различных типологических признаков в пределах конкретных языков.[1] Однако не в этом заключается основной недостаток морфологических классификаций. Классификация, построенная с точки зрения того, какие признаки морфологического строения слова преобладают в данном языке, представляла бы значительный интерес для изучения типологии языков. Но принципы морфологической классификации остаются до сих пор несовершенными. Дело в том, что в основе морфологической классификации лежат конститутивные единицы различных языковых уровней, хотя морфологические типы языков следует выделять с точки зрения морфемного строения слова. В результате само понятие морфологического типа оказывается в научной литературе неустойчивым. Отчасти (если не в основном) это объясняется тем, что вопрос о границах слова, структура которого должна лечь в основу морфологической классификации как в традиционном, так и в современном языкознании не получил удовлетворительного решения. В этой связи можно сказать, что бесконечные дискуссии о природе сложного предложения, например, в иберийско-кавказском языкознании в сущности сводятся к вопросу о том, образуется ли путем сочетания морфем придаточное предложение. Аффиксальные образования типа кабардинск. *макIуэмэ* ‘если он идет’ одни ученые считают формой слова, точнее формой наклонения, а другие рассматривают их как придаточное предложение. Вопросы разграничения слов, форм слов, словосочетаний и пред-

---

[1] J. H. Greenberg. A quantitative approach to the morphological typology of languages. International Journal of American Linguistics, vol. XXVI, 1960, № 3.

ложений остаются нерешенными во многих языках, в том числе в индоевропейских, которые являются наиболее изученными. К решению этих кардинальных общих вопросов лингвисты подходили и все еще подходят не со структурной, а с логико-семантической точки зрения. Отсюда в сущности и проистекает постоянное смешение слова и словосочетания, слова и предложения. Естественно, что это обстоятельство не могло не отразиться на существующих морфологических классификациях. Нетрудно заметить, что в основу этих классификаций наряду с морфемной структурой слова положена структура синтаксических единиц, в частности словосочетания и предложения, которые отождествляются со словом при выделении последнего с семантической точки зрения. Так, выделение так называемых инкорпорирующих языков в особый тип основывается в ряде случаев на структуре не морфологических, а синтаксических единиц. Само понятие инкорпорации в литературе является крайне расплывчатым. Если в свое время В. Гумбольдт считал инкорпорацию не морфологическим, а синтаксическим типом, т. е. типом предложения, и не отграничивал ее резко от агглютинации,[2] то Н. Ф. Яковлев подводил под понятие инкорпорации словосложение, а иногда — личные формы глагола.[3] Не может считаться также обоснованным безоговорочное включение в морфологическую классификацию языков так называемого аналитического строя, поскольку не получил еще однозначного решения вопрос о том, является ли аналитическая форма формой одного слова или сочетанием слов. При решении этого вопроса до сих пор отодвигается на задний план или вовсе игнорируется формальный, структурный критерий, на основании которого следует отграничить аналитические формы от смежных единиц. Между тем не требует особых пояснений то обстоятельство, что противопоставление языков аналитического строя языкам синтетического строя в пределах морфологической классификации теоретически оправдано лишь в том случае, если крайне разнородные языковые единицы, относимые к аналитическим формам, представляют собой парадигматическую модификацию одного и того же слова. В противном случае, т. е. если эти единицы с формальной, структурной точки зрения являются словосочетаниями или сочетаниями словоформ, вполне оправдан термин «морфо-синтаксис», против которого возражают некоторые лингвисты.

---

[2] Т. С. Шарадзенидзе. Классификации языков и их принципы. Тбилиси, 1958 (на груз. яз.).

[3] Н. Ф. Яковлев. Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. М., 1948, стр. 243—244.

Абхазско-адыгские языки характеризуются чрезвычайно высокой степенью синтетизма. Причем синтетизм в этих языках относится к важнейшему классу слов — глаголу, который находится в центре морфологии. В понимании сущности синтетизма в абхазско-адыгских языках среди исследователей нет единства. Так, акад. И. И. Мещанинов, рассматривая синтетизм в различных языках, в том числе абхазско-адыгских, относит к этому явлению лишь словоизменительные формы, т. е. производящую основу в сочетании с аффиксами, выражающими синтаксические отношения. В качестве синтетического построения И. И. Мещанинов приводит из кабардинского языка глагольную форму в предложении: *Сэ форчхэм бажэм с-а-р-е-уашъ* 'Я ружьями лисицу бил'. Под синтетизмом И. И. Мещанинов понимает исключительно синтаксический прием, используемый для передачи синтаксических отношений между словами в предложении.[4]

Абхазско-адыгские языки иногда рассматриваются лингвистами как полисинтетические языки. Основным доводом в пользу этого является тот факт, что глагол в абхазско-адыгских языках включает в свой состав не только аффиксальные морфемы, выражающие отношения между словами, но и многочисленные основообразующие элементы — аффиксы каузатива, версии, возвратности, союзности, совместности, местные и направительные превербы и т. д. Все эти словообразовательные категории имеют, как и простой, непроизводный глагол, личные формы. В результате образуется глагольный комплекс, функционально эквивалентный предложению. Например (адыгейск.):

У- -а- -къы- -ды- -сэ- -гъа- -кIуэ
'Тебя с ними сюда вместе я заставлю идти'
('Я заставлю тебя вместе с ними идти сюда').

На этой особенности глагола, собственно, и базируется теория полисинтетизма абхазско-адыгских языков. Но возникает вопрос: правомерно ли при классификации языков с точки зрения типологии резко противопоставить абхазско-адыгские языки языкам агглютинативного типа?

Глагольный комплекс, рассматриваемый в качестве основного признака, характеризующего структурный тип этих языков, чаще всего образуется способом прилеп, т. е. путем агглютинации. Совокупность признаков, которые считаются типичными для агглютинативного типа языков (стандартность структуры,

---

[4] И. И. Мещанинов. Члены предложения и части речи. М.—Л., 1945, стр. 33—42.

моносемантизм морфем, четкость границ между ними и др.), свойственна значащим элементам, входящим в состав приведенного глагольного комплекса.

Из сказанного следует вывод: в интересующих нас языках агглютинация наиболее четко проявляется в рамках полисинтетизма глагола. Нельзя, однако, не отметить, что агглютинация не является единственным способом образования многоморфемного глагола. В зависимости от морфологического типа производящей основы в многоморфемном глаголе агглютинация сочетается с флексией и инкорпорацией. Вообще флексия в абхазско-адыгских языках нередко выполняет основообразующую функцию, как это имеет место во флективных языках. Ср. абх. *алагара* 'начинать', *алгара* 'кончать'; адыг., каб. *хэдзэ-н* 'бросить во что-л.', *хэдзы-н* 'выбросить из чего-л.'; адыг. *шьы*, каб. *шъы* 'три', адыг, *шьэ*, каб. *шъэ* 'трижды' и т. д.

Термин «полисинтетизм» по отношению к адыгским языкам лишь подчеркивает высокую степень синтетизма глагола. Полисинтетические языки, как это справедливо отмечено в специальной литературе, правомерно противопоставить лишь аналитическим и синтетическим языкам.[5]

И. О. Гецадзе

К ПРОБЛЕМЕ ЗНАЧЕНИЯ АФФИКСОВ В АГГЛЮТИНАТИВНЫХ ЯЗЫКАХ

(по материалам иберийско-кавказских языков)

Как справедливо указывалось, общеизвестное и кажущееся очень простым определение агглютинативного типа языка, содержащееся в любом учебнике по курсу «Введение в языкознание», на самом деле связано с рядом больших и малых проблем, не получивших еще детального освещения. К их числу, как нам кажется, следует отнести проблему значения аффиксов в агглютинативных языках. Согласно общепринятому мнению, в языках агглютинативного типа каждое грамматическое значение выражено отдельным аффиксом и каждый аффикс имеет одно значение. Иначе говоря, аффиксы агглютинативных языков характеризуются моносемантичностью. Вследствие этого слово

[5] См.: Т. С. Шарадзенидзе, ук. соч.

легко расчленяется на составные части, связь между корневой частью и аффиксами (формантами) слабая.[1] Эта особенность аффиксов в агглютинативных языках отчетливее проявляется при их сопоставлении с аффиксами флективных языков. Так, например, разнозначные слова грузинск. *saxl-eb-s* и русск. *дом-ам* одинаково являются дательным падежом множественного числа. Но грузинское *saxl-eb-s* включает два суффикса: *eb-* — суффикс, образующий мн. число имен, и *s-* — суффикс (флексию) дат. падежа. В русском же слове *дом-ам* выделяется один формант (одна флексия) *-ам*, обозначающая и мн. число и дат. падеж одновременно.[2]

Однако в агглютинативных языках встречается немало случаев отклонения от принципа однозначности (моносемии) аффиксов. Встречаются отдельные форманты, имеющие две функции и, напротив, имеются два аффикса (например, префикс и суффикс), грамматическое значение которых одно (а не два). Ср., например, груз. ***mo**-nadir-e* 'охотник' (от *nadir* 'дичь'), ***sa**-burv-el* 'покрывало' ('то, чем покрывают', — причастие буд. времени страд. залога). В обоих случаях (*mo-e* и *sa-el*) два аффикса выступают с одной функцией.[3]

Аналогичные факты можно найти и в других агглютинативных языках. При учете этих данных уже не легко, как нам кажется, согласиться с утверждением ряда авторов о том, что аффиксы (прилепы) агглютинативных языков всегда и во всех случаях являются носителями только одного определенного значения.[4] Во всяком случае данные ряда иберийско-кавказских языков агглютинативного типа опровергают такое утверждение. Так, например, в том же агглютинативном грузинском языке суффикс так называемого второго множественного *-t(a)* обозначает множественное число имен и выступает в роли показателя одновременно трех падежей — эргативного, дательного и родительного.[5] Ср.:

ḳac-t(a)	(эрг.)	'люди'
ḳac-t(a)	(дат.)	'людям'
ḳac-t(a)	(род.)	'людей'

[1] См.: А. С. Чикобава. Введение в языкознание, ч. 1. М., 1952, стр. 184; А. А. Реформатский. Введение в языкознание. М., 1955, стр. 211—212; Р. А. Будагов. Введение в науку о языке. М., 1958, стр. 322.

[2] А. С. Чикобава, ук. соч., стр. 184.

[3] Там же, стр. 190.

[4] Р. А. Будагов, ук. соч., стр. 322.

[5] А. Шанидзе. Грамматика грузинского языка, I. Морфология. Тбилиси, 1962, стр. 31; К. Д. Дондуа. 1) Об агглютинативном характере грузинского склонения. Докл. АН СССР, 1931, стр. 64; 2) О двух суффиксах множественности в грузинском. Язык и мышление, М.—Л., т. I, 1933.

Значение этих форм в каждом отдельном случае устанавливается лишь с помощью соответствующего контекста. В специальной литературе указано, что этот же аффикс в памятниках древнегрузинского языка пережиточно выполняет также функции творительного и направительного падежей. Более того, суфф. *-t* обозначает множественное число не только в именах, но и в глаголе — при 1-м и 2-м субъектных лицах:

v-xaṭav-t 'рисуем мы'
h-xaṭav-t 'рисуете вы'

Многозначностью характеризуется также другой суффикс множественности — *-n//-en*, обозначающий одновременно число в именах (ср. *kac-n-i* 'люди') и мн. число и лицо (в 3-м лице) в глаголах: *a-šeneb-en* 'строят они', *tku-n-a*, *tku-n-es* 'сказал он те', 'сказали они те' — при обозначении числа объекта.[6]

С двумя совершенно различными функциями используется и префикс *x-//n-//s*, выполняющий в древнегрузинском языке функцию показателя 2-го субъектного лица, с одной стороны (ср. *x-kadageb* 'ты проповедуешь'), и 3-го объектного лица, с другой (*x-txov-s* 'просит он его').[7]

Из других иберийско-кавказских языков агглютинативного типа полисемантизм аффиксов наиболее рельефно представлен в абхазско-адыгской группе языков, характеризующихся высокой степенью синтетизма глагольного комплекса.[8]

Вопрос об общих чертах проявления принципа агглютинации ставится в статье М. А. Кумахова «К проблеме агглютинации в абхазско-адыгских языках»,[9] где отмечен тот факт, что глагольный комплекс, рассматриваемый в качестве основного признака, характеризующего структурный тип этих языков, чаще всего образуется способом прилеп, т. е. путем агглютинации.[10] При наличии в глагольной форме совокупности тех признаков, которые принято считать типичными для агглютинативных языков, перед специалистами встает задача углубленного исследования особенностей проявления конкретных форм агглютинатив-

---

[6] А. С. Чикобава. К генезису суффиксов множественности в грузинском языке. Иберийско-кавказское языкознание, Тбилиси, VI, 1954, стр. 73.

[7] А. Г. Шанидзе. Субъектный префикс второго лица и объектный префикс третьего лица в грузинском глаголе. Тифлис, 1920 (на груз. яз.).

[8] См.: И. И. Мещанинов. Члены предложения и части речи. М.—Л., 1945, стр. 33—42; Н. Ф. Яковлев. Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. М., 1948, стр. 243—244.

[9] См. здесь, стр. 215.

[10] Там же, стр. 219.

ного способа образования многоморфемного глагола этих языков.[11]

Одним из признаков агглютинативности глагольного комплекса абхазского языка является моносемия аффиксов; но наряду с этим, притом в весьма значительной степени, названный язык характеризуется и полисемантизмом аффиксов. Рассмотрим несколько примеров. Абхазский полиперсональный глагол (т. е. глагол, в котором одновременно выражены лица субъекта и объектов — прямого и косвенного) для выражения субъектно-объектных лиц использует одни и те же префиксы. Ср.: *i-s-fojt* 'то-я-ем', но: *s-a-fojt* 'меня-то (категория вещи) -есть'. Как видим, *-s-* в одном случае используется в качестве показателя субъекта, в другом — объекта. При этом для определения функций личных и классных показателей в абхазском языке принципиальное значение имеет порядок их расположения в глагольных формах. Существует закономерность, согласно которой лично-классные префиксы по-разному располагаются в переходных и непереходных глаголах.[12] На эти же самые показатели при отсутствии системы склонения в абхазском языке возлагается передача синтаксических конструкций. Особенно отчетливо это видно из анализа двух морфологически и синтаксически различных рядов аффиксов, условно названных рядами «л» и «д».[13] Так, аффиксы ряда «д» применяются для обозначения субъекта непереходных глаголов (одноличных и двуличных): *d-cojt* 'он (человек) идет'; *d-a-lagejt* 'он (человек) то начал' и прямого объекта переходных глаголов: *də-d-i-rbejt* 'его (катег. человека) народу он показал'. Еще в большей степени «синтаксической многозначностью» характеризуются аффиксы ряда «л», использующиеся для выражения 1) субъекта переходных глаголов: *i-ra-l-h°ejt* 'то им она сказала'; 2) косвенного объекта переходных глаголов: *i-la-lə-m-h°ejt* 'то **ей** она не ска-

---

[11] Обращают на себя внимание высказывания ряда ранних авторов относительно характера проявления агглютинации в этих языках. Так, например, в кн. Е. Вейденбаума «Путеводитель по Кавказу» (Тифлис, 1888, стр. 84) читаем: «Абхазский язык, распадающийся на несколько наречий, замечателен в том отношении, что он, подобно языкам басков и американских индейцев, принадлежит к так называемым приставочным (агглютинативным) языкам». Это мнение позже разделял и акад. Н. Я. Марр, см. его рукописную работу «Грамматика абхазского языка» (Архив АН СССР, ф. 800, л. 215): «Абхазский язык не избег судьбы быть отнесенным к „агглютинативным"».

[12] См.: П. К. Услар. Абхазский язык, Тифлис, 1887, §§ 31—46; К. В. Ломтатидзе. Категория переходности в абхазском глаголе. Изв. ИЯИМК, АН Груз. ССР, Тбилиси, XII, 1942, стр. 1—11.

[13] К. В. Ломтатидзе. Относительные местоимения в глагольных формах абхазского языка. Сообщ. АН Груз. ССР, Тбилиси, т. III, 1942, № 4, стр. 389.

зала'; 3) косвенного объекта непереходных глаголов: *d-a-nxojt* 'он (человек) то читает'; 4) значения творительного (*aḳarandškua rə-la* 'карандашами') и родительного (*i-xə* 'его голова', *bə-ṭḳə* 'ее платье') падежей.

Аналогичные примеры, свидетельствующие о многозначности аффиксов в грузинском, абхазском, а также в близкородственных ему адыгских языках, можно было бы значительно умножить, но даже при таком количестве фактов становится очевидным, что моносемия аффиксов не является цельной и господствующей в агглютинативных языках. Как мы видели выше, аффиксы языков агглютинативного типа в ряде случаев характеризуются многозначностью (полисемией).

Это явление следует, по-видимому, считать вторичным, возникшим в результате расширения или суживания семантики ряда аффиксов. Так, например, суфф. *-n//-en* в грузинском обозначал лишь множественное число, показателем лица он стал постольку, поскольку другого показателя в 3-м лице не было, а во 2-м и 1-м лице имелись личные показатели (флексии).[14] Поздним явлением надо считать также столь обширную функциональную нагрузку суффикса множественности в грузинском *-t(a)*, который, как неоднократно указывали в специальной литературе, генетически восходит к одному из древнейших экспонентов грамматического класса вещей *-d* (*t//d*), хорошо известного из истории картвельских языков и поныне представленного в большинстве горских иберийско-кавказских языков.[15]

Совпадение префикса 2-го субъектного лица с префиксом 3-го объектного лица (*x-//h-//s-*) также объясняется тем, что данный формант по своему происхождению увязывается с показателем грамматического класса вещей *h-//s-*. Этот префикс исторически не имел ничего общего с обозначением лиц, представляя собой лишь показатель грамматического класса вещей.[16] В истории языка находит также объяснение и многозначность префиксов абхазского полиперсонального глагола: в итоге углубленного исследования грамматической структуры иберийско-кавказских языков стало известно, что смешанной системе спряжения—классно-личной—в абхазском языке предшествовала более простая и однотипная система классного спряжения, сохранив-

---

[14] А. С. Чикобава. Введение в языкознание, стр. 190.

[15] А. С. Чикобава. К генезису суффиксов множественности в грузинском языке, стр. 77.

[16] Г. В. Рогава. К вопросу о переходе классного спряжения в личное спряжение в иберийско-кавказских языках. Сообщ. АН Груз. ССР, Тбилиси, т. XIV, 1953, № 7, стр. 1—11; А. С. Чикобава. Категория грамматических классов и некоторые вопросы спряжения глагола в грузинском языке. Иберийско-кавказское языкознание, Тбилиси, V, 1954, стр. 62.

шаяся и поныне в аварско-андо-дидойских языках, а также в арчинском, рутульском, цахурском, будухском, кистинском. С появлением же личного спряжения существенно меняется и структура глагола и роль показателей грамматических классов, которые постепенно превращаются в классно-личные префиксы, и, соответственно, расширяется их функция в усложненном глагольном комплексе.

П. Я. Скорик

О СООТНОШЕНИИ АГГЛЮТИНАЦИИ И ИНКОРПОРАЦИИ

(на материале чукотско-камчатских языков)

1

Прежде чем рассматривать вопрос о соотношении агглютинации и инкорпорации, следует хотя бы кратко высказать свое мнение об агглютинации и инкорпорации в языках вообще. Это необходимо сделать потому, что некоторые лингвисты стремятся доказать неправомерность выделения агглютинативных и инкорпоративных языков как языков определенных типов. При этом в качестве основного довода указывается, что в языках, выделяемых как агглютинативные, действует не только агглютинация, но и другие технические приемы. Что касается инкорпорации, то ее иногда пытаются рассматривать как чисто синтаксический прием, как обычное словосочетание,[1] а в отдельных случаях без каких-либо рассуждений стремятся отнести к словообразованию.[2]

Однако попытки отрицать наличие языков агглютинативного и инкорпоративного типов представляются ничем не оправданными и беспочвенными.

В мире, как известно, нет языков чисто флективных, чисто изолирующих и точно так же чисто агглютинативных. В каждом

---

[1] См., например: В. З. Панфилов. К вопросу об инкорпорировании. На материале нивхского (гиляцкого) языка. ВЯ, 1954, № 6.

[2] Ср., например, тезисы доклада О. П. Суника «Проблема соотношения агглютинации и флексии», где сказано: «Под „агглютинацией“ обычно понимают... широко распространенный во всех языках способ соединения („склеивания“) различных компонентов одного цельнооформленного слова (простого или сложного, в том числе „инкорпорированного“)...» (ТД 2).

языке имеется не один, а несколько способов образования слов и их форм. Но морфологическая классификация (полезная и необходимая как методический прием в изучении строя языков) учитывает не все технические средства данного языка, а лишь то из них, которое в его строе является определяющим, объединяет его с другими языками в один структурный тип, противопоставленный иным структурным типам языков.

Агглютинативное образование слов и их форм противостоит всем другим техническим приемам. Поэтому языки, в которых определяющим приемом выступает агглютинация, представляют собой самостоятельный структурный тип — агглютинативные языки.

В инкорпоративных языках, как и в языках других типов, также действует не один технический прием. Как известно, мнение о том, что в чукотско-камчатских языках, являющихся типичными инкорпоративными языками, предложение строится только путем инкорпорации, оказалось несостоятельным.[3]

Инкорпоративные языки выделяются в особую группу не потому, что инкорпорация выступает в них единственным или преобладающим техническим приемóм, а потому, что она является специфической чертой структуры этих языков, четко отграничивающей их от языков других структурных типов. При этом, например, в чукотско-камчатских языках инкорпорация тесно связана с агглютинацией и обусловлена ею.

Предлагаемое сообщение включает три вопроса: 1) об агглютинации в чукотско-камчатских языках, 2) об инкорпорации в этих языках и 3) о соотношении в них агглютинации и инкорпорации.

2

Своеобразие агглютинации чукотско-камчатских языков заключается, как известно, в том, что она префиксально-суффиксальная. Слово в этих языках, как правило, имеет в своем составе несколько морфем, причем в простом (несложном) слове одна морфема является корневой, остальные — аффиксальные.[4] Компоненты слова в этих языках объединены гармонией гласных и чередованием согласных. Но структура слова прозрачна. В нем четко выступают границы морфем как на стыках корня с аффиксом, так и между аффиксами. Ср., например: *ынн-ы-т*

---

3 См.: П. Я. Скорик. 1) Чукотско-камчатские языки. Сб. «Младописьменные языки народов СССР», М.—Л., 1959; 2) Очерки по синтаксису чукотского языка. Инкорпорация. Л., 1948; 3) О постепенном развертывании и совершенствовании основ грамматического строя. Тр. ИЯ АН СССР, т. IV, 1954, стр. 210—234.

4 Сложное слово рассматривается в связи с инкорпорацией (см. здесь, стр. 233).

'рыбы', *ынн-ы-ңытт-ык* 'рыбачить', *ынн-ы-ңытт-ы-гырг-ын* 'рыболовство'.[5]

Аффиксы подразделяются на словообразовательные и формообразующие.

При этом в группу словообразовательных входит значительное количество аффиксов, которые по своей материальной насыщенности равны корневым морфемам и отличаются от них лишь тем, что не могут оформляться в виде отдельных слов. Слова, образованные при помощи таких аффиксов, по своему лексическому значению аналогичны сложным словам. Ср., например: *ңэй-ык* 'на горе́', *ңай-ы-ткын-ык* 'на вершине горы' (*-ткын* — суффикс со значением 'вершина'), *ңэй-гиң-кы* 'у подножья горы' (*-гиң* — суффикс со значением 'подножье'); *ръыскң-ын* 'меч', *лыги-ръыскң-ын* 'подлинный (чукотский) меч' (*лыги-* — префикс со значением 'подлинный, настоящий'), *тымңэ-ръыскң-ын* 'любой меч' (*тымңэ-* — префикс со значением 'любой, всякий'); *мигчирэт-ык* 'работать', *мигчирэт-ы-скив-ык* 'направляться работать' (*-скив* — суффикс со значением 'направляться').

Обычных словообразовательных аффиксов — две разновидности. Сравнительно небольшое количество составляют аффиксы, при помощи которых осуществляется словообразование внутри одной и той же категории слов: отыменные образования имен (*пойг-ын* 'копье', *пойг-ы-чь-ын* 'стебель'), отглагольные — глаголов (*кит-ык* 'замерзать', *ры-кит-эт-ык* 'замораживать') и т. п. Значительно больше аффиксов межкатегориального словообразования: отыменных образований глаголов (*купрэ-н* 'сеть', *купрэтку-к* 'ловить сетью рыбу', *кули-кул* 'голос', *кули-льэт-ык* 'кричать'; *тэкичг-ын* 'мясо', *тэкичг-у-к* 'есть мясо'; *эле-н* 'лето', *элеңит-ык* 'проводить лето'; *мъэми-т* 'стре́лы', *тэ-мъэми-ң-ык* 'делать стрелы') и отглагольных образований имен (*тэв-ык* 'грести', *тэвэнаң* 'весло'; *ваңэ-к* 'шить', *ваңэ-гырг-ын* 'питье'; *рынр-ык* 'держать', *рынр-ы-ёлг-ын* 'рукоятка'; *тыңэ-к* 'расти', *тыңэ-чь-ын* 'растение').

Формообразующие аффиксы в свою очередь подразделяются на две подгруппы: 1) синтаксического формообразования (выражающие связь слов в предложении), 2) несинтаксического формообразования (выражающие другие грамматические значения).

К первой подгруппе (синтаксического формообразования) относятся аффиксы числа, лица и падежа. Например, в предложении *Гым ты-винрэт-ыркын томг-эты* 'Я помогаю товарищу' связь слов выражена согласованием в лице и числе сказуемого *ты-винрэт-ыркын* (префикс *ты-* — показатель 1-го лица ед. числа)

---

[5] Здесь и дальше примеры приводятся из чукотского языка, являющегося в данном случае наиболее показательным представителем чукотско-камчатских языков.

с подлежащим *гым* и управлением со стороны глагольного сказуемого соответствующим падежом (в этом случае дательно-направительным) косвенного дополнения *томг-эты*. Одной из особенностей чукотского языка является субъектно-объектное спряжение переходных глаголов, чем обусловливается наличие в нем эргативной конструкции предложения, например: *А'ачек-а найъо-нат қора-т* 'Юноши настигли оленей' (букв.: 'Юношами (ими) настигнуты (они) олени'). Такая двусторонняя связь переходного глагола значительно расширяет в чукотском языке роль аффиксации в выражении синтаксических отношений.

Вторую подгруппу (несинтаксического) формообразования составляют аффиксы, обозначающие время (ср.: *ты-винрэт-ыркын* 'помогаю', *т-рэ-винрэт-гъэ* 'помогу', *мыт-винрэт-ыркын* 'помогаем', *мыт-рэ-винрэт-гъэ* 'поможем'), вид (ср. *вириң-ык* 'защищать', *вириң-ы-тку-к* 'защищать многократно', *вириң-ы-чьэт-ык* 'защищать изредка'), притяжание (*ытлыг-ин* 'отцов, принадлежащий отцу', *ытлыг-инэ-т* 'отцовы') и некоторые другие.

Словообразовательные и формообразующие аффиксы расположены в составе слова в определенной последовательности. К корневой основе присоединяются словообразовательные аффиксы (первичного, вторичного и т. д. образования производной основы). За словообразовательными аффиксами следуют аффиксы несинтаксических форм, и все это замыкается аффиксацией синтаксического формообразования. Так, например, в слове *мыт-рэ-купрэ-тку-сқив-ы-скычет-гъэ* 'стремительно направимся ставить сеть' *купрэ-* основа существительного *купрэ-н* 'сеть', *-тку* — суффикс отыменного образования глагола (*купрэтку-к* 'ставить сеть'), *-сқив* — суффикс отглагольного образования глаголов (*купрэтку-сқив-ык* 'отправляться ставить сеть'), *рэ-* и *-гъэ* — аффиксы несинтаксического формообразования со значением будущего времени, *мыт-* — префикс синтаксического формообразования со значением 1-го лица мн. числа. Однако слова с аффиксами всех разрядов практически встречаются редко. Чаще они включают сочетание обычных словообразовательных аффиксов с аффиксами синтаксического формообразования (*мыт-купрэ-тку-ркын* 'ставим сеть') или только последние (*мыт-вири-ркын* 'спускаемся'). Притом не все словесные формы, в том числе и синтаксические, являются префиксально-суффиксальными. Многие из них образуются только при помощи суффиксов (*купрэ-тку-ркын-итык* 'ставите сеть', *вири-ркыт* 'спускаются'). А некоторые слова, преимущественно именные, могут иметь и безаффиксные формы, совпадая в этом случае с основой. Но такая («нулевая») форма находится в парадигматическом ряду с аффиксальными формами и представляет собой лишь частный случай употребления агглютинативного слова. Ср., например: *милгэр* 'ружье', *милгэр-э*

'ружьем', *мэлгар-эты* '(к) ружью', *милгэр-ык* 'на ружье', *га-мэлгар-ма* 'с ружьем' и т. д.

Аффиксы чукотского языка однозначны. Некоторые из них, правда, могут сочетаться с основами различных категорий (с именными, глагольными и т. д.) и выполнять различную конструктивную роль в слове, но аффикс при этом каждый раз выражает только одно значение. Такие, одинаковые по звучанию, но различные по функции, аффиксы в современном чукотском языке являются, по существу, группами омонимичных аффиксов, а образуемые при их помощи формы — омоформами. Так, например, суффиксом *-ык* выражаются глагольные формы инфинитива (*кут-ык лываквъэ* 'встать не смог') и деепричастия (*кут-ык, иквъи* 'вставши, сказал'), а также форма местного падежа имен (*гилгил-ык* 'на льдине').

Анализ языкового материала дает основание полагать, что такие аффиксы (одинаковые по звучанию, но разные по значению), как правило, имеют генетическую общность. Но в своем развитии они настолько разошлись, что в современном языке представляют собой омонимы. И каждый такой (омонимичный) аффикс, как и любой другой, является моносемантичным.

Что касается лично-местоименных аффиксов, совмещающих в себе одновременно два значения (лица и числа), то это никак не нарушает аффиксальнуюм оносемантичность, так как обусловлено присущей всем языкам особой природой личных местоимений, от которых образовались эти аффиксы.

Таков в общих чертах характер агглютинации в чукотско-камчатских языках.

3

Языковое явление, известное под названием «инкорпорация», отметил еще в первой половине XIX в. В. Гумбольдт, выделивший инкорпорирующие языки в особую структурную группу; эти языки по его заключению, «нарушают границы слова, распространяя его на предложение».[6].

Однако у лингвистов до настоящего времени нет единого мнения об этом языковом явлении.

Американские ученые рассматривают инкорпорацию как словообразование, как особый тип словосложения, причем относят к нему лишь образование глаголов, включающих в себя обозначение объекта. Другие аналогичные образования — глагольные и именные — эти ученые не ставят в связь с инкорпорированием, а рассматривают как обычные сложные слова. Ф. Боас,

[6] В. Гумбольдт. О различии организмов человеческого языка и о влиянии этого различия на умственное различия человеческого рода. (Русск. перевод). СПб., 1851, стр. 382.

долгое время возглавлявший изучение индейских языков Северной и Центральной Америки, считает характерной особенностью инкорпорации включение в глагол компонента, обозначающего объект, причем этот компонент может быть не только корневой морфемой, но и лично-местоименным аффиксом.[7] Известные исследователи индейских языков А. Крёбер и Э. Сепир не признают так называемой местоименной инкорпорации, лично-местоименные аффиксы глагола рассматривают как выражение его грамматической формы, а инкорпорацией считают включение в глагол лишь именного обозначения объекта. А. Крёбер понимает под инкорпорацией объединение существительного в значении объекта с глаголом в одно сложное слово, выступающее в роли сказуемого.[8] Э. Сепир отмечает, что при инкорпорировании «слово становится тождественным предложению»,[9] но инкорпоративное образование «тем отличается от простого соположения слов в предложении, что слагаемые элементы ощущаются как конститутивные части единого слово-организма».[10] В конечном итоге Э. Сепир не проводит принципиального различия между инкорпорацией и обычным словосложением и объединяет оба эти явления под общим названием «сложение».[11]

У советских языковедов вопрос об инкорпорации на протяжении многих лет является предметом оживленной дискуссии. Большинство исследователей отрицает наличие «местоименной инкорпорации», но вместе с тем понимает инкорпорирование шире, чем американские лингвисты.

В. Г. Богораз, положивший начало исследованию инкорпорирующих языков северо-востока Азии, понимает под инкорпорацией не только включение глаголом именного обозначения объекта, но и другие образования путем включения как глаголом, так и именем.[12] Инкорпорацию он считает словосложением, но отмечает ее синтаксическую функцию, указывая, что при образовании такого сложного слова включаются «дополнение, определение или обстоятельство, также дополнение вместе с определением, внутрь дополняемой формы».[13] Акад. И. И. Меща-

---

7 F. Boas. Handbook of American Indian Languages, part 1. Washington, 1911, p. 74.

8 A. L. Kroeber. Noum Incorporation in American Languages. Internationaler Americanisten-Kongress, sechzehnte Tagung, Wien, 1926, pp. 569—572.

9 E. Sapir. The problem of noun incorporation in American languages. American Antropologist, New Series, Lamacter, vol. 13, 1911; № 2, April—June, pp. 250—253.

10 Там же, стр. 10.

11 Там же, стр. 51.

12 В. Г. Богораз. Луораветланский (чукотский) язык. Сб.: «Языки и письменность народов Севера», ч. III, Л., 1934, стр. 6.

13 Там же.

нинов рассматривает инкорпорацию как особый синтаксический прием, посредством которого образуется «синтаксическая группа, но при этом зависимые члены включаются в инкорированный комплекс своею неоформленною основою»,[14] однако считает, что эти основы представляют собой «члены инкорпорированного комплекса, но не члены предложения».[15] Г. М. Корсаков предлагает включение именем рассматривать как словообразование, а глаголом — как явление синтаксическое; при этом он считает, что такое подразделение оправдывается сходством первого со сложением слов, а второго — со словосочетанием (по функции) в неинкорпорирующих языках.[16] С. Н. Стебницкий относит инкорпорацию к обычному словосложению, но признает, что компоненты инкорпоративного комплекса более самостоятельны и более подвижны, чем компоненты сложных слов, например, в индоевропейских языках. А. Н. Жукова рассматривает инкорпорирование как включение в форму одного слова дополнительных основ, но ставит его в один ряд со всеми другими синтаксическими приемами, т. е. отождествляет отношения между компонентами инкорпоративного комплекса с отношениями компонентов словосочетания.[17] Е. А. Крейнович понимает инкорпорацию как «особое развитие словосложения»,[18] посредством которого не только образуются сложные слова, но и «главным образом передаются некоторые синтаксические отношения».[19] При этом Е. А. Крейнович вслед за Ф. Боасом признает «местоименную инкорпорацию», т. е. относит к инкорпорации выражение в глаголе объекта местоименной аффиксацией.[20] В. З. Панфилов вообще отрицает наличие инкорпорации в языках, включение рассматривает как чисто синтаксический прием и соответственно включенные основы полностью отождествляет с самостоятельно оформленными словами.

Нетрудно видеть, что за исключением отдельных случаев смешения с инкорпорацией аффиксального формообразования и обычного словообразования все эти разноречивые суждения

---

[14] И. И. Мещанинов. Агглютинация и инкорпорирование. ВЯ, 1962, № 5, стр. 25.

[15] Там же, стр. 30.

[16] Г. М. Корсаков. Инкорпорирование в палеоазиатских и североамериканских индейских языках. Сб. «Советский Север», № 4, 1939, стр. 49—51.

[17] А. Н. Жукова. Два основных способа связи определения с определяемым в корякском языке. Уч. зап. Ленинградского ГПИ им. А. И. Герцена, т. 101, 1954, стр. 293—294.

[18] Е. А. Крейнович. Инкорпорирование в нивхском языке. ВЯ, 1958, № 6, стр. 21.

[19] Там же, стр. 22.

[20] Там же, стр. 22 и сл.

в основном сводятся к двум точкам зрения. Одни исследователи считают инкорпорацию словообразованием (словосложением), другие — синтаксическим приемом образования одного из типов словосочетания. Но при этом первые вынуждены отмечать синтаксическую функцию компонентов инкорпоративного комплекса, а вторые — конструктивное тождество его со словом.

Эти диаметрально противоположные и внутренне противоречивые определения инкорпорации, как нам кажется, убедительно свидетельствуют о том, что она не укладывается в общепринятые языковые структурные нормы.

В чукотском (и в родственных ему языках) инкорпорация является особым техническим приемом. Посредством этого приема в морфологической конструкции выражаются грамматические значения, соответствующие синтаксическим. Инкорпоративный комплекс, представляющий собой такую конструкцию, образуется путем включения в форму слова одной, двух, а иногда и большего количества дополнительных основ, причем в других условиях эти основы оформляются в виде самостоятельного слова. Ср., например: *ңинқэй-эвиръ-ын* ‘мальчишечья одежда’ и *ңинқэй-ин эвиръ-ын* ‘мальчика одежда’, *эмнуң-тыңэчь-ын* ‘тундровое растение’ и *эмнуң-кин тыңэчь-ын* ‘растение (из) тундры’; *тур-вутилг-ын* ‘новая цепь’ и *ны-тур-қин вутилг-ын* ‘цепь (которая) новая’; *мыт-кимитъы-гынрит-ыркын* ‘охраняем товар (занимаемся охраной товара вообще)’ и *мыт-гынрит-ыркын кимитъ-ын* ‘охраняем товар (конкретный)’.[21]

Именно способность включенных компонентов инкорпоративного комплекса к самостоятельному функционированию в языке в виде отдельно грамматически оформленных единиц четко отграничивает этот комплекс от агглютинативного слова, так как ни одна аффиксальная морфема, как бы она ни была материально насыщена, не обладает такой способностью, т. е. не может употребляться в виде самостоятельно оформленной единицы.

Включенные основы сохраняют лексико-семантическую обособленность от включающего слова, но грамматически находятся в подчиненном к нему отношении. В зависимости от грамматического разряда включающего слова эти отношения соответствуют атрибутивным (например: *га-таң-элгы-леле-ма* ‘с хорошими белыми рукавицами’, ср. *га-леле-ма* ‘с рукавицами’), обстоятельственным (*мыт-йық-эймэв-ыркын* ‘быстро приближаемся’, ср. *мыт-эймэв-ыркын* ‘приближаемся’), объектным (*мыт-откочьы-нтыват-ыркын*

---

[21] Подробнее об этом см.: П. Я. Скорик. 1) Очерки по синтаксису чукотского языка. Инкорпорация, стр. 116, 132 и др.; 2) О постепенном развертывании и совершенствовании основ грамматического строя; 3) Грамматика чукотского языка, ч. 1. М.—Л., 1961, стр. 283—287.

‘ставим капканы’, ср. *мыт-ы-нтыват-ыркын* ‘ставим’; *мыт-гытгылқыт-ыркын* ‘к озеру идем’, ср. *мыт-ы-лқыт-ыркын* ‘идем’), а также объектным, осложненным атрибутивными (*мыт-тор-откочьынтыват-ыркын* ‘новые капканы ставим’, *мыт-майны-гытгылқыт-ырқын* ‘к большому озеру идем’).

Отличительной особенностью грамматических отношений, выражаемых инкорпорацией, является то, что все они имеют по существу атрибутивный характер.[22]

Инкорпоративный комплекс, как и слово, объединен гармонией гласных, чередованием согласных и аффиксацией. Но в отличие от слова, как известно, инкорпоративный комплекс, подобно обычному словосочетанию, не дан в языке в виде готовой единицы, а каждый раз конструируется в процессе речи. Включенные основы в нем являются подвижными компонентами, количество и порядок следования которых каждый раз определяется контекстом высказывания. Ср., например: *га-пойгы-ма* ‘с копьем’, *га-тор-пойгы-ма* ‘с новым копьем’, *га-таң-пойгы-ма* ‘с хорошим копьем’, *га-пылвынты-пойгы-ма* ‘с металлическим копьем’, *га-ваңқыт-пойгы-ма* ‘с костяным (из моржового клыка) копьем’, *га-таң-тор-пойгы-ма* ‘с хорошим новым копьем’, *га-тор-таң-пойгы-ма* ‘с новым хорошим копьем’, *га-таң-пылвынты-пойгы-ма* ‘с новым металлическим копьем’, *га-пылвынты-тор-пойгы-ма* ‘с металлическим новым копьем’ и т. д.; *ты-пэля-ркын* ‘оставляю’, *ты-такэчгы-пэля-ркын* ‘мясо оставляю’, *ты-қора-пэля-ркын* ‘оленей оставляю’, *ты-валя-пэля-ркын* ‘ножи оставляю’, *ты-кока-пэля-ркын* ‘котлы оставляю’, *ты-налгы-пэля-ркын* ‘шкуры оставляю’, *ты-копра-пэля-ркын* ‘сети оставляю’, *ты-пэты-копра-пэля-ркын* ‘старые сети оставляю’; *ты-мнэ-ркын* ‘точу’, *ты-валя-мна-ркын* ‘ножи точу’, *ты-ръысқы-мнэ-ркын* ‘мечи точу’, *ты-пэты-рысқы-мна-ркын* ‘старые мечи точу’ и т. д. и т. п.

По своей структуре инкорпоративный комплекс аналогичен сложному слову. Он также имеет цельное оформление. Но сходство это чисто внешнее. Сложное слово в отличие от инкорпоративного комплекса не конструируется в процессе речи, а существует в языке как готовая и лишь воспроизводимая единица. Они представляют собой не включение обособленных основ, а слияние корневых морфем, объединенных цельным лексическим значением, например: *ңэвэкык* ‘дочь’ (ср. *ңэвысқэт* ‘женщина’, *экык* ‘сын’); *милгэр* ‘ружье’ (ср. *милг-ын* ‘огонь’, *ыр-ыт* ‘лук’); *қорэмтэк* ‘ехать верхом на олене’ (ср. *қора-ңы* ‘олень’, *имти-к* ‘нести на плечах’). Основа сложного слова выступает компонентом инкорпоративного комплекса как цельная лексиче-

---

[22] См.: П. Я. Скорик. 1) Очерки по синтаксису. . ., стр. 134, 138, 147 и др.; 2) О постепенном развертывании. . ., стр. 234—239.

Многочисленные факты, часто доступные непосредственному наблюдению, показывают, что процесс трансформации корневых морфем в аффиксальные интенсивно протекает и в современных чукотско-камчатских языках. Об этом убедительно свидетельствует их морфемный состав, в котором наряду с уже упоминавшимися материально насыщенными аффиксами значительное место занимают переходные случаи от корня к аффиксу.

Например, в чукотском языке преф. *ӄэй-* в производных существительных *ӄэй-ъыттъын* ‘щенок’ (ср. *ы’ттъын* ‘собака’), *ӄэй-умкы* ‘медвежонок’ (ср. *умӄы* ‘медведь’) без особого труда возводится к корневой морфеме *ӄэй* существительных *ӄэйуу* ‘олененок’ и *ӄэй-ы-ӄэй* ‘детеныш (кита, птицы)’; преф. *тэ-* в таких производных глаголах, как *тэ-лилиӈык* ‘шить рукавицы’ (букв. ‘рукавичит’, ср. *лили-т* ‘рукавицы’), *тэ-купрэӈык* ‘вязать сеть’ (букв. ‘«сетить»’, ср. *купрэ-н* ‘сеть’) восходит к корневой морфеме *тэ-* глагола *тэ-йкык* ‘делать’; а суфф. *-тва* в производных глаголах *нымы-тва-к* ‘проживать’, *ӄамэ-тва-к* ‘насыщаться’ и некоторых других — к корневой основе *тва-* глагола *ны-тва-ӄэн* ‘находиться’.

Подобных случаев можно привести длинные списки как из чукотского, так и из родственных ему языков.

Нередко к одной и той же корневой морфеме восходят аффиксы, выступающие в качестве различных конструктивных элементов слова. Ср., например, *ты-гты-ркын* ‘доставляю’ (где морфема *-гты* является глагольной основой), *ты-рагты-ркын* ‘иду домой’ (где морфема *-гты* — уже словообразовательный суффикс отыменного образования глагола), *ӄора-гты* ‘(к) оленю’ (где морфема *-гты* — словоизменительный суффикс, показатель дательно-направительного падежа). В значениях этих морфем обнаруживается определенная близость.

Такими многосторонними преобразованиями некоторых корневых морфем, вероятно, в основном и обусловлена широко распространенная в чукотско-камчатских языках омонимия аффиксов.

Есть основание полагать, что возникновение инкорпорации в чукотско-камчатских языках обусловлено образованием в них префиксально-суффиксальных форм. Анализ языкового материала показывает, что основой для возникновения инкорпоративных комплексов послужили словосочетания допрефиксального периода.

Допрефиксальное словосочетание, очевидно, строилось на тесном примыкании зависимых компонентов к господствующему. В результате образования префиксов эти компоненты оказались замкнутыми в префиксально-суффиксальную рамку господствующего компонента такого словосочетания, следствием чего и явились инкорпоративные комплексы.

Как уже указывалось, инкорпоративный комплекс в отличие от слова не является готовой языковой единицей, а конструируется в процессе речи. В том случае, когда требовалось не просто назвать предмет или действие, но и определенным образом уточнить предмет указанием на его признак, а действие — указанием на его признак или объект, после образования префиксов это стало выражаться не примыканием зависимых компонентов к ведущему, а включением их в форму последнего, т. е. инкорпорированием. Ср., например: *га-кока-ма* ‘с котлом’, *га-тор-кока-ма* ‘с новым котлом’ и *га-тор-майңы-кока-ма* ‘с новым большим котлом’ (во всех трех примерах *га-* — префикс, *-ма* — суффикс сопроводительного падежа), *ты-ваңэ-ркын* ‘шью’ и *ты-вэнвы-ваңэ-ркын* ‘тайно шью’ (*ты-* — глагольный префикс, показатель 1-го лица ед. числа, *-ркын* — суффикс наст. времени); *ты-гынрит-ы-ркын* ‘охраняю’ и *ты-қора-гынрэт-ы-ркын* ‘оленей охраняю’ (глагольные аффиксы те же).

Как правило, зависимые компоненты инкорпоративного комплекса являются аффиксально неоформленными. Но некоторые из них (единичные случаи) включаются ведущим словом в суффиксальных формах. Они, очевидно, имели эти формы еще до возникновения инкорпорации. Например, личные местоимения инкорпорируются в форме местного падежа, но в несколько ином значении, которое имела в прошлом эта наиболее ранняя падежная форма. Так, если раздельное оформление в местном падеже будет *мур-ык ы’тв-ык* ‘у нас в лодке’, то в инкорпоративном оно — *мор-ык-ъытв-ык* ‘в нашей лодке’.

Анализ инкорпоративных комплексов дает основание полагать, что инкорпорация возникла на основе тех допрефиксальных словосочетаний, компоненты которых имели подчинительную связь. Эта связь была более тесной, чем у других сочетаний слов, и грамматическое ее выражение, очевидно, поддерживалось еще и определенными фонетическими закономерностями — гармонией гласных и чередованием согласных.

Образование префиксов, по-видимому, лишь обусловило возникновение инкорпорации, представляющей собой включение зависимых компонентов не только в префиксально-суффиксальную форму, но также в суффиксальную и даже в безаффиксную.

Например, инкорпоративный комплекс *тор-челгы-манэг* ‘новая красная материя’ совершенно не имеет аффиксации, а объединен только гармонией гласных.

Вместе с тем словосочетания, которые являются цельными единицами, но компоненты которых объединены не подчинительной связью, также заключены в префиксально-суффиксальную рамку. Однако при этом инкорпоративного комплекса не образуется. Так, если простые числительные *эм-ңирэ-ют* ‘по два’ и

ам-ӆыро-ёт ‘по три’ имеют префиксально-суффиксальное оформление (преф. *эм-* ~ *ам-* и суфф. *-ют* ~ *-ёт*), то составное числительное *әм-ӄлик-кин мынгыт-кэн ӆирэӄ парол-ьёт* ‘по тридцать два’ (букв. ‘по двадцать, десять, два лишних’) хотя и замкнуто в ту же префиксальную рамку (преф. *эм-*, суфф. *-ёт*), но компоненты его не объединены гармонией гласных, и каждый из них имеет самостоятельное аффиксальное оформление.

Следовательно, образование префиксов привело не просто к замыканию в префиксально-суффиксальные рамки допрефиксальных словосочетаний с подчинительной связью компонентов, а к возникновению нового технического приема, связанного с аффиксацией, но уже не находящегося от нее в прямой зависимости.

Образуемый посредством этого приема инкорпоративный комплекс представляет собой морфологическую единицу (не всегда аффиксальную), которая наряду с обычным словом выполняет функцию члена предложения и вместе с тем заключает в себе еще не утратившие своего значения своеобразные синтаксические отношения некогда существовавшего словосочетания.

Возникнув в результате расширения агглютинации, инкорпорация в свою очередь способствует обогащению ее. В составе инкорпоративного комплекса всё новые и новые корневые морфемы преобразуются в аффиксальные.

Таким образом, агглютинация и инкорпорация — это два самостоятельных технических приема. Но в инкорпорирующих языках — во всяком случае, в чукотско-камчатских — эти приемы взаимосвязаны и взаимообусловлены.

А. Н. Жукова

АГГЛЮТИНАЦИЯ И СИНГАРМОНИЗМ В ЯЗЫКАХ ЧУКОТСКО-КАМЧАТСКОЙ ГРУППЫ

При изучении чукотско-камчатских языков особенно остро встает вопрос об определении морфологического типа языка, так как названные языки в этом отношении по существу не классифицированы.

Место в генеалогической классификации палеоазиатские языки, к которым относятся и чукотско-камчатские, получили, как известно, не по признаку родства, а по признаку террито-

риальному. Это дает основание некоторым языковедам квалифицировать палеоазиатские языки как «так называемые палеоазиатские».

По традиционной морфологической классификации языки чукотско-камчатской группы принято относить к инкорпорирующим. Но если учесть всю неопределенность понятия «инкорпорация», то есть основания сказать — к так называемым инкорпорирующим, или взять слово «инкорпорирование» в кавычки, как это делает, например, В. З. Панфилов.[1]

Чукотско-камчатские языки относятся, таким образом, по одной классификации к так называемым палеоазиатским, по другой — к так называемым инкорпорирующим языкам.

Исследователями чукотско-камчатских языков инкорпорация рассматривалась обычно как языковой тип, который предшествовал агглютинации и сохранял явные свидетельства того, что ему в свою очередь предшествовала аморфность.[2]

В синхронном плане инкорпорация характеризуется как явление, проникающее все сферы языка — фонетику, лексику, морфологию, синтаксис. Основоположник научного изучения чукотско-камчатских языков В. Г. Богораз подчеркивал, что «включенность (т. е. инкорпорация, — *А. Ж.*) глубоко влияет как на фонетику, так и на морфологию языка».[3] Неоднократно указывалось также, что в ряду основных особенностей образования инкорпоративных комплексов одно из первых мест занимает сингармонизм гласных. По словам В. Г. Богораза, «основным правилом комплексов является гармония гласных».[4]

Действительно, в чукотско-камчатских языках огласовка корневых и аффиксальных морфем, входящих в состав любого морфологически членимого слова, а также инкорпоративного комплекса, сингармонически едина, например: корякск. *туй-уйэтики-тэ* ‘новой нартой’, но *той-ойатэкэ-ӈқо* ‘от новой нарты’; чук. *кэйӈы-э’йӈэ-ркын* ‘кричит по-медвежьи’, но *кайӈы-а’йӈа-ма* ‘крича по-медвежьи’.

Словосочетание типа *мурык орвык* ‘у нас на нарте’ внешне отличается в современном чукотском языке от инкорпоративного комплекса *морыкорвык* ‘на нашей нарте’ прежде всего тем, что компоненты комплекса объединены гармонией гласных.

---

[1] В. З. Панфилов. Проблема слова и «инкорпорирование» в нивхском языке. ВЯ, 1960, № 6.

[2] С. Н. Стебницкий. Нымыланский (коряцкий) язык. Сб. «Языки и письменность народов Севера, ч. III, Л., 1934, стр. 52, 80; П. Я. Скорик. Грамматика чукотского языка, ч. 1. М.—Л., 1961, стр. 98.

[3] В. Г. Богораз. Луораветланский (чукотский) язык. Сб. «Языки и письменность народов Севера», ч. III, стр. 7.

[4] Там же, стр. 16.

Известно, что сингармонизм наблюдается в большей или меньшей степени регулярно в агглютинативных языках — тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских, финно-угорских и некоторых других.

Гипотезы об органической связи сингармонизма с агглютинативной типологией языка придерживаются многие языковеды. Причины возникновения сингармонических вариантов в языках разных семей не выяснены.

Интересную попытку рассмотреть типологические условия генезиса лексико-сингармонических гнезд делает М. А. Черкасский.[5] Для обнаружения истоков сингармонизма он обращается к сопоставлению сингармонических вариантов и параллелизмов в тюркских языках с аналогичными фактами чукотского языка как языка инкорпорирующего.

Языки чукотско-камчатской группы мало привлекались для типологического сопоставления с другими языками, в частности с языками, именуемыми агглютинативными. В тех целях, в каких это делает М. А. Черкасский, такое сопоставление вполне оправдано. В чукотском и корякском языках широко представлены регулярные сингармонические варианты как внутриязыковые (внутридиалектные), так и межъязыковые (междиалектные).

Примером внутриязыковых сингармонических вариантов могут служить варианты корневых и аффиксальных морфем.

Каждая корневая морфема, включающая гласные более высокого (верхнего) подъема, может иметь вариант с гласными более низкого подъема. Так, чук. *лили-т* ‘рукавицы’, *леле-лгын* ‘рукавица’, *кукэ-ӈы* ‘котел’, *кока-гты* ‘к котлу’, *н-илгы-қин* ‘белый’, *элгы-ӈ вальын* ‘белее’; кор. *в'эем* ‘река’, *в'аям-ыӈқо* ‘от реки’, *уетики-в'* ‘нарты’ (мн.), *оятэкэ-йтыӈ* ‘к нартам’, *эньпичи-к* ‘у отца’, *аньпэчэ-ӈқо* ‘от отца’.

Аффиксальные морфемы, как суффиксы, так и префиксы, имеют сингармонические варианты, например: чук. *милютэ-тэ* ‘зайцем’, *қора-та* ‘домашним оленем’; *гэ-кэйӈ-э* ‘с бурым медведем’, *га-ятъёл-а* ‘с лисой’; *нутэ-ну* ‘тундрой (является)’, *аӈқано* ‘морем (является)’; кор. *в'эем-ти* ‘две реки’, *қапай-тэ* ‘две росомахи’; *эньпичи-кйит* ‘об отце’, *қоя-къет* ‘о домашнем олене’, *лы-г'у-нин* ‘он (его) увидел’; *это-нэн* ‘он (это) достал’; *е-пкийыӈ* ‘он придет’, *я-вэтат-ыӈ* ‘он будет работать’.

Как можно заметить, регулярная ассимиляция гласных в чукотско-камчатских языках является прогрессивно-регрессивной. Ассимиляции подвержены гласные не смежных слогов, а всего слова и всего инкорпоративного комплекса в целом.

---

[5] М. А. Черкасский. Сингармонические варианты и параллелизмы в тюркских языках. ВЯ, 1960, № 4.

Помимо внутриязыковых сингармонических вариантов в языках чукотско-камчатской группы широко представлены межъязыковые (междиалектные) сингармонические варианты, например:

чук.	кор. (чавчувенск. диалект)	
кэйӈын	*кайӈын*	‘бурый медведь’
нэлгын	*налгын*	‘шкура’
ӄэпэр	*ӄапай*	‘росомаха’
плэкыт	*плакыт*	‘торбаза’
эйпык	*айпык*	‘закрыть’

алюторск.	кор. (чавчувенск. диалект)	
вг′айу	*вг′айо*	‘трава’
муйун	*мойон*	‘детеныш нерпы’
экуль	*айкол*	‘постель’
паӈкан	*пэӈкэн*	‘шапка’
ӄитаӄит	*ӄэтаӄэт*	‘кета’

кор. наланск. диалект	кор. (чавчувенск. диалект)	
муӄамуӄ	*муӄэмуӄ*	‘дождь’
урэчик	*ойачек*	‘юноша’
ӈэйӄыӈэй	*ӈайӄыӈай*	‘грязь’
тэлэт	*талат*	‘веревка из лыка’
элэк	*алак*	‘летом’
эйкэт	*айкат*	‘берег’

кор. каменск. диалект		
тайкык	*тэйкык*	‘делать’
мыйан	*мыйэн*	‘комар’
ӈайук	*ӈэйук*	‘насыщаться’

Сингармонические варианты отличаются только составом гласных. Различия в огласовке корневых и аффиксальных морфем, как внутриязыковые, так и межъязыковые, не влияют на лексическое значение слова.[6]

Итак, части языков чукотско-камчатской группы свойственна регулярная и полная прогрессивно-регрессивная ассимиляция гласных звуков, благодаря чему достигается фонетическое единство слова.[7]

---

[6] Из так называемых сингармонических параллелей можно привести пока только один пример: *мимыл* ‘вода’, *мэмыл* ‘тюлень, нерпа’ (чук., корякск.).

[7] В корякском языке наблюдается фонетическое явление, которое может быть определено как гармония (сингармонизм) согласных.

Поставив вопрос о типологических условиях генезиса лексико-сингармонических гнезд, М. А. Черкасский ищет фонетическую обусловленность различий огласовок сингармонических вариантов в агглютинативных тюркских языках и приходит к выводу, что «указанная фонетическая обусловленность варьирования гласных основ могла лежать только вне данной морфемы, так как внутри нее нет никаких самостоятельно изменяющихся звуковых элементов, способных воздействовать на качество огласовки...»[8] Такую обусловленность М. А. Черкасский гипотетически связывает с инкорпорацией. При этом предполагается, по-видимому, что инкорпорация как особый морфологический тип языка предшествовала агглютинации и что корневые и аффиксальные морфемы в инкорпорирующих языках не дифференцированы функционально.

По-видимому, М. А. Черкасского ввело в заблуждение одно из определений инкорпорации — определение ее как такого состояния структуры языка, когда две и более основ существовали неизбежно в полисинтетическом (инкорпоративном) комплексе.

Именно на этом основании строит свою гипотезу М. А. Черкасский. К сожалению, это основание ложно, что в свою очередь связано с неправильным истолкованием фактов из-за слабой лингвистической изученности чукотско-камчатских языков. Неправильному истолкованию фактов могут способствовать неточные формулировки относительно особенностей так называемых инкорпоративных комплексов. Так, например, в специальной литературе часто указывалось и указывается до сих пор на «способность включенных компонентов инкорпоративного комплекса к самостоятельному функционированию в языке». Такая трактовка особенностей компонентов инкорпоративного комплекса может быть принята за свидетельство того, что именно «компоненты комплекса», противопоставляемые аффиксам, послужили отправным пунктом образования будущих корней (так как аффиксам противопоставляются именно корни).

Поскольку и в плане историческом и в плане синхронном можно считать более или менее убедительно доказанным, что не основы «выделялись из полисинтетического комплекса», а сам так называемый комплекс представляет собой сочетание корневых и аффиксальных морфем, не следует, на наш взгляд, говорить о «самостоятельном функционировании в языке компонентов комплекса».

Причину возникновения сингармонических вариантов не приходится видеть в особенностях огласовки компонентов полисинтетических, или инкорпоративных, комплексов типа комплексов

---

[8] М. А. Черкасский, ук. соч., стр. 60.

чукотских языков еще и потому, что сингармонизм чукотско-камчатского типа имеет существенные отличия от сингармонизма классического типа. Последний проявляется в основном в виде прогрессивной ассимиляции гласных аффиксальных морфем гласным корневой морфемы. В чукотско-камчатских языках ассимиляции подвергаются все гласные и в слове и в инкорпоративном комплексе независимо от характера структурных элементов (корень, аффикс), содержащих гласные, и независимо от места, занимаемого ими в слове или комплексе (суффикс, префикс). Все гласные более высокого подъема уподобляются гласному или гласным более низкого подъема.

Вопрос о том, находятся ли особенности сингармонизма чукотско-камчатского типа в зависимости от особенностей морфологического типа языка, остается открытым, как открытым остается пока и вопрос о морфологическом типе этих языков.

Как уже говорилось, морфологический тип чукотско-камчатских языков не определен с достаточной четкостью и доказательностью. Представляется необходимым, оставляя в стороне проблему сущности инкорпорации, выяснить предварительно, хотя бы в самых общих чертах, какое место занимает инкорпорация в языках чукотско-камчатской группы, какова частота употребления в речи инкорпоративных комплексов. Те немногие сведения, которые опубликованы по этому, не изучавшемуся специально вопросу, противоречивы.

В. Г. Богораз считал, что «включенность определяет все основные свойства луораветланского языка. Около половины слов луораветланской речи связаны в комплексы, представляющие соединение нескольких основ, заключенных между префиксом и суффиксом».[9] Считалось также, что «типичное для луораветланского языка предложение состоит из нескольких таких словокомплексов».[10]

В эти сведения должна быть внесена существенная поправка. Так, по произведенным нами подсчетам в текстах, записанных В. Г. Богоразом,[11] и в рассказах Ю. Рытхэу[12] в так называемые инкорпоративные комплексы оказываются связанными не половина, а от 2 до 3% всех употребленных цельнооформленных единиц, т. е. в тексте, содержащем 2000 слов, встречается 40—60 комплексов. В бытовом тексте, записанном в 1961 г. на корякском языке, на 627 слов употреблено 9 комплексов. В том же тексте на

---

[9] В. Г. Богораз. Луораветланский (чукотский) язык, стр. 6.
[10] В. Г. Богораз. Луораветланско-русский (чукотско-русский) словарь. М.—Л., 1937, стр. XIV.
[11] В. Г. Богораз. Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, собранные в Колымском округе, ч. 1. СПб., 1900.
[12] Рытгэв. О'равэтльен вагыргын. Л., 1955.

долю слов, формы которых образованы агглютинативным способом, приходится 800 формообразующих аффиксов.

Таким образом, инкорпорация в чукотско-камчатских языках занимает место, которое вряд ли позволяет утверждать, что именно инкорпорирование определяет морфологический тип этих языков.

Если даже считать инкорпорирование соотносимым с агглютинацией (точнее — аффиксацией), то и тогда выделение языков чукотско-камчатской группы в особый языковой тип, противопоставляемый всем иным типам, должно быть дополнительно аргументировано.

Основной способ образования основ и форм слов в языках чукотско-камчатской группы — агглютинативная аффиксация. В связи с этим можно вспомнить замечание Э. Сепира: «Иногда языки американских индейцев выделяются особо в своеобразный „полисинтетический“ арьергард агглютинативных языков».[13] В известной мере эта характеристика может быть отнесена и к чукотско-камчатским языкам, хотя она, конечно, не достаточна для определения их морфологического типа и не может считаться равнозначной ему.

Показательно, что признаки, о которых обычно говорят как о существенных признаках агглютинации тюркского, финно-угорского типов, существенны и для чукотско-камчатских языков. Таковы, например, отмеченные для агглютинативных языков В. А. Серебренниковым стандартная и единая парадигма склонения, наличие твердого порядка слов — «определение+определяемое», слабое развитие субъектно-объектных падежей, а также признаки, определяющие особенности корня-основы агглютинативного слова и особенности формальных элементов слова.

П. Я. Скорик отмечает, что «своеобразие агглютинации чукотского языка (как и всех родственных ему языков) заключается в том, что она префиксально-суффиксальная» [14] и что «образование префиксов в языках чукотско-камчатской группы привело к возникновению нового грамматического приема — инкорпорирования».[15]

Что же представляют собой префиксы, возникновение которых привело якобы к смене типологии и становлению особого морфологического типа языка — инкорпорирования?

Для имен существительных в чукотском и корякском языках мы имеем по существу один преф. *гэ-/га-*, имеющий наречное происхождение. Преф. *гэ-/га-* образует вместе с суффиксами *-тэ/-та* сопроводительные падежи. Этих падежей (совместных

---

[13] СЯ, стр. 36.

[14] П. Я. Скорик. О соотношении агглютинации и инкорпорации. ТД 2, стр. 9.

[15] П. Я. Скорик. Грамматика чукотского языка, стр. 112.

или сопроводительных) в чукотско-камчатских языках насчитывается от 2 до 4. Можно заметить, что сопроводительные падежи выпадают по своим характерным признакам из падежной системы чукотского и родственных ему языков. С более или менее равным правом можно говорить и о сопроводительных (совместных) падежах и о форме совместности имени существительного. Употребление этого префикса можно сопоставить с употреблением предлогов, относительно которых можно сказать, что они «замыкают» словосочетание. Префиксом *гэ-/га-* называется прежде всего потому, что он связан с другими элементами слова или комплекса гармонией согласных.

Более многочисленны префиксы глагольного формообразования, местоименные по происхождению. Вопрос о том, когда возникли эти префиксы и могло ли именно их появление привести к образованию особого морфологического типа языка, остается неразрешенным.

Независимо от того, есть ли достаточное основание выделять инкорпорацию (наряду, скажем, с агглютинацией) в особый морфологический тип, материалы языков чукотско-камчатской группы не позволяют сделать вывода о генезисе сингармонических вариантов и параллелизмов в агглютинативных языках на основе предположения об эволюции полисинтетического, или инкорпоративного, комплекса.

Исходя из реальных фактов современных чукотско-камчатских языков, можно лишь утверждать, что гармония гласных служит в этих языках, как, например, и в тюркских, целям объединения корневых и аффиксальных морфем в одно фоно-морфологическое целое — слово или так называемый инкорпоративный комплекс.

И. И. Мещанинов

АГГЛЮТИНАЦИЯ И ИНКОРПОРИРОВАНИЕ

Прежде всего я хотел бы остановиться на самом понятии «инкорпорирование».

Куда мы его помещаем? По старому представлению о языковых структурах языки делились на аморфные (изолирующие) и морфологически оформленные — агглютинативные, флективные. Можем мы включить в этот ряд и понятие инкорпорирования? Нет, не можем, потому что в одном случае мы говорим о построении слова и его оформлении в предложении, а в другом случае говорим

о построении синтаксической группировки внутри предложения, каковым является инкорпорирование.

Можно ли сопоставлять инкорпорирование с агглютинацией? По-моему, нет, потому что агглютинация — это есть оформление слова, а инкорпорирование — это оформление синтаксической группы, т. е. сочетания слов.

Инкорпорирование — это сочетание двух или нескольких членов предложения, выраженное, например, как определение с определяемым. В русском языке оно передается согласованием, в тюркских языках — примыканием, а в так называемых инкорпорирующих языках может передаваться словослиянием.

Следовательно, инкорпорирование есть не что иное как технический прием для передачи синтаксической группировки внутри предложения посредством слияния отдельных слов в единый комплекс.

Против этого, как будто, я возражений со стороны специалистов по чукотско-камчатским языкам не услышал. Работы, с которыми мне приходилось знакомиться, строятся так же. Некоторые возражения имеются у меня относительно использования П. Я. Скориком названия для падежа подлежащего в чукотском языке («именительный»), но на этом здесь я останавливаться не буду.

А. П. Володин

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ АГГЛЮТИНАЦИИ В ЛИЧНЫХ ФОРМАХ ИТЕЛЬМЕНСКОГО ГЛАГОЛА

§ 1. Ительменский язык по традиции относится к языкам чукотско-камчатской группы, хотя его генетическое родство с другими языками этой группы окончательно не установлено. Тем не менее грамматический строй ительменского языка обнаруживает немало черт, сближающих его с другими чукотско-камчатскими языками, особенно в системе спряжения глагола.

Имеющиеся материалы свидетельствуют о том, что превалирующим способом морфологического конструирования в ительменском языке является агглютинация. В настоящей статье будет рассмотрена система агглютинативных аффиксов, используемых в ительменском языке для конструирования личных форм глагола.

§ 2. Глагольная система чукотско-камчатских языков обладает следующими общими структурными признаками.

а) Наличие двух типов спряжения: субъектного (для непереходных глаголов) и субъектно-объектного (для переходных глаголов). Субъектная парадигма имеет 6 (в языках, различающих, кроме единственного и множественного чисел, также двойственное [1] — 9) спрягаемых форм; субъектно-объектная парадигма — 28 (при наличии двойств. числа — 42) спрягаемых форм.

б) Глагольные слова конструируются агглютинативно. Структура личной формы субъектно-объектной парадигмы такова, что в ее составе находят свое отражение как субъект, так и объект действия.

в) В спрягаемой форме переходного глагола указание на субъект действия в большинстве случаев заключено в префиксе, а суффикс указывает на объект. Это не значит, что префиксально выражается только указание на субъект. В некоторых чукотско-камчатских языках префигируется также показатель времени; субъектный префикс есть лишь один из формальных элементов в ряду других. Мы хотим только подчеркнуть, какое положение относительно корня занимают форманты, указывающие на субъект и объект действия.

§ 3. Ительменская глагольная система обладает всеми вышеперечисленными структурными особенностями. Мы проанализируем парадигмы спряжения переходного и непереходного глагола в ительменском языке с целью установить, насколько последовательно проводится принцип агглютинативной аффиксации при конструировании личной формы глагола. При этом нас будет интересовать исключительно форма выражения субъекта и объекта действия; мы рассмотрим личные показатели глагола в чистом виде, ничем не осложненные. Рассмотрение способов выражения других глагольных категорий не дает нам ничего принципиально нового.

Для большей наглядности построим идеальную модель субъектно-объектной парадигмы, эталон, где принцип агглютинативной аффиксации проведен до конца последовательно, и затем проследим, в какой степени субъектно-объектная парадигма ительменского языка соответствует этой идеальной модели.

§ 4. Прежде чем построить идеальную модель, примем следующие допущения:

а) модель строится для языка, не имеющего категории двойственного числа, т. е. будет включать в свой состав 28 личных форм;

б) действие, производимое субъектом, не может быть направлено на объект того же лица и числа, т. е. предполагается,

---

[1] Таковы корякский, керекский, алюторский языки.

что возвратность не находит своего выражения в составе субъектно-объектной парадигмы;

в) аффиксы личных форм, составляющих идеальную модель парадигмы, восходят к личным местоимениям;

г) личные формы модели конструируются агглютинативно, причем префикс заключает в себе указание на субъект действия, а суффикс — на объект; т. е. каждая из 28 форм, составляющих идеальную модель парадигмы, будет иметь следующую структуру: префикс (указ. на субъект) + корень + суффикс (указ. на объект).

Агглютинация предполагает моносемантичность формального элемента; это означает, что, если, например, префикс *А* передает значение субъекта ‘я’, то данный префикс будет передавать это и только это значение; и если суффикс *Б* передает значение объекта ‘меня’, то он будет передавать также только это значение. Однако встает вопрос: какие показатели будут передавать значения субъекта ‘мы’ и объекта ‘нас’, т. е. значения субъекта и объекта того же 1-го лица, но мн. числа? Будут ли эти последние значения передаваться теми же аффиксами *А* и *Б* с прибавлением показателя множественности, или же значения субъекта ‘мы’ и объекта ‘нас’ будут передаваться другими аффиксами, скажем, *А I* и *Б I*, не имеющими никаких формальных признаков *А* и *Б*? Иными словами, какую схему личных показателей следует нам принять для построения идеальной модели субъектно-объектной парадигмы — трехчленную (три аффикса для субъекта и три для объекта, с прибавлением к ним показателей ед. и мн. числа) или шестичленную (шесть аффиксов для субъекта и шесть аффиксов для объекта, без различения ед. и мн. числа)?

Очевидно, более последовательной была бы трехчленная схема. Однако идеальную модель мы строим не для всякого языка, имеющего субъектно-объектную парадигму спряжения, а для ительменского языка, и если мы допускаем, что личные аффиксы восходят к личным местоимениям, то необходимо установить, каким образом различается ед. и мн. число в ительменских личных местоимениях.

§ 5. В ительменском языке имеются следующие личные местоимения:

кма ‘я’	(*муза*) *муза*ʔ*н* ‘мы’
ква ‘ты’	(*туза*) *туза*ʔ*н* ‘вы’
энна ‘он’	*итх* ‘они’

Показателем мн. числа в ительменском языке служит гортанный смычный, обозначенный знаком ʔ, иногда с прибавлением *н*: -ʔ*н*. В словах *муза*ʔ*н* ‘мы’ и *туза*ʔ*н* ‘вы’ показатель мн. числа

налицо. Однако в данном случае он применяется для различения не единственности и множественности, а множественности и двойственности. Двойственного числа в ительменском языке в настоящее время нет, и слова *муза* 'мы' и *туза* 'вы' представляют собой пережиточные образования, показывающие, что некогда двойственное число в ительменском языке существовало. Именно эти слова, ныне являющиеся факультативными вариантами *муза²н* и *туза²н*, передавали значение двойственного числа, тогда как последняя пара — множественного. Противопоставление же одного и нескольких, как это видно из вышеприведенных местоимений, выражается не аффиксально, а супплетивно. Для выражения трех лиц и двух чисел мы имеем в ительменском языке 6 различных местоимений. Следовательно, допуская, что личные аффиксы нашей идеальной модели восходят к личным местоимениям, мы должны принять шестичленную схему личных показателей (6 различных префиксов для указания на субъект и 6 различных суффиксов для указания на объект). Надобность в отдельном выражении числа субъекта и объекта в идеальной модели субъектно-объектной парадигмы отпадает.

§ 6. Введем обозначения:

О — корень

А — префиксы (указ. на субъект): *А1* — 'я' *А4* — 'мы'
А2 — 'ты' *А5* — 'вы'
А3 — 'он' *А6* — 'они'

Б — суффиксы (указ. на объект): *Б1* — 'меня' *Б4* — 'нас'
Б2 — 'тебя' *Б5* — 'вас'
Б3 — 'его' *Б6* — 'их'

Сочетания этих аффиксов дадут нам 28 личных форм идеальной модели субъектно-объектной парадигмы спряжения (см. таблицу I).

Так выглядит субъектно-объектная парадигма, построенная с учетом всех вышеприведенных допущений. Каждый аффикс здесь моносемантичен: он передает значение только лица (субъекта или объекта); значения числа он не передает, поскольку в идеальной модели мы имеем не три лица и два числа, но шесть лиц, как для субъекта, так и для объекта. Личные формы сведены в 6 групп, объединенных общностью субъекта; поэтому мы называем их субъектными группами. Субъектные группы 1 и 4, 2 и 5, 3 и 6 составляют соответственно I, II и III субъектные пары. I и II пара имеют по 4 личные формы в каждой группе, III пара — по 6 личных форм. Субъектные пары выделяются на чисто семантическом основании: например, *А1* формально не содержит никаких признаков *А4*; *А1* передает значение субъекта 'я', *А4* — субъекта 'мы'. Каждая личная форма

Таблица I

Идеальная модель субъектно-объектной парадигмы

Объект	Субъектные группы					
	1. 'я'	2. 'ты'	3. 'он'	4. 'мы'	5. 'вы'	6. 'они'
1) 'меня'	*А1+О+Б2*	*А2+О+Б1*	*А3+О+Б1*	*А4+О+Б2*	*А5+О+Б1*	*А6+О+Б1*
	А1++О+Б3	*А2++О+Б3*	*А3++О+Б3*	*А4++О+Б3*	*А5++О+Б3*	*А6++О+Б3*
2) 'тебя'	*А1+О++Б1*	*А2+О++Б2*	*А3+О++Б2*	*А4+О++Б1*	*А5+О++Б2*	*А6+О++Б2*
	А1++О++Б3	*А2++О++Б3*	*А3++О++Б3*	*А4++О++Б3*	*А5++О++Б3*	*А6++О++Б3*
3) 'его'	*А1+О+Б4*	*А2+О+Б4*	*А3+О+Б4*	*А4+О+Б4*	*А5+О+Б4*	*А6+О+Б4*
	А1++О+Б5	*А2++О+Б5*	*А3++О+Б5*	*А4++О+Б5*	*А5++О+Б5*	*А6++О+Б5*
4) 'нас'	*А1+О++Б4*	*А2+О++Б5*	*А3+О++Б5*	*А4+О++Б4*	*А5+О++Б5*	*А6+О++Б5*
	А1++О++Б6	*А2++О++Б6*	*А3++О++Б6*	*А4++О++Б6*	*А5++О++Б6*	*А6++О++Б6*
5) 'вас'	*А1+О+Б5*	*А2+О+Б5*	*А3+О+Б5*	*А4+О+Б5*	*А5+О+Б5*	*А6+О+Б5*
	А1++О+Б6	*А2++О+Б6*	*А3++О+Б6*	*А4++О+Б6*	*А5++О+Б6*	*А6++О+Б6*
6) 'их'	*А1+О++Б5*	*А2+О++Б6*	*А3+О++Б6*	*А4+О++Б5*	*А5+О++Б6*	*А6+О++Б6*
	А1++О++Б6	*А2++О++Б6*	*А3++О++Б6*	*А4++О++Б6*	*А5++О++Б6*	*А6++О++Б6*

передает сложное субъектно-объектное значение, но тем не менее она моносемантична относительно всех остальных личных форм, потому что она передает одно и только одно значение, она строго дифференцирована как по горизонтали (по субъекту), так и по вертикали (по объекту). Например, форма *А2+О+Б3* передает значение 'ты — его', только это значение и никаких других; форма *А5+О+Б4* — значение 'вы — нас' и т. д. Таким образом, ни одна личная форма в идеальной модели парадигмы не дублирует другую.

Обратимся к конкретным фактам ительменского языка.

§ 7. Ниже приведены две субъектно-объектные парадигмы ительменского переходного глагола (см. таблицы II и III). Произведем анализ аффиксов первой парадигмы.

1. Дифференциация по горизонтали. — Из таблицы видно, что в трех субъектных группах из шести субъект материально выражен, в трех других — не выражен. По субъектным парам эти случаи распределяются следующим образом:

I пара *т-* — *н-*
II пара *0-* — *0-*
III пара *0-* — *н-*

(*0* здесь и далее означает «нуль»)

Субъектная дифференциация по всей парадигме в целом не выдержана. Рассмотрев дифференциацию по субъектным парам, видим, что I пара вполне соответствует нашей идеальной модели: *т-* отражает субъект 'я', *н-* — субъект 'мы'. Формально *н-* не содержит никаких признаков *т-*. В III паре также имеется противопоставление: *0* — *н*. Взятая в отрыве от всей пара-

дигмы, эта пара как будто дифференцирована по субъекту в соответствии с идеальной моделью. Исключение составляет II пара: *0 — 0*, пример полной субъектной недифференцированности сравнительно с идеальной моделью. Наконец, рассмотрев каждую субъектную группу относительно всей парадигмы в целом, находим, что только первая субъектная группа дифференцирована вполне четко. Преф. *т-* сигнализирует о субъекте 'я' и только о нем, тогда как *н-* может передавать значения субъектов 'мы' или 'они', а *0* — субъектов 'ты', или 'он', или 'вы'. При условии четкой объектной дифференциации следует ожидать наличия в парадигме большого количества дублирующих форм.

2. Дифференциация по вертикали. — Максимальное количество личных форм содержит III субъектная пара: по 6 в каждой группе. Начнем рассмотрение объектной дифференциации с этой пары, так как это дает возможность проследить сразу все объектные суффиксы, применяемые для конструирования личных форм парадигмы. Уже беглое сравнение позволяет заметить иную тенденцию построения объектного суффикса, отличную от той, что прослеживается в идеальной модели. Объектных суффиксов не 6, их меньше — это сразу наводит на мысль, что ительменский язык отдает предпочтение трехчленной схеме показателей с различением числа объекта. В самом деле, с помощью показателя мн. числа *-ʔ-* дифференцируются следующие пары объектов:

-мəнк	'меня'	*-мəʔнк*	'нас'	(для II, III и VI субъектн. групп)
-мəнксх	'меня'	*-мəʔнксх*	'нас'	(для V субъектн. группы)
-ɣомнəн	'меня'	*-ɣомнəʔн*	'нас'	(для III субъектн. пары)
-нəн	'его'	*-нəʔн*	'их'	(для III субъектн. пары)
-н	'его'	*-ʔн*	'их'	(для II субъектн. группы)
-чен	'его'	*-чеʔн*	'их'	(для I субъектн. пары)

Исключение составляет объектная пара 'тебя — вас', имеющая суффиксы *-ɣəн / -схэн* для всех субъектных групп. Суфф. *-схэн* весьма интересен. Ранее он, по-видимому, имел показатель мн. числа *-ʔ-*: **-схəʔн*; эта форма образовалась от суффикса *-сх*, который мы встречаем в V субъектной группе, в форме 'вы — его'. Этот суффикс передает значение множественности, причем множественности не объекта, а субъекта. Рассмотрим показатели второй субъектной пары:

'ты'	'вы'	
-мəнк	*-мəнксх*	'меня'
-н	*-сх*	'его'
-мəʔнк	*-мəʔнксх*	'нас'
-ʔн	*-схэн*	'их'

Таблица II

Аффиксы первой субъектно-объектной парадигмы спряжения переходного глагола в ительменском языке

Объект	Субъектные группы					
	1) *кмəлвəм*	2) *кəлвəн*	3) *внəə*	4) *мəəлвəм*	5) *тəəлвəм*	6) *тлвн*
1) *кма*		— *-мəŋк*	— *-мəӈк* (— *-ӷомнəн*)		— *-мəŋксх*	*н-* *-мəŋк* (*н-* *-ӷомнəн*)
2) *кза*	*т-* *-ӷəн*		— *-ӷəн*	*н-* *-ӷəн*		*н-* *-ӷəн*
3) *əнна*	*т-* *-чен*	— *-н*	— *-нəн*	*н-* *-чен*	— *-сх*	*н-* *-нəн*
4) *муза²н*		— *-мə²ӈк*	— *-мə²ӈк* (— *-ӷомнə²н*)		— *-мə²ӈксх*	*н-* *-мə²ӈк* (*н-* *-ӷомнə²н*)
5) *туза²н*	*т-* *-схəн*		— *-схəн*	*н-* *-схəн*		*н-* *-схəн*
6) *итх*	*т-* *-че²н*	— *-²н*	— *-нə²н*	*н-* *-че²н*	— *-схəн*	*н-* *-нə²н*

Таблица III

Аффиксы второй субъектно-объектной парадигмы спряжения переходного глагола в ительменском языке

Объект	Субъектные группы					
	1) *кмəлвəм*	2) *кəлвəн*	3) *внəə*	4) *мəəлвəм*	5) *тəəлвəм*	6) *тлвн*
1) *кма*		— *-хкмəӈк*	*н-* *-хкмəӈк* (*н-* *-хкомнəн*)		— *-хкмəӈксх*	*н-* *-хкмəӈк* (*н-* *-хкомнəн*)
2) *кза*	*т-* *-хкəн*		*н-* *-хкəн*	*н-* *-хкəн*		*н-* *-хкəн*
3) *əнна*	*т-* *-кичен*	— *-чӷэн*	*н-* *-чеӷнэн*	*н-* *-кичен*	— *-схəк*	*н-* *-ӷэнэн*
4) *муза²н*		— *-хкмə²ӈк*	*н-* *-хкме²ӈк* (*н-* *-хкомнə²н*)		— *-хкмə²ӈксх*	*н-* *-хкмə²ӈк* (*н-* *-хкомнə²н*)
5) *туза²н*	*т-* *-кисхəн*		*н-* *-кисхəн*	*н-* *кисхəн*		*н-* *-кисхəн*
6) *итх*	*т-* *-киче²н*	— *-киче²н*	*н-* *-киче²н*	*н-* *-киче²н*	— *-хкə²н*	*н-* *-ӷэнə²н*

Примечания к таблицам: 1) названия групп субъекта даны в эргативном падеже, объект действия стоит в абсолютном падеже; 2) в скобках даны варианты аффиксального оформления, употребляющиеся параллельно.

Из этого сопоставления довольно отчетливо видно, что правая субъектная группа дифференцируется от левой при помощи показателя *-сх*, именно он передает в данном случае множественность субъекта. В объектных формах ‘его, их’ наблюдается некоторая непоследовательность конструирования аффикса: если бы был четко проведен агглютинативный принцип, мы должны были бы иметь такие две пары:

-н *-сх-э-н*
-ʔн *-сх-э-ʔн*

Можно предположить, что первоначально так оно и было, а впоследствии суффикс *-схэн*, приобретя новые значения, трансформировался, и показатель мн. числа отпал. Одним из таких значений стало значение лексическое: существует словообразовательный глагольный суфф. *-схэн*, придающий действию, выражаемому глаголом, оттенок многократности.

Идеальная модель предполагает объектную дифференциацию строго по вертикали: если прослеживать объектный суффикс по горизонтали, он останется неизменным для всех шести субъектных групп. В ительменской парадигме этот принцип проводится довольно четко. Исключение составляют объекты, передающие значения ‘его, их’. Как показано выше, эти суффиксы совпадают лишь в рамках субъектных пар. В настоящее время трудно указать причины этого явления. Отметим только, что 6 форм с объектом ‘он’ составляют неполную субъектно-объектную парадигму, по которой спрягаются переходные глаголы II порядка, т. е. такие глаголы, которые по семантике своей требуют в качестве объекта существительное, означающее «нечеловека», и, следовательно, не могут спрягаться по полной субъектно-объектной парадигме.

3. Дублирующие формы. — Анализ объектных суффиксов, производимый в сопоставлении с идеальной моделью, привел к парадоксу: в его ходе мы дополнили систему субъектной дифференциации. В итоге мы получаем, что по субъекту дифференцирована каждая субъектная пара, только в I и III парах субъектные показатели находятся в префиксе, а во второй — в суффиксе:

I пара *т-* — *н-*
II пара *0* — *-сх*
III пара *0* — *н-*

Этот факт, а также то, что объектная дифференциация для объектов ‘его, их’ прослеживается только в составе субъектных пар, дает в результате меньшее количество дублирующих форм, чем следовало ожидать. Применение параллельных вариантов

объектных показателей еще более усиливает дифференцирующие способности парадигмы. Так, *анчп-мәӈк* ‘ты выучил меня’ и ‘он выучил меня’, но в последнем случае чаще используется форма *анчп-ӷомнэн*. В общем итоге мы находим только три бисемантичных формы:

н-анчп-ӷэн ‘мы выучили тебя’ и ‘они выучили тебя’
н-анчп-схэн ‘мы выучили вас’ и ‘они выучили вас’
анчп-схэн ‘он выучил вас’ и ‘вы выучили их’

§ 8. Рассмотрим вторую субъектно-объектную парадигму, аффиксы которой приведены в таблице II.

Приемы субъектной и объектной дифференциации второй парадигмы ничем принципиально не отличаются от приемов, использованных в первой парадигме. Материально эта дифференциация выражается примерно теми же показателями. Так, в I и III субъектных парах указание на субъект заключено в префиксе, во II паре — в суффиксе:

I пара *т-* — *н-*
II пара *О* — *-сх*
III пара *н-* — *н-*

Объектные суффиксы конструируются аналогично суффиксам первой парадигмы, так что количество дублирующих форм в этой парадигме выше, чем в первой, — их 5, две из них трисемантичны: аффиксальный комплекс *н-* — *-хкэн* передает значения ‘он — тебя’, ‘мы — тебя’, ‘они — тебя’; комплекс *н-* — *-кисхэн* — значения ‘он, мы, они — вас’.

Сравнение объектных суффиксов обеих парадигм показывает, что суффиксы второй парадигмы отличаются от суффиксов первой парадигмы формантом *-к-* (*-хк-*), с которого начинается объектный суффикс: *-мәӈк* / *-хк-мәӈк*, *-ӷомнэн* / *-хк-омнэн*, *-ӷэн* / *-хк-эн*, *-чен* / *-ки-чен*, *-схэн* / *-ки-схэн*; в одном случае он завершает суффикс: *-сх* / *-сх-ә-к*. Случаи, трудные для расшифровки, остаются в меньшинстве; это, как и следовало ожидать, суффиксы объектов ‘его, их’: *-н* / *-чӷэн*, *-нэн* / *-чеӷнэн* и *-нэн* / *-ӷэнэн*.

Что такое *-к-*?

§ 9. Категория переходности — непереходности, присущая ительменскому глаголу, имеет четкое грамматическое выражение. Показателем непереходного глагола является суфф. *-к-*, переходность имеет нулевое оформление:

Переходный глагол	Непереходный глагол
анлʲ-ос ‘показывать’	*колʲ-к-ес* ‘приходить’
меч-ес ‘терять’	*нэксэ-к-ес* ‘спать’
анчп-ес ‘учить’	*схези-к-ес* ‘ездить’

Когда переходный глагол становится общепереходным, т. е. когда действие, выражаемое им, уже не направляется на определенный объект, но трансформируется в возможность совершать данное действие вообще, — кроме префикса общепереходности *ин-/ан-*, в глагольное слово входит суфф. *-к-*:

энчхч-ас 'побеждать' *ан-энчхчал^{ь}-к-ес* 'побеждать вообще'
энквэ-с 'помогать' *ин-энквул^{ь}-к-ес* 'помогать вообще'
лнкал-ес 'тушить' *ан-лнкал^{ь}-к-ес* 'тушить вообще'

Формально такие глаголы становятся непереходными, они не могут спрягаться по субъектно-объектной парадигме, ни по полной, ни по неполной. Они спрягаются по безобъектной парадигме, как все непереходные глаголы.

Группа глаголов со скрытой транзитивностью также характеризуется наличием суффикса *-к-*:

кал^{ь}хл^{ь}-к-ес 'делать стрелы' (букв.: «стреловать»)
мецк'ента-к-ес 'охотиться на медведя' (букв.: «медвежить»)
чая-к-ес 'пить чай' (букв.:'чаевать')

Таким образом, суфф. *-к-* резко отделяет всю массу глаголов непереходных, общепереходных, ослабленно-переходных, скрыто-переходных и пр. от прямо-переходных глаголов, выражающих действие, переносимое на конкретный объект, спрягающихся по субъектно-объектным парадигмам (полной и неполной). И только 9 глаголов, по семантике прямо-переходных, имеют в неопределенной форме суфф. *-к-*. Эти глаголы спрягаются по специальной субъектно-объектной парадигме, аффиксы которой материально почти полностью совпадают с аффиксами первой субъектно-объектной парадигмы, с тем отличием, что эти аффиксы помечены, «маркированы» суффиксом *-к-*.

Приведем эти глаголы: *тфл^{ь}-к-ес* 'приносить', *хэк тэлкес* 'узнавать', *чке-к-ес* 'находить', *тээл-к-ес* 'догонять', *энтхла-к-ес* 'везти', *ла-к-ес* 'сообщать, разоблачать', *ти-к-ес* 'вводить', *чел-к-ес* 'собирать, выбирать', *энк-к-ес* 'ловить, хватать'.

Причины такого исключительного явления еще не выяснены, и выяснение их не входит в задачу настоящей статьи. Формант *-к-* интересует нас в ином плане. Если он, передавая значение ослабленной переходности и непереходности, маркирует личные показатели спрягаемых форм прямо-переходных глаголов, — нет ли его следов в безобъектной парадигме, по которой спрягаются непереходные глаголы, и нет ли какой-либо связи между личными показателями второй субъектно-объектной и безобъектной парадигмами спряжения?

§ 10. Личные показатели безобъектной парадигмы выглядят следующим образом:

‘я’ *т- — -кичен*	‘мы’ *ʔнт- — -к (ичен)*
‘ты’ *-ч*	‘вы’ *-сх*
‘он’ *-γэн*	‘они’ *-γэʔн*

Эти показатели передают одно только субъектное значение, следовательно, здесь необходима дифференциация только по субъекту. Парадигма показывает, что предпочтение отдается не шестичленной, а трехчленной схеме показателей с дифференциацией по признаку единственности—множественности. 1-е и 3-е лица оформлены одним и тем же показателем, различая число при помощи суффикса множественности *-ʔ-*. Исключение, как и в случае с переходным глаголом, составляет 2-е лицо: *-ч-сх*. Появление суффикса *-сх* во 2-м лице мн. числа служит лишним доказательством того, что пятая группа субъектно-объектной парадигмы имеет субъектный показатель в суффиксе, а не в префиксе.

В безобъектной парадигме формант *-к-* отчетливо виден только в 1-м лице. При сопоставлении с субъектно-объектной парадигмой находим, что аффиксальный комплекс *т- — -кичен*, передающий в безобъектном спряжении субъект ‘я’, в субъектно-объектной парадигме передает значение ‘я — его’. Почти не различаются по своему оформлению безобъектная форма ‘мы’ и субъектно-объектная ‘мы — его’ (*ʔнт- — -кичен / н- — -кичен*). Показателю 2-го лица ед. числа субъекта *-ч* соответствует в субъектно-объектной парадигме объектный суфф. *-чγэн*. Если представить его как сумму *ч+γэн*, то мы увидим, что *-γэн* есть объектный суффикс первой субъектно-объектной парадигмы, передающий значение ‘тебя’. Такое совпадение вряд ли можно считать случайным. Наконец, субъектным показателям 3-го лица обоих чисел *-γэн / -γэʔн* мы находим соответствия *-γэнэн / -γэнэʔн*, образованные в результате сложения *-γэн+-нэн* и *-γэʔн+-нэʔн*. Наиболее темным остается суфф. *-чеγнэн*, нарушающий стройность системы объектных суффиксов в III группе второй субъектно-объектной парадигмы. Несмотря на это, тенденция прослеживается ясно: аффиксы второй субъектно-объектной парадигмы, передающие объектное значение ‘его’, восходят к аффиксам безобъектного спряжения непереходного глагола. Остальные объектные суффиксы второй парадигмы образованы прибавлением форманта *-к-* к аффиксам первой субъектно-объектной парадигмы.

§ 11. Подведем некоторые итоги.

Личные формы глагола в ительменском языке конструируются агглютинативно, причем для построения их используются как префиксы, так и суффиксы.

Префиксы, как правило, указывают на субъект действия в том случае, когда речь идет о субъектно-объектных формах. Исключение составляет II субъектная пара субъектно-объектной парадигмы, в которой для указания на субъект использован суффикс.

Свидетельством непоследовательности агглютинативной аффиксации является наличие бисемантичных форм, хотя их количество и сведено до минимума. Это явление вызывается прежде всего недостаточной субъектной дифференцированностью.

Личные показатели ительменского глагола в настоящее время затруднительно свести к личным местоимениям. Во-первых, самая форма аффиксов имеет очень мало общего с личными местоимениями; во-вторых, принцип конструирования объектного суффикса свидетельствует о противном: суффиксы имеют тенденцию выступать не в шести, а в трех вариантах, с различением ед. и мн. числа. Это, однако, не нарушает их моносемантичности: выше было показано, что объектный суффикс передает только значение лица объекта; ед. число оформляется нулем, мн. число — специальным показателем множественности -ʔ-.

Настоящая работа является первой попыткой анализа аффиксального аппарата ительменской глагольной системы. Этот анализ не имел целью установить место ительменского языка в традиционной схеме морфологической классификации. Вслед за А. А. Холодовичем мы считаем, что «нет агглютинативных и флективных языков, но есть агглютинативные и флективные механизмы в языке, есть агглютинативные и флективные структуры, действующие с большей или меньшей силой в любом языке».[2] Мы рассмотрели агглютинативный механизм ительменской глагольной системы, причем рассмотрение это, в целях большей наглядности, производили в сравнении с некоторым идеальным агглютинативным механизмом. Как и следовало ожидать, механизм, действующий в живом языке, оказался не адекватен идеалу, но все же довольно близок к нему.

---

[2] А. А. Холодович. Из истории японской лингвистики. Агглютинативная теория и проблема родственных связей японского языка. Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1941, № 1, стр. 98.

П. И. Инэнликэй

О РОЛИ АГГЛЮТИНАТИВНОЙ АФФИКСАЦИИ В ЧУКОТСКОМ ЯЗЫКЕ

(Морфологическая структура наречий)

Известно, что агглютинация в чукотско-камчатских языках префиксально-суффиксальная,[1] причем в частотном отношении она больше суффиксальная. По характеру аффиксальности слова чукотского языка можно подразделить на 4 группы: а) безаффиксные (наречия, служебные слова), б) суффиксальные, в) префиксально-суффиксальные, г) префиксальные (безаффиксные наречия в сочетании с префиксами, выражающими различные степени качественной характеристики действия).

Префиксально-суффиксальный тип агглютинации создает некоторые трудности в членении потока речи на его отдельные элементы (слова и их формы). При суффиксальном типе агглютинации (например, в эскимосском) в плане членимости потока речи структура слова довольно ясна: корневая морфема (*К*) + словообразовательные суффиксы (*СО*) + словоизменительные (формообразовательные) суффиксы (*СИ* (*ФО*)), т. е. каждое слово начинается с корневой морфемы.

Префиксально-суффиксальная форма слова структурно отличается от суффиксальной наличием перед корневой морфемой различных формо- и словообразовательных префиксов, например: *га-чег-майӈ-ы-қора-тъол-ма* ‘с довольно большим куском оленины’, где преф. *га-* и суфф. *-ма* (заключающие между собой основу) — показатели сопроводительного падежа, преф. *-чег-*, относящийся к зависимому компоненту инкорпоративного комплекса *майӈ-* ‘большой’, выражает неполноту качественной характеристики, *қора-* — корневая морфема слова *қора-ӈы* ‘олень’, *тъол-* — суффикс словообразования со значением ‘часть чего-л., кусок чего-л.’. Причастия в структурном плане не отличаются от имен существительных, за исключением того, что причастия имеют дополнительный словообразовательный суфф. *-ль-*. Схема слова имен существительных и причастий такова: $СИ + СО^{1-2} + К^{1-N} + СО^{1-3} + СИ\ (ФО)$. Несколько корневых морфем имеется в инкорпоративном комплексе.

Самой «агглютинативной» частью речи в чукотском языке является глагол, так как вокруг него конструируются остальные члены предложения и сказуемое принимает показатели лица, числа, времени, вида, залога, отрицания, ограничения, выдели-

---

[1] См.: П. Я. Скорик. Грамматика чукотского языка, ч. 1. М.—Л., 1961, стр. 81—93, а также его статью в настоящем сборнике, стр. 235.

тельности и др. Чукотское предложение может состоять очень часто из одного глагольного сказуемого, например: *мыт-ы-лги--рэ-йыӄ-ы-пири-сӄычен-ӈ-ы-ркын-эт* 'мы их очень хотим быстро схватить', где *мыт-* — показатель 1-го лица мн. числа,[2] *-лги-* — словообразовательный префикс со значением 'очень', преф. *-рэ-* и суфф. *-ӈ-* выражают желательность действия, *йыӄ-* — зависимый компонент инкорпоративного комплекса *йыӄ-ы-пирик* 'быстро схватить', *пири-* — ведущая корневая морфема, *сӄычет-*[3] — видовой суффикс, выражающий стремительность действия, *-ркын-* — показатель наст. времени 3-го лица субъекта (при непереходном глаголе) и объекта (при переходном глаголе), *-эт*, которым оканчивается глагольная словоформа, обозначает число объекта. Полная глагольная форма со всеми атрибутами слово- и формообразования графически изображается так: $СИ\ (ФО)^{1-2} + СО^{1-2} + К^{1-N} + СО^{1-N} + СИ\ (ФО)^{1-3}$.[4]

При рассмотрении агглютинации чукотского языка принято в качестве иллюстраций приводить глагольные и именные части речи. О наречиях при этом обычно даже не упоминается. Между тем в образовании наречий чукотского языка агглютинация играет большую роль.

Предлагаемая статья посвящена вопросу агглютинирования наречий в чукотском языке.

Категория слов, именуемых наречиями, относится к числу неизменяемых частей речи (кроме изменения по степеням сравнения). Поэтому в наречиях имеются только словообразовательные аффиксы и не может быть формообразовательных. Неизменяемость наречий обусловила такой вид сочетания слов, как примыкание.

Чукотские наречия по оформляемости аффиксами подразделяются на: 1) безаффиксные, 2) префиксальные, 3) суффиксальные, 4) префиксально-суффиксальные.

1. Безаффиксальные наречия характеризуются полным отсутствием каких бы то ни было аффиксов, например: *люур* 'вдруг', *авэтывақ* 'неожиданно', *вачақ* 'зато'. Мало того, некото-

---

[2] Можно предположить, что преф. *мыт-*, выражающий 1-е лицо мн. числа изъявительного наклонения, состоит из *м-*, указывающего на число субъекта, и *-т* — показателя 1-го лица ед. числа, ср.: *рэ-винрэт-гъэ* 'он поможет (ты поможешь)', *т-рэ-винрэтгъэ* 'я помогу,' *м-ы-т-рэ-винрэт-гъэ* 'мы поможем'; *льу-ркын* 'ты его видишь', *т-ы-льу-ркын* 'я его вижу', *м-ы--т-льу-ркын* 'мы его видим'. Другая точка зрения по этому вопросу изложена в статье П. Я. Скорика «О совершенствовании основ грамматического строя» (Тр. ИЯ АН СССР, т. IV, 1954).

[3] Конечный согласный *т* суффикса *-сӄычет-* перед звуком *-ӈ-* перешел в *-н-*.

[4] *N* корневых морфем может быть в глагольных и именных инкорпоративных комплексах.

рые наречия, в основном наречия места, выступают в форме усеченной основы существительных, см., например: *гыргол* ‘наверху’, *гырголя-та* ‘поверху’, *гырголя-йпы* ‘сверху’ (основа *гырголя-*); *ивтыл* ‘внизу’, *ивтыле-тэ* ‘понизу’, *эвтыля-гты* ‘вниз’ (основа *ивтыле-* ~ *эвтыля-*). Можно предположить, что безаффиксные наречия — самые древние из наречий. Графически безаффиксные наречия изображаются: К.

2. Префиксальные наречия образуются от безаффиксных присоединением в виде префиксов различных показателей полноты той или иной характеристики действия. К префиксам такого рода можно отнести: *мэч-* ~ *мач-* со значением ‘немного, чуть-чуть’, *чиг-* ~ *чег-* (*чик-* ~ *чек-*) ‘довольно, не очень уж’, *кыт-* ‘уж очень, совершенно’, *лыги-* ~ *лыгэ-* ‘очень’, например: *мэч-уйнэ* ‘почти нет’, *мач-ыяа* ‘далековато’ (от наречия *няа* ‘далеко’), *чиг-чымче* ‘довольно близко’ (*чымче* ‘близко’), *кыт-лёор* ‘совершенно неожиданно’ (*люур* ‘вдруг, неожиданно’). Кроме указанных префиксов, к безаффиксным наречиям может присоединяться показатель *мэл-* ~ *мал-* со значением ‘кажется’: *мэл-қынур* ‘как будто бы’, *мал-ыяа* ‘кажется далеко’.

Есть основание полагать, что когда-то это были самостоятельные корневые морфемы. Морфемы *мэч-* ~ *мач-*, *чиг-* ~ *чэг-*, *мэл-* ~ *мал-*, очевидно, перешли в разряд префиксов очень давно, поскольку в современном языке нет корневых морфем, в которых прослеживалось бы их наличие.

Морфема *кыт-* в современном языке прослеживается в таких словах, как: *кыт-рэл* ‘лоб’ (букв.: ‘твердорядие’), *кыт-кыт* ‘весна’, ‘наст’, *кыт-ав-ы-к* ‘твердеть’ и др. Переход в разряд префиксальных морфем обусловил и видоизменение лексического значения. Морфема *лыги-* ~ *лыгэ-* (*лги-* ~ *лгэ-*, *нылги-* ~ *нылгэ-*) и в настоящее время может употребляться самостоятельно в сочетаниях аналитического характера: *лыги лыңык* ‘знать’, *лыги рытчык* ‘познавать’. Она может выступать и в роли сказуемого: *гымнан лыги* ‘мне известно’, ‘я знаю’, *гынан тэн-лыги* ‘тебе хорошо известно’, ‘ты хорошо знаешь’. *Лыги* может выполнять функции, близкие к функциям зависимого компонента сложного слова и инкорпоративного комплекса, например: *лыг-оонъылгын* ‘шикша’ (букв.: ‘настоящая ягода’), *лыги-ңилгын* ‘кожаный ремень’ (букв.: ‘настоящий ремень’, в отличие от *таңң-ы-ңэлгын* ‘веревка’), *лыгэ-выквылгын* ‘настоящий камень’, *майң-ы-лыгэ-ран* ‘большой настоящий дом’. Последний пример примечателен тем, что *лыгэ-* стоит между двумя компонентами инкорпоративного комплекса. Известно, что аффиксы чукотского языка (независимо от того, словообразовательные они или формообразовательные) замыкают, «окружают» корневую морфему, а не вклиниваются между компонентами комплекса.

Указанные префиксы могут сочетаться между собой и присоединяться к наречиям (присоединение префиксов или их сочетания каждый раз дает новое наречие с новым лексическим значением), например: *лыги-чиқ-қырым* ‘ни за что’, ‘ни в коем случае’ (ср.: *қырым* ‘нет’, *чиқ-қырым* ‘нет и нет’, ‘ни за что’). Префикс в данном наречии еще больше подчеркивает отказ от действия, выраженный наречием *чиқ-қырым* (*қырым* — отрицательная частица со значением ‘не’: *қырым мылқытык* ‘не пойду’, *қырым мынмигчирэнмык* ‘не будем работать’). *Мэч-чиг-чымче* ‘довольно близко’ (букв.: ‘довольно «близковато»’) образовано от наречия места *чымче* ‘близко’ и *чиг-чымче* ‘довольно близко’.

Заметим, что префиксы *мэч-* и *лыги-* не могут сочетаться между собой в одном наречии, как и префиксы *чиг-* с *кыт-*, *мэч-* с *кыт-*, так как они взаимоисключают друг друга.

Графически префиксальное наречие может быть изображено так: $CO^{1-2} + K$.

3. Суффиксальные наречия по характеру присоединяемых суффиксов могут быть подразделены на 3 подгруппы.

а) Наречия, образованные с помощью «застывших», «окаменевших» падежных показателей современного чукотского языка: *корг-эты* ‘радостно’, *гыро-кы* ‘весной’, *чейв-э* ‘пешком’, *ӈоонка-та* ‘вон по тому месту’, *ӈуткэ-тэ* ‘по этому месту’ и т. д. Это легко прослеживается при сопоставлении с формами падежей именных частей речи: *тымк-эты* ‘к кочке’, *амноӈ-эты* ‘в тундру’ (дат.-напр. падеж), *эмнуӈ-кы* ‘в тундре’, *тымк-ык* ‘на кочке’ (местн. падеж), *ы’тв-э* ‘лодкой’, *выкв-а* ‘камнем’, *кэли-тэ* ‘бумагой’, *валя-та* ‘ножом’ (твор. падеж).

б) Наречия места, образованные от указательных имен суффиксами, отличающимся от показателей современных падежей: *ынкы-рилы* ‘вон туда’, *ӈоон-қоры* ‘оттуда’, *ӈотын-рэлы* ‘вон туда, позади меня’, *райыӈ-қоры* ‘вон оттуда, за тобой’. Можно предположить, что показатели *-қоры*, *-рилы-* ~ *рэлы-* — это реликты древнего типа склонения существительных, так как в родственном чукотскому корякском языке суфф. *-ӄо* в варианте *-ӈӄо* участвует в формообразовании имен существительных как показатель исходного падежа. Что касается суффикса *рилы-* ~ *-рэлы-*, то в корякском языке ему соответствует словообразовательный суфф. *-е (jэ)*[5] наречного слова *миӈкы-е?* ‘куда?’.

Суффиксы *-қоры* и *-рилы* ~ *-рэлы-* вероятно, были когда-то сложными, так как компоненты *-ры* и *-лы* могут быть вообще опущены, от чего семантика наречий не изменяется: *ӈоон-қо*

---

[5] Звуку й (*j*) корякского языка в чукотском соответствует *р*: *jajaӈa* ‘дом’ ~ *jараӈы* ‘дом’; *joқыj* ‘овод, оса’ ~ *роқыр* ‘овод, оса’ и т. д.

и *ԥоон-ԛоры* ‘вон оттуда’, *ԥоон-рэ* и *ԥоон-рэ-лы* ‘вон туда’ и т. д. Можно также сравнить с корякск. *-ԥ-ԛо* (*вала-ԥԛо* ‘от ножа’) и *-е* (*миԥкы-е* ‘откуда’).

в) Наречия, образованные от корневых морфем других частей речи своими средствами словообразования: *гымыг-мил* ‘по-моему’, *ԥирэ-че* ‘дважды’, *ԥыра-ча* ‘четырежды’, *тъер-ы-нлеԥу?* ‘каким количеством, числом?’ и др.

Местоименные наречия на *-мил ~ -мэл* образовались через форму местного падежа, причем *к* перед *м* ассимилировался в *г*: *гын-ы-к* ‘у тебя’, *гын-ы-к-мил* > *гын-ы-г-мил* ‘по-твоему’; *мур-ы-к* ‘у нас’, *мур-ы-к-мил* > *мур-ыг-мил* ‘по-нашему’; *ыр-ы-к* ‘у них’, *ыр-ы-г-мил* ‘по-ихнему’. В последнем случае может быть *ыр-ыкэ-мил*.

Суфф. *-ԛэй*, выражающий уменьшительно-ласкательную характеристику, может присоединяться только к одному наречию *чымче* ‘близко’: *чымче-ԛэй* ‘близехонько’. Морфема *-ԛэй* восходит к корневой морфеме *ԛэй-* слова *ԛэйыԛэй* ‘детеныш’.

Графическое изображение суффиксального наречия выглядит так: $К + СО^{1-2}$. Два словообразовательных суффикса имеется у местоименных сравнительно-уподобительных наречий (*ын-ы-г-мил* ‘как он’).

4. Префиксально-суффиксальные наречия в процентном отношении составляют самую большую группу. По характеру аффиксов указанную группу наречий можно подразделить на 2 подгруппы.

а) Собственно качественные наречия со словообразовательными суффиксами *н(ы)-*, *-ъэв ~ -ъав*. Подлинно словообразовательным показателем наречий является суфф. *-ъэв ~ -ъав*, так как префикс *н(ы)-* присутствует и в именах качественного состояния (*н-эрмэ-ԛин* ‘сильный’, *н-ы-пынн-ы-ԛин* ‘грустный’), и в глаголах настоящего II времени (*н-эрмэ-в-ԛин* ‘он становится сильным’, *ны-пынн-эв-ԛин* ‘он становится грустным’). Аффиксы *н(ы)-*, *-ъэв ~ -ъав* присоединяются непосредственно к корневой морфеме: *н-эрм-ъэв* ‘сильно’, *н-ы-пынн-ъэв* ‘грустно’.

Можно предположить, что суфф. *-ъэв ~ -ъав* видоизменился из *-ԛэв ~ -ԛав*, так как и в современном языке гортанный смычный и *ԛ* чередуются. Суфф. *-ԛэв ~ -ԛав* встречается в словах, называющих предмет или лицо, являющееся причиной того или иного состояния, действия: *коргы-ԛав* ‘тот, из-за которого радостно’, *импэ-ԛэв* ‘тот, из-за которого медленно двигаются’. Суфф. *-ԛэв ~ -ԛав* является также показателем порядковых числительных: *ԥыро-ԛав* ‘третий’, *мынгыт-ԛав* ‘десятый’, *ԥирэ-ԛэв* ‘второй’.

К наречиям на *н(ы)-*, *-ъэв ~ -ъав* могут присоединяться префиксы, выражающие различные степени качественной характеристики: *мэч-н-илг-ъэв* ‘немного бе́ло’, *чиг-н-ы-йыԛ-ъэв* ‘довольно

быстро' ('«быстровато»'), *кыт-н-эмп-ъав* 'уж очень медленно', *ны-лги-н-икв-ъэв* 'очень высокорòсло'.[6] Таким образом, наречия на *н(-ы)-*, *-ъэв ~ -ъав* могут иметь до трех префиксов: *мэч-чиг-н-ы-чьув-ъэв* 'узковато' (букв.: 'немного довольно узко'), ср.: *н-ы-чьув-ъэв* 'узко', *чиг-н-ы-чьув-ъэв* 'довольно узко'; *мал-кын-н-аройв-ъав* 'кажется, уж очень сильно', ср.: *н-аройв-ъав* 'сильно', *кын-н-аройв-ъав* 'уж очень сильно' и т. д. В качестве второго суффикса у наречий на *н(ы)-*, *-ъэв ~ -ъав* могут выступать показатели субъективной оценки *-ӄэй ~ -ӄай* (уменьшительно-ласкательный суффикс), *-йӈа* (пренебрежительно-увеличительный): *н-ы-чивт-ъэв-ӄэй* низенько', *н-экв-ъав-ы-йӈа* 'высоченно', *мал-кын-н-аройв-ъав-ы-йӈа* кажется, уж очень высоченно', *мэч-чиг-н-утг-ъэв-ӄэй* 'довольно легонечко'. Таким образом, у наречий на *н(ы)-*, *-ъэв ~ -ъав* может быть одновременно 3 префикса и 2 суффикса, причем наречия, оформленные всеми возможными аффиксами, начинаются с префиксов различных степеней характеристики действия, а заканчиваются суффиксами субъективной оценки. Графически наречия данной группы можно изобразить так: $CO^{1-3} + K + CO^{1-2}$.

б) Вторую группу префиксально-суффиксальных наречий составляют суффиксальные, оформленные префиксами различных степеней характеристики действия *мэч- ~ мач-*, *чиг- ~ чег-* (*чик- ~ чек-*), *кыт-*, *лыги- ~ лыгэ-* и префиксом предположительности *мэл- ~ мал-*: *мач-корг-эты* 'немного весело', *чек-айылг-эты* 'довольно страшно', *кыт-алва-гты* 'совершенно не так, совершенно иначе', *лыгэ-лымын-ӄоры* 'отовсюду-отовсюду', *мал-ӈоон-рэлы* 'кажется, туда'. Двойная префиксальность наречий указанной группы обусловливается сочетанием данных префиксов: *мач-чег-корг-эты* 'не особенно радостно', *лыгэ-кыт-лымынкы-рэлы* — 'во все, все стороны'. Графически такие наречия можно изобразить: $CO^{1-2} + K + CO$.

Как видно из примеров, наречия могут очень легко принимать или утрачивать аффиксы и тем самым изменять или осложнять свое лексическое значение. Такая свобода утраты и присоединения аффиксов в какой-то мере напоминает агглютинативное образование наречий с формообразованием.

Полным подобием префиксации к наречиям примыкают имена качественного состояния: как и наречия, они имеют тот же словообразовательный преф. *н(ы)-*, к ним присоединяются те же показатели различных степеней качественной характеристики,

---

[6] Вообще префиксы той или иной характеристики *-мэч- ~ мач*, *чиг- ~ чег-*, *кыт-*, *лыги- ~ лыгэ-*, а также преф. *мэл ~ мал-* могут присоединяться к наречиям, к словам качественного состояния, к глаголам во всех временах: *мэч-н-икв-ъэв* '«высоковато»', *мэч-н-икв-ы-ӄин* 'высоковатый', *мэч-икв-эв-ы-ркын* 'подрастают'.

они имеют те же показатели степеней сравнения (*-ӈ* — суффикс сравнительной и превосходной степеней, *ынан-* — префикс превосходной степени). Кстати, изменение по степеням сравнения является единственным словоизменительным (формообразовательным) процессом наречий. Но даже в формах сравнительной и превосходной степеней наречия могут иметь префиксы *мэч-* ~ *мач-*, *чиг-* ~ *чег-*, *кыт-*, *лыги-* ~ *лыгэ-* и преф. *мэл-* ~ *мал-*, например: *мач-арма-ӈ* ‘немного сильнее’, *чег-майӈы-ӈ* ‘сравнительно больше’, *кыт-гыргол-ы-ӈ* ‘гораздо выше’, *лыгэрол-ы-ӈ* ‘значительно слабее’, *мал-кынта-ӈ* ‘кажется удачливее’, *лыгэ-ынан-энъ-ы-ӈ* ‘по настоящему быстрее всех’, *мал-ынан-чымча-ӈ* ‘кажется ближе всего’ и т. д.

Имена качественного состояния своей суффиксальностью примыкают к именным частям речи (существительным, причастиям). Это вызвано необходимостью согласовываться с определяемым им словом. Согласование имен качественного состояния происходит по числам, лицам и отчасти по падежам.

По существу, наречия и имена качественного состояния составляют определенную группу слов, назначением которых является — быть атрибутом (наречия — к действию, имена качественного состояния — к существительным, причастиям); иначе говоря, наречия — приглагольная часть речи, имена качественного состояния — приименная. Именно функциональная сторона имен качественного состояния привела к способности изменяться по лицам, по числам, по падежам.

Таким образом, в чукотском языке агглютинация занимает большое место в образовании и изменении не только имен и глаголов, но и наречий. Отличительной особенностью наречий при этом является то, что способом агглютинирования образуются новые наречия с новым лексическим значением. Приемом агглютинации образуются наречия и от корневых морфем других частей речи.

Л. Б. Никольский

О ВТОРОЙ СТОРОНЕ АГГЛЮТИНАЦИИ

Существует три разновидности понимания агглютинации: агглютинация как процесс, агглютинация как способ связи вещественных и формальных частей слова (в этом смысле агглютинация противопоставляется фузии) и третье — понимание, базирующееся на признании некоторых специфических черт, при-

сущих частям слова (преимущественно его формальным частям) в агглютинативных языках.

Понимание агглютинации как процесса нашло выражение в агглютинативной теории Ф. Боппа.

Можно согласится, что формирование морфологического строя ряда языков прошло все три этапа: язык аморфный—язык агглютинативный—язык флективный. Есть также основания считать, что флексия восходит к агглютинативному суффиксу, тот в свою очередь — к служебному слову, а последнее — к слову самостоятельному. Но это не значит, что все языки прошли все три этапа. Общеизвестно, например, что древнеанглийский язык был флективным, а современный язык обладает многими чертами агглютинативного строя.

Древнекорейский язык содержал значительно больше элементов флективного строя, чем современный язык, который считается агглютинативным. Известны следующие факты.

В древнекорейском языке основа слова не могла быть словоформой: операция по отсечению окончания не давала исходной формы слова. Например, древнекорейское слово *аби* 'отец' в звательном падеже имело форму *аба* (*-а* — окончание звательного падежа), но предполагаемая исходная форма **аб* отсутствовала. Рудименты древнего звательного падежа существуют и в современном языке. Ср. исходные формы имен (основы) и формы звательного падежа, образуемые от некоторых имен существительных, в том числе и от существительных, восходящих к звукоподражаниям: *мйэныри* 'невестка' > *мйэныра!* 'невестка!'; *Чхилсэнъи* 'Чхилсон' (имя собств.) > *Чхилсэнъа!* 'эй, Чхилсон!'; *кквеккори* 'соловей' > *кквеккора!* 'о соловей!'; *ппэккуги* 'кукушка' > *ппэккуга!* 'кукушка!' и т. д.

В современном языке звательный падеж образуется с помощью морфемы *-я* / *-а* или *-йэ* / *-ийэ*, присоединяемых соответственно к основе имени, оканчивающегося на гласный и согласный; *пада-йэ*! 'о море!', *чогугийэ* 'о родина!'. При этом отсечение окончания дает основу слова, на которую могут наращиваться и другие морфемы.

Возможно, что процесс развития флексии из некогда самостоятельного слова, как это подразумевалось у Ф. Боппа, является обратимым в том смысле, что служебное слово может возникнуть из флексии. Например, есть основания считать не флексией, а послелогом морфему *-s*, выражающую в английском языке значение принадлежности в примере, ставшем теперь классическим: *the man I saw yesterday's son*.

В корейском языке в качестве служебного слова (союза) может быть рассмотрена морфема *ныи*, указывающая на атрибутивное отношение предикатива к имени: *огетта ныи мар-ыл*

тырэтта ‘слышал о том (букв.: слово), что (он) приедет’; *ну-га игиныня нын мунчже* ‘вопрос о том, кто победит’. Эта морфема употребляется, как видно из примеров, после повествовательных и вопросительных заключительных форм предикатива и потому не может быть включена в состав этого предикатива. Этимологически она восходит к окончанию причастия настоящего времени глагола *хада* ‘делать’, который часто замещает глаголы говорения (*огетта-го ха-нын мал* ‘слово о том, что приедет’ > *огетта нын мал*).

Понимание агглютинации как способа связи вещественных и формальных частей слова наблюдаем у Э. Сепира, отметившего два типа аффиксации — «сплавливающий» (фузирующий) и «сополагающий» (агглютинативный).[1] Однако он сам не переоценивал это положение: «Одно лишь наличие „фузии“ не кажется достаточно ясным указанием флективного процесса».[2]

Тем не менее до сих пор при выведении определения агглютинации широко применяется признак связи частей слова, интерпретируемый часто как слабость связи аффикса с основой, противопоставляемой «тесноте связи», «органической связи» во флективных языках.

Совершенно очевидно, что характер связи между частями слова нельзя сводить к их фонетической взаимозависимости. С фонетической точки зрения связь между основой и аффиксом даже в слове флективного языка может быть наименее тесной. Ср. русск. *рук-а*, *стол-а*, где на стыке морфем отсутствуют какие-либо фонетические изменения, и корейск. *сап* ‘лопата’ *саб-ыл* ‘лопату’, *пакта* ‘забивать’ > *пагатта* ‘забил’ (гвоздь), где в интервокальной позиции конечный согласный основы озвончается. Тесная фонетическая связь между морфемами слова имеет место и в тех языках, где действует закон уподобления гласных (сингармонизм). Корейский язык дает еще более разительные примеры зависимости конечного согласного основы от качества начального звука присоединяемой морфемы: корейскому языку известно явление чередований типа *т* ~ *тх* ~ *чх*, *п* ~ *пх*, *т* ~ *с* и т. д., проявляющиеся в случае присоединения к основе морфемы, начинающейся с гласного. Ср.: *чхатта* ‘искать’, но *чхачжатта* ‘нашел’; *нопта* ‘высокий’, но *нопхатта* ‘был высоким’; *ккот* ‘цветок’, но *ккочх-ыро* ‘цветком’ и т. д.

Однако явление чередований еще не свидетельствует о тесноте связи окончания с основой. Дело в том, что чередования, или комбинаторные изменения, возникают даже в том случае, если к слову присоединяется другое слово (обычно служебное),

---

[1] СЯ, стр. 102.
[2] Там же.

например, глагол связка *ида* ‘быть’, имеющий гласную инициаль. С другой стороны, в сочетании с именами типа *у* ‘верх’, *арэ* ‘низ’, также начинающимися с гласного, в чередующихся корнях вместо чередования имеет место озвончение конечного согласного основы (корня): *ккот* ‘цветок’, но *ккод у-е* ‘на цветке’. Конечный согласный основы (корня) не изменяется, если к нему присоединяется слово, имеющее в начале согласный: *ккот* ‘цветок’ > *ккот то* ‘и цветок’.

Таким образом, фонетические изменения конечного согласного основы могут иметь место не только в рамках слова, но и на стыке между двумя словами и зависят от качества начального звука присоединяемой морфемы.

Тюркские языки в этом отношении значительно отличаются от корейского: в них прочность связи между основой и аффиксами наибольшая, так как благодаря сингармонизму вариант аффикса определяется в зависимости от качества гласного в корне.

Из сказанного следует, что нельзя понимать связь между основой и аффиксом только как связь фонетическую.

Поэтому было бы более правильным говорить не о слабости связи между вещественным и формальным элементами слова в агглютинативных языках, противопоставляемой прочности связи в языках флективных, а о более прозрачной, поддающейся более точному анализу, более легко разлагающейся на составные элементы структуре слова.

Понимание агглютинации, базирующееся на стремлении отыскать специфические черты частей слова в агглютинативных языках, — едва ли не самое распространенное в нашей литературе.

При характеристике частей слова агглютинативного языка выводятся следующие признаки: 1) отсутствие различения в агглютинативном языке глагольных и именных основ, 2) совпадение корня (основы) со словоформой, 3) моносемантизм аффиксов, 4) определенный порядок следования аффиксов.

Случаи совпадения основ имен и предикативов в корейском языке не столь многочисленны, чтобы можно было сделать вывод об их неразличении в агглютинативном языке. Тем не менее существует небольшая группа таких имен и предикативов, основы в которых материально совпадают: *нуби* ‘стежка’ > *нуби-да* ‘стегать’ (одеяло); *тве* ‘мера сыпучих тел’ > *тве-да* ‘мерить’; *син* ‘обувь’ > *син-тта* ‘надевать (обувь)’; *тти* ‘пояс’, ‘ремень’ > *тти-да* ‘подпоясываться’; *ппйэм* ‘пядь’ > *ппйэм-да* ‘мерить пядями’.

Несмотря на возможное материальное совпадение основы имен отличаются от основ предикативов тем, что они, совпа-

дая со словоформой, без специального оформления функционируют в составе предложения. Предикативные основы, во всяком случае те из них, которые имеют на конце согласный, не могут совпасть со словоформой. Для того чтобы стать словом, они должны получить специальное оформление, например, непроизводная основа корейского глагола, оканчивающаяся на согласный: *чхат-та* 'искать', форма деепричастия разделительного — *чхат-кэна*, но отсутствует словоформа *чхат*. Основы с конечным гласным могут быть словоформой, но в этом случае они будут характеризоваться особой интонацией (обычно восклицательной или вопросительной), так как они употребляются, как правило, в функции заключительного сказуемого восклицательных и вопросительных предложений.

Основа имени способна выступать в предложении в качестве его членов, но такой же способностью могут обладать и основы флективных языков, например в русск. *дом*, *стол*, *стул* и т. д.

На наш взгляд, наиболее существенным признаком агглютинативных языков является моносемантизм аффиксов, наращиваемых на основу слова. Соответствие в слове количества грамматических значений числу аффиксов может быть подтверждено на материале корейского и других агглютинативных языков. Ср.: кор. *анчхийэткесымнида* 'наверное, усадил (его на стул)' (*ан* — корень, *-хи-* — суффикс побудительного залога, *йэт* — суффикс прошедшего времени, *-кет-* — суффикс модальности, *сымнида* — окончание вежливой формы личного отношения); уйгурск. *яздурдим* 'заставил написать' (*яз* — основа, *-дур* — аффикс побудительного залога, *-ди* — аффикс прошедшего времени, *-м* — аффикс принадлежности 1-го лица).

С вопросом о моносемантизме агглютинативных аффиксов связан вопрос об определении роли так называемых реляционных аффиксов, или окончаний. Все окончания имен и предикативов совмещают указание на какое-то частное грамматическое значение с обозначением определенной функции. Особенно наглядно это положение может быть проиллюстрировано на примере причастий-предикативов корейского языка, которые образуются при помощи окончаний, обозначающих определительное отношение предикатива и вместе с тем отнесенность признака к плану настоящего, прошедшего или будущего времени.

Тем не менее нам кажется, что в данном случае не следует учитывать функцию формы, хотя бы потому, что при выведении этого признака мы рассматриваем структуру слова, а не его отношение к другим словам в предложении. В данном случае для нас существенны морфологические признаки, а не синтак-

сические, и потому даже у корейского причастия мы находим одно, а не два значения.

При характеристике агглютинативных аффиксов обращается внимание на то, что эти аффиксы располагаются в слове в строго определенной последовательности. Это свойство агглютинативных аффиксов может быть прослежено на материале корейского языка. Но вопрос этот не может быть решен окончательно без определения природы ряда морфем, которые могут вклиниваться между основой и окончанием. В корейском языке к таким морфемам относятся *ман* ‘только’, *чочха* ‘даже’ и т. п. Если считать эти морфемы особым разрядом аффиксов (деривационные аффиксы), то тезис о наличии определенной последовательности аффиксов внутри слова не кажется таким уж бесспорным. Если рассматривать эти морфемы как служебные слова, то возникают сомнения относительно аффиксальной природы окончаний имен.

При рассмотрении явлений агглютинации выдвигается и другой признак, а именно — стремление агглютинативных языков к закономерной флексии. Но этот признак может быть выведен из материала не только агглютинативных, но и флективных языков. Известно, например, что в истории английского языка явно прослеживается тенденция образования прошедшего времени глагола с помощью одного окончания *-ed*.

Из корейского материала, а также материала некоторых алтайских языков может быть выведен еще один признак, формулируемый как относительная подвижность агглютинативных аффиксов.

Мы считаем, что явление агглютинации имеет две существенные стороны. Первую сторону, о которой говорилось выше, составляет моносемантизм аффиксов. В качестве второй стороны агглютинации следует рассматривать относительную подвижность корейских аффиксов функционального формообразования (имени и глагола), возникающую как следствие их моносемантизма. Относительная подвижность этих аффиксов проявляется:

а) в возможности отделить падежное окончание от основы инфиксацией служебных слов (например, частиц): *сарам-дыл-ман-и* ‘только люди’ (*сарам* — основа ‘человек’, *-дыл* — аффикс мн. числа, *-ман* — ограничительная частица ‘только’, *-и* — окончание им. падежа); эта возможность существует также в японском языке;

б) в способности падежных окончаний оформлять глагольные формы, обладающие синтаксическими признаками имени и глагола: *чиб-ыро торагаги-га сирэтта* ‘не хотел возвращаться домой’; *хэнъбог-и итки-рыл парамнида* ‘желаю [Вам] счастья’

(букв.: ‘желаю иметься счастье’); в такой же роли выступают причастия алтайских языков;

в) в оформлении аффиксами функционального формообразования имени и глагола (окончания некоторых деепричастий) соответственно несклоняемых и неспрягаемых частей речи: *побйнъ-ый чжнтху сэйэр-ыл чинасэ-ый ттанъккы хэнъдонъ* ‘действия танков после прохода (букв.: пройдя) боевых порядков пехоты’; *маым-дэру-чжиман* ‘хотя в соответствии с желанием’;

г) в существовании явления «групповой флексии», когда падежные окончания указывают на синтаксическую функцию ряда именных или глагольных однородных членов предложения: *чхэк, чапчи, синмун-ыл помнида* ‘читаю книги, журналы, газеты’; *кыдыр-ын санаи-на йэчжа-на-ый кубйэл* ‘различение их на мужчин и женщин’;

д) в употреблении падежных окончаний для подчинения различных предложений: *ури-нын кы сарам-и оги-рыл кидариго итта* ‘мы ждем, когда тот человек придет’; *ну-га игинынъя-га мунчже-да* ‘кто победит — вот вопрос’; *чоымйэн чотха сирымйэн силтха-рыл мархайэтта* ‘говорил, если нравится, хорошо, если не нравится, плохо’; эту же роль падежные окончания выполняют в алтайских и японском языках.

Таким образом, вследствие моносемантизма аффиксов (первая сторона агглютинации) возникает возможность их употребления при члене предложения, выраженном почти любой частью речи. Это свойство аффиксов в корейском языке называется нами относительной подвижностью и определяется как второе существенное свойство агглютинативных аффиксов (вторая сторона агглютинации). При выведении определения агглютинации, кроме ее двух существенных сторон, необходимо учитывать наличие в агглютинативных языках более четких границ между морфемами слова. Остальные признаки, обычно перечисляемые при характеристике агглютинации, по нашему мнению, существенного значения не имеют. Агглютинация как прием построения формы слова двумя указанными сторонами при более прозрачной структуре слова отличается от флективного способа создания словоформ.

Н. А. Сыромятников

ЕСТЬ ЛИ В ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ ОСНОВНЫЙ ПАДЕЖ?

Ряд авторов считает, что имя (субстантивизированный глагол, словосочетание или придаточное предложение), лишенное в японской речи какого-либо суффикса или снабженное лишь частицей выделительного, ограничительного, присоединительного и т. п. не падежного значения, обладает формой особого падежа, называемого неопределенным, бессуффиксальным, общим, основным, или падежом основы. (Под основой имеется в виду корень или корень + словообразовательный, а для глаголов и прилагательных — и просубстантивный суффикс). Этот падеж не совпадает с именительным, так как последний имеет в новояпонском языке особый суфф. *-га*. «...с точки зрения японской морфологии, *-има* (теперь, — *Н. С.*) — есть не более как именная основа в бессуффиксальном падеже, основной функцией которого... и является выражение наречных или обстоятельственных значений, но не подлежащего или определения, как у бессуффиксального падежа в турецких (тюркских, — *Н. С.*) или восточно-финских языках».[1] «В основе его (склонения, — *Н. С.*) лежит одна форма, которую условимся называть неопределенным (или бессуффиксальным) падежом... Неопределенный падеж не только служит основой склонения, но и выполняет свое определенное назначение, употребляясь как самостоятельное слово (синтагма). По синтаксической функции неопределенный падеж можно было бы назвать наречным».[2]

Здесь прежде всего следует возразить против того, что «неопределенный падеж служит основой склонения». Невозможно доказать, что *хон-га* 'книга' (им. падеж) состоит из корня *хон + О + га*. Да и сам Поливанов не имел этого в виду, говоря о бессуффиксальном падеже, т. е. об отсутствии падежного суффикса, а не о нулевом суффиксе.[3]

Однако Плетнер и Поливанов, не проведя соответствующего исследования и подсчетов, переоценивали роль наречий в общей массе слов, лишенных падежного суффикса в потоке речи. Ср.:

---

[1] О. В. Плетнер и Е. Д. Поливанов. Грамматика японского разговорного языка. М., 1930, стр. XXVI.

[2] Там же, стр. 1.

[3] Еще определеннее на это указывает акад. Н. И. Конрад: «...существует еще один падеж, могущий быть названным неопределенным, или общим..., это — падеж бессуффиксальный, т. е. не имеющий никаких особых окончаний» (Синтаксис японского национального литературного языка. М. — Л., 1937, стр. 103).

Ватаси, нарубэку отонасйку сиё: то омоу но (Кикути, 507) ‘Я постараюсь быть как можно послушнее’; надёжного суффикса лишено подлежащее;

Мā, ватаси акатян-га дэкиру ка мо сирэнай но ё (там же, 508) ‘Ну, у меня наверное будет ребенок’; здесь *ватаси* — слово-тема;

Омаэ-ва, сорэ-о хонки-дэ иттэ иру но ка (там же, 509) ‘Ты это серьезно говоришь?’;

Хонки ё. Конна кото, усо-ва иэнай ва (там же) ‘Серьезно! По такому вопросу нельзя лгать’ (букв.: ‘Такое дело, ложь не может быть высказана’); в ответе опущен суффикс творительного падежа *-дэ* при обстоятельстве; *ё* — восклицательная частица;

Хонто: ка (там же) ‘Правда?’; *ка* — вопросительная частица;

Хонто:ё (там же) ‘Правда!’; здесь опущена связка и обычно стоящий после именной части сказуемого суффикс твор. падежа *-дэ*;

Татибана-ва, соно акуру хи, Яёи-то иссёни дзё:кё:-сйта (там же, 510) ‘Татибана [на] следующий день вместе с Яёи выехал в Токио’; здесь отсутствует суффикс дат.-местн. падежа *-ни*, обычно сопровождающий именные обстоятельства места и времени (случай, замеченный Поливановым);

Ямадзи-сан. Тётто о-ханаси-га ару но дэсу га (там же, 514) ‘Ямадзи-сан! (мисс Ямадзи!) [У меня] есть к вам небольшой разговор’ (букв.: ‘немножко почтенный разговор есть, но...’); обращение без падежного суффикса;

Со:Фумико-ва као-но кинникуу хитоцу угокасадзу (там же) ‘[Ах] так! — [сказала] Фумико, не двинув ни одним мускулом на лице’ (букв.: ‘Фумико, лица мускул один не двигая...’); слово *кинникуу* ‘мускул’ лишено показателя вин. падежа *-о*; числительные в постпозиции, как правило, остаются без показателя;

Дайдзё:бу ка — карэ-ва тотю,:итинидо катавара-ни суваттэ иру Яёи-ни кийта. — Дайдзё:бу-дэсу ва. Ватаси-ва, тотэмо кэнко:ё (там же, 510) ‘Хорошо [себя чувствуешь]? — спрашивал он в дороге несколько раз сидевшую рядом Яёи. — Хорошо! Я очень здоровая’; здесь и в вопросе и в ответе прилагательное китайского происхождения остается без суффикса творительного предикативного на *-дэ* и связки; не оформлены и китайские обстоятельства *тотю:* ‘в дороге’ (можно было поставить *-ни* или *-дэ*) и *итинидо* ‘один-два раза’;

Я:, миэру, миэру. Мати-дэва, мацури-но гё:рэцу, уми-дэва, кудзира-но оёгикко (Кокуго, $^{3}/_{1}$, 99) ‘О, видно, видно. В городе — праздничная процессия, на море — игры китов’; при инверсии сказуемого неоформленными остаются подлежащие;

Корэ-ва, сэнри-мо манри-мо саки-га миэру то:мэганэ (там же, 100) ‘Это подзорная труба, [через которую] видно вперед и на тысячу ри и на десять тысяч ри’; нет творительного предикативного *-дэ* и связки;

Утю:хйко:си-ва Гэруман-Сутэпанобитти-Тйто:фу-сё:са (Акахата, от 8 августа 1961 г.) ‘Космонавт майор Герман Степанович Титов’; нет суффикса творительного предикативного *-дэ* и связки *ару*.

Несколько сложнее обстоит дело с «пропуском» форманта родительного падежа *-но:* «...в современном японском языке... нередко встречается определение, выраженное существительным в основном падеже».[4]

Однако, исходя из фонетических и семантических соображений, я думаю, что неоформленное именное определение является в большинстве случаев первой частью сложного слова типа русского *стопкран*. Есть также случаи колебаний. Ср.: *Соно кэккон-хо:соку-о* (Кикути, 516) ‘Это извещение о браке’ (букв.: ‘брак-извещение’); *Ната-но го-кэккон-н о хо:соку-надо-о* (там же, 517) ‘Извещение о вашем браке’ (букв.: ‘вашего брака извещение’); *Канодзё-га...кэккон-н о дзюмби-о сйтэ иру...Фумико-га кэккон-дзюмби-о ситэ иё:* (там же, 524—526) ‘Она (Фумико) ведет приготовления к свадьбе’.

Но поскольку в японском языке словосложение как тип словообразования представлено широко (шире, чем аффиксация), а сложные слова, обозначающие одно понятие, приобретают одно ударение и являются цельнооформленными, я думаю, вслед за Поливановым,[5] что отсутствие показателя родительного падежа между именным определением и определяемым может служить доказательством их слияния в одно слово в подавляющем большинстве случаев. Ни о каком «основном падеже» первой части слова не может быть и речи.

Только в тех случаях, когда сочетание «определение + определяемое» не обозначает единого понятия, почему и возможны колебания в применении родительного падежа и сохранение каждым словом своего ударения, вопрос о наличии основного падежа может ставиться и так или иначе решаться.

Неоформленным в большинстве случаев остается и приложение: *Тито:фу-сё:са* ‘майор Титов’, *Васуто:ку-ниго:* ‘Восток-2’ (Акахата, от 8 августа 1961 г.). Единым цельнооформленным словом, хотя и сохраняющим ударение на каждом компоненте, является японская фамилия + имя (в древнеяпонском языке пос-

---

[4] И. В. Головнин. О коммуникативной нагрузке членов предложения в современном японском языке. Сб. трудов по языкознанию, № 1, М., 1957, стр. 22 — 23.

[5] См.: О. В. Плетнер и Е. Д. Поливанов, ук. соч., стр. 44.

ле фамилии стоял формант родительного падежа: *Ки-но Цураюки* (известный поэт X в.). Поэтому японские фамилии + имя следовало бы писать через дефис: *Нацумэ-Со : сэки* и т. п. Напомню, что еще Шахматов указывал на превращение русского имени + отчество в одно слово, поскольку говорят *Иваныванычa*, а не *Ивана Ивановича*, *Николай-Александыча*, а не *Николая Александровича*; а это оказывается возможным именно потому, что имя-отчество обозначает уже одного человека, а не сына другого человека, как было раньше. Оно оказывается цельнооформленным, приобретая все признаки сложного слова, подобно сложным числительным.

Итак, неоформленное имя может употребляться в речи в роли обращения, приложения, определения, слова-темы, подлежащего, обстоятельства, прямого дополнения и сказуемого. Достаточно ли этого, чтобы признать его стоящим в особом падеже? Можно ли считать отсутствие суффикса падежа нулевым суффиксом? Или более правильно будет говорить об опущении суффикса соответствующего падежа в тех случаях, когда он может быть поставлен вместо нуля?

Наличие какого-либо падежа можно признать лишь тогда, когда: а) в данном языке имеется система падежей, б) падеж (в частности, основный) имеет свою особую форму, в) эта форма имеет особое значение, соотносимое со значением других падежных показателей (в японском языке — агглютинативных суффиксов).

Наличие системы агглютинативных падежных суффиксов, оформляющих члены предложения (одиночное слово, словосочетание или придаточное предложение), или прямо признается советскими японистами (Поливанов, Конрад, Холодович, Фельдман), или им дается несколько иное наименование — синтаксемы (Пашковский), служебные слова или послелоги (Вардуль). Не повторяя высказанных доводов в пользу признания этой системы падежной, остановлюсь на ее особенностях, обусловленных агглютинативным характером падежных показателей.

1) В японском языке член предложения может иногда принимать суффиксы двух падежей: *тйти-э-но тэгами* ‘письмо отцу’ (*-э* — суффикс направительного падежа, *-но* — родительного); *тйти-кара-но тэгами* ‘письмо отца’ (*-кара* — суффикс исх. падежа); *сандзи-мадэ-ни* ‘к трем часам’ (*-мадэ* — суффикс предельн. падежа, ср. *сандзи-ни* ‘в три часа’, *сандзи-мадэ* ‘до трех часов’); *Татибана-то-но кэккон* (Кикути, 528) ‘Брак с Татибана’ (*-то* — суффикс совместн. падежа) и др.

В ряде случаев наблюдается вытеснение одного из падежей частицей: *Аитэ-ва.*' — *Мо : сиагэмасэн ва. Анатa-но мо укэтамаваримасэн каварини* (там же, 515) ‘А [кто ваш] жених? — Не ска-

жу! В отместку [за то, что] не услышала [имя] и вашей [невесты]!' ; *аната* 'вы', *мо* — частица 'и', 'также' вытесняет суффикс винительного падежа *-о*.

Однако при неопределенном значении нулевого суффикса было бы очень трудно установить, если имеется суффикс одинарного падежа, не присоединен ли к нему еще и *0*.

2) Все имена и субстантивизированные словосочетания склоняются и притом совершенно одинаково. Неполной парадигмой обладают лишь некоторые наречные и служебные имена (например, превратившиеся в союзы), но и то далеко не все. Наличие имен, подобных русск. *какаду*, *метро*, *пенсне*, *Уссури*, которые совершенно не принимали бы падежных показателей, в японском невозможно.

Единственное отличие субстантивизированных глаголов, прилагательных и придаточных предложений от имени при склонении заключается в присоединении к ним для синтаксической субстантивизации просубстантивного *-но*, появившегося лишь в XVII в. в связи с исчезновением разницы между формой определительного и заключительного сказуемого (или другого субстантивизатора):

Эмпицу-о каи-ни иттта-но-ва, Фумиэ-сан-дэс (Кокуго, 3/I, 18) 'Покупать карандаши пошла Фумиэ' (букв.: 'Карандаши покупать пошедшая — Фумиэ есть');

Кэккон-нантэ йу: кото-о дайдзини кангаэте итта-но-га бакабакасий ва (Кикути, 522) 'То, что (я) переоценивала такую вещь, как брак, — глупо'; предложение — подлежащее;

Ханасу-но-о ямэтара, то:ку-дэ хибари-га наитэ ита (Кокуго, 3/1, 27) 'Когда перестали говорить, вдалеке послышалось пение жаворонка'.

3) В японском языке есть групповая суффиксация: при наличии однородных именных членов предложения падежным суффиксом может быть снабжен лишь последний из них. После непоследних следует или союз или неокончательная пауза:

Ёсико-сан то Фумиэ-сан-га, иссёни каймоно-ни икимасйта (Кокуго, 3/I, 16—17) 'Ёсико и Фумиэ вместе за покупками пошли'; *то* — союз полного перечисления.

Союз может стоять после каждого из однородных членов, не исключая и последнего: *Татибана то Ёсимураси-то-ни... якусоку-сйта...* (Кикути, 521) 'Пообещала Татибана и Ёсимура';

Мэймэй-га мита мама кийта мама-о, но:то-ни каку-но-дэс (Кокуго, 3/I, 23) 'Каждый должен записывать в блокнот то, что увидел, и то, что услышал'; после первого однородного члена нет союза;

Акано хироба-ва ко:фун-сйта Мосукувасимин то рёко:сянадо-дэ вайтэ иру (Акахата, от 8 августа 1961 г.) 'Красная

площадь бурлит взволнованными москвичами и гостями столицы' (букв.: 'путешественниками');

Сэнсэй-га си-но цукуриката то ёмиката-ни цуйтэ о-ханаси-о сйтэ кудасатта (Кокуго, 3/1, 95) 'Учитель рассказал нам о том, как писать и читать стихи' (букв.: 'стихов писание-способ и чтение-способе о почтенный рассказ сделав снизошел');

Кйся-ва, мура я мацубаяси-о то:рисугитэ, дандан уми-ни тйкадзуйтэ ику (там же) 'Поезд, пройдя деревню и сосновый бор, постепенно приближается к морю'; *я* — союз неполного перечисления, т. е. поезд проходит еще мимо чего-то неуказанного;

Онадзи «хэн» я «цукури» я «каммури»-но моно-о, ацумэтэ гораннасай (там же, 95—96) 'Попробуйте подобрать одинаковые левые, правые и верхние части иероглифов'.

Рассмотренные случаи отсутствия падежного показателя при имени можно разделить на две большие группы: 1) синтаксические позиции, где постановка падежного суффикса вообще невозможна, и 2) такие позиции, где он факультативен.

К первым относятся позиции непоследнего из однородных именных членов предложения, некоторые виды обстоятельств, обращения и назывные предложения.

Поскольку постановка дублирующего падежного суффикса при непоследнем однородном члене невозможна, вряд ли логично будет считать, что здесь мы имеем нулевой показатель падежа. Скорее здесь нуль союза или выражение союзного значения особой интонацией и паузой.

Точно так же нельзя предполагать нулевой показатель какого-то падежа при обращении. Скорее здесь нуль восклицательной частицы. Не входя в предложение в строгом смысле этого слова, обращения и имена в назывной функции, естественно, лишены и падежа. Их назначение в речи оттеняется интонацией.

Что же касается тех позиций, где отсутствие падежа факультативно (речь идет о подлежащем, слове-теме, приложении, прямом дополнении, обстоятельстве и сказуемом-имени, т. е. почти о всех возможных синтаксических позициях), то такому «нулевому падежу» не хватает двух основных признаков падежа — обязательности употребления в определенных случаях и значения, настолько конкретного, чтобы его можно было считать соотносимым со значениями других падежей.

Есть случаи, когда в языке имеются колебания при употреблении какой-либо пары падежей. Но каждый падеж имеет какую-то сферу, в которой он никак не может быть заменен

другим. И эта сфера достаточно велика. Между тем основный падеж такой сферы в сущности не имеет.

Но главное возражение, которое следует сделать против признания основного падежа под тем или иным названием, — это расплывчатость синтаксического значения неоформленных слов, если попытаться его обобщить. Недаром сами сторонники признания этого падежа называют его неопределенным или общим. Но форма с неопределенным временны́м или модальным значением есть попросту форма вневременная или лишенная модальности. Вспомним оставленный термин «неопределенное наклонение», который долго применялся по отношению к инфинитиву.

По-видимому, те, кто стремится непременно распределить все потенциально склоняемые в предложении слова по падежам, исходят из того, что если имеется система падежей, значит, все слова должны склоняться и склоняются всегда. Но эта точка зрения не выдерживает критики. Мы знаем, что есть грамматические системы, например система видов, которые далеко не охватывают всех слов, для которых это возможно. Так, в корейском языке видовыми показателями охватываются в потоке речи, по подсчетам Е. К. Гусевой,[6] лишь около 25% глаголов. Примерно такая картина и в японском языке, хотя видовых показателей там несравненно меньше.

Но — и здесь я хочу возразить Б. А. Серебренникову — небольшое количество времен или видов не значит, что система времен развита слабо. В русском языке только два вида, однако, поскольку каждый глагол в предложении понимается как форма того или другого вида, систему видов следует считать сильно развитой, имеющей тотальный характер. А в корейском и японском языках, несмотря на бо́льшой инвентарь форм со значением, например, совершенности, видовая система развита слабее, чем в русском.

Наличие системы времен в японском языке не означает, что все сказуемые имеют то или иное время. Один из докладчиков на нашей дискуссии И. Ф. Вардуль показал в своей статье,[7] что имя без связки, употребленное в качестве сказуемого, не имеет времени.

Могут сказать, что в таком случае время может быть указано лексически или быть ясно из контекста. Но вот пример: *Тйтиоя-но Сутэпан-Пабуробитти-Тйто : фу-ва 1910 нэн-ни умарэ, 51 сай* (Акахата, от 8 августа 1961 г.) ‘Отец — С. П. Титов, в 1910 г. рождаясь, 51 год’.

---

[6] Е. К. Гусева. Система видов корейского языка. М., 1961, стр. 110.

[7] И. Ф. Вардуль, Кр. сообщ. Института востоковедения АН СССР, 1958, вып. 24, стр. 11.

Если считать, что время конечного сказуемого указано лексически, то придется признать, что С. П. Титов родился в возрасте 51 года, так как форма *умарэ* обычно указывает на одновременность действия, обозначенного срединным сказуемым, с действием, обозначенным главным предложением. В действительности же ни первое, ни второе сказуемое грамматическим временем не обладают.

Мне кажется, что высказанные соображения относительно отсутствия грамматических категорий с нулевым оформлением и расплывчатым значением можно применить и к другим языкам. Но это уже дело специалистов.

СОКРАЩЕНИЯ

Кикути — Гэндай-тампэн-сё : сэцу-дзёнсю: 1, Кикути-Хироси, 1928.
Кокуго $^{3}/_{1}$ — Ямаото Ю:дзо:, Кокуго, 3 нэн-но ити, 1956.

И. Ф. Вардуль

О ПРИРОДЕ ЯПОНСКИХ «ГАНИО»

Явление агглютинации противопоставляется, с одной стороны, флексии или фузии (в зависимости от того, что́ понимается под агглютинацией) и, с другой стороны, использованию свободных служебных морфем, или, что то же, служебных слов. Правда, свободные служебные морфемы тоже называют иногда «агглютинативными» или даже «агглютинативными аффиксами», если они, присоединяясь одна к другой, образуют подобия цепочек агглютинативных аффиксов. Но это, по-видимому, всего лишь неточное употребление термина.

В предлагаемом сообщении речь пойдет о противопоставлении «агглютинативный аффикс — служебное слово». Это противопоставление будет рассмотрено применительно к 10 японским морфемам: *га*, *ни*, *о*, *но*, *дэ*, *то*, *кара*, *ёри*, *мадэ*, назначение которых состоит в указании на синтаксическую позицию имени. Чтобы не повторять эти 10 морфем каждый раз, назовем их сокращенно «ганио», но, в отличие от А. А. Пашковского, [1] ко-

---

[1] См.: А. А. Пашковский. К характеристике японских синтаксем. «Советское востоковедение», 1957, № 2.

торому принадлежит это условное наименование, будем понимать под ганио только перечисленные 10 морфем.

В японоведении нет единого мнения о грамматической природе ганио. Одни исследователи считают их связанными морфемами и потому называют агглютинативными падежными суффиксами, другие — свободными морфемами и потому называют служебными словами, послелогами. Первая точка зрения общепризнана в советском японоведении (в работах Е. Д. Поливанова, Н. И. Конрада, Н. И. Фельдман и других). Вторая широко распространена в Японии (Ф. Оцуки, Ё. Ямада, С. Хасимото и другие).

Третьего решения, по-видимому, быть не может. Во всяком случае с решением, предложенным А. А. Пашковским, вряд ли можно согласиться. По А. А. Пашковскому, ганио есть «не служебные слова, а грамматические сопроводители других слов, но лишь сопроводители, а не их собственные составные части».[2] Такой вывод предполагает, на мой взгляд, невозможное: в языке слов существуют значимые единицы, не разложимые на слова и вместе с тем не являющиеся ни словами, ни частями слов. Эту особую категорию «грамматических сопроводителей» А. А. Пашковский определяет как «аффиксы члена предложения»,[3] расширяя тем самым понятие аффикса до пределов, позволяющих охватить им и части слова и части члена предложения. Такое расширенное понимание аффикса ведет к стиранию грани между связанными и свободными морфемами и допускает включение в класс аффиксов всех служебных слов, входящих в состав члена предложения.

Итак, ганио могут быть либо связанными морфемами, агглютинативными падежными суффиксами, либо свободными морфемами, послелогами.

В агглютинирующих языках склоняемое слово обычно выражает свое материальное единство благодаря вариантности аффиксальных и корневых морфем. В японском языке в отношениях ганио к предшествующему знаменательному комплексу нет ничего подобного. Исследователи отмечают только чисто позиционное уподобление и только в одном случае: конечное (*N*) ассимилируется в (*n*), если далее следует ганио *но* (*no*) (ср.: *hoN* 'книга' и *hon-no*), в (*ŋ*), если далее следует ганио *га* (*ŋa*) (ср.: *hoŋ-ŋa*), и в (*m*), если далее следует ганио *мадэ* (*made*) (ср.: *hom-made*). Такое уподобление не варьирует морфемы и потому не сравнимо с явлениями, типичными для агглютинирующих языков.

---

[2] Ук. соч., стр. 113.
[3] Там же, стр. 114—115.

Иногда, обосновывая аффиксальность ганио, ссылаются на их просодическую несамостоятельность. Если пользоваться системой двух тонов и делить все моры на моры высокого тона, или ударные, и моры низкого тона, или неударные, то просодическую зависимость ганио от знаменательного комплекса можно представить в виде двух правил — правила прямой зависимости, действующего, если ганио присоединяется к многоморному комплексу, и правила обратной зависимости, действующего, если ганио присоединяется к одноморному комплексу. При прямой зависимости ганио ударно, если предшествующая мора ударна, и неударно, если предшествующая мора неударна. Ср.: *каО-ГА*, но *ЦУэ-га*; *кэйКАКУ-НО*, но *коКОро-но* и т. д. При обратной зависимости ганио ударно, если предшествующая мора неударна, и неударно, если предшествующая мора ударна. Ср.: *хи-ГА*, но *ХИ-га*, *ха-НО*, но *ХА-но* и т. д. Однако если под словом понимать нечто отличное от «фонетического слова», из факта просодической несамостоятельности ганио можно заключить только, что ганио служебны, поскольку служебные слова, как известно, не имеют своего ударения.

Точно так же только расширением понятия слова до объема «фонетического слова» можно объяснить идущее от Е. Д. Поливанова обоснование аффиксальности ганио *га* через тот факт, что *га* начинается носовым *ŋ*, невозможным в начале слова. Но это *га*, ставящееся постпозиционно к имени, противоречит закону начала слова не в большей мере, чем служебное слово, стоящее в препозиции к имени (например, русский предлог), противоречит закону конца слова. Ср. *от города*, где *от* произнесено с конечной звонкой, невозможной в конце русского «фонетического слова».

При решении вопроса о ганио целесообразно исходить из следующих двух положений.[4]

Исходное положение первое: вклинение слова в цепь морфем возможно только на стыке морфем, принадлежащих к разным словам. Отсюда как минимум заключаем, что число отрезков, выделяемых в цепи морфем путем вклинения слов, никогда не бывает меньше числа слов, которым принадлежат морфемы этой цепи. Если установлено, например, что цепь из трех морфем *на+дерев+е* может быть прервана словоморфемой *высоком* на стыке первой и второй морфем, но не может быть прервана тем же или любым другим словом на стыке второй и третьей морфем, то из этого следует, что данная цепь включает не менее двух слов. При этом вклинивающееся слово не обязательно

---

[4] Ср.: Хаттори Сиро. Фудзокуго то фудзоку кэйсики. Журн. «Гэнго кэнкю», 1950, № 15.

должно быть знаменательным. Артикль в английском *on the tree* доказывает отдельность *on* с неменьшей очевидностью, чем *высоком* в *на высоком дереве* доказывает отдельность *на*.

Исходное положение второе: последовательность морфем в словоформе устойчива, изменение ее ведет к разрушению словоформы. Поэтому цепь морфем, последовательность которых поддается изменению без изменения знакового содержания цепи, не может быть одной словоформой. Число слов в такой цепи никогда не бывает меньше числа подвижных отрезков, вычленяемых в результате возможных перестановок. Например, цепь из 6 морфем *ты + бы + по + чит + а + л* перестраивается *ты + по + чит + а + л + бы* и *по + чит + а + л + бы + ты*. Другие варианты (*ты + по + бы + чит + а + л*, *ты + по + чит + бы + а + л* и т. д.) невозможны. Отсюда заключаем, что подвижны только *ты*, *бы* и *по + чит + а + л*, и, следовательно, эта цепь морфем включает не менее трех слов.

Перечисленные положения постулируются, не выводятся из каких-то других положений. Сделаю лишь одно пояснение к сказанному.

Иногда говорят, что слово может вклиниваться между частями другого слова, не нарушая единства этого другого слова, и что, следовательно, слова могут быть и контактными и дистантными. Выбор термина в конечном счете всегда произволен. Но потребность в термине обусловливается самой наукой. Языкознание, мне кажется, испытывает потребность в термине, который объединил бы повторяющиеся содержательные отрезки текста, не разделимые на части такими же отрезками. Подчеркиваю: содержательные отрезки текста, потому что при рассмотрении текста только в плане выражения структурно непрерывными единицами окажутся фонемы. Морфемы не являются структурно непрерывными содержательными единицами текста, о чем свидетельствует существование конфиксов и трансфиксов, о которых здесь говорилось. Кстати, идея трансфиксов в арабском языке высказана впервые В. П. Старининым.

Думается, что, говоря о слове, обычно подразумевают именно структурно непрерывные содержательные единицы текста. А если так, то сформулированные выше постулаты самоочевидны. Если же словом называть величину, определяющим признаком которой является что-то другое, а не взаимная непрерываемость в тексте, то тогда в зависимости от вкладываемого содержания, может быть, можно будет говорить и о дистантных словах. В этом случае мои постулаты не действуют. Но тогда останется неудовлетворенной потребность языкознания в обозначении повторяющихся отрезков текста, не разделимых на части путем вклинения одного такого отрезка в другой такой же.

Если исходить из названных выше постулатов, японские ганио надо признать свободными морфемами, функционально — послелогами.

В японском языке между именным знаменательным комплексом и ганио, кроме показателей множественности, аффиксальная природа которых ни у кого не вызывает сомнения, могут вклиниваться морфемы двух типов: во-первых, союзные морфемы типа соединительного *то* (ср. русский союз *и*) или разделительного *ка* (ср. русск. *или*) и, во-вторых, морфемы типа ограничительного *дакэ* (ср. русск. *только*) или репрезентативного *надо* (ср. русск. *такой, как*), привносящие различные добавочные значения.

Морфемы типа *дакэ* и *надо* свободны. Это доказывается их способностью занимать произвольную позицию относительно некоторых ганио. Ср.: *Кими дакэ ни ханасу* и *Кими ни дакэ ханасу* 'Расскажу только тебе'; *Боку надо ни вакаттэ инай* и *Боку ни надо вакаттэ инай* 'Таким, как я, неясно'.

Морфемы типа *то* и *ка* также свободны. Об этом свидетельствует способность свободных морфем *дакэ* и *надо* вклиниваться перед *то* и *ка*. Ср.: *То:дай кара ва, Ямада дакэ то, Со:дай кара ва, Кисима дакэ то га кимасита* 'От Токийского университета пришел только Ямада, от университета Васэда — только Кисима'; *Боку надо ка, кими надо ка ни макасэнай даро:* 'Таким, как я, или таким, как ты, не поручат'.

Если же *дакэ* и *надо*, *то* и *ка* — свободные морфемы, такими же следует признать и все ганио, потому что *дакэ*, *надо*, *то* и *ка* легко вклиниваются между именным знаменательным комплексом и ганио.

Между знаменательным комплексом и ганио возможно вклинение только служебных слов, но это не опровергает сказанного о несвязанности ганио. Вклинению знаменательных слов препятствует грамматический строй японского языка, именно — то обстоятельство, что японское определение всегда препозиционно, а ганио — постпозиционны.

Признавая *га*, *ни*, *о*, *но*, *дэ*, *э*, *то*, *кара*, *ёри*, *мадэ* свободными морфемами, послелогами, оговорюсь, однако, что не каждое служебное *га*, *ни*, *о* и т. д. — послелог. С одной стороны, от послелогов отличаются функционально синонимичные служебные слова: союзы *га*, *то*, *кара*, *мадэ*, частицы *но*, *мадэ*, срединная форма связки *дэ*. С другой стороны, от послелогов отличаются адъективные и адвербиальные суффиксы *-но*, *-ни*, *-то*. Последние примыкают к основе прилагательных и наречий, не допуская вклинения слов и не подвергаясь перестановке относительно предшествующих морфем.

Из того, что ганио — свободные морфемы, послелоги, следует, что выражение синтаксической позиции имени в японском языке осуществляется без помощи агглютинации. Агглютинацию надо искать в иных сферах японского языка.

Н. В. Солнцева, В. М. Солнцев

К ВОПРОСУ ОБ АГГЛЮТИНАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Понятия изоляции, агглютинации и флексии обычно противополагаются как характерные для разных морфологических типов языков. Вместе с тем сейчас уже не признают существования вполне «чистых» морфологических типов (в шлейхеровском смысле), наоборот, говорят о существовании смешанных типов, в которых один из признаков (изоляция, агглютинация или флексия) является ведущим и определяющим общую характеристику данного типа. В этом смысле обычно говорят о наличии, например, элементов агглютинации в языке флективного типа или элементов изоляции в языках агглютинативных и флективных и т. п.

При этом обычно подразумевают сосуществование элементов: во флективных языках, например, наряду с флексией, отмечаются элементы агглютинации и т. д. Именно в этом смысле обычно говорят и об элементах агглютинации в китайском языке, отмечая в качестве ведущей типологической черты изоляцию. Более того, признание в китайском языке элементов агглютинации ведет к отрицанию последовательно изолирующего характера китайского языка. В примечании к статье «Изолирующие, корневые, корнеизолирующие языки» «Словаря лингвистических терминов» Ж. Марузо переводчик книги И. Д. Андреев пишет: «Поскольку в китайском намечаются явления суффиксации и агглютинации, его нельзя считать образцом изолирующего языка; более последовательно изолирующий тип — вьетнамский».[1]

В связи со сказанным возникает необходимость подробнее осветить следующие вопросы: 1) каковы особенности изоляции,[2] приписываемой китайскому языку в качестве типологической

---

[1] Ж. Марузо. Словарь лингвистических терминов. (Русск. перевод). М., 1960, стр. 116.

[2] В задачу настоящего сообщения не входит выяснение причин и предпосылок явления изоляции вообще и изолирующего характера строя современного китайского языка в частности.

характеристики; 2) что представляют собой те явления, которые подводятся под понятие элементов агглютинации, и насколько правомерна такая их квалификация; 3) каково соотношение изоляции и агглютинации в китайском языке.

Проблема изоляции прежде всего есть проблема способа выражения отношений между словами. В китайском языке наряду с порядком слов (действие которого обусловлено грамматической значимостью слов как частей речи) важным средством установления или реализации грамматических связей между словами являются различные служебные элементы (далее везде именуем их «служебные морфемы»). Их рассмотрение существенно и для раскрытия понятия изоляции и для характеристики явлений, определяемых как агглютинация.

Служебные морфемы китайского языка в зависимости от своего назначения (с точки зрения чисто функциональной) могут быть разделены на три основных класса:

1) обслуживающие отношения между словами (предлоги, послелоги, союзы, атрибутивно-именное служебное слово *ды*, служебное слово *ба* — показатель прямого объекта в активном предложении при постановке объекта перед сказуемым) и некоторые другие;

2) обслуживающие предложения в целом или отдельные части и члены предложения безотносительно к связи слов; к их числу относятся модальные, вопросительные частицы и эмфатические частицы;

3) обслуживающие отдельные категории слов либо по линии словообразования (словообразовательные суффиксы и «полусуффиксы»), либо с точки зрения выражения сопутствующих (частных) грамматических категорий (показатели вида, залога, числа).

Эти классы достаточно четко противопоставлены и, как правило, не перекрещиваются, иначе говоря, как правило, морфемы входят только в один класс и не совмещают в себе указанных функций. Все морфемы, которые опосредствуют связи между словами (выражают отношения между словами), обслуживают либо предложение в целом, либо отдельные части предложения (например, эмфатические и вопросительные частицы), ни грамматически, ни лексически не модифицируют значений слов и поэтому не связаны непосредственно со словом. Их роль либо чисто реляционная, либо модально-эмфатическая. Они представляют собой служебные слова, характеризующиеся разной степенью грамматикализации.

Собственно со словом связаны лишь словообразовательные суффиксы и «полусуффиксы», а также морфемы, выражающие значения частных грамматических категорий, но не выражающие отношений между словами. Эти морфемы имеют характер суффиксов. Присоединяясь к словам, они образуют различные формы

слов. Эти словоформы не указывают ни на функцию слова в предложении, ни на отношение слова к другим словам. Например, видовые (или, в трактовке А. А. Драгунова и его учеников, смешанные видо-временны́е) формы могут быть у глагола при использовании его в разных синтаксических функциях: в роли сказуемого, в роли определения и даже в роли подлежащего.[3] Форма числа в китайском языке изолированно присуща только одной группе слов — личным местоимениям и существительным — названиям лиц, поэтому независимо от того, в форме какого числа употреблено слово, сочетающееся с ним слово остается неизменным. Например: *во цзоу* и *вомынь цзоу* соответственно в русском ‘я пойду’, но ‘мы пойдем’; *хао хайцзы* и *хао хайцзымынь* соответственно в русском ‘хороший ребенок’, но ‘хорошие дети’ и т. д.

Отсутствие в китайском языке категорий рода, падежа, изолированный характер категории числа и отсутствие особых классных показателей обусловливает полное отсутствие в языке согласования. В китайском языке нет также морфологически выраженного управления. Различные по характеру значения сочетания глагола с именем либо никак внешне не различаются (ср.: *гай фанцзы* ‘строить дом’, *чжу фанцзы* ‘жить в доме’), либо различаются за счет предлогов и послелогов. Форма слов при этом остается неизменной.

Можно констатировать, что сочетаемость любой формы слова всегда равна сочетаемости любой другой формы этого слова. В синтаксическом отношении все формы одного слова равны между собой. В речевой цепи ни одна форма слова не влияет на формы других слов.

Различия в сочетаемости слов тем самым не связаны с формами отдельных слов. Различная сочетаемость характеризует классы или подклассы слов и определяется исключительно внутренними свойствами слов (грамматическая значимость слов как частей речи или принадлежность к лексико-грамматическим подклассам в пределах одной части речи, например, переходные—непереходные глаголы). В силу этих особенностей для выявления функции слова и его отношения к другим словам обязательно требуется наличие минимально двух слов.

Указанные свойства определяют изолирующий характер китайского слова и любой из его форм и позволяют определить китайский язык как последовательно изолирующий.

Проблема агглютинации есть в первую очередь проблема строя отдельного слова и его форм. С точки зрения выявления элемен-

---

[3] В сказуемостной функции глагол наиболее свободно и полно реализует свои возможные видовые (или временны́е) формы. В других функциях использование этих форм сравнительно ограничено, хотя и не исключено.

тов агглютинации интерес представляют только морфемы третьего класса как непосредственно связанные со словом. Третий класс составляют словообразовательные и формообразовательные морфемы. Мы остановимся на рассмотрении формообразовательных морфем, грамматическая природа которых вызывает наибольшие разногласия и споры среди китаистов (далее называем их «морфемы третьего класса»). Эти морфемы наиболее ярко обнаруживают агглютинативные свойства, к рассмотрению и обоснованию которых мы переходим.

Сопоставление этих морфем-аффиксов с какими-либо другими аффиксами в самом китайском языке проведено быть не может за отсутствием таковых. Следовательно, основой их характеристики может служить сопоставление их с другими служебными морфемами китайского языка и аффиксами языков других систем. Отличие этих морфем от других служебных элементов китайского языка состоит, во-первых, в том, что они непосредственно связаны со словом (выражают сопутствующие грамматические значения этого слова, не меняя лексического значения) и, во-вторых, не указывают на отношения к другим словам. Сопоставление с аффиксами языков иных систем, а именно языков, относимых к флективным и агглютинативным, обнаруживает явное сходство свойств китайских аффиксов с аффиксами агглютинативных языков (при наличии у китайских аффиксов некоторых специфических черт).

К числу этих свойств относятся следующие.

1) Однозначность в конкретном употреблении. Анализ конкретной речевой цепи, в которой употреблен тот или иной аффикс, позволяет установить одно и только одно значение у данного аффикса. В других речевых условиях тот же аффикс может иметь другое значение. Так, суфф. *-ла*, обычно передающий значение совершенности действия, в некоторых случаях может выражать значение длящегося состояния. Например: *лян пан фанла багэ цы дэн* (Б а Ц з и н ь. Семья, 98) ‘По обеим сторонам стояли (букв.: лежали) восемь фарфоровых скамеек’. Значение совершенности в этом случае отсутствует.

Важно отметить, что каждое значение реализуется лишь с определенным кругом глаголов и в определенной конструкции, иначе говоря, каждому значению соответствует своя конструкция или совокупность конструкций, в пределах которой аффикс употребляется однозначно и в том же самом значении. Так, в предложениях со схемой *П—С* (подлежащее—сказуемое) при *С* — переходном глаголе или *П—С—Д* (*СД*—дополнение) *ла* имеет значение совершенности, и только в предложениях со схемами *П—С* и (*О*)—*С—П* (*О* — определение) при *С* — непереходном глаголе *-ла* может давать значение длящегося состояния (при определен-

ном круге глаголов). Сходная картина наблюдается при суффиксе *-чжо* и других суффиксах.[4]

Констатируемая многозначность аффиксов, таким образом, не препятствует их однозначности в конкретном употреблении. Более того, эта многозначность не выходит за пределы одной категории. Разные значения аффиксов, реализуемые в разных речевых условиях, остаются в пределах категории вида (или, как ее иначе определяют, смешанной видо-временно́й категории). Случаев, когда наряду с данным категориальным значением передается значение какой-либо еще категории, в китайском языке нет.

2) Китайские аффиксы характеризуются, далее, механическим соединением с основой и относительно легкой отделимостью с помощью самостоятельных слов. Аффиксы присоединяются к основе путем «приклеивания». Граница между морфемами видна отчетливо. При этом в случае наличия ряда аффиксов (глагол одновременно может иметь два видовых аффикса) за каждым закрепляется определенное место. Например: *кань-го-ла* ‘смотрел’, ‘приходилось смотреть’; поменять местами *-го* и *-ла* нельзя.

3) Со свойством отделимости с помощью самостоятельных слов связана третья особенность аффиксов — способность давать групповое оформление ряда однородных членов. Эта черта характеризует все аффиксы, например: (*гунжэнь сюешэн*)-*мынь* ‘рабочие и студенты’, суфф. *-мынь* стоит после второго слова, относясь к каждому из них; (*таолунь бин тунго*)-*ла* ‘обсудили и приняли’, суфф. *-ла* стоит после комплекса из двух однородных глаголов, соединенных союзом *бин*, и т. д.

4) Аффиксы характеризуются, далее, так называемой факультативностью употребления, т. е. возможностью опущения при сохранении передаваемого значения. При этом данное значение передается не средствами самого слова, а за счет введения каких-либо других слов или даже за счет контекстового окружения. Ср.: *сюешэн доу лай* и *сюешэнмынь (доу) лайла* ‘все студенты пришли’.

---

[4] В связи с таким свойством аффиксов надо сделать следующее замечание. Существует мнение, что суфф. *-чжо*, употребляясь с некоторыми переходными глаголами (типа *фан* ‘класть’), придает им значение состояния, превращает в непереходные и тем самым меняет их синтаксическое использование. Отсюда можно сделать вывод, что этот суффикс в какой-то мере регулирует синтаксические связи глагола, а это как будто нарушает последовательную изоляцию. Это, однако, не так. Дело в том, что подобное явление наблюдается только у определенной группы глаголов, которые в разных условиях могут выступать то в переходном, то в непереходном значении, независимо от наличия суффикса. Поэтому, перефразируя известное высказывание Л. В. Щербы, можно сказать: не суффикс придает глаголу непереходное значение и изменяет его синтаксические связи, но, наоборот, глагол принимает этот суффикс именно потому, что он употреблен в непереходном значении.

Само явление факультативности обусловлено сравнительно поздним появлением современных аффиксов, которые стали наращиваться на слова, уже дифференцированные по грамматическим классам (глагол, существительное) в условиях отсутствия аффиксов и имевшие характер «абсолютных форм», т. е. способных в разном синтаксическом окружении передавать те значения (числа, совершенности, длительности и т. п.), которые с появлением аффиксации стали передаваться с помощью аффиксов и приобрели характер сопутствующих (частных) грамматических категорий. Иначе говоря, аффиксы взяли на себя выражение определенных значений и тем самым «создали» частные грамматические категории, связав их выражение с формами отдельных слов.

В современном языке основа без аффикса может выступать как грамматически законченное слово (таковым оно уже было до появления аффиксов). При этом такое слово выступает либо в качестве абсолютной формы, т. е. формы, допускающей использование в разных значениях, либо в качестве нулевой формы, т. е. формы, обладающей определенным частно грамматическим значением за счет отсутствия аффикса по противопоставлению суффиксальным формам. Так, например, отсутствие суффикса у глагола *чы* в построении *во чы* ‘я буду есть’ противопоставлено суффиксальной форме *чыго*, которая никогда не может значить ‘буду есть’, но только ‘едал’, ‘приходилось есть’ (или иногда просто ‘ел’). Форма *чы* (без суффикса) по противопоставлению *чыго*, *чыла*, *чычжо* есть нулевая форма. В той мере, в какой она допускает употребление в разных значениях (‘ел’, ‘есть’, ‘будет есть’), она есть абсолютная, иначе говоря, не маркированная форма. Возможность одновременного употребления при одной основе двух видовых суффиксов (например, *-го* и *-ла*) говорит о том, что они противопоставлены не друг другу, а противопоставлены порознь нулевой форме глагола. Указанные свойства аффиксов позволяют охарактеризовать их как класс агглютинативных суффиксов и тем самым констатировать наличие агглютинации в китайском языке.

Некоторые китайские лингвисты считают возможным говорить в китайском языке не об агглютинации, а об анализе, и рассматривать агглютинативные формы слов как сложные аналитические формы (например, проф. Гао Мин-кай). Основанием для этого служит известная общность описанного выше китайского способа выражения добавочных грамматических значений со способом образования аналитических форм слов. Эта общность состоит в том, что и в первом и во втором случае морфема — носитель добавочного грамматического значения — может находиться вне слова.

Несмотря на эту общность, китайский способ выражения добавочных грамматических значений, с нашей точки зрения, следует определять именно как агглютинацию, а не анализ по следующим причинам.

Понятие аналитической формы выработано на материале флективных языков. Сама аналитическая форма определяется именно как форма, входя в парадигму флективных синтетических форм, на фоне этих синтетических форм. При этом каждый из элементов аналитической формы, по определению проф. В. Н. Ярцевой,[5] может одновременно входить как флективная форма слова в другой морфологический ряд. В силу этого служебный элемент аналитической формы всегда отчетливо сохраняет свою синтаксическую отдельность как в контактном, так и в дистантном расположении относительно основного слова. Поэтому при анализе добавочное грамматическое значение всегда базируется на элементе, находящемся вне слова.

Иное положение наблюдается в китайском языке. Во-первых, в нем все формы слов обладают общими свойствами, в силу этого в китайском языке нет фона, который оттенял бы какие-либо формы как аналитические в отличие от синтетических.

Во-вторых, служебные элементы в китайском языке выступают именно как отделяемые части слов, а не как отдельные слова, могущие входить в какие-либо иные морфологические ряды.

При анализе сложную форму можно охарактеризовать как «слово в слове». В китайском языке служебный элемент не представляет собой слова вообще, так как он не соотносим ни с каким классом существующих слов, будь то служебные или знаменательные. Добавочное грамматическое значение базируется то на части слова, «приклеенной» к основе, то на этой же части, отделенной от нее.

Наконец в аналитической форме слова, как она теоретически определена на базе флективных языков (а иного толкования аналитической формы нет), основная грамматическая нагрузка ложится на служебный элемент, который определяет его сочетаемость с другими словами. В китайском основная синтаксическая нагрузка лежит на основе и ею определяется сочетаемость всего комплекса.

В силу сказанного «китайский» способ выражения добавочных грамматических значений с помощью суффиксов не может быть подведен под существующее понятие аналитической формы.

Особого упоминания требует служебная морфема *бэй* — показатель пассива, положение которой среди служебных морфем китайского языка не вполне ясно. *Бэй* — уникальный служебный

---

[5] См.: ТД 1.

элемент в том смысле, что он не подводится вполне определенно ни под один из существующих трех классов служебных морфем. В некоторых отношениях *бэй* ведет себя подобно агглютинативным аффиксам, в других — подобно служебным словам и аффиксам одновременно.

В отличие от всех аффиксальных элементов *бэй* располагается препозиционно к глаголу. Сочетание «*бэй*+глагол», во-первых, напоминает агглютинативную префиксальную форму, выражающую пассивное значение глагола. В двухчленных (по количеству знаменательных слов) построениях типа *П—С* на месте сказуемого может стоять как сочетание «*бэй*+глагол», так и глагол без этого элемента. В обоих случаях синтаксическое отношение к имени остается неизменным: оба случая подводятся под отношение *П—С*. В таких двухчленных построениях *бэй*, с одной стороны, придает глаголу пассивное значение (подлежащее при этом обозначает реальный объект), с другой стороны, на уровне членов предложения не влияет на синтаксическую связь слов (при глаголе без *бэй* подлежащее может быть и субъектом и объектом действия). В этом случае *бэй* ведет себя подобно морфемам третьего класса — агглютинативным аффиксам. В работах некоторых исследователей (Н. И. Конрад, Н. Н. Коротков) *бэй* называют префиксом страдательного залога или отделившимся префиксом.

Если выйти за пределы этих двухчленных построений, то обнаруживается, что сочетание «*бэй*+глагол» все же демонстрирует способность влиять на синтаксические связи слов. *Бэй* как бы придает глаголу непереходный характер и дает возможность реализовать только одну предикативную связь. После сочетания «*бэй*+глагол» нельзя поставить прямого дополнения, но можно поставить подлежащее: *Цзай наньчжань бэй чжасыла цзибай гэ лабайсин* ‘На южной станции было убито несколько сот жителей’. В этом смысле *бэй* выступает как регулятор синтаксических связей слов. Это как будто противоречит нашему утверждению, что аффиксальные элементы в китайском языке не влияют на синтаксическое поведение слов.

Однако другие свойства *бэй* не позволяют безоговорочно отнести эту частицу к аффиксальным элементам.

В трехчленных построениях, включающих и субъект и объект действия, *бэй* ставится перед именем со значением субъекта, которое выполняет роль дополнения, и, подобно предлогам (*ба*, *юн*, *гэй* и т. п.), дает этому дополнению возможность занимать позицию между подлежащим и сказуемым. Здесь *бэй* совершенно отчетливо становится в ряд со служебными словами-предлогами — регуляторами синтаксических связей слов. Близость к предлогам проявляется в частности в том, что происхождение *бэй* то же, что и предлогов: *бэй* — отглагольный элемент. Выполняя предлож-

ную функцию, т. е. ведя себя как служебное слово, *бэй* сохраняет связь с глаголом в плане указания на его пассивность. В связи с этим у *бэй* обнаруживается еще одно свойство, напоминающее свойство элемента аналитической формы.

Многообразие свойств *бэй*, однако, не позволяет отнести его безоговорочно ни к предлогам, ни к аффиксам, ни к элементам аналитической формы.

Если дальнейшее изучение *бэй* покажет, что он все же должен быть отнесен к агглютинативным элементам, то придется констатировать, что *бэй* в какой-то мере нарушает последовательную изоляцию китайского языка. Однако один элемент не может изменить общей картины. Агглютинация в целом в китайском языке представлена не префиксацией, а суффиксацией. Самое же главное — это единственная в своем роде морфема.

Поскольку элементы агглютинации, представленные агглютинативными суффиксами, не служат для выражения отношений между словами, постольку они не нарушают общего изолирующего характера строя китайского языка. Развитие агглютинации происходит в рамках изоляции и не ломает ее в целом последовательный характер. Сама агглютинация в китайском языке имеет ярко выраженный изолирующий характер, поскольку она представлена формами, не обслуживающими отношения между словами. Агглютинативные формы слов в китайском языке не дают базы ни для согласования, ни для морфологически выраженного управления. Они целиком «морфологичны» в том смысле, что служат лишь для выражения значений частных категорий, но не для связей слов. Китайская агглютинация не противопоставлена изоляции, она и не соседствует с изоляцией, не сосуществует с ней в смысле разграничения сфер агглютинации и изоляции, а органически входит в нее.

Нарушение последовательной изоляции могло бы иметь место в случае развития падежной системы. Однако возможные кандидаты в падежные форманты-послелоги (из которых во многих языках развиваются падежные формы) в китайском языке отчетливо связаны со знаменательными словами и не обнаруживают тенденции к превращению в падежные формы. Развитие суффиксальной агглютинации в китайском языке не позволяет характеризовать этот язык как аморфный и корневой, однако не оказывает заметного влияния на его изолирующий характер.

Н. Ф. Алиева

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИНДОНЕЗИЙСКОЙ АГГЛЮТИНАЦИИ

Малайско-полинезийские языки имеют и агглютинацию, и признаки изолирующего, и элементы инкорпорирующего строя. Аффиксацию в этих языках рассматривают как агглютинативную. Действительно, в языках этой семьи (мы ограничиваемся ее западной, индонезийской ветвью) наблюдается ряд морфологических черт, рассматриваемых обычно как принадлежность агглютинации. Таковы в первую очередь морфологическая законченность корня, который материально совпадает с самостоятельно функционирующим словом, и моносемантизм аффиксов в рамках одного слова.

Первое — морфологическая законченность корня — подтверждается тем, что в индонезийском языке, как и в других, основу словарного запаса составляют корневые слова, в большинстве двухсложные, неразложимые на морфемы и функционирующие как самостоятельные слова в предложении:

Rumah *bapak* *saja* *ketjil*
'Дом' 'отец' 'я' 'маленький'
'Дом моего отца невелик';

Anak *lari* *dari* *andjing*
'Ребенок' 'бежать' 'от' 'собака'
'Ребенок убегает от собаки';

May *mga* *aklat* *ako* (тагальск. яз.)
'Иметь' (мн. ч.) 'книга' 'я'
'У меня есть книги'

Одним из основных средств словообразования и словоизменения является аффиксация. Словоизменительная аффиксация (в известных нам языках) имеет место только в пределах глагольной категории. Преимущественно используются префиксы, кроме них суффиксы и инфиксы, а также комбинации этих аффиксов друг с другом. Например, тагальск. корень *putol* 'резать' дает: *magputol* 'резать', *nagputol* 'резал,' *pumutol* 'резать', 'резал', *putulin* 'быть разрезанным' (инфинитив прямого пассива), *pagputulin* — инфинитив инструментального пассива, *pinagputol* — прош. время инструментального пассива.

Аффиксы четко выделяются в слове, не сливаясь ни с корнем, ни с другими аффиксами.

Каждый аффикс (в индонезийском языке за исключением одного—*ter*-), независимо от числа аффиксов в данном слове, моносемантичен; имеет также место моносемантизм комбинаций аффиксов, но отсутствует полисемантизм аффиксов (в рамках одного слова). Например, индонезийский корень *djatuh* 'упасть'

дает: *didjatuhkan* 'быть сброшенным' (*di-* — префикс страдательного залога, *kan-* — суффикс, образующий побудительный глагол); *kedjatuhan* 'подвергнуться падению (другого предмета)' (преф. *ke-* вместе с суффиксом *-an* образует форму пассива претерпевания).

Таким образом, по характеру отношений между аффиксом и корнем, — хотя эти отношения и проявляются здесь своеобразно, — и по моносемантизму аффиксов индонезийская аффиксация как будто может рассматриваться как аффиксация агглютинативного характера.

Вместе с тем индонезийская аффиксация обладает и рядом совершенно особых черт, которые агглютинации алтайского типа несвойственны, либо встречаются в алтайских языках как явления нехарактерные.

Рассмотрим особенности аффиксации индонезийского глагола. Для сравнения будем привлекать примеры из тагальского языка, родственного индонезийскому, но сильно отличающегося от него богатством и разветвленностью своей аффиксации.

1

Все основные глагольные аффиксы индонезийского языка — префиксы *me-*, *ber-*, *di-*, *ter-* и суффиксы *-i*, *-kan* — могут выступать в двух функциях.

Первая функция — словообразовательная: при помощи этих аффиксов образуются глаголы от именных корней, например:[1] преф. *ber-* — *berpikir* 'думать' (от *pikir* 'мысль'), *me-* — *membatu* 'окаменеть' (от *batu* 'камень'), *di-* — *digambar* 'быть нарисованным, изображенным' (от *gambar* 'картина'), *ter-* — *tersenjum* 'улыбнуться' (от *senjum* 'улыбка'), суфф. *-kan* — *putihkan* 'белить' (от *putih* 'белый'), *-i* — *kepalai* 'возглавлять' (от *kepala* 'голова').

Вторая функция — словоизменительная: аффиксы образуют формы глагола, выражающие синтаксические отношения между словами (в индонезийском языке функции словоизменения фактически ограничиваются выражением синтаксических отношений). Эти отношения охватывают связи сказуемого с подлежащим и дополнениями: префиксы указывают на отношения между подлежащим и сказуемым, а суффиксы — на различные отношения глагола к дополнению. Например:

преф. *me-* — *anak menulis* 'ребенок пишет' (действ. залог); *ber-* — *Amir bertjukur* 'Амир бреется' (здесь в качестве средн.

---

[1] Переводы даны в инфинитиве, хотя глаголы индонезийского языка выступают как в функции инфинитива, так и во всех функциях личных форм.

залога); *di-* — *Surat diterima* ‘письмо получено, получается’ (страд. залог); *ter-* — *Buku terbatja* ‘книга прочитана’ (страд. завершенн. залог);

суфф. *-kan* — *belikan anak* (*sepeda*) ‘купить сыну (велосипед)’, (*anak* — прямое дополнение); *tembakkan meriam* ‘стрелять из пушки’ (*meriam* — прямое дополнение); *-i* — *tembaki musuh* ‘стрелять по врагу’ (*musuh* — прямое дополнение); *kirimi ibu* (*surat*) ‘послать матери (письмо)’ (*ibu* — прямое дополнение).

В тагальском языке преф. *mag-*, инф. *-um-* от именной основы образуют глаголы, от глагольной же основы нового слова не образуют, а выражают лишь действительный залог, например: *maglingkod* ‘служить’ (от *lingkod* ‘служба’), *pumusod* ‘завязывать’ (от *pusod* ‘узел’), *magbasa* ‘читать’ (действ. залог, основа *basa* ‘читать’), *umalis* ‘уходить’ (действ. залог, основа *alis* ‘уходить’).

Как видно из приведенных примеров, самое непосредственное влияние на то, какую именно функцию — словообразовательную или словоизменительную — осуществляет аффикс в каждом конкретном случае, оказывают лексические и грамматические свойства корня. Как раз в этом аспекте аффиксация индонезийского языка пока изучалась очень мало, и обобщающие работы нам неизвестны. Но и без специального исследования легко заметить, что от существительных со значением места, направления и т. п. образуются непереходные глаголы с префиксом *me-*, типа *mendarat* ‘причаливать, приземляться’ (от *darat* ‘суша’); от существительных со значением орудия, средства образуются переходные глаголы с тем же префиксом *me-*: *menggergadji* ‘пилить’ (от *gergadji* ‘пила’), непереходные с префиксом *ber-*: *berbedil* ‘иметь ружье’ (от *bedil* ‘ружье’); от прилагательных и корневых глаголов образуются побудительные глаголы с суффиксом *-kan*: *putihkan* ‘белить’ (от *putih* ‘белый’), *mengadakan* ‘осуществлять’ (от *ada* ‘быть, иметься, существовать’).

Можно наметить еще ряд подобных лексико-грамматических разрядов слов, объединяя в них корневые элементы соответственно тому, как они соединяются с аффиксами.

С этими, пока еще не изученными систематически свойствами лексико-грамматических разрядов корневых слов связан тот единственный критерий, имеющий, в качестве субъективного, конечно, лишь относительную ценность, которым приходится пользоваться для практического разграничения процессов словообразования и словоизменения, а именно — критерий семантический: сопоставление значения производного слова со значением корневого, от которого оно образовано. При словообразовании от корня с неглагольным значением производится глагол — новое слово с новым лексическим значением. При сло-

воизменении глагол в о с п р о и з в о д и т с я как лексическая единица, но приобретает новые синтаксические свойства. В то же время нет никаких формальных признаков, которые позволили бы отличить аффиксацию словообразовательную от словоизменительной.

Таким образом, первая, на наш взгляд, основная особенность индонезийской глагольной аффиксации состоит в том, что одни и те же аффиксы, без каких-либо формальных различий, при присоединении к разным основам способны выполнять разные функции — формообразования и словообразования.

2

С названной основной особенностью связаны и другие. В индонезийских языках аффиксы, выполняющие словоизменительную функцию, так же непосредственно соединяются с корнем, как и при словообразовании, не требуя никакой промежуточной словообразовательной аффиксации. Это значит, что корень совпадает с основой, равен ей.

Например, в переходных глаголах *mentjarikan* ‘искать (для кого-л.)’, *mengirimi* ‘посылать (кому-л.)’ оба аффикса *me(n)-—kan*, *me(ng)-—-i* выражают синтаксические связи с подлежащим и дополнением; за вычетом аффиксов остаются чистые корни: *tjari*, *kirim*. Здесь эти корни равны основе; в известных условиях они могут выступать как самостоятельные слова, как нулевая форма.

3

В ряде случаев — в основном это касается существительных со значением орудия или средства — при прибавлении к слову префиксов действительного и страдательного залогов *me-* и *di-* изменяется его категориальная отнесенность (от существительного образуется глагол) и одновременно выражается частное грамматическое значение залога. Например: *paku* ‘гвоздь’, *memaku* ‘пригвоздить, прибить’ (‘прибиваю, -ешь, -ет, -ем’ и т. д.), *dipaku* ‘пригвожден, прибит’, ‘прибивается’; *traktor* ‘трактор’, *mentraktor* ‘пахать (пашу, пашешь, пашет, пашут) трактором’, *ditraktor* ‘пашется, вспахан, вспахать, вспахано, вспаханы трактором’.

Видимо, префикс в таких глаголах выполняет и словообразовательную и словоизменительную функции одновременно.

В кратком грамматическом очерке индонезийского языка А. С. Теселкина, приложенном к индонезийско-русскому словарю (М., 1961), сделана попытка отвергнуть тезис о двухфункциональности аффиксов в словах этой категории и объяснить

явление конверсией (стр. 1157). А. С. Теселкин высказывает мнение о том, что такие корневые слова, как *gambar* ‘картина’, *traktor*, *lawan* ‘противник’, *telepun* ‘телефон’, относятся одновременно и к именной и к глагольной категории. Чтобы аргументировать такой взгляд, следовало бы показать, что корневые слова *gambar*, *traktor*, *lawan* и т. п. обладают всеми теми глагольными свойствами, что и настоящие глагольные корни типа *beli* ‘покупать’, *lempar* ‘бросать’, *beri* ‘давать’. А. С. Теселкин этого не делает. Мне также не удалось получить достаточного числа необходимых доказательств. Поэтому я пока придерживаюсь высказанного выше положения о двухфункциональности аффиксов. Если обратиться к тагальскому языку, то в нем наблюдается такое же явление: с помощью залоговых аффиксов от существительного образуется глагол, например: *pala* ‘лопата’, *magpala* ‘копать лопатой’, *palahin* ‘быть выкопанным лопатой’, *gulat* ‘испуг’, *magulat* ‘испугаться’, *gulatin* ‘быть испуганным’.

4

В словообразовательном процессе индонезийских языков можно отметить следующую особенность. Некоторые аффиксы способны свободно соединяться со всеми словами (или корнями) определенной лексико-грамматической группы. Например, как говорилось выше, преф. *me-* образует переходные глаголы с любым существительным со значением орудия или средства: *memalu* ‘бить молотом’ (*palu* ‘молот’), *menguntji* ‘запирать’ (*kuntji* ‘ключ’), *membor* ‘сверлить’ (*bor* ‘бур, сверло’). С любым прилагательным преф. *me-* образует непереходный глагол, имеющий значение «находиться в состоянии данного качества, проявлять данный признак»: *memalu* ‘смущаться’, ‘краснеть’ (*malu* ‘смущенный’), *menghidjau* ‘зеленеть’ (*hidjau* ‘зеленый’), *mengiri* ‘ехать слева, налево’ (*kiri* ‘левый’).

Преф. *ber-* соединяется с самыми различными существительными, образуя глаголы со значением «иметь», «получать», «обладать»: *berumah* ‘иметь дом’, ‘жить в доме’ (*rumah* ‘дом’), *berkeluarga* ‘иметь семью’ (*keluarga* ‘семья’), *berkehendak* ‘желать’, ‘стремиться’ (*kehendak* ‘желание’). Подобную же роль играет тагальский преф. *magka-*: *magkabahay* ‘заиметь дом’ (*bahay* ‘дом’), *magkaanak* ‘заиметь ребенка’ (*anak* ‘ребенок’).

Таким образом, с помощью средств словообразования слово может занять в предложении место глагольного сказуемого, получить синтаксические связи, не свойственные ему без аффикса. При этом бросаются в глаза свобода, универсальность такой аффиксации, сохранение корнем своей самостоятельности

в составе производного слова; эти черты словообразовательного процесса очень напоминают формообразование.

Об относительности, расплывчатости граней между формообразованием и словообразованием говорит еще одно явление. В ряде случаев пары соотносительных или противопоставленных по аффиксу производных от одного корня, напоминающие словоизменительную парадигму, в строгом смысле слова не являются таковой. Например:

djauhkan 'отдалять'
djauhi 'отдаляться (от чего-л.)' } корень *djauh* 'далекий'
marahkan 'злить'
marahi 'сердиться (на кого-л.)' } корень *marah* 'сердитый'

Таких пар имеется много, образование их вполне регулярно, но это не словоизменительная парадигма: суфф. *-kan* здесь исполняет чисто словообразовательную функцию, образуя побудительный глагол от прилагательного, а суфф. *-i* выполняет синтаксическую функцию, указывая на связь с объектом.

5

Мы указали на несколько черт индонезийской глагольной аффиксации. Эти черты говорят о тесном сплетении процессов аффиксального словообразования и словоизменения в этих языках, об отсутствии формальных различий между названными процессами. Одни и те же аффиксы могут выполнять и словообразовательные и словоизменительные функции. Явления такого рода встречаются и в языках с агглютинацией алтайского типа, но лишь как единичные, случайные. В индонезийском и родственных ему языках эти явления носят характер всеобщности, закономерности. Такой особый характер индонезийской аффиксации связан как со свойствами самих аффиксов, так и со свойствами корня, который способен выступать и как основа и как самостоятельное слово.

Как было сказано выше, индонезийским языкам свойственны такие признаки агглютинации, как материальное совпадение корня со словом и моносемантизм аффиксов в составе данного слова. Если эти два признака считать достаточными для отнесения языка к агглютинативному типу, то можно рассматривать малайско-полинезийские языки, по крайней мере их западную, индонезийскую ветвь, как агглютинативные. Однако в этих языках мы имеем дело, по-видимому, с агглютинацией особого типа, представляющей очень значительные отличия от агглютинации алтайского типа.

Г. П. Мельников

О ВЗАИМООТНОШЕНИИ АГГЛЮТИНАЦИИ И СИНГАРМОНИЗМА

В докладе Б. А. Серебренникова есть указание на то, что сингармонизм является одним из факторов, способствующих сохранению устойчивости агглютинативных языков.[1]

В своем сообщении мне хотелось бы, во-первых, отметить основные точки зрения на связь сингармонизма с агглютинацией и, во-вторых, показать, на чем основаны аргументы, которые обычно приводятся для того, чтобы показать несвязанность сингармонизма с агглютинацией.

Какова функция сингармонизма в языке? На этот счет существует много различных точек зрения.

Некоторые лингвисты считают неправильным сам вопрос о функции сингармонизма (и прежде всего гармонии гласных) и считают сингармонизм явлением фонетическим, физиологическим, артикуляционным.

Но существует и другая точка зрения, высказанная еще в свое время В. В. Радловым, И. А. Бодуэном-де-Куртенэ и Н. С. Трубецким и в настоящее время имеющая большое количество сторонников, например, в лице А. К. Боровкова, А. А. Реформатского, Ф. А. Кязимова, А. Е. Супруна и других.

Сущность этой точки зрения заключается в том, что сингармонизм рассматривается как средство фонетического оформления слова, состоящего из слабосклеенных морфем агглютинативного языка. Некоторое согласование гласных в аффиксах с составом гласных корня служит средством сохранения информации о том, к какому корню присоединен аффикс даже в том случае, когда он значительно удален от корня в аффиксальной цепочке, и благодаря этому слова оказываются разграниченными в потоке речи.

Отсюда следует заключение, что сингармонизм нужен тогда, когда возникает особо сильная потребность найти средства оформления слова в едином монолитном комплексе и разграничения их в речевом потоке, а это бывает тогда, когда иными средствами, несингармоническими (например, с помощью фузии), язык воспользоваться не может, число же морфем в слове велико. Именно такое положение находим мы в агглютинативных языках, и именно там наблюдаем мы явление гармонии гласных.

Кроме того, в случае инкорпорации также возможна подобная ситуация. Факты наличия сингармонического согласования морфем в комплексах, соединенных по способу инкорпорации

---

[1] См. здесь, стр. 13—14.

(например, в чукотско-камчатских языках), подтверждают этот вывод.

Таким образом, следует ожидать, что в тех языках, где агглютинативные способы соединения морфем начинают вытесняться другими способами, например фузионными, должна наблюдаться утрата сингармонизма. Это предположение также находит подтверждение: ряд финно-угорских языков приобрел многие черты флективного строя (например, мордовский, эстонский языки), в них развилась фузия и частично или полностью исчез сингармонизм.

Следовательно, внутренняя связь сингармонизма с агглютинацией очевидна: не существует языков неагглютинативного типа, в которых развит сингармонизм.

Но из этого утверждения никак логически не следует обратное — что агглютинативный язык должен обязательно иметь явно выраженный сингармонизм. Однако именно таким образом, на основании неправомерности обратного утверждения, обосновываются обычно опровержения первого тезиса. Например, В. А. Богородицкий, указав на наличие японского языка и языков банту, которые считаются агглютинативными, но не имеют сингармонизма, отказался от попытки найти связь между сингармонизмом и агглютинацией.

Однако если не забывать о функциональной роли сингармонизма в языке, о которой мы упоминали, то станет ясно: хотя сингармонизм развивается при агглютинации, но агглютинация, если она пользуется какими-либо другими (кроме сингармонических) средствами оформления слов, вполне может обойтись без сингармонизма. Для доказательства этого остановимся на большой группе агглютинативных африканских языков — языках банту.

В банту практически нет сингармонизма. Какие же особенности позволяют этим языкам создавать единооформленность морфем или подчеркивать границы между словами? Ответ на это дает не столько фонетическая, сколько грамматическая структура языков банту. Как известно, в противовес слабой дифференциации имен в таких языках, как урало-алтайские, языки банту в пределах категории существительных имеют большое число классов, причем морфологически эти классы оформляются с помощью специальных морфем (классных показателей), которые присоединяются как к существительным, так и к согласующимся с ними другим словам в предложении.

Обычно в грамматиках подчеркивается именно синтаксическая роль классных показателей. Но немаловажна их роль и как словоразделительных элементов, т. е. пограничных знаков в агглютинативном слове. Таким образом, предложение в суахили в значительной мере расчленено на слова с помощью классных показа-

телей, и совершенно естественно, что при такой структуре языка он в принципе не нуждается в сингармоническом оформлении слов. И наоборот, отсутствие сингармонизма содействует сохранению системы классного деления существительных, хотя во многих случаях реальные объекты не имеют никаких внешних признаков, по которым на современной стадии языка их следовало бы относить к определенному классу.

Если взглянуть с этих позиций на русский язык, то и в нем мы видим логически неоправданное деление на грамматические роды и навязывание морфологических признаков рода согласующимся словам.

Эти особенности, наряду с внутренней флексией, фузией и т. п., обеспечивают русский язык набором различных средств словоразделения и делают ненужным для него сингармонизм, несмотря на заметное значение агглютинативных способов в русской морфологии.

В других европейских языках ослабление фузионных средств содействовало, в частности, развитию артиклей, роль которых мало чем отличается от роли классных показателей в суахили.

Чтобы еще понятнее стала роль «бессмысленных» классных показателей, рассмотрим один интересный факт из практики передачи информации звуковыми, хотя и не явно языковыми средствами. Речь будет идти о кодах азбуки Морзе, предназначенных для приема на слух. Значительная доля передач такого рода производится не «открытым текстом», т. е. не побуквенным формированием слов какого-либо языка, а с помощью кодов, состоящих из комбинаций букв и цифр азбуки Морзе и составляющих «словарь» некоего искусственного языка. Эти «слова», предназначенные для передачи большого числа наиболее часто встречающихся терминов, фраз и выражений, радист-слухач знает на память. В практике радиосвязи существуют международные так называемые «ку-код» и «зет-код». Особенность этих кодов заключается в том, что несмотря на сравнительно небольшое количество знаков Морзе в каждой кодовой посылке, т. е. «слове», любое слово начинается обязательно с буквы *q* или *z*, не имеющих, с точки зрения смысла, никакого значения и только удлиняющих слово. Тем не менее любой радист-слухач запротестовал бы против предложения выбросить эти, якобы лишние, обязательно начальные буквы из «слов» кода.

Причина этого заключается в том, что «бессмысленные» *q* и *z* в начале слова нужны радисту, так как его слуховой аппарат может настроиться на них и тем самым радист получает возможность улавливать начало каждого «слова» и правильно понимать его значение, заключенное в остальной части «слова», даже при

высоком уровне помех, внешних и внутренних, таких, например, как утомленность.

Как утверждают радисты-практики, сигналы «ку-кода» и «зет-кода» можно принимать даже в полудремотном состоянии с малым количеством ошибок, тогда как открытый текст в этих случаях совершенно не улавливается.

Таким образом, буквы *q* и *z* являются не чем иным, как своеобразными классными показателями языка радистов-слухачей, и в этом смысле практика звуковой радиосвязи пошла по «африканскому» пути словоразграничения.

Можно представить линию радиосвязи и с «тюркским» «сингармоническим» способом разделения слов. Например, можно было бы сделать устройство, которое переключало бы передатчик, поочередно изменяя тембр звучания передаваемых слов. Однако этот путь технически менее надежен, так как он потребовал бы от радиста улавливать не только наличие «точки» или «тире» знаков Морзе, но и различать их тембр, что при ничтожной расстройке аппаратуры было бы очень затруднительно или даже невозможно.

Сказанного, должно быть, вполне достаточно, чтобы убедиться, как чисто агглютинативный язык может прекрасно обходиться без сингармонизма, если в нем развита, например, морфологическая система классных показателей и согласование слов с помощью этих показателей.[2]

Поэтому было бы очень интересно и важно приступить к планомерному изучению средств создания пограничных сигналов слов в различных системах (ярусах) языка. Это углубило бы наши представления как о взаимосвязи различных ярусов языка (фонематического, морфологического и синтаксического), так и о самих понятиях агглютинации, инкорпорации, флексии и т. п., без чего невозможна научная морфологическая классификация языков.

---

[2] Тем не менее необходимо отметить, что в некоторых языках банту, например в суахили и ганда, есть следы сингармонизма, однако сфера его проявления чрезвычайно узка: подвергаются ассимиляции гласные только небольшого числа глагольных суффиксов. Интересно в связи с этим напомнить, что в тюркских языках, которые перестают быть сингармоническими, дольше всего сингармонизм удерживается именно в глагольных аффиксах.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Предисловие редакторов 3

Сокращения 6

Б. А. Серебренников. Причины устойчивости агглютинативного строя и вопрос о морфологическом типе языка 7

О. П. Суник. Вопросы типологии агглютинативных языков (К проблеме соотношения агглютинации и флексии) 26

А. А. Реформатский. Агглютинация и фузия как две тенденции грамматического строения слова 64

С. Е. Яхонтов. О морфологической классификации языков 93

Н. В. Охотина. К вопросу о морфологической классификации языков (по материалам языков банту) 100

А. В. Десницкая. К вопросу о взаимоотношении агглютинации и флексии 103

С. Д. Кацнельсон. О понятии морфологического типа языка 107

В. Н. Ярцева. О принципах определения морфологического типа языка 109

А. К. Боровков. Агглютинация в тюркских языках 116

Н. А. Баскаков. Порядок и иерархия аффиксов в основе слова в тюркских языках 121

Э. Р. Тенишев. О связи гармонии гласных с агглютинацией в тюркских языках 128

Т. А. Бертагаев. Чередование фонем и сингармонизм в агглютинативных языках 131

В. И. Цинциус. Порядок и иерархия аффиксов в агглютинативных языках (по материалам языков тунгусо-маньчжурской группы) 141

К. Е. Майтинская. Образование и классификация суффиксов в агглютинативных языках (на материале финно-угорских языков) 154

Н. М. Терещенко. К проблеме соотношения агглютинации и флексии в самодийских языках 164

В. В. Сенкевич-Гудкова. Особенности агглютинации в саамском языке (на материале склонения существительных нотозерского диалекта) 170

Е. А. Крейнович. О модели глагола в кетском языке с основой в конце слова 177

Г. А. Меновщиков. Моносемия суффиксов в языке азиатских эскимосов 198

Н. М. Емельянова. Об агглютинации в эскимосском языке 205

М. А. Кумахов. К проблеме агглютинации в абхазско-адыгских языках 217

И. О. Гецадзе. К проблеме значения аффиксов в агглютинативных языках (по материалам иберийско-кавказских языков) 220
П. Я. Скорик. О соотношении агглютинации и инкорпорации (на материале чукотско-камчатских языков) 225
А. Н. Жукова. Агглютинация и сингармонизм в языках чукотско-камчатской группы 238
И. И. Мещанинов. Агглютинация и инкорпорирование 245
А. П. Володин. Некоторые особенности агглютинации в личных формах ительменского глагола 246
П. И. Инэнликэй. О роли агглютинативной аффиксации в чукотском языке (Морфологическая структура наречий) 258
Л. Б. Никольский. О второй стороне агглютинации 264
Н. А. Сыромятников. Есть ли в японском языке основный падеж? 271
И. Ф. Вардуль. О природе японских «ганио» 278
Н. В. Солнцева, В. М. Солнцев. К вопросу об агглютинации в современном китайском языке 283
Н. Ф. Алиева. Некоторые особенности индонезийской агглютинации 292
Г. П. Мельников. О взаимоотношении агглютинации и сингармонизма 298

Морфологическая типология и проблема классификации языков

Утверждено к печати
Институтом языкознания
Академии наук СССР

Редактор Издательства *А. А. Зырин*
Художник *Д. С. Данилов*
Технический редактор *О. А. Можеева*
Корректоры *И. С. Дементьева*, *Э. В. Коваленко*
и *Н. М. Медведева*

Сдано в набор 24 сентября 1964 г. Подписано к печати 18 декабря 1964 г. РИСО АН СССР. № 5—168 В. Формат бумаги 60×90¹/₁₆. Бум. л. 9¹/₂. Печ. л. 19 = 19 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 19.89. Изд. № 2365. Тип. зак. № 960. Тираж 1600. ТП 1965 г. № 262. *Цена 1 р. 29 к.*

Ленинградское отделение издательства «Наука»
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. издательства «Наука». Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

1

1 р. 29 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
« НАУКА »